

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.В. Карпов, А.С. Петровская

**Психология
эмоционального интеллекта:
теория, диагностика, практика**

Ярославль 2008

УДК 159.9
ББК Ю 935
К 25

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2008 года*

Рецензенты:

лаборатория системных исследований психики Института психологии РАН;
доктор психологических наук, профессор Е.А. Сергиенко

Карпов, А.В. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика: монография / А.В. Карпов, А.С. Петровская; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2008. – 344 с.
К 26 ISBN 978-5-8397-0638-5

В работе представлены результаты теоретических и эмпирических исследований эмоционального интеллекта как фактора процессуальных характеристик и результативных параметров управленческой деятельности. Дан анализ истории и современного состояния проблемы эмоционального интеллекта в контексте общепсихологической проблемы взаимосвязи интеллекта и аффекта. Предпринята попытка разработки нового – процессуально-операционного – подхода к раскрытию психологической природы эмоционального интеллекта на основе концепции метапроцессуальной регуляции профессиональной деятельности. Всесторонне охарактеризованы основные психодиагностические методики изучения эмоционального интеллекта – MSCEIT и Bar-On, а также разработаны их русскоязычные версии, впервые адаптирующие их к условиям российских реалий. Установлено и эмпирически доказано значимое влияние эмоционального интеллекта на стиль и эффективность управленческой деятельности, а также раскрыты конкретные закономерности этого влияния, имеющего в целом позитивный характер. Раскрыта определяющая роль эмоционального интеллекта в выборе эффективных «стратегий совладания» в управленческой деятельности. Предложена новая оригинальная методика диагностики общеуправленческих стилей деятельности.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, научных работников, преподавателей психологии, специалистов в сфере научной организации труда и управления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда; № проекта 06-06-00103а.

УДК 159.9
ББК Ю 935

© Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова, 2008

ISBN 978-5-8397-0638-5

Введение

Последнее десятилетие ознаменовано динамичным развитием конструкта «эмоциональный интеллект». Дифференциация данного феномена в общем понятийном аппарате психологии объективно обусловлена в основном необходимостью исследования эмоционально-аффективных составляющих в структуре психики во взаимосвязи с когнитивными процессами и свойствами, механизмов их функционирования, а также их роли в регуляции профессиональной деятельности.

Концепция эмоционального интеллекта (далее мы будем использовать аббревиатуру ЭИ), возникшая в начале 1990-х гг., отражает идею единства аффективных и интеллектуальных процессов. Формирование данной концепции, представляющей ЭИ как интегральное психическое образование, является, в сущности, логическим этапом гносеологической эволюции психологической науки. В широком смысле к ЭИ относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; причем имеются в виду, как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей [209].

Вместе с тем понятие «ЭИ», равно как и концептуальные взгляды относительно него, нередко подвергаются критике со стороны многих ученых. Одна из причин этого – отсутствие единого, общепризнанного понимания данного конструкта. Каждый исследователь, тренер, консультант транслирует свое собственное его понимание на природу ЭИ, которое часто может не вполне соответствовать другим позициям.

Профессиональное психологическое сообщество до сих пор не может прийти к общему мнению относительно содержания ЭИ. Согласно некоторым наиболее радикальным позициям, выделение данного конструкта является искусственным, надуманным. Например, ряд ученых считает, что понятие «социальный интеллект» практически идентично по содержанию эмоциональному интеллекту или же входит в него как «парциальный» компонент.

Перед конкретным исследованием ЭИ, таким образом, стоит крайне сложная задача: среди всего многообразия его концепций выбрать именно ту, которая в наибольшей степени отражает существование реальности, находящейся на стыке аффективного и интеллектуального.

Исследование, описанное в данной книге, посвящено раскрытию закономерностей влияния эмоционального интеллекта на управленческую деятельность.

В настоящее время в психологии труда все бóльшая роль отводится изучению субъект-субъектных видов деятельности. В отличие от субъект-объектного типа деятельности, где предметом выступает «неодушевленный» объект, в субъект-субъектном типе им является личность, точнее, несколько личностей, ряд субъектов, причем, как правило, закономерно организованных. Однако приходится считаться с тем, что теория деятельности разработана в основном на материале субъект-объектных видов деятельности. Необходимость ее обогащения посредством включения в нее более сложных, субъект-субъектных видов деятельности обусловлена закономерным и все более явным их распространением; развитием теории от более простых форм к более сложным. Разработка психологической теории деятельности на базе субъект-субъектных видов деятельности в значительно большей степени отвечает реальной сложности мира человеческой деятельности.

Управленческая деятельность, представляет собой один из наиболее сложных и психологически репрезентативных видов деятельности субъект-субъектного типа. Характерные для менее сложных видов деятельности закономерности и процессы представлены в ней с наибольшей полнотой, развернутостью. Включение в сферу психологического анализа управленческой деятельности создает адекватные предпосылки для перехода от частной к общей психологической теории деятельности [69].

Управление в широком смысле, как известно, представляет собой систему мер, направленных на определение целей, стоящих перед данным производственным звеном, разработку и осуществление действий, на организацию коллектива для достижения этих целей и, что очень важно, его мотивирование, на планомерное сочетание труда индивидов, на повышение профессионально-

го уровня кадров и их социально-культурного уровня. Многомерность и многоплановость управленческой деятельности требует, естественно, сложнейшей ее регуляции, включения целого комплекса процессов и свойств.

Одним из ключевых аспектов исследования субъект-субъектных видов деятельности является изучение рефлексивных механизмов, а также ЭИ. В последнее десятилетие концепция ЭИ как альтернативы традиционного интеллекта стала широко известной в психологической науке [92, 175, 185]. Многие сторонники данной концепции полагают, что эмоциональный интеллект играет существенную роль в успешности управленческой деятельности. Например, некоторые исследователи считают, что коэффициент эмоционального интеллекта (EQ) имеет бóльшую прогностическую ценность, чем IQ [186, 187, 241].

В последние годы наметился определенный прогресс в формировании теоретических основ ЭИ, но по-прежнему остается достаточно много серьезных трудностей. Прежде всего, это касается определения самого понятия ЭИ. Точки зрения разных авторов по данному вопросу пересекаются лишь частично; многие аспекты четко не сформулированы; иногда понятие ЭИ трактуется чрезмерно широко. Существование двух типов моделей ЭИ (смешанных и моделей способностей) приводит к разным подходам к его измерению, причем эти подходы дают результаты, не согласующиеся друг с другом [92, 102, 211]. Остается неясным, на каких когнитивных процессах основывается ЭИ и какую роль он играет в адаптации человека к окружающему миру.

В классической психологии менеджмента подчеркивается важность эмоционально-волевой регуляции управленческой деятельности. В литературе постоянно акцентируется внимание на эмоциогенном характере этого вида деятельности, вызванном стрессогенностью, высокой степенью ответственности, интенсивными межличностными отношениями, что в своей совокупности требует эффективной эмоционально-волевой регуляции [59, 60]. В силу этого при дифференциации профессионально-важных качеств руководителя (ПВК) большинство авторов обязательно выявляют свойства, в той или иной степени соотносящиеся с эмоциональными компонентами. К ним относятся, в частности, сле-

дующие свойства: эмоциональная сдержанность, эмоциональная уравновешенность, эмпатия, экспрессивная сензитивность, «действенность» (понимаемая как способность «увлечь за собой людей» и активизировать их деятельность, найти наилучшие средства эмоционально-волевых воздействий и правильно выбрать момент их применения), коммуникативные управленческие способности, включающие способности управлять собственными эмоциями в общении и т.п. [13, 37, 43, 85, 87, 95, 99, 109, 115, 143]. При анализе литературы прослеживается достаточно характерная особенность – основные компоненты ЭИ в разрозненном виде присутствуют в различных классификациях ПВК руководителя.

Вместе с тем теоретические предположения в подавляющем большинстве случаев не сопровождаются эмпирическими и тем более экспериментальными исследованиями ЭИ как детерминанты профессиональной деятельности. Кроме того, как известно, в организационной психологии долгое время превалировала когнитивная ориентация, для которой характерен явно недостаточный уровень изучения влияния эмоций на деятельность и их рассмотрение как негативно влияющих на рациональность процесса принятия решений.

Актуальность основной проблемы данной книги в существенной степени обусловлена и практически полной неразработанностью концепции ЭИ в *отечественной* психологии. В настоящее время в нашей стране почти не проводятся экспериментальные исследования ЭИ. Несмотря на имеющиеся за рубежом разнообразные профессиографические методики, направленные на диагностику ЭИ, отсутствует их перевод на русский язык и главное – адаптация к российским реалиям. Модели ЭИ, их практическое применение и психодиагностические методики нуждаются в силу этого в верификации с учетом специфики отечественного менеджмента.

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы определяется как тенденциями развития научного познания, так и существующими потребностями социальной практики. Изучение ЭИ – это важная теоретическая и практическая задача, требующая специального и интенсивного исследования.

В силу всего вышеизложенного *основная цель* исследования, представленного в данной работе, заключается в раскрытии закономерностей влияния ЭИ на результативные параметры и процессуальные характеристики управленческой деятельности. Она конкретизировалась в следующих, более частных, задачах:

– в теоретическом анализе проблемы ЭИ в общей психологии и в психологии управления;

– в психометрической верификации и апробации наиболее важных методик на измерение уровня выраженности ЭИ (тест MSCEIT и опросник Bar-On EQ-i);

– в разработке авторской методики опросного типа, позволяющей определить основные общеуправленческие стили деятельности;

– в проведении эмпирического профессиографического исследования взаимосвязи ЭИ с результативными параметрами управленческой деятельности;

– в проведении эмпирического деятельностно-аналитического исследования взаимосвязи ЭИ с процессуальными характеристиками управленческой деятельности;

– в проведении эмпирического исследования взаимосвязи ЭИ с моделями и стратегиями совладания в управленческой деятельности.

В заключение считаем своим приятным долгом сказать и еще об одном. В ходе работы над книгой мы контактировали с рядом ученых, общение с которыми было очень ценным, за что мы им искренне благодарны. Это, прежде всего, Л.И. Анцыферова, В.А. Барабанщиков, В.А. Бодров, А.Л. Журавлев, Д.Н. Завалишина, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, Н.Н. Мехтиханова, В.И. Морсанова, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков. Благодарим также своих аспирантов и сотрудников за помощь в сборе и обработке эмпирического материала. Особая благодарность Т.А. Корнеевой за ту большую работу, которую она выполнила при подготовке рукописи монографии к изданию.

Глава 1

Эмоциональный интеллект

как предмет психологического исследования

Проблема взаимосвязи когнитивной и эмоционально-аффективной сфер психики является одной из самых сложных и важных в психологической науке. Хотя ее история берет начало в Античности, тем не менее она не потеряла своей актуальности и сегодня. В современной науке данная проблема обрела форму конструкта «эмоционального интеллекта», исследованию которого посвящена данная работа.

Перед исследователями проблемы отношения интеллекта и эмоций стоит, естественно, задача анализа имеющихся литературных данных по данной теме. Такой анализ должен включать как обзор работ в философский период развития психологии, так и современные представления о проблеме. Помимо этого необходимо оценить имеющиеся эмпирические исследования и прикладные аспекты этого вопроса. Логика изложения материала должна соответствовать историческому контексту самой психологической науки. Так, Г. Эббингауз в конце XIX – начале XX вв. сформулировал важное в данном контексте положение: «У психологии огромная предыстория и очень короткая история» (цит. по [126]). В данной главе первый раздел посвящен обзору проблемы на доисторическом этапе развития психологии в русле философии начиная с Античности.

Во второй части главы дано описание взаимосвязи аффективной и когнитивной сфер в рамках современной психологии. Данная проблема имеет три этапа в своем развитии. Во-первых, хронологически первым явилось изучение этой темы в русле психологии мышления в конце XIX – начале XX вв., а позже начиная с 1920-х гг. – в рамках психологии интеллекта. В дальнейшем отечественные психологи в 1980-х гг. эмпирически исследовали роль эмоций в мышлении. На втором этапе развития про-

блемы исследователи сосредоточили внимание на влиянии эмоций на когнитивную сферу (теории М. Арнольд, Р. Лазаруса, С. Шехтера, А. Эллиса). На третьем, интегративном, этапе проблема приобретает новый ракурс изучения в рамках метакогнитивной психологии. Своеобразный синтез этих аспектов, этапов воплощен в истории возникновения и формирования конструкта «ЭИ», а также в проблеме методов его измерения и применения на практике.

1.1. Развитие проблемы взаимосвязи интеллекта и эмоций

Первоначально психология развивалась, как известно, в рамках философского знания. Собственно психологическая проблема взаимоотношения разума и чувств также сначала рассматривалась философами начиная с эпохи Античности. И хотя систематического конкретно-научного исследования данной проблемы в этот период, разумеется, не предпринималось, тем не менее в трудах выдающихся философов (в том или ином контексте) затрагивался и достаточно глубоко анализировался вопрос о соотношении эмоций и интеллекта. С целью экспликации фактических данных, содержащихся в философских работах, а также для обоснования методологической основы данного исследования, представляется целесообразным провести краткий анализ философской литературы, в которой прослеживается путь от некоторых ранних воззрений по этому вопросу до современных трактовок рассматриваемой проблемы.

Философам Античного мира принадлежит деление души на три части – желательную, страстную и умственную. Так, в частности, Платон относил умственные удовольствия и страдания к чистым, высшим, не имеющим ничего общего с низшими, вытекающими из удовлетворения потребностей организма. Таким образом, у истоков разработки проблемы изначально намечается отрыв умственной сферы и присущих ей «интеллектуальных волнений» от потребностно-мотивационной сферы человека.

По существу, близок к этой позиции и Аристотель, который указывал, что «самый процесс познания независимо от внешних практических побуждений, с которыми он может быть и не быть связан, самое исследование теоретической истины составляет источник очень сильных эмоций» [4]. Далее, несмотря на это, Аристотель отводил эмоциям весьма существенную роль в индивидуальном познании. Другие философы древности еще не выделяли чувства в особую сферу психической жизни и объединяли их с интеллектуальными процессами. Относительно этого периода в истории психологии отмечается, что «аффективная жизнь получила меньшее значение и являлась в целом подчиненной мышлению» [121].

Дальнейшая разработка анализируемой проблемы осуществлялась в основном в русле гносеологии. Так, в XVII в. была предпринята попытка определения места чувств и разума в познании. При этом выделяются два основных направления: эмпиризм – направление в теории познания, которое признает чувственный опыт как единственный источник знаний, и рационализм, который выдвигает на первый план логические основания науки, признает разум основным источником познания и критерием его истинности.

Главным представителем рационализма того времени является Р. Декарт. Суть рационалистического метода Р. Декарта сводится к двум основным положениям. Во-первых, в познании следует отталкиваться от некоторых интуитивно ясных, фундаментальных истин; иначе говоря, в основе познания, по Р. Декарту, должна лежать интеллектуальная интуиция – это твердое и отчетливое представление, рождающееся в здоровом уме посредством воззрения самого ума, настолько простое и отчетливое, что оно не вызывает никакого сомнения. Во-вторых, разум должен вывести из этих интуитивных воззрений на основе дедукции все необходимые следствия. Дедукция – это такое действие ума, посредством которого из определенных предпосылок делаются определенные заключения, получаются закономерные следствия. Дедукция, по Р. Декарту, необходима потому, что вывод не всегда может представляться ясно и отчетливо. К нему можно прийти лишь через постепенное движение мысли при ясном и отчет-

ливом осознании каждого шага. С помощью дедукции мы неизвестное делаем известным [39].

Развитие этой методологии мы находим в работах нидерландского философа Б. Спинозы. Он, равно как и Р. Декарт, является сторонником рационализма. С содержательной стороны рационализм Б. Спинозы представлен в развитой им трактовке процесса познания. Он резко противопоставляет чувственные представления, называемые им воображением, пониманию. Чувственное представление образует, по Б. Спинозе, первый, низший род знания. Оно слагается из двух способов восприятия. Первый из них Б. Спиноза именует смутным или беспорядочным опытом. Этот опыт охватывает наиболее широкую сферу человеческой жизни, поскольку без такого опыта не может обойтись ни один человек. Однако теоретическая ценность истин, или идей, как называет их Б. Спиноза, достигаемых в опытном знании, невелика. Б. Спиноза объясняет ограниченность опытного знания тем, что опыт не обладает всеобщностью и необходимостью [136].

Достоверное знание возможно только на стадии рассудка и разума, составляющей второй вид познания. Деятельность рассудка связана с оперированием общими понятиями. Противопоставляя две формы познания (чувственную и рациональную), Б. Спиноза проводит четкое различие и между инструментами, которыми они оперируют. Результаты чувственного познания (чувственные представления) имеют очень сложный состав, поскольку природу внешних тел они неизбежно отражают сквозь призму восприятия человеческого тела. В итоге этого способа познания идеи о состоянии внешних тел оказываются причудливо спутанными с идеями о состоянии собственного тела человека. В такого рода идеях объективное невозможно отделить от субъективного. Отсюда проистекает сугубо индивидуальный характер чувственных идей.

Общие же понятия отражают объективные свойства самих вещей. Таким образом, если эмпирик Ф. Бэкон всегда подчеркивал чувственное содержание идей [24], то рационалист Б. Спиноза делает акцент на их логическую природу. Рациональный вид познания, по его мнению, это дедуктивный способ выведения истин из исходных посылок. Только логическая связанность, сис-

темность рассуждений способны привести человека к адекватному знанию.

Вершиной достоверного знания является интуиция. По своему происхождению и функционированию, т.е. в процессе своей деятельности, интуиция, согласно Б. Спинозе, связана с дедуктивным способом познания. По его мнению, такие абсолютно бесспорные суждения совершенно не зависят от эмпирического обобщения, полного случайностей и противоречий, и спасают от всякого субъективизма. Они сами в себе содержат критерий истинности, и «как свет обнаруживает и самого себя и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи» [136].

Итак, для философов Нового времени характерно противопоставление эмоций и разума, что стало традиционным для мыслителей на несколько последующих столетий. Мыслители отмечали взаимосвязь интеллекта и эмоций, которая проявляется, прежде всего, как доминирование мыслительных функций над аффективной сферой. Рационалистический взгляд на интеллект как высшее образование по отношению к чувствам оказался явно превалирующим в философии, а в дальнейшем и в психологии.

Установки рационализма продолжают оказывать свое влияние на развитие философского процесса и в XX в. Ярким примером такого влияния являются различные школы «философии науки» [145]. Однако к середине XIX в. в развитии западноевропейской философии происходит серьезный «сдвиг» – на передний план выступают иррационалистические концепции [16, 104, 121]. Их определяющее влияние на историко-философский процесс ощущается и на протяжении всего XX в.

В иррационализме переоцениваются рационалистическая концепция отношения человека к окружающей действительности, изменяется представление о смысле, цели и назначении человеческой деятельности и познания, пересматривается сам способ истолкования человеческого мышления и сознания [145]. Если рационализм мистифицирует рационально-целесообразные формы человеческой активности, то в иррационализме духовное отождествляется со спонтанным, бессознательными импульсами, эмоционально-волевыми и нравственно-практическими структурами субъекта. Все формы рационального, целесообразного от-

ношения к миру объявляются в иррационализме производными от первоначальной, досознательной основы. Непосредственно переживаемая действительность является иррациональной. Чувственная эмоциональная жизнь людей объявляется иррациональной, потому что она непосредственно не зависит от разумного усмотрения.

С отрицанием законообразности и причинной обусловленности в иррационалистических учениях тесно связано отрицание как познавательной, так и деятельно-преобразовательной активности субъекта [4]. Теоретико-познавательному и реально-преобразовательному отношению к миру, выраженному в системах рационализма, иррационализм противопоставляет нравственно-практический. Свои усилия иррационалисты направляют, прежде всего, на выработку эмоционально-нравственных установок, служащих для ориентировки человека в межличностных ситуациях [121]. На смену субъектно-объектным отношениям, характерным для рационализма, иррационализм выдвигает субъектно-субъектные отношения. Человек рассматривается, главным образом, как субъект общения (коммуникации).

В философской теории иррационализм противопоставляет гносеологическому подходу рационализма аксиологический. Поскольку активность субъекта с точки зрения иррационализма проявляется не в познавательной и не в реально-преобразовательной, а в нравственно-оценочной деятельности, поскольку снимается проблема объективности познания и заменяется проблемой оценивания мира с точки зрения условий бытия в нем личности. Понять же истинную ценность того или иного явления, рассуждают иррационалисты, может только человек. Человека отличает от животного не разум, не способность к понятийному мышлению, а, прежде всего, способность к нравственной оценке. Человек – это не бесстрастно-теоретическое существо, а субъективно-заинтересованное в целях и задачах своей деятельности, поэтому наиболее важными для него являются ответы на вопросы не «что это такое?», а «что означает эта вещь?», «какой цели она служит?». Таким образом, человек становится мерилем всего бытия, а гносеологический подход уступает место аксиологическому, в основе которого лежат установки антропологизма [4].

При решении гносеологических проблем решающее значение в иррационализме придается субъективно-психологическим под-сознательным факторам человеческого познания. Отсюда вытекает главная особенность иррационалистической гносеологии, которая заключается в отрицании способности понятийного мышления адекватно отражать действительность и противопоставляющая ему в качестве наиболее адекватных средств постижения сущности реальности: интуицию, веру и т.д. В результате такого подхода в наиболее крайних формах иррационализма традиционные онтологические и гносеологические понятия вытесняются другими или получают новое истолкование. На передний план выступают понятия, которые, по самой своей природе, не могут дать образов внешнего мира, а лишь отражают субъективные переживания личности: страх, отчаяние, тоска, забота, любовь, причастность и т. д. [104].

При создании философской системы рационализму свойственно стремление «снять все иррациональные *остатки*» (последнее слово термин рационализма, выделенно нами – А.К., А.П.), уложить все знания в строго определенные логические формы, а все, что в них не укладывается, отбросить как незнание. Иррационализму не присуща отрицательная реакция на рационалистически систематические методы философствования: понятийность, дискурсивность, доказательность и другие научно-теоретические формы выражения знания. В своей гносеологии иррационализм акцентирует внимание именно на «иррациональных остатках», заявляя, что только они являются подлинным знанием, а значит, требуют иных нерациональных форм выражения: образов, символов, аллегорий, метафор и т.д. Начиная с С. Кьеркегора, Ф. Ницше иррационализм приводит форму изложения в соответствие с содержанием и начинает изъясняться с миром на языке пророчеств [145].

Представители философии жизни – В. Дильтей, Г. Зиммель и др. – определяют жизнь как факты воли, побуждений, чувств и переживаний. С этой точки зрения, действительность – это то, что содержится в опыте самой жизни. Следовательно, действительность – это чистое переживание, вне которого действительности не существует. Очевидный субъективизм этой позиции,

приводящий в конечном итоге к солипсизму, заставляет их уточнить свою позицию. В. Дильтей рассуждает о необходимости веры в реальность внешнего мира, основанную на волевом, «практическом» отношении человека к миру. Г. Зиммель также видит в «жизни» центр, от которого, с одной стороны, идет путь к душе, к «Я», а с другой – к идее, Космосу, абсолюту. Тем не менее определяющие характеристики жизни – это переживание, «жизненный опыт». «Жизненный опыт» и выступает объектом познания. «Жизненный опыт», подчеркивают В. Дильтей и Г. Зиммель, не сводим к разуму; он иррационален. Жизнь – это поток, изменение, творчество. Поэтому представители «философии жизни» отрицают возможность знания как отражения закономерного, всеобщего. Жизнь не может быть постигнута только через индивидуальное (по [41]). Представители академической «философии жизни» провозглашают методом «наук о духе» непосредственно переживание исторических событий.

Другой выдающийся представитель «философии жизни» А. Бергсон на основе концепции «жизни» стремился построить картину мира, которая по-новому объяснила бы эволюцию природы и развитие человека, обосновала их единство. Центральное понятие философского учения А. Бергсона – жизненный порыв [16].

А. Бергсон утверждает в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь, интерпретируемую как некую целостность, радикально отличающуюся от материи и от духа, которые, взятые сами по себе, являются продуктами распада жизненного процесса. С точки зрения А. Бергсона, жизнь – это непрерывное творческое становление. Сущность жизни может быть постигнута только с помощью интуиции, которая, будучи своеобразной симпатией, как бы непосредственно проникает в предмет, сливаясь с его индивидуальной природой. Интуиция не предполагает противопоставления познаваемого познающему как объекта субъекту; она есть узнавание жизнью самой себя.

А. Бергсон противопоставляет интеллект интуиции как орудие оперирования с «мёртвыми вещами» – материальными, пространственными объектами. В соответствии со своей природой – способностью мыслить лишь в пространственных количественных категориях – интеллект способен понимать живое, органиче-

ское, лишь превратив его в мёртвое, механическое, ибо он, согласно А. Бергсону, имеет чисто практическое назначение – формировать и фабриковать неорганизованную материю.

Учение об интеллекте и интуиции получает у А. Бергсона обоснование в его метафизике – в концепции эволюции органического мира. Жизнь, которая изнутри предстаёт как психическая реальность – длительность, есть, согласно А. Бергсону, некий метафизическо-космический процесс – отсюда его знаменитый термин «жизненный порыв» «*élan vital*», своего рода могучий поток творческого формирования [16].

Бергсон считал, что человек довольно успешно приспособился к миру материи с помощью интеллекта. Интеллект, по А. Бергсону, – это разумное и рассудочное познание, достигшее высших форм в методах физико-математических наук. Интеллект разлагает целостность мира на тела, тела на элементы и т.д., а затем конструирует из них искусственные единые картины мира. А. Бергсон не отрицает познавательных возможностей интеллекта. Но он считает, что мир и его движение «схватываются» интеллектом примерно так же, как он «схватывается» в кинематографе, где естественное течение жизни заменяется искусственным с помощью движения киноплёнки, состоящей из отдельных мертвых кадров. Интеллект утверждает сходное, повторяющееся, общее ценой утраты уникального, неповторимого. Он обретает способность предвидеть аналогичные процессы в будущем. Однако интеллект совсем не создан для того, чтобы осмыслить эволюцию, в собственном смысле этого слова, то есть непрерывность изменения.

Интеллекту принципиально недоступен «жизненный порыв». Его познание возможно только на основании интуиции. Интуицией, по А. Бергсону, называется род интеллектуальной симпатии, посредством которой человек переносится внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного, и, следовательно, невыразимого. Интуиция позволяет проникнуть в самую суть вещей, чтобы помочь человеку овладеть рассеивающимися интуициями.

Итак, представители иррационализма критикуют основные установки гносеологии рационализма за их абстрактный, по сво-

ей сущности, антигуманный характер. Они утверждают, что в рационалистической модели познания предмет познания выступает как нечто чуждое сознанию исследователя, а мыслительная деятельность познающего субъекта принимается во внимание лишь как методика, способ оперирования с объектами, от которого можно отвлечься, как только получен результат. Причем познающему субъекту – ученому, не важно, какое применение найдет этот результат. Это выходит за рамки интереса исследователя. Важен сам процесс познания, поиск объективной истины. Термин «объективный» в их интерпретации принимает оттенок антисубъективности, античеловечности, бездушного отношения к действительности.

Представители иррационализма требуют коренного пересмотра основных принципов традиционной рационалистической гносеологии. Они выступают против произведенного рационалистической традицией разрыва познавательного акта на субъектно-объектные отношения.

Поэтому усилия иррационалистов направлены на то, чтобы преодолеть эту традиционную поляризацию познавательного акта. Примером реализации этой идеи служит персоналистическая концепция познания как «вовлечение». Познание с этих позиций рассматривается как всеохватывающее движение, которое объединяет субъект со всем окружающим миром. Оно выступает одновременно и как непосредственное существование «Я», и как его действие, и как познание этого действия.

По сравнению с рационализмом для иррационализма характерен разрыв эмоций и интеллекта, при этом эмоции не подчиняются разуму. В иррационализме преобладает аксиологический, а не гносеологический подход, в котором главный приоритет отдается не интеллекту, а способности к нравственной оценке. Еще одной существенной особенностью философии иррационализма является отрицание интеллекта как способности отражать действительность, истинное постижение мира происходит благодаря эмоциям, интуиции и вере.

Преодоление традиционной концепции познания, основанной на объектно-субъективных отношениях, и реализацию теории познания с позиции субъективно-субъектных отношений персона-

лизм связывает с включением в теорию познания в качестве главного познавательного средства эмоционально-чувственных и эмоционально-волевых факторов любви и веры. «Современная психология, – писал другой видный персоналист Ж. Лакруа, – открыла в любви наиболее совершенный инструмент познания. Любовь утверждает ценность того, на кого направлено это чувство. Она дорожит проявлением индивидуального и не стремится превратить его в объект обладания» [121].

Внимание экзистенциалистов сосредоточено на проблеме познания подлинного бытия субъекта, его «экзистенция». Метод такого познания определяется как иррационально-интуитивный. Мышление непригодно для такого рода познания, так как при соприкосновении с ним экзистенция разрушается. Средством познания подлинного бытия у С. Кьеркегора выступает «отчаяние». Эта категория противопоставляется сомнению. Сомнение относится к сфере мышления и, следовательно, непригодно для познания экзистенции. По С. Кьеркегору, «отчаяние охватывает всю человеческую личность, сомнение же – только область мышления».

Д. Марсель, Э. Леруа, К. Ясперс и др. подчеркивают значение влечения к объекту в сфере познания. Это понятие близко к чувству любознательности. В силу этого влечения объект перестает быть только внешним для субъекта и оказывается частью субъекта.

Представители другого течения – неопозитивизма – также признают необходимость исследования эмоциональной сферы в процессе познания. Так, Б. Рассел указывал, что само понятие «знание» – это термин, не поддающийся точному определению. Он считал, что знание всегда является до некоторой степени сомнительным, в силу чего невозможно точно утверждать, при какой степени сомнительности оно перестает быть знанием. Чувство сомнения внутренне присуще человеку. Противоположное чувство (уверенность) представляет собой чисто иррациональную веру, также внутренне данную субъекту и не основанную на опыте, практике, объективном познании. Б. Рассел возрождает картезианский тезис о критерии истины познания.

Итак, в философии существуют два основных взгляда на взаимосвязь эмоций и интеллекта. Для рационалистического подхода характерно представление о доминировании интеллекта над

эмоциями, как высшего образования. Более того, эмоции мешают истинному познанию бытия и успешному функционированию индивида и общества в целом. В иррационализме акцент смещается в пользу приоритета аффективной сферы. Однако общей идеей, явно доминирующей в философской мысли, является признание наличия сложных опосредствованных отношений между данными психическими функциями. Естественно, в данном обзоре мы охватили лишь небольшую часть работ, посвященных проблеме. Однако представленные выше положения были представлены с целью показать общую логику развития понимания взаимосвязи эмоций и мышления.

1.2. История и современное состояние проблемы взаимосвязи интеллекта и эмоций

В данном параграфе акцент анализа будет смещен с наиболее раннего периода возникновения и становления рассматриваемой проблемы на более позднее время, которое ближе к современности.

Проблема отношения между эмоциями, или аффективными процессами, и мышлением принадлежит к числу важнейших и сложнейших психологических проблем. Первоначально в психологии сам факт связи мышления с эмоциями выступил в виде признания особых форм мышления, отличных от мышления обычного.

Проблема соотношения познавательных и эмоциональных процессов особенно остро выступает в области психологии мышления. Уже представители относительно раннего периода развития психологии мышления не могли игнорировать того факта, что мышление человека включает в себя эмоциональные компоненты. Для исследователей того времени характерна дифференциация самой интеллектуальной сферы. Так, Г. Майер выделял «судящее» мышление и эмоциональное мышление (цит. по [140]), Т. Рибо – аффективное мышление и интеллектуальное [124],

Э. Блейлер, исходя из анализа патологии, подразделял мышление на аутистическое и реалистическое [113]. Как правило, эмоциональное мышление связывалось с функционированием в обыденной жизни, а интеллектуальное – с научным познанием. Причем из последнего типа мышления исключалась любая «примесь аффективности». Необходимо все же отметить, что уже в начале века группа австрийских психологов (Г. Brentano, К. Наловский, Г. Фолькман-фон-Фолькмар) выдвигала тезис о «важности интеллектуальных эмоций как творческого элемента в научной мысли» [118].

Э. Блейлер изучал роль аффективных процессов в психике человека на примере патологии, в частности шизофрении. Согласно Э. Блейлеру, существует «аутистическое мышление», которое имеет законы, отличные от рационального мышления. Цели такого мышления достигаются благодаря механизму, зависящему от влияния аффектов. Данный вид мышления оперирует ошибочными понятиями, символами, игнорируя временные отношения.

Между аутистическим и обычным мышлением, согласно данному автору, нет четкой границы, хотя во многих отношениях они противоположны. Целью реалистического мышления является создание правильного познания окружающего мира, нахождение истины. Аутистические функции стремятся вызвать представления, окрашенные аффектом удовольствия и вытеснить представления, окрашенные противоположным аффектом. Реалистические механизмы служат для адаптации к окружающему миру, аутистические функции создают удовольствие и не допускают неудовольствия [113].

Существуют различные степени ухода из реальности – от сна до шизофрении. В филогенезе ирреальная функция мышления развивается параллельно с реальной. Чем более сложным и более дифференцированным становится логическое мышление, тем более точным становится приспособление к реальности, тем больше становится возможность освободиться от влияния аффективности, с другой стороны; однако в такой же мере повышается возможность влияния эмоционально окрашенных энграмм из прошлого и эмоциональных представлений, относящихся к будуще-

му. В фило- и онтогенетическом развитии разница между обоими видами мышления становится все более резкой, в конце концов, они становятся противоположными друг другу.

Несмотря на параллелизм в филогенетическом развитии, реалистическое мышление оказывается по многим своим основаниям более развитым, и при общем нарушении психики реальная функция поражается обычно гораздо сильнее. Аутистические механизмы являются врожденными в отличие от реалистических функций, которые могут быть приобретены путем опыта. Для реалистической функции существует один только правильный результат, в то время как аутизм достигает своей цели самыми различными способами.

Аутистическое мышление имеет и определенную положительную ценность [118]. Раздражение, связанное с антиципацией удовольствия, вынуждает к размышлению до того, как будет предпринято действие, оно подготавливает к действию и приводит в движение энергию. Кроме того, аутизм представляет благодатную почву для упражнения мыслительной способности. Помимо этого, определенная односторонность полезна для достижения некоторых целей, для того, чтобы представить себе цель более желанной.

В книге Г. Майера «Psychologie des Emotionalen Denkens» (1908) впервые была предложена подробная психологическая классификация основных видов мышления, систематизация их существенных характеристик. Важной заслугой Г. Майера явилось выделение наряду с «судящим» (рассуждающим, собственно логическим) мышлением таких видов интеллектуальной деятельности человека, которые тесно связаны с его эмоциональной и мотивационной сферой («эмоциональное», «аффективное» мышление) и др. Книга Г. Майера содержит ряд интересных психологических идей, прежде всего – расширение понятия «суждение» (цит. по [150]). Суждение в собственном смысле слова, конечно, связано со словесным высказыванием, но судящая деятельность рассудка приводит во все познавательные процессы: различение и отождествление ощущений, продуктов памяти и воображения, восприятие – все эти процессы включают в себе множество актов суждения, хотя большинству их не соответствуют никакие

словесные формы. Затем самые процессы мышления (как связанные со словесными высказываниями, так и не связанные с ними) Г. Майер делит, как мы уже отмечали, на *судящее* и *эмоциональное* мышления. Это разграничение ценно в том отношении, что оно рассеивает *интеллектуалистический предрассудок*, в мышлении познавательный интерес играет первостепенную роль. Исследование Г. Майера убедительно показывает, что «эмоциональное мышление» занимает значительное место в умственной деятельности человека.

И в эмоциональном мышлении, и в судящем мышлении наблюдаются аналогичные логические процессы (и истолкование, и объективирование, и оперирование категориями), но общая тенденция в актах эмоционального мышления иная: познавательный процесс здесь затенен, отодвинут на задний план, не опознан как таковой, фокус внимания сосредоточен на практической цели, для которой познание является лишь побочным средством.

Пожалуй, наибольшее внимание роли эмоций в мышлении уделил Л. Секей (цит. по [140]). Прежде всего, автор указывает на то, что в настоящее время психологи плохо знают «механизмы мотивации и динамики мысли». Далее он пытается в экспериментальном плане изучать этот аспект. Протоколы экспериментов по решению задач изобилуют выражениями эмоциональных суждений. Подмечен, например, такой факт: возникновение эмоции удивления связано с генерированием целой серии предположений и, наоборот, отсутствие удивления выражается в бедности выдвижения предположений. Л. Секей определяет место эмоции между первым пониманием задачи и первым планом ее решения. Эмоциональные факторы являются ведущими на «низших ступенях организации» мыслительного процесса, выполняя функцию «организатора данной фазы», т.е. на ней «объект эмоции становится объектом мышления», а «цель эмоции становится целью мышления». Чем выше организация фазы, тем в меньшей степени эмоциональные факторы обнаруживают свое самостоятельное существование и значение. На материале патологии (паралитики) автором был получен факт связи стереотипного поведения при решении задач с полным отсутствием эмоций удивления и любо-

пытства. Сделанные автором выводы представляют собой безусловный интерес в аспекте обсуждаемой проблемы.

В начале XX в. исследователи начинают обращать пристальное внимание на проблему интеллекта. В попытках определить сущность данного конструкта авторы снова сталкиваются с необходимостью дифференциации рационального и иррационального аспектов интеллектуальной деятельности. Л. Терстоун в своей монографии «Природа интеллекта» в 1924 г. одним из первых сформулировал и обосновал положение о том, что интеллект является не только механизмом переработки информации, но и механизмом регуляции психической и поведенческой активности (цит. по [148]).

В своих ранних работах Л. Терстоун предпочитал говорить о различии между рассудком, или смышленостью (аналитическими способностями), и разумом, или мудростью (контролирующими, регулируемыми способностями). Интеллект в качестве проявления разумности рассматривался им как способность тормозить импульсивные побуждения либо приостанавливать их реализацию до того момента, пока исходная ситуация не будет осмыслена в контексте наиболее приемлемого для личности способа поведения. Среди условий, благоприятствующих применению интеллекта, Л. Терстоун выделял, во-первых, отсутствие безотлагательного, сиюминутного давления ситуации и, во-вторых, отсутствие чрезмерного желания. В целом главный критерий интеллектуального развития в контексте данной теории – это мера контроля потребностей.

Посвятив свой теоретический анализ регулирующей функции интеллекта и связав максимум интеллектуальной активности с процессом реорганизации потребностно-аффективной сферы, Л. Терстоун в итоге сделал вывод, согласно которому в будущих исследованиях интеллекта, по-видимому, придется использовать термины, все менее когнитивные и все более связанные с аффективной сферой. По его мнению, вполне вероятно, что «... высшая возможная форма интеллекта является формой, в которой альтернативой выступает не что иное, как аффективное состояние» (цит. по [148]).

Характерно, что почти 50 лет спустя Р. Зайонс, по сути дела, воспроизвел идею Л. Терстоуна о первичности аффективного компонента интеллектуального отражения по отношению к собственно когнитивному (цит. по [148]). По мнению этого автора, процесс эмоционального оценивания (чувствования) отображаемых аспектов действительности – это, сравнительно с процессом их осмысливания, некоторая параллельная психологическая реальность, живущая по своим собственным законам. В частности, в отличие от суждений об объективных свойствах ситуации, чувствование не является произвольно контролируемым, оно центрировано на «Я», плохо вербализуется, отличается своего рода «бесповоротностью». Наконец, чувствование может быть отделено от содержания (мы можем вспомнить некоторое событие на основе эмоционального впечатления без опоры на детали) и т.д.

В 1970-е гг. в США интенсивно развивается информационная теория мышления. Исходно эта теория не затрагивала проблемы «взаимодействия познания с аффектом», что вызвало справедливую критику ряда американских психологов, в частности У. Найсера (цит. по [113]). Под воздействием этой критики Г. Саймон обосновал тезис, согласно которому «мотивационная и эмоциональная регуляция познания могут быть включены в систему информационного процесса» [230]. При этом автор, правда, фактически отождествляет эмоциональную регуляцию с механизмом прерывания подпрограммы поведения в случае достижения или недостижения цели. Основой для прерывания является актуализация более сильных «неотложных» потребностей организма. Функция эмоций в этой теории сводится к неспецифической активации (торможению). Психологическое значение эмоций как регуляторов деятельности при таком подходе остается полностью скрытым. Такая ограниченная трактовка функции эмоций в мышлении показывает искусственность самой попытки соединить эмоциональную регуляцию мыслительной деятельности как специфически человеческую ее особенность с исходными принципами информационной теории мышления, описывающими мышление человека по аналогии с работой компьютера.

Возрождение интереса к эмоциональной составляющей мыслительной деятельности наблюдается в западной психологии в

конце 1980-х – начале 1990-х гг. В классификации гарвардского психолога Х. Гарднера, интеллект представлен в семи вариантах: пространственный, музыкальный, лингвистический, логико-математический, межличностный и внутриличностный [183].

1. Пространственный интеллект, согласно автору, – способность воспринимать пространственные свойства и отношения, преобразовывать имеющиеся образы и решать мыслительные задачи, пользуясь зрительно-пространственными представлениями. Люди с пространственным интеллектом способны быстро распознавать модели и формы; они мыслят в образах и картинках. Они легко ориентируются в новом городе, потому что они могут быстро создать в голове пространственную карту. Им нравится выражать свои мысли в картинах, фотографиях и скульптурах. Многие художники, компьютерные дизайнеры и архитекторы обладают этой формой интеллекта.

2. Моторный интеллект – способность к определенным практическим действиям с предметами, а также умение владеть своим телом (в наибольшей степени присущая спортсменам, танцорам и т.д.).

3. Музыкальный интеллект – способность воспринимать музыкальные образы и выражать их в мелодии и ритме (музыкальный интеллект существует независимо от других дарований, он полностью отделен от языка).

4. Вербальный интеллект определяется способностью ставить и решать проблемы, пользуясь языковыми средствами, а также особой восприимчивостью к звучанию слова и фразы, к их грамматическому строю, что особенно свойственно поэтам и писателям.

5. Логико-математический интеллект – математические способности, способность к дедуктивным умозаключениям, лежащим в основе научной деятельности; этот вид интеллекта обеспечивает высокие результаты в IQ тестах.

6. Внутриличностный интеллект – способность, позволяющая человеку проникать в потаенные глубины своих переживаний и мыслей (этот тип интеллекта высоко развит у писателей и врачей-психиатров). Люди с высоким внутриличностным интеллектом очень хорошо понимают собственные чувства. Они ведут насы-

щенную эмоциональную жизнь, хорошо понимают собственную мотивацию и поведение, могут обладать развитой интуицией.

7. Межличностный интеллект – способность к эмпатии, пониманию настроения людей, их намерений и чувств, ладить с людьми и добиваться всего с помощью окружающих (этот тип интеллекта очень развит у политических и религиозных лидеров, учителей и врачей с большим опытом).

Рассматриваемые типы интеллекта взаимодействуют друг с другом; определенная связь существует, например, между вербальным и логико-математическим интеллектом, логико-математическим и пространственным. Тем не менее, как утверждает Х. Гарднер, эти типы интеллекта нельзя отождествлять [183]. Каждому из них, по его мнению, соответствует собственная подсистема в работе нервной системы, специализирующаяся на переработке определенной информации: вербальной, пространственной и т.п. Обучение и тренировка, согласно представлениям Х. Гарднера, не в состоянии повысить базовую мощность интеллекта (по переработке информации), но, как правило, играют решающую роль в реализации интеллектуального потенциала.

Концепция другого современного исследователя практического интеллекта («эмпирического разума») – С. Эпштейна является одним из наиболее развитых подходов к характеристике связи эмоций и мышления. В своей теории он вскрывает механизм влияния эмоций на мышление и доказывает необходимость регулирования эмоциональных состояний для успешного функционирования интеллекта и личности в целом [21].

С. Эпштейн предполагает, что у человека есть два вида интеллекта. «Помимо рационального интеллекта, мы обладаем другим, который невозможно измерить с помощью IQ». С. Эпштейн называет его эмпирическим разумом. «Если навыки рационального мышления мы получаем при помощи абстрагирования и анализа, то эмпирический ум совершенствуется непосредственно из опыта. Рациональный метод пытается решать проблемы при помощи логических построений, эмпирический – следует интуитивной мудрости. Эмпирический ум гораздо теснее связан с нашими эмоциями, чем рациональный» [178].

Действуя вне области рационального, он, согласно автору, отвечает непроизвольным внутренним реакциям, основанным на памяти о прошлом опыте. Этот вид мышления жизненно необходим для благополучия – он интуитивно интерпретирует всё происходящее вокруг и на основании эмоциональных реакций подсказывает верный способ действия. Эмпирический разум неразрывно связан с жизненным опытом. Он занят непрерывной интерпретацией текущих событий и определением соответствующей реакции. Он обрабатывает информацию быстро, эффективно и интуитивно, хотя не всегда корректно с рациональной точки зрения.

Практический разум занимается не только интерпретацией внешних событий, но и стремится управлять эмоциями. Его главная цель – доставлять максимум удовольствия и сводить к минимуму боль, вызывать приятные чувства и избегать неприятных.

Между эмоциями и эмпирическим разумом существует и обратная связь. Чем больше эмоциональное возбуждение, которое испытывает человек (стресс, раздражение, страх), тем более он подпадает под влияние эмпирического разума [21].

С. Эпштейн разработал также концепцию конструктивного мышления, которое представляет собой умение использовать преимущества рационального и эмпирического разума. Управление эмоциями и управление поведением – это два важнейших компонента конструктивного мышления. Вместе они определяют способность эффективного взаимодействия с внутренним миром чувств и внешним миром событий. С. Эпштейн описывает эмоционально уравновешенных людей, которые эффективно справляются с негативными чувствами. Их характеризует спокойствие разума, низкий уровень стресса, собранность, «они не слишком чувствительны к неодобрению и неудачам и не беспокоятся о том, что от них не зависит. Они не слишком критичны к себе и к другим, не делают чрезмерных обобщений на основании неблагоприятных событий» [178]. Конструктивное мышление в концепции С. Эпштейна представляет собой эффективное взаимодействие чувственного и рационального, обеспечивающее приспособление к окружающему миру.

Более частным аспектом проблемы о взаимосвязи когнитивных и эмоциональных процессов является вопрос о когнитивной

детерминированности эмоциональных процессов, который будет охарактеризован ниже.

Другой видный исследователь Х. Хекхаузен указывает, что «эмоции не есть простые влияющие на мотивационные явления «внутренние стимулы», они, скорее, результат такой переработки информации, когда дело решает когнитивная интерпретация ситуации» [147]. В психологии известно несколько теоретических подходов, в которых разрабатывается данная проблематика (теории М. Арнольд, Р. Лазаруса, С. Шехтера).

Для когнитивного подхода характерно рассмотрение эмоций как «функции разума», то есть как комплекс ответов, обусловленных когнитивными процессами [123]. Центральным моментом в когнитивной теории М. Арнольд является оценка ситуации с точки зрения ее полезности или опасности. Объект должен быть воспринят и оценен до возникновения эмоции. Эмоция в таком случае возникает как принятие или отвержение объекта в ответ на оценку объекта (цит. по [134]).

Р. Лазарус дополнил и исследовал экспериментально модель, описанную выше. Согласно представлениям Р. Лазаруса, каждая эмоция является комплексным ответом, состоящим из трех различных подсистем. В первом компоненте присутствуют сигнальные переменные или стимульные свойства. Вторым компонентом является оценивающая подсистема, которая определяется как функция мозговых процессов, с помощью которых индивид оценивает стимульную ситуацию. Третий компонент – ответ, включающий когнитивные реакции, мимические выражения и инструментальные реакции. Р. Лазарус экспериментально исследовал овладение угрожающими или стрессовыми ситуациями. Он демонстрировал испытуемым фильм крайне неприятного содержания. В качестве индикатора уровня эмоционального возбуждения регистрировались изменения КГР на протяжении просмотра фильма. Перед началом фильма испытуемым подсказывались способы смягчения эмоциональной реакции через различные формы когнитивной интерпретации происходящего на экране (а именно, через отрицание и интеллектуализацию). Как показал эксперимент, когнитивные интерпретации ведут к заметному снижению нейровегетативного возбуждения [91].

С. Шехтер сформулировал теорию, согласно которой эмоциональный процесс – это вегетативное возбуждение плюс соответствующая интерпретация субъектом этого возбуждения. Вид эмоции зависит от того, какова будет эта интерпретация. Таким образом, в эмоциональном процессе всегда имеется два компонента: неспецифический – вегетативное возбуждение как условие любой эмоции; специфический – определенная интерпретация наличной ситуации.

В теории С. Шехтера постулируется мультипликативная связь между обоими компонентами – отсюда и название «двухфакторная теория» [93]. Эмоция отсутствует, пока состояние активации не интерпретируется на основе ситуационных детерминант либо пока положительная или отрицательная оценка ситуации не приводит к повышению этого состояния. В случае, когда ситуационные причины состояния возбуждения не поддаются непосредственному раскрытию, С. Шехтер обращает особое внимание на понятие «актуализации "мотивации объяснения"». При экспериментальной проверке этой теории использовалась модель варьирования активации и оценки ситуации. Так, например, один из экспериментов заключался в следующем: испытуемым вводился адреналин и через манипулирование информацией о возможных последствиях о действии препарата оказалось возможным влиять на эмоциональную модальность поведения испытуемого. Так экспериментально была показана роль последующей интерпретации и обозначения состояния возбуждения вегетативной нервной системы.

Значительным шагом в развитии данного вопроса явилась дальнейшая модификация С. Валинсом двухфакторной теории С. Шехтера [93]. Он предположил, что фактическое состояние возбуждения (неспецифический компонент эмоции) входит в переживание эмоции не непосредственно, то есть автоматически и неосознанно, а через восприятие этого состояния, и для того, чтобы изменить восприятие собственного состояния возбуждения, не требуются фактические изменения в вегетативной нервной системе. Такие изменения можно инсценировать при помощи ложной обратной информации, даваемой испытуемому. Следовательно, неважно, откуда поступает информация о собственном

состоянии возбуждения (изнутри или извне), соответствует ли она действительности или нет; главное, чтобы она связывалась субъектом с его собственным внутренним состоянием. В своих экспериментах С. Валинс моделировал ситуацию манипулирования эмоциями испытуемого через предоставление ему ложной информации о его состоянии возбуждения: испытуемым-мужчинам показывали изображения женщин, при этом они получали мнимую акустическую информацию о собственном сердцебиении, которое на определенных изображениях искусственно учащалось или замедлялось. При следующей оценке привлекательности изображений женщин испытуемые оказывали предпочтение тем изображениям, рассматриванию которых сопутствовало изменение ритма сердцебиения [91].

Таким образом, в теории С. Шехтера и в ее модификации С. Валинсом решающая роль в возникновении эмоций принадлежит когнитивным процессам оценивания внешней и внутренней ситуации.

В отечественной психологии достаточно близкой к когнитивной традиции рассмотрения эмоций является теория П.В. Симонова [134], получившая название «информационной» или «информационно-потребностной». Согласно этой теории, эмоция есть отражение какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую субъект оценивает на основе врожденного или ранее приобретенного индивидуального опыта. Человек прогнозирует вероятность достижения цели (удовлетворения потребности) через оценку информации о средствах, способах, времени и т.п. и сопоставление прогностически необходимых и реально имеющихся у него средств для достижения цели. Соотношение необходимого и имеющегося рассматривается как в статике, так и в динамике. В первом случае, результат сравнения будет представлять дефицит или избыток информации, во втором – возрастание или падение вероятности достижения цели (удовлетворения потребности). Вероятность удовлетворения потребности может быть и субъективной, и объективной: в формировании эмоции участвуют именно субъективные оценки вероятности достижения цели. В отдельных случаях возможны ошибки субъективного прогноза, и тогда

эмоциональная оценка событий не соответствует их реальному значению. Но, как правило, указывает П.В. Симонов, субъективные оценки вероятности достаточно адекватно отражают объективную вероятность тех или иных событий. Положительные эмоции возникают в ситуациях избытка прагматической информации или в ситуациях возрастания вероятности достижения цели. Отрицательные эмоции представляют реакцию на дефицит информации или на падение вероятности достижения цели. Согласно данной теории, элиминировать нежелательное эмоциональное напряжение можно через «максимальное информирование человека о способах и средствах решения стоящих перед ним задач, максимальная вооруженность субъекта соответствующими знаниями и навыками, профессиональным опытом, включающим умение использовать этот опыт для достижения цели» [134].

Итак, во всех вышеперечисленных теориях речь идет о когнитивных детерминантах эмоций; в качестве таких детерминант выдвигаются оценка и интерпретация ситуации, своего состояния, оценка и сопоставление необходимых и имеющихся в распоряжении индивида средств для достижения цели, то есть эмоции выступают результатом когнитивной переработки некоторой информации. Весьма сходными по своему смыслу с этими теоретическими подходами к проблеме эмоций является «рационально-эмоциональная теория» (РЭТ) А. Эллиса. Она претендует на раскрытие механизма влияния мышления на эмоции. Фундаментальный тезис РЭТ состоит в том, что человеческое мышление является основной причиной эмоций, а здоровые и нездоровые эмоциональные реакции находятся под значительным влиянием изменений в представлениях людей. Психологические проблемы возникают от неправильного восприятия или ошибочных знаний людей о том, что именно они воспринимают; от их недостаточно или излишне эмоционального реагирования на нормальные и необычные стимулы. Люди в силу биологических причин и влияния окружающей среды склонны размышлять о себе и об окружающем мире предубежденно, нереалистично и ненаучно (цит. по [155]).

В первую очередь, РЭТ базируется на активно-когнитивном подходе. Он основан на предположении, что эмоциональные реакции индивида в основном вызваны сознательными и бессозна-

тельными оценками, интерпретациями и постулатами. Когнитивную часть теории и практики РЭТ (так называемую схему или модель «А-В-С») рациональной терапии можно кратко сформулировать в следующем виде.

На этапе А существует событие, действие или объект, относительно которых человек становится обеспокоенным.

На этапе В у человека возникают убеждения о событии, действии или объекте, которые имели место на этапе А. У человека могут возникнуть два типа убеждений – рациональные и иррациональные. Рациональные убеждения могут подтверждаться эмпирическими данными и соответствуют реальности или тому, что происходит на этапе А. Иррациональные убеждения не могут подтверждаться эмпирическими доказательствами и не соответствуют происходящей действительности. Они часто означают абсолютное требование или предписание о том, что человек должен достичь того, чего он хочет.

На этапе С человек испытывает рациональные или иррациональные последствия своих убеждений.

В терапевтическом смысле эту схему можно расширить до этапов D-E, которые являются когнитивной сутью методов РЭТ.

На этапе D человека можно научить (или он может научиться сам) обсуждать свои рациональные убеждения и прийти к пониманию, что они являются неподтверждаемыми, эмпирически необоснованными и суеверными, и отказаться от них (что вплотную сближает данную теорию с некоторыми положениями метакогнитивизма).

В результате обсуждения своих убеждений на следующем этапе (E) человек сможет отказаться от своих иррациональных убеждений и, возможно, приобрести новые – более рациональные и адекватные реальности. Затем человек достигает поведенческого результата обсуждения своих иррациональных убеждений. Рационально-эмоциональная терапия учит человека делать адекватные обобщения и наблюдать за своими чрезмерными обобщениями; различать свои желания, хотения, предпочтения и свои предполагаемые потребности или внушения; быть менее внушаемым и более думающим; чувствовать соответствующие состоянию эмоции горя, сожаления, раздражения и стремление из-

менять неприятные аспекты своей жизни; минимизировать несоответствующие чувства собственной ничтожности, жалости к самому себе, сильной тревоги и ярости.

Таким образом, А. Эллис в определенной мере раскрывает механизм влияния мыслительного процесса на эмоции, которые возникают в результате когнитивной оценки происходящих событий.

Среди западных исследователей следует отметить также работы Э. Айзен, которая одна из первых начала эксперименты в данной области [81]. Ей и ее коллегам удалось получить ряд фактов, свидетельствующих о влиянии эмоций на когнитивные процессы (в частности, на творческое мышление). Отличительной чертой этих исследований явилось то, что автор вызвала у испытуемых исключительно положительные эмоциональные состояния. Так, для индукции радости испытуемым, например, делались небольшие подарки или предъявлялись «заведомо выполнимые» тестовые задания, а потом сообщалось об их успешном выполнении. Полученные Э. Айзен результаты свидетельствуют о том, что положительные эмоции повышают креативность. Так, в одном из исследований было показано, что в позитивном настроении испытуемые продуцируют более оригинальные вербальные ассоциации; в другом исследовании положительное настроение приводило к лучшему решению творческих задач.

В целом следует подчеркнуть, что проблема взаимосвязи эмоций и интеллекта достаточно слабо разрабатывалась в теоретическом и особенно в практическом планах вплоть до конца XX в. Проблема эмоциональной регуляции мышления не только не причислялась к приоритетным (или просто важным) направлениям исследований, но и вообще зачастую оставалась «за пределами внимания» исследователей.

Далее, обращаясь к отечественным исследованиям данной проблемы, следует отметить, что Е.Ф. Колобова провела изучение влияния личностных детерминант когнитивно-аффективных отношений. Она обнаружила, что наличие иррациональных идей (по теории РЭТ А. Эллиса) не является достаточным основанием для возникновения эмоциональных нарушений [80]. Условием, при котором возможно влияние иррациональных идей на эмоциональную сферу личности, выступает низкая психологическая

дифференциация субъекта: низкая дифференциация обозначаемого от обозначающего (вербальный реализм) и низкая дифференциация восприятия физического и социального аспектов ситуации (коллективистская ориентированность).

Значение проблемы эмоциональной регуляции в отечественной психологии признавалось в методологическом плане, однако большинство ведущих специалистов в области психологии мышления не разрабатывали эту проблематику в своих конкретных исследованиях.

Основополагающим принципом регуляции психических процессов является положение Л.С. Выготского о связи между интеллектом и аффектом. Общеизвестен его тезис: «Мысль – не последняя инстанция. Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши печения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления. Детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» (цит. по [118]). «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому, что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону» (там же). Именно в отрыве интеллектуальной стороны сознания от его аффективной стороны Л.С. Выготский усматривал один из основных коренных пороков всей традиционной психологии. Таким образом, он ставит важную психологическую проблему выявления связи между мышлением и эмоциональной сферой человека. Однако вслед за формулированием этого важного и ясного методологического принципа исследования по психологии мышления проходили в основном без учета его эмоциональной составляющей.

Тесную связь интеллекта и эмоций отмечал и С.Л. Рубинштейн, указывавший, что «...мышление как реальный психический

процесс уже само является единством интеллектуального и эмоционального, а эмоция – единство эмоционального и интеллектуального... Когда мы говорим об интеллектуальных, эмоциональных и волевых процессах, речь, собственно, идет о характеристике единых и в то же время многообразных психических процессов по преобладающему в каждом таком процессе интеллектуальному, эмоциональному или волевому компоненту» [130]. Идеи о единстве познавательных и эмоциональных процессов пронизывают все его взгляды. Подлинной конкретной единицей психического автор считал целостный акт отражения объекта субъектом. Это отражение включает единство двух противоположных компонентов – знания и отношения, интеллектуального и аффективного, из которых то один, то другой выступают в качестве преобладающего. Хотя в методологическом плане С.Л. Рубинштейн и выдвигает принцип единства мышления и эмоций, однако в конкретных исследованиях автора по психологии мышления этот принцип не получил должного развития. Раскрывая понятие «внутренние условия» мышления, С.Л. Рубинштейн включает в его содержание «процессы анализа, синтеза, обобщения». С нашей точки зрения, содержание понятия «внутренние условия» намного шире, поскольку в него входят различные составляющие системы мыслительной деятельности, в том числе и интеллектуальные эмоции и чувства.

В трудах А.Н. Леонтьева мышление рассматривается как деятельность, имеющая «аффективную регуляцию, непосредственно выражающую ее пристрастность» [88]. Более глубокой основой пристрастности деятельности являются личностные смыслы. Функция эмоций как раз и состоит в «наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они (эмоции) сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни...» [88]. Существенным здесь является, во-первых, то, что источником эмоций признается смысловое образование, а во-вторых, то, что эмоция выполняет функцию «презентации» личностных смыслов в сознание субъекта и на этой основе регулирует деятельность. Мышление должно рассматриваться не как совокупность чисто познавательных процессов, а как деятельность, реализующаяся в действиях, приводящих к развитию смысловых образований. Эмоции, возникающие в мышлении и регулирую-

щие его протекание, при таком подходе определяются не «сознанием как знанием», а развитием и взаимодействием смыслов.

Таким образом, анализ литературы показывает, что в рассматриваемой области имеет место определенный (и весьма осязаемый) «разрыв» *общих* методологических положений и *конкретно-психологических* исследований.

Однако в 1980-е гг. намечается тенденция к преодолению такого положения в отечественной психологии мышления. В исследованиях, проводимых с конца 1960-х гг. под руководством О.К. Тихомирова, изучение функций эмоциональных процессов в творческой деятельности рассматривается в качестве важнейшей проблемы психологии мышления [118, 140, 141].

На основе экспериментальных данных доказывается существование именно эмоциональной регуляции мыслительной деятельности, а не только диффузной активации. Формулируется важнейшая задача изучения условий генерации и функции *эмоций*, возникающих по ходу решения *мыслительных* задач, на лабораторных моделях. Предпринимается не осуществлявшееся ранее включение проблематики интеллектуальных эмоций и чувств в контекст исследований мыслительной деятельности. Однако условием для такого включения является отказ от неоправданно суженной трактовки интеллектуальных чувств, имеющей место в современной психологической литературе. Формулируется важный вопрос «об общих и специальных особенностях включения эмоциональных механизмов в управление деятельностью и о взаимодействии качественно различных эмоциональных явлений» [118]. При этом качественный анализ эмоциональных переживаний включается в программу проектируемых исследований. Полагается также, что экспериментальное исследование интеллектуальных эмоций является важным направлением анализа познавательных потребностей человека, поскольку сами познавательные потребности, «опредмечиваясь» в новых целях, проявляются в своеобразных эмоциональных переживаниях.

В этом же цикле исследований Ю.Е. Виноградовым проведено экспериментальное исследование эмоциональной активации в структуре мыслительной деятельности [141]. Для определенного класса задач была экспериментально доказана необходимость

эмоциональной регуляции мыслительного процесса, заканчивающегося нахождением объективно верного решения задачи. В результате был выявлен принципиально новый факт закономерного предвосхищения момента возникновения эмоциональной активации по отношению к различным вербализованным компонентам мыслительной деятельности.

Взаимосвязь мышления и эмоциональной сферы выступила в исследовании как «взаимодействие процессов развития смыслов элементов и действий с ними и «эмоционального развития» [141]. При этом важнейшим моментом эмоционального развития является «эмоциональное решение задачи», то есть снятие неопределенности задачи на основе механизма эмоций.

В частности, был установлен важный экспериментальный факт, заключающийся в том, что для принятия субъектом выполненного им действия в качестве «правильного» необходима его предвосхищающая эмоциональная оценка.

В экспериментальном исследовании выявлен также механизм «эмоционального наведения» или «эмоциональной коррекции». Имеется в виду, что в ходе решения задачи испытуемый иногда возвращается к ранее положительно эмоционально окрашенной последовательности действий, вопреки отрицательной вербальной оценке той же последовательности, причем именно эмоциональная оценка оказывается зачастую объективно верной. В этом случае одна и та же последовательность действий получает конфликтные оценки.

Результаты экспериментального исследования показывают, что в случае объективно верного решения задачи положительно эмоционально окрашиваются операциональные смыслы действий, прямо или косвенно связанные с решением задачи. Напротив, в случае нерешения задачи положительно эмоционально оцениваются смыслы действий, не имеющие отношения к объективно верному решению.

Я.А. Пономарев в своих трудах также рассматривает эмоциональные компоненты творческого мышления [116]. Автор выявляет пять этапов развития внутреннего плана действия в ходе онтогенетического развития ребенка. Данные этапы получают различную характеристику, в том числе и по эмоциональному

компоненту. На первом этапе действия контролируются вещами-оригиналами. Оценка действий всецело субъективна. «Эмоции – единственное, что выступает здесь в роли обратной связи цели и результата» [116]. На втором этапе действия контролируются вещами и их представлениями. Оценка также эмоциональна. Однако здесь внешние речевые указания уже начинают оказывать влияние на выбор цели, регуляцию действия, его контроль и оценку. На третьем этапе происходит расчленение цели и мотива. Функцию контроля действия продолжают выполнять преимущественно вещи и их представления, а в самостоятельной оценке результата действия доминируют эмоции. На четвертом этапе происходит преобразование способов действия в операции. Контроль и оценка действий становятся в основном логическими. Роль представлений и эмоций в том и другом ограничивается. На пятом этапе происходит включение в деятельность познавательной мотивации. Контроль деятельности и оценка ее результата становятся всецело логическими. Таким образом, по мере «продвижения» по структурным уровням организации мышления роль непосредственно объективного контроля и субъективной эмоциональной оценки уменьшается, а роль субъективного контроля и объективной оценки, напротив, возрастает.

Экспериментальное исследование влияния личности на мышление, проведенное И.А. Васильевым и Н.Р. Хусаиновой, выявило, что высокая эвристическая компетентность в сочетании с мотивацией достижения успеха обеспечивает настойчивость и долговременную организацию усилий по достижению цели, самостоятельность, ориентацию на предметную логику деятельности [27]. Низкая эвристическая компетентность в сочетании с мотивацией избегания неудачи ведет к «уходам» от деятельности, стремлению к внешним опорам при оценке правильности собственных действий. Ориентация на состояние ведет к частичным потерям продуктов деятельности, вследствие чего утрачивается преемственность, а также последовательность действий, целостность деятельности. Ориентация на действие, напротив, способствует образованию целостных целевых структур, не разрушаемых внешними по отношению к деятельности смыслами, что делает деятельность последовательной, связной, целостной.

Проблема взаимосвязи эмоций и интеллекта достаточно продуктивно изучалась в рамках когнитивной психологии. Вообще говоря, в развитии психологической науки можно выделить характерную тенденцию: ее эволюция идет в основном по линии интеграции. Так, логическим продолжением когнитивизма стал метакогнитивный подход, раскрывающий метакогнитивные, более синтетические по отношению к когнитивным, процессы. В исследовании, описанном во второй главе, основной методологической базой стал именно метакогнитивизм, позволяющий рассматривать обсуждаемую проблему в рамках развиваемой одним из нас концепции *метапроцессуальной регуляции* деятельности, поведения и общения. Ниже будет приведена краткая характеристика некоторых основных положений метакогнитивизма, а его более полная характеристика представлена во второй главе.

Метакогнитивизм как особое направление психологических исследований возник в последней трети XX в. в качестве одного из течений когнитивной психологии и получил впоследствии бурное развитие, став, по существу, общепсихологическим направлением. Одна из наиболее характерных черт метакогнитивного направления заключается в том, что оно стало связующим звеном между многими современными направлениями психологических исследований [72, 73].

Американский исследователь Дж. Флейвелл является пионером в области исследований метапознания. Именно его работы, согласно большинству авторов, открывают метакогнитивное направление в современной психологии [179, 180].

Основным в концепции метапознания Дж. Флейвелла является понятие «мышления относительно собственного мышления». Эти мысли могут касаться того, что мы знаем, то есть метакогнитивное знание; что мы в настоящее время делаем, то есть метакогнитивный навык; каково текущее когнитивное или эмоциональное состояние, то есть метакогнитивное ощущение. Чтобы дифференцировать метакогнитивное мышление от других видов мышления, необходимо рассмотреть источник метакогнитивных мыслей. Источник метакогнитивных мыслей связан с собственными внутренними ментальными представлениями человека об этой действительности, который может включать то, что он знает

об этом внутреннем представлении, как это работает и как он чувствует это. Поэтому метакогниция иногда определяется просто как мышление относительно мышления или, говоря словами Дж. Флейвелла, «знание и познание относительно познавательных явлений». Согласно Дж. Флейвеллу, метапамять включает интеллектуальное структурирование и хранение, интеллектуальный поиск и исправление, а также интеллектуальный контроль. Он считает, что и метамышление, и метапамять являются преднамеренными, планируемыми, обусловленными целью и ориентированными на будущее умственное поведение, в частности на выполнение познавательных задач [179].

Согласно его модели, способность человека управлять «широким разнообразием познавательных инициатив происходит через действия и взаимодействия между четырьмя классами явлений: метакогнитивным знанием, метакогнитивным ощущением, целями (или задачами), действиями (или стратегиями)» [180]. Модель включает знание трех общих факторов:

1) знание особенностей функционирования «когнитивного процессора»;

2) знание задачи, ее требований и того, как эти требования могут быть выполнены при изменении условий;

3) знание стратегий для выполнения этой задачи, (познавательные стратегии, призванные достигать целей и метапознавательные стратегии, призванные контролировать продвижение (прогресс) познавательных стратегий).

Дж. Флейвелл предлагает обобщенное определение конструкта «метакогнитивный опыт». Это – сложный аффективно-когнитивный комплекс, обеспечивающий включенность в различные виды деятельности. Он обеспечивает общую метакогнитивную оценку осуществляемых действий: понимания или непонимания информации, субъективную легкость – сложность актуализации материала, успешности или неуспешности в достижении цели.

Итак, с конца 1970-х и начала 1980-х гг. метакогнитивное направление становится одним из наиболее популярных направлений исследований познавательных процессов, а позднее – и всей личности. В настоящее время метакогнитивная психология представляет собой широчайшее направление зарубежной психологии, в рамках

которого выделился целый ряд относительно автономных сфер исследования: сфера метакогнитивного обучения, исследования в области нейропсихологии метакогнитивных процессов, анализ роли метакогнитивных функций в профессиональной деятельности, в особенности деятельности «субъект-субъектного» типа и, наконец, общепсихологические исследования, направленные на изучение структурно-функциональных закономерностей метапознавательных процессов и способностей [182, 216, 217, 243, 244].

Метакогнитивные процессы обладают явным своеобразием, поскольку они дифференцируются от иных традиционно изучающихся когнитивных процессов по четкому и понятному (по крайней мере, на первый взгляд) критерию: все они исходно направлены не на объективную, а на субъективную реальность; имеют своим предметом и «материалом» не внешнюю, а внутреннюю информацию, а также процессы ее преобразования.

Видные представители данного направления, Л. Нельсон и Л. Нарренс так определяют основные характеристики метакогнитивного направления, позволяющие сформулировать критерии отличия исследований в области метакогнитивизма от исследований, выполненных в рамках когнитивного и системного подходов [220].

1. Наличие в исследуемом объекте (свойстве, процессе, способности) одного или нескольких регулятивных уровней.

2. Постановка во главу угла исследований базового теоретического положения, согласно которому мозг как сложнейшая саморазвивающаяся система создает «модели» внешней и внутрипсихической реальности и в процессе онтогенетического развития происходит усложнение этих моделей.

3. Признание существования ряда результативных феноменов метапознавательной деятельности.

Заметный вклад в развитие представлений о предмете исследований в русле метакогнитивизма внесли работы Р. Клюве [197]. Он, опираясь на работы Дж. Флейвелла, выделил два признака метакогнитивных действий: знание относительно функционирования мышления; умение (и возможность) контролировать и регулировать направление процесса мышления. Кроме того, используя различие, сделанное ранее В. Райлом, Р. Клюве связал первый признак с декларативным знанием («сохраненные данные

в долговременной памяти»), а второй признак с процедурным знанием («сохраненные системные процессы») [217].

В своих работах Р. Клюве определяет функции метакогнитивных процессов [197]:

- 1) целеполагание,
- 2) мониторинг процесса решения задачи,
- 3) оценка эффективности выполнения задачи,
- 4) прогноз конечного результата деятельности.

Отдельным подклассом метакогнитивных процессов выступают регулятивные процессы, основные функции которых заключаются в следующем:

- определение наличных ресурсов, доступных для осуществления задачи,
- определение последовательности действий для осуществления целей,
- определение скорости и интенсивности когнитивных операций.

Итак, проведенный анализ литературы показывает, что и в отечественной, и в зарубежной психологии проводились отдельные, хотя и достаточно значимые исследования взаимосвязи аффективной и когнитивной составляющих психики. При этом западные авторы в основном сосредоточивали внимание на вычлениении эмоциональных компонентов интеллекта, тогда как отечественные исследователи изучали эмоциональное сопровождение мыслительной деятельности, в частности процесса творческого мышления. Возникшее в психологии относительно недавно метакогнитивное направление открывает новые возможности для изучения взаимосвязи когнитивных и эмоциональных аспектов психики с точки зрения метапроцессов¹. Дальнейшие изменения в изучении данной проблемы обусловлены появлением и достаточно интенсивным развитием новой концепции эмоционального интеллекта, которая будет рассмотрена в следующем параграфе.

---

¹ Данному вопросу будет специально посвящена вторая глава.

1.3. Понятие эмоционального интеллекта как теоретический конструкт общей и когнитивной психологии

В последнее десятилетие в научной и научно-популярной литературе стало появляться все больше работ, посвященных способностям в социальной и эмоциональной областях; в силу этого в центре интереса большой группы исследователей оказался феномен ЭИ.

Впервые данный термин был введен в 1985 г. в докторской диссертации У. Пэйна. В 1990 г. была опубликована работа двух американских исследователей Дж. Майера (университет Нью Гэмпшира) и П. Саловея (университет Йел), в которой описана концепция ЭИ [214]. Одно из более поздних определений ЭИ, сформулированное этими авторами, звучит как «способность глубокого постижения, оценки и выражения эмоций; способность понимания эмоций и эмоциональных знаний; а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту личности» [212]. «Человеческое мышление не ограничивается рассудочной калькуляцией. Хотя взаимосвязи эмоций и интеллекта очень разнообразны, лишь некоторые из них делают нас по-настоящему умнее. И эту довольно ограниченную сферу взаимного пересечения и влияния можно определить как эмоциональный интеллект», – считают П. Саловей и Дж. Мейер [212].

В широком смысле к ЭИ относят, таким образом, способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; имеются в виду как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей [183]. Широкий интерес к ЭИ свидетельствует о том, что данное понятие хорошо соответствует представлениям житейской так называемой «обыденной» психологии. К тому же ЭИ расширяет сложившиеся научные представления о разнообразии человеческих способностей, тем самым обогащая дифференциальную психологию. Понятие ЭИ соответствует и теории «множественного интеллекта» Х. Гарднера, особенно его взглядам на межличностный и внутриличностный интеллект [183]. Некоторые авторы считают, что ЭИ впоследствии удастся связать с объяснением эмоциональ-

ных явлений с точки зрения процессов переработки информации: такой подход уже показал свою продуктивность при разработке научных моделей академического интеллекта [199, 229].

В 1.2. была охарактеризована атмосфера, сложившаяся в психологии, которая способствовала появлению нового конструкта – ЭИ. Другими предпосылками возникновения ЭИ являются социокультурные факторы. Характерной чертой современного западного общества стало влияние традиций Востока [49, 52, 106]. В частности, это выражено в изменении рационалистической ментальности на более синтетическую, целостную, с акцентом на интуицию, субъективность, группоцентризм. Эти традиции приводят и к модификации ментальности Запада. Последнее выражается во влиянии на психологию возникновения и развития теории ЭИ. Для традиционного западного понимания интеллекта характерно исключение из него всего иррационального, нелогического как мешающего объективному отражению и интерпретации действительности. В концепции ЭИ, напротив, отражена тенденция включения иррациональной «составляющей» человеческой психики (эмоций, интуиции) в саму когницию как детерминанту успеха. Интеллект и эмоции, таким образом, находятся во взаимодействии, а не в антагонистических отношениях.

В качестве экономической предпосылки возникновения конструкта ЭИ выступает феномен так называемой «эмоциональной революции». Постепенно в дополнение к управлению материальным составляющим капитала, к нематериальным активам и четко формализуемым методам управления персоналом добавлялись методы управления эмоциями. Так возник новый ресурс – целенаправленное *эмоциональное управление* [107].

По мнению одной из английских консалтинговых компаний, работающей в этой области, увеличение эмоционального капитала в организации приносит ей такие преимущества, как высококачественные инновации, повышение доходности инвестиций в новые стратегии, технологии и приобретения [108].

Капитал компании складывается из материальных активов и интеллектуальной собственности. Эмоциональный капитал – еще менее материальная, но не менее значимая составляющая интеллектуального капитала. Стоимость интеллектуального капитала

зависит не только от нематериальных интеллектуальных компонентов, но и от эмоций, которые они вызывают в людях. Эмоциональный капитал, по мнению автора, является основой современного бизнеса [107]. Происходит эмоциональное воздействие всех составляющих рыночного капитала на клиентов, партнеров, проводников интересов компании, участников рынка труда (своих сотрудников, кандидатов, сотрудников конкурентов).

Итак, в современном обществе сложились определенные культурные, экономические и социальные предпосылки, способствующие появлению и развитию в психологической науке конструкта эмоционального интеллекта. Далее будут рассмотрены основные модели эмоционального интеллекта и проанализировано прикладное значение концепции ЭИ.

1.3.1. Теоретические аспекты понятия «эмоциональный интеллект»

За последние несколько лет стал формироваться ряд разнообразных концепций ЭИ. Для их описания нами использована классификация по методам измерения, используемым в данных подходах.

Смешанные модели включают когнитивные, личностные и мотивационные черты, благодаря чему они оказываются тесно связанными с адаптацией к реальной жизни и процессами совладания [161]. Смешанные модели ЭИ характеризуются большим разнообразием и отличаются друг от друга тем, какие личностные характеристики в них включаются. Эти модели предполагают измерение ЭИ с помощью опросников, основанных на самоотчете, подобных традиционным личностным опросникам. *Модели способностей* определяют ЭИ как совокупность субспособностей, измеряемых с помощью тестов, состоящих из заданий, имеющих правильные и ошибочные ответы [213]. Важно отметить, что результаты опросников и тестов ЭИ, базирующихся на этих двух моделях, низко коррелируют друг с другом, что вполне закономерно вызывает вопросы относительно научной состоятельности указанных подходов. Ниже будут более подробно рассмотрены данные модели.

Смешанные модели ЭИ

Концепция Дениела Гоулмена

Д. Гоулмен, включив понятие «ЭИ» в структуру социального и (шире) так называемого «лидерского интеллекта», обеспечил этому термину фантастическую и все увеличивающуюся популярность. Согласно Д. Гоулмену, ЭИ – это «способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» [187].

Д. Гоулмен настаивает на том, что ЭИ – это именно интеллектуальная способность. По Д. Векслеру, «интеллект есть умение действовать целенаправленно, рационально и эффективно с целью достижения успеха в данных условиях» (по[44]). «Стоит ли говорить, – пишет Д. Гоулмен, – что такая трактовка подразумевает не только мыслительный процесс, в строгом смысле этого слова, но и множество внеинтеллектуальных факторов» [187].

Конкретная структура ЭИ, по Д. Гоулмену, включает набор разнокачественных и даже разнонаправленных параметров. Во-первых, понимание собственных эмоций, целей и результатов своего поведения и, вместе с тем, понимание эмоций и поведения других людей; во-вторых, умение регулировать свои эмоции и поведение и влиять на поведение других людей. Д. Гоулмен выделяет 4 такие характеристики: самосознание (эмоциональное самосознание, точная самооценка, уверенность в себе); самоконтроль (контроль эмоций, открытость, адаптивность, воля к победе, инициативность, оптимизм); социальная чуткость (сопереживание, деловая осведомленность, предупредительность); управление отношениями (воодушевление, влияние, помощь в самосовершенствовании, содействие изменениям, урегулирование конфликтов, командная работа и сотрудничество) [187].

Эти качества, хотя и относятся к одной сфере, но разнонаправлены и потому представлены различным образом у одного и того же индивида. В понятие ЭИ включены как независимые характеристики и те из них, которые находятся в отрицательной взаимосвязи. Такова, например, связь между уровнем самопони-

мания и умением влиять на других людей. Очевидно, что эти характеристики в рамках одной личности, могут резко расходиться.

Д. Гоулмен считает, что единство интеллекта и эмоций необходимо для успешной деятельности руководителя, но отводит когнитивной составляющей второстепенную роль. Эмоции обладают большей силой и в моменты опасности эмоциональные центры (лимбическая система) подчиняют себе всю мыслительную деятельность.

Д. Гоулмен и Р. Бояцис разработали мультиоценочный опросник эмоциональной компетентности (Emotional Competence Inventory) для организаций [225, 278]. Данная методика измеряет следующие компоненты эмоционального интеллекта лидеров: самосознание, самоуправление, социальное сознание, социальные навыки. Опросник заполняет сам испытуемый и до 15 его коллег. Методика измеряет скорее компетентность в лидерстве, чем ЭИ; а ее использование ограничено в связи с узкой направленностью применения исключительно в менеджменте и употреблением в тексте опросника профессиональных терминов [34].

Концепция Рейвена Бар-Она

Р. Бар-Он – клинический психолог, который впервые ввел термин эмоционального коэффициента² (EQ – Emotional Quotient) как альтернативный традиционному «психометрическому интеллекту» (IQ) в 1985 г. Согласно Р. Бар-Ону, ЭИ – это «множество некогнитивных способностей и навыков, влияющих на способность успешно справляться с требованиями и давлением окружения» [162]. Важным вкладом автора в теорию и практику ЭИ является создание в 1996 г. опросника на измерение EQ (Emotional Quotient Inventory – EQ-i) [161].

Первоначально опросник был разработан для эмпирической проверки авторской теории детерминант позитивного психологического благополучия. Постепенно автор развил теоретически эклектичный и многофакторный подход для операционального

---

² Следует различать термины ЭИ – «эмоциональный интеллект» и EQ – «коэффициент эмоционального интеллекта».

описания и количественной оценки сложно взаимосвязанных концепций эмоционального интеллекта (некогнитивных умений и навыков, влияющих на способность индивида успешно совладать с требованиями окружения) и психологического благополучия (эмоционального здоровья).

В данном опроснике представлены пять основных компонентов эмоционального интеллекта:

1. Внутрличностный – знание об эмоциях, способность понимать и выражать эмоции (шкалы «эмоциональное самосознание», «напористость/настойчивость», «самоуважение», «независимость», «самоактуализация»).

2. Межличностный – способность осознавать, понимать и принимать чувства других («эмпатия», «социальная ответственность», «межличностные отношения»).

3. Адаптируемость – способность приспособливать чувства, мысли и поведение к изменяющимся условиям и ситуациям, а также управлять этими изменениями («реалистичность», «гибкость», «решение проблем»).

4. Регуляция стресса («стрессоустойчивость», «контроль импульсивности»).

5. Общее настроение («оптимизм», «счастье»).

Большим преимуществом данного опросника является высокая надежность и валидность опросника, а также то обстоятельство, что он имеет детскую версию – для тестирования детей и подростков от 6 до 18 лет.

На примере рассмотренных выше смешанных концепций очевидно, что данные модели трактуют ЭИ не в качестве чисто когнитивной способности, а как сложное психическое образование, имеющее одновременно и когнитивную, и личностную природу. Такой подход позволяет использовать для измерения ЭИ опросники.

Применение опросников предполагает, что люди способны давать точный самоотчет относительно своего поведения и своих умений и навыков, входящих в понятие ЭИ. Это допущение представляется сомнительным, так как установлено, что самооценки когнитивных способностей лишь умеренно связаны с результатами объективных тестов интеллекта [222].

Можно было бы предположить, что люди лучше разбираются в собственном эмоциональном функционировании (в противоположность когнитивному); однако практически не существует эмпирических данных, которые подтверждали бы эту точку зрения. Так, опросники на эмпатию оказываются не связанными с объективными показателями «точности эмпатии» [174].

Опросники на ЭИ существенно различаются по своему содержанию, что отражает отсутствие общепринятой концептуализации ЭИ. Следует учесть, что новые методики появляются почти еженедельно, причем многие из них не имеют под собой достаточных научных оснований.

Большинство из этих методик не базируются на едином организующем принципе, в отличие, например, от современных методов измерения личности. Каждая методика основывается исключительно на субъективных взглядах ее автора. Например, Д. Гоулмен [186] предполагает, что к эмоциональным способностям относятся, с одной стороны, осознание и распознавание эмоций, с другой – регуляция эмоций и управление ими. При этом эмоциональные способности могут быть направлены на свои или на чужие эмоции. В рамках этого взгляда ЭИ включает самосознание, осознание социальных взаимодействий, управление собой, управление отношениями – все эти компоненты измеряются опросником ЕСІ [225]. В противоположность этому опросник Р. Бар-Она EQ-і состоит из 15 первичных факторов, которые объединяются в 5 факторов второго порядка [161].

Показательно, что шкалы этих опросников не очень похожи друг на друга. Например, EQ-і включает шкалы, соответствующие всем кластерам ЕСІ, хотя осознание социальных взаимодействий и социальные навыки объединяются в один фактор межличностной компетентности. Сейчас появляются эмпирические исследования степени сходства этих опросников, что может привести к возникновению более четких смешанных моделей; однако пока смешанные модели недостаточно соотносятся друг с другом [209].

Техника конструирования опросников хорошо отработана, поэтому можно было бы легко оценить качество предлагаемых методик. К сожалению, необходимые данные доступны далеко не

всегда. Например, Д. Гоулмен [38] при описании ЕСІ часто ссылается на неопубликованные данные. В главе учебника по ЭИ, посвященной ЕСІ, упоминаются трудности с эмпирическим воспроизведением его гипотетических кластеров [187]. Недавний технический отчет [225] отмечает удовлетворительную внутреннюю согласованность (средняя α Кронбаха = 0,75), но невысокую ретестовую надежность (средний коэффициент устойчивости равен 0,36). Таким образом, необходима работа по изменению и усовершенствованию пунктов ЕСІ. В целом надежность опросников на ЭИ оказывается более или менее удовлетворительной, однако обоснованность их внутренней структуры и точная интерпретация шкал, как правило, не вполне ясны.

Вместе с тем методики для измерения ЭИ, основанные на самоотчете, демонстрируют хорошую критериальную валидность. Например, получены связи ЕСІ с размером зарплаты и восприятием собственного жизненного успеха у группы менеджеров, работающих в финансовом секторе [242]. В этом же исследовании на других выборках получены положительные корреляции ЕСІ с успешностью на работе у телефонистов и руководителей колледжей. Однако в каждом случае корреляции довольно низки (примерно 0,20) и/или получены на небольших выборках (от 25 до 90 испытуемых). Кроме этого, в результатах содержатся некоторые противоречия. Например, несмотря на положительную корреляцию между зарплатой и ЕСІ у финансовых менеджеров, количество продвижений по службе и собственное восприятие финансовой успешности коррелирует с ЕСІ отрицательно.

Подход Р. Бар-Она [161] основывается на идее, согласно которой ЭИ должен способствовать адаптации человека к реальной жизни. Действительно, в исследованиях показано, что его опросник EQ-i положительно коррелирует с приспособленностью, субъективным благополучием и социальным успехом. Высокие баллы EQ-i связаны также с более частым использованием стратегии совладания, направленных на проблему, по сравнению с использованием стратегий совладания, направленных на эмоции. Однако результаты этих исследований поднимают вопросы конструктивной валидности. Р. Бар-Он сообщает об отрицательных корреляциях (например, $r=-0,85$) между EQ-i и шкалой, оценивающей выра-

женность психопатологических симптомов [162]. Возможно, EQ-i измеряет не столько способность, позволяющую преодолевать жизненные трудности, сколько последствия встреч с этими жизненными трудностями. Тесная корреляция с психопатологическими симптомами может свидетельствовать о проблемах с конструктивной валидностью, особенно если учесть, что одной из шкал опросника является так называемое «общее настроение».

Многие данные свидетельствуют о том, что опросники на ЭИ не коррелируют с баллами интеллектуальных тестов. Такие данные получаются на разнообразных выборках с применением разных методик. Так, EQ-i имеет близкие к нулю корреляции с тестом Векслера WAIS, Прогрессивными матрицами Равена и Шкалой общих умственных способностей для взрослых [175]. Корреляции между ЕСИ и Тестом на критическое мышление Уотсона-Глейзера оказались низкими и отрицательными [177]. Принято считать, что любые когнитивные способности должны положительно коррелировать с интеллектом. Отсутствие таких корреляций у опросников на ЭИ свидетельствует об их низкой конвергентной валидности. В совокупности эти данные позволяют поставить вопрос о том, измеряют ли опросники на ЭИ нечто имеющее отношение к интеллекту [209].

Вместе с тем неоднократно показано, что опросники на ЭИ коррелируют с известными личностными чертами. Особенно существенно пересечение этих методик с факторами модели «Большая пятерка» (нейротизмом, экстраверсией, открытостью опыту, доброжелательностью, сознательностью). Наиболее сильная связь наблюдается с нейротизмом: корреляции часто являются приближенными к максимальным. В этих случаях можно говорить о том, что измеряется эмоциональная устойчивость, а не отдельный новый конструкт [224]. Если опросники умеренно связаны с нейротизмом, то они часто дают высокие корреляции с экстраверсией и/или открытостью опыту. Связи у разных опросников на ЭИ с личностными чертами весьма разнообразны. Это свидетельствует о том, что эти методики измеряют разные аспекты ЭИ. Кроме этого, возникает подозрение, что опросники на ЭИ измеряют не что иное, как некоторую комбинацию личностных черт.

В настоящее время методики для измерения ЭИ, основанные на самоотчете, сталкиваются со многими трудностями. Различные концептуализации конструкта ЭИ недостаточно согласуются друг с другом, и пока отсутствуют внятные основания для утверждения, что люди способны адекватно оценить свои способности в области понимания эмоций и управления ими. В частности, (по определению) люди с низким ЭИ должны плохо осознавать свои способности в этой области. Эмпирические исследования позволили разработать достаточно надежные шкалы с приемлемой критериальной валидностью. Однако эти шкалы пересекаются с методиками, измеряющими личностные черты, что свидетельствует о недостаточной дивергентной валидности. Дальнейшие исследования, по-видимому, смогут прояснить вопрос о связи личностных черт с ЭИ; однако пока нет данных, подтверждающих, что опросники на ЭИ измеряют характеристики, имеющие отношение к интеллекту.

Модели способностей

Концепция Дж. Мэйера, Д. Карусо и П. Сэловея

Основная модель ЭИ как способности была предложена Дж. Мэйером и П. Сэловеем [214]. Они определяют ЭИ как способность воспринимать, вызывать эмоции, повышать эффективность мышления с помощью эмоций, понимать эмоции и эмоциональные знания и рефлексивно регулировать эмоции для эмоционального и интеллектуального развития. ЭИ представляет собой комбинацию 4 способностей.

Восприятие, идентификация эмоций (собственных и других людей), выражение эмоций. Представляет собой способность определить эмоции по физическому состоянию, чувствам и мыслям; определить эмоции других людей через произведения искусств, речь, звуки, внешний вид и поведение, точно выражать эмоции и потребности, связанные с данными чувствами; дифференцировать истинные и ложные выражения чувств.

Фасилитация мышления – способность вызвать определенную эмоцию и потом контролировать ее, т.е. то, как эмоции входят в когнитивную систему и изменяют когниции. Эмоции на-

правляют внимание на важную информацию; помогают в рассуждениях и в памяти на чувства, смена настроения с оптимистического на пессимистическое позволяет учитывать разные точки зрения; эмоциональные состояния по-разному помогают в конкретных подходах к решению проблем.

Понимание эмоций – способность интерпретировать сложные эмоции и эмоциональные переходы с одной стадии на другую, анализ эмоций, использование эмоциональных знаний. Понимание эмоций представляет собой способность классифицировать эмоции и распознавать связи между словами и эмоциями; интерпретировать значения эмоций, касающихся взаимоотношений; понимать сложные (амбивалентные) чувства; осознавать переходы от одной эмоции к другой.

Управление своими эмоциями и чувствами других людей. Это рефлексивная регуляция эмоций, необходимая для эмоционального и интеллектуального развития, которая помогает оставаться открытым к позитивным и негативным чувствам; вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы; осознавать эмоции, определять их ясность, типичность, целесообразность и т.д.; управлять своими и чужими эмоциями с помощью сдерживания негативных чувств и повышения положительных, без искажения содержащейся в них информации.

По мнению авторов, эмоционально интеллектуальный человек должен постоянно справляться с состояниями эмоциональной нестабильности. Управление эмоциями подразумевает понимание развития отношений с другими людьми, что требует учета различных вариантов развития эмоций и их выбора. Регулирование эмоций должно быть пластичным.

Перечисленные способности иерархически организованы и объединяются в четыре «ветви». Такая иерархическая организация основывается на следующих аргументах. Способность распознавать и выражать эмоции (первая «ветвь») является необходимой основой для порождения эмоций в целях решения конкретных задач (вторая «ветвь»). Эти две способности имеют процедурный характер. Они являются основой для декларативной способности к пониманию событий, предшествующих эмоциям и

следующих за ними (третья «ветвь»). Все вышеописанные способности необходимы для внутренней регуляции собственных эмоциональных состояний и для успешных воздействий на внешнюю среду, приводящих к регуляции собственных и чужих эмоций (четвертая «ветвь»).

Авторами была создана методика MSCEIT (J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso, 2002), в которую входит по 2 субтеста на каждую их четырех «ветвей» [215].

Наиболее серьезная проблема тестов ЭИ состоит в определении метода подсчета баллов, так как все существующие подходы оказываются при ближайшем рассмотрении весьма спорными. Основная трудность состоит в том, какой вариант ответа считать правильным и на каком основании. По этому поводу имеет место острая полемика. Подсчет баллов на основе консенсуса выборки может просто выражать представления и даже предрассудки относительно эмоций, характерные для данной культуры. Подсчет баллов на основе экспертных оценок также весьма сомнителен, поскольку не вполне ясно, по какому критерию выбирать экспертов, мнение которых относительно эмоций можно считать действительно адекватным.

Несмотря на отмеченные проблемы, в целом тесты ЭИ обладают хорошими психометрическими свойствами. Подсчет баллов на основе консенсуса и на основе экспертных оценок дает в целом приемлемые показатели надежности, хотя надежность отдельных субтестов оказывается невысокой [206]. Ретестовая надежность общих баллов по MSCEIT, замеренная с промежутком в три недели, достаточно высока ($r=0,86$), хотя данные по отдельным шкалам не приводятся [172]. Надежность других тестов ЭИ не столь высока, поэтому пока они могут использоваться только в исследовательских целях.

Валидизация MSCEIT находится лишь на первых этапах, но уже обнаружено, что способность к управлению эмоциями статистически значимо коррелирует на уровне 0,20 – 0,40 со степенью развития социальных навыков, позитивными отношениями с окружающими, отсутствием негативных взаимодействий с близкими друзьями [204].

MSCEIT демонстрирует хорошую дивергентную валидность по отношению к личностным методикам. Часто сообщается о связях с факторами, входящими в модель «Большая пятерка», например, о положительных корреляциях с дружелюбием и сознательностью и об отрицательных связях с нейротизмом [204, 209]. Величина этих корреляций обычно варьирует вблизи величины 0,30. С ЭИ также коррелируют эмпатия и самооценка [209]. Корреляции между тестами и опросниками на ЭИ обычно низкие или умеренные; в основном такие связи наблюдаются с первой и четвертой «ветвями» иерархической модели, т.е. с «восприятием эмоций» ($r=0,20$) и «управлением эмоциями» ($r=0,30$) [206]. Такие корреляции достаточно низки, это заставляет предположить, что данные две модели измерения ЭИ имеют мало общего.

Тесты ЭИ в большей степени, чем опросники, позволяют измерять конструкты, весьма отличные от уже выделенных в психологии способностей и личностных факторов. Методики MEIS и MSCEIT обеспечивают надежное измерение ЭИ и обладают более или менее удовлетворительной критериальной валидностью. Последние данные свидетельствуют также об их инкрементной валидности по отношению к способностям и личностным чертам. Однако остается нерешенной проблема критерия подсчета баллов, хотя в MSCEIT удалось добиться соответствия результатов подсчета, основанных на консенсусе и на оценках экспертов. Можно предположить, что оба метода приводят к оценке не эмоциональных способностей испытуемых, но их конформности по отношению к социальным нормам, так как суждения экспертов и обычных людей, возможно, выносятся под влиянием этих норм [92]. Кроме того, неясно, как конструкт ЭИ соотносится с рядом других способностей личности.

Итак, методы измерения эмоционального интеллекта находятся на стадии разработки. Перед авторами опросников и тестов стоят нерешенные проблемы, связанные с валидностью, надежностью, созданием системы подсчета баллов. Тем не менее достигнутые результаты позволяют использовать методики для диагностики ЭИ в исследовательских целях.

1.3.2. Прикладное значение эмоционального интеллекта

Интерес к ЭИ во многом связан с многочисленными декларациями о его практической важности в различных областях. Так, например, утверждается, что ЭИ крайне важен для успеха в юридических, медицинских, педагогических и инженерных профессиях [187, 203 и др.]. Эти утверждения, как правило, оказываются недостаточно обоснованными или же вообще декларативными. Ниже будет проанализирована возможность использования понятия ЭИ в двух прикладных областях: в организационной психологии и в сфере образования. Следует отметить также, что существуют, конечно, и другие области, в которых ЭИ может быть актуальным: геронтопсихология, взаимодействие человека с компьютером и клиническая психология и др. [209].

ЭИ в организационной психологии

Поскольку вопрос о взаимосвязи ЭИ и управленческой деятельности является одним из центральных в данной работе, перед тем как перейти к рассмотрению вопроса о прикладных аспектах эмоционального интеллекта в психологии управления, следует описать основные подходы к изучению деятельности руководителя и дать характеристику ее стилевым особенностям.

Подходы к изучению деятельности руководителя. Для того чтобы определить роль ЭИ в управленческой деятельности и выявить механизмы его функционирования в ходе практической деятельности, необходимо хотя бы в основных чертах остановиться на раскрытии содержания деятельности управления.

Изучение деятельности руководителя выступает объективно главной проблемой теории управления. Деятельность руководителя является очень специфичной и по своему *предмету* (ее объект воздействия – «управляемые» люди), и по *процессу* (это деятельность по организации деятельности, то есть «деятельность второго порядка» – *метадеятельность*), и по *содержанию* (это реализация определенных управленческих функций), и по двойственному организационному *статусу* ее субъекта – руководите-

ля [59]³. Она имеет синтетическую индивидуально-совместную природу, характеризуется опосредованной связью с конечными результатами функционирования той или иной организации [59].

Несмотря на огромное количество исследований содержания управленческой деятельности, до сих пор отсутствует ее целостная и обобщенная характеристика. В настоящее время имеет место несколько основных подходов к изучению управленческой деятельности. Основными способами ее изучения являются «микроанализ» (включающий пооперационный и хронометрический подходы); «эмпирический» анализ (включающий анализ «видов содержания» труда и ситуационный подход); деятельностно-психологический; ролевой; дименциональный; нормативный и функциональный подходы [51, 86, 99]. Каждый из них направлен на описание какого-либо ее аспекта, а их сопоставление позволяет выявить ряд дополнительных особенностей управленческой деятельности и методов ее изучения.

Среди психологических подходов наибольшее значение представляет *функциональный* подход как доминирующий и наиболее адекватный способ раскрытия содержания деятельности руководителя. А. Файоль и его последователи сформулировали основы функционального анализа. Система управленческих функций практически инварианта для любого вида управленческой деятельности и включает такие функции, как целеполагание, планирование, мотивирование, организацию принятия решения, контроль, оценку и др., а также способы их организации. Они составляют суть и специфику этой деятельности в целом именно как особого типа профессиональной деятельности, независимо от ее конкретных разновидностей. Именно в русле этого подхода получены наиболее значимые и комплексные данные, осуществлена детализированная и разноплановая характеристика управленческой деятельности (см. обзор в [99]).

Функциональный анализ относится преимущественно к организационным методам исследования управленческой деятельно-

---

³ Обобщающая психологическая концепция управленческой деятельности разработана и представлена нами в [59].

сти. Обьективированный анализ может быть дополнен изучением психологических закономерностей, специфичных для каждой из основных управленческих функций. В качестве единиц анализа деятельности рассматриваются основные функции руководителя.

В настоящее время, как уже отмечалось, к сожалению, отсутствует целостная и общепризнанная классификация системы управленческих функций, что обусловлено их многообразием, многомерностью, разной степенью обобщенности, тесной взаимосвязанностью друг с другом, наличием первичных и вторичных функций, а также различием по их направленности и определенной зависимостью от содержания конкретной деятельности.

Эти трудности в значительной мере могут быть преодолены, если в основу построения системы управленческих функций положить не одно, а *несколько* оснований критериев, как было сделано в работе [59]. Эти критерии определяются самим содержанием деятельности руководителя; они зафиксированы в понятии основных «измерений» управленческого труда.

1. «Измерение», связанное с организацией и регуляцией непосредственно деятельности управления (административное измерение).

2. «Измерение», связанное с воздействием на важнейший и наиболее специфичный компонент управленческой деятельности – на персонал (кадровое измерение).

3. «Измерение», связанное с направленностью управленческой деятельности на организацию непосредственно самого технологического процесса (производственно-технологическое измерение).

Эти три «измерения» (административное, кадровое и производственно-технологическое), направленные соответственно на «администрирование», «на людей» и «на дело», образуют три основных «вектора» управленческой деятельности и задают ее общее «пространство». Они являются основаниями для выделения трех главных категорий управленческих функций. Кроме того, учет взаимосвязи управленческих функций и их комплексного проявления в деятельности требует выделения не только основных («первичных»), но и производных («вторичных») функций. Они являются формами интеграции функций всех трех указан-

ных категорий. Таким образом, все управленческие функции классифицируются по четырем основным категориям [59].

Первая группа – деятельностно-административные функции: целеполагание, прогнозирование, планирование, организация исполнения, мотивирование, принятие решения, коммуникация, контроль, коррекция.

Вторая группа – кадровые функции: управление персоналом, дисциплинарная, воспитательная, арбитражная, психотерапевтическая.

Третья группа – производственно-технологические функции: оперативного управления, материально-технического обеспечения, инновационная, маркетинговая.

Четвертая группа – производные (синтетические функции): интеграционная, стратегическая, представительская, экспертно-консультативная, стабилизационная.

Каждая из указанных функций в силу своей сложности включает два основных плана реализации. Первый – это индивидуальная деятельность руководителя по их осуществлению. Второй – общеорганизационный: любая из этих функций, именно в силу своей сложности, может быть обеспечена не только деятельностью руководителя, но требует подключения многих иных структур управляемой организации. Рассмотрение каждой функции должно быть достаточно общим и включать как ее индивидуальный, так и общеорганизационный аспекты.

Функциональный анализ управленческой деятельности неотъемлемо связан со следующим основным аспектом ее изучения – со стилевыми характеристиками ее реализации.

Стилевые особенности управленческой деятельности

Эффективность управленческой деятельности в рамках поведенческого подхода значимо определяется стилем поведения по отношению к подчиненным. Специфичность этого подхода связана с тем, что установленные в нем стили руководства были выделены на основе главного критерия, заложенного в самой сути управления – в формах реализации руководителем своих властных полномочий. Степень, в которой руководитель делегирует свои полномочия и типы власти, используемой им, решающим образом влияют на манеру его поведения, на стиль руководства.

Существует, как известно, несколько классификаций стилей руководства. Традиционно принято брать за основу этого так называемый «автократично-либеральный континуум» [99]. Автократичный руководитель стремится концентрировать власть в своих руках, рассматривает всех иных только как подчиненных, исполнителей, не проявляет о них должной заботы, берет на себя всю ответственность за результаты, оставляет за собой решающее слово в любом вопросе. Противоположный ему либеральный тип руководителя склонен в максимальной степени делегировать другим ответственность, учитывать их мнения при принятии решений, а часто и идти у них на поводу, предоставлять свободу исполнителям, граничащую с невнимательностью и попустительством, старается минимально вмешиваться в естественный ход событий.

Д. МакГрегор соотнес автократичного руководителя по отношению к работникам с так называемой теорией «Х». Управление при этом строится на следующей системе установок: люди изначально не любят трудиться и при любой возможности избегают работы; у людей нет честолюбия, и они стараются избавиться от ответственности, предпочитая, чтобы ими руководили; больше всего люди хотят защищенности; чтобы заставить людей трудиться, необходимо использовать принуждение, контроль и угрозу наказания [86].

Для демократичного руководителя, напротив, характерно отношение к подчиненным на основе теории «Y». Для него свойственны следующие представления: труд – процесс естественный; если условия благоприятные, люди не только примут на себя ответственность, но и будут стремиться к ней; если люди приобщены к организационным целям, они будут использовать самоуправление и самоконтроль; приобщение является функцией вознаграждения, связанного с достижением цели; способность к творческому решению проблем встречается часто, а интеллектуальный потенциал человека используется лишь частично. Демократичный лидер исходит из предположений о мотивированности людей потребностями более высокого уровня: в социальном взаимодействии, в успехе, в самовыражении. Он старается создать такую ситуацию, при которой люди могли бы самоактуализировать себя, а работа как таковая являлась бы для них мотиватором.

Альтернативный способ реализации поведенческого подхода был предложен Р. Лайкертом. В основу им была положена дихотомия: «руководитель, ориентированный на работу, – руководитель, ориентированный на человека» [86]. Р. Лайкерт сформировал концепцию «четырёх систем лидерства». Система 1 – эксплуататорско-авторитарная. Руководители, принадлежащие к этому стилю, имеют выраженные характеристики автократа. Система 2 называется благосклонно-авторитарной. Эти руководители могут поддерживать авторитарные отношения с подчиненными, но они допускают их, хотя и ограниченно, участвовать в принятии решений. Мотивация создается вознаграждением и в некоторых случаях – наказанием. В целом в системе 2 руководители соответствуют типу благосклонного автократа. Руководители системы 3, называемой консультативной, проявляют значительное, но неполное доверие подчиненным. Имеется двустороннее общение и значительная степень консультативных контактов между руководителем и подчиненными. Система 4 подразумевает преимущественно самоуправление, групповое участие работников в принятии решений. Это система, основанная на участии, или партисипативная система. По мнению Р. Лайкерта, она самая действенная. Отношения между руководителем и подчиненными носят дружеский характер, они взаимодоверительны. Принятие решений в высшей степени децентрализовано. Общение носит выраженный двусторонний и неформальный характер. Лидеры системы 4 соответствуют руководителям, поощряющим участие исполнителей в управлении (теория «Z»)⁴. В настоящее время схема Р. Лайкерта рассматривается не как альтернативная по отношению к континууму «авторитарности-либеральности», а как углубляющая и детализирующая его (цит. по [96]).

Общей особенностью рассмотренных подходов является их одномерность. Следующий, более совершенный подход базируется на двухмерном представлении управленческой деятельности, т.е. на сочетании двух критериев выделения общеуправлен-

---

⁴ Как известно, данная теория получила наиболее полное воплощение в практике японского менеджмента [59, 99].

ческих стилей. В основе выделения стилей в этом случае лежит сочетание двух критериев управленческой деятельности – «ориентированности на работу» и «ориентации на человека». Такое сочетание дает в итоге «управленческую решетку», предложенную Р. Блейком и Д. Моутоном [51]. Посредством сочетания двух критериев выделяются пять основных стилей руководства, имеющих соответственно формулы: «1;1»; «1;9»; «9;1»; «9;9»; «5;5». Их метафорические обозначения и основные особенности состоят в следующем.

1;1. Объединенное управление («страх перед бедностью»). Руководитель прилагает минимум личных усилий и требует аналогичного минимума со стороны других, чтобы добиться лишь такого качества работы, которое позволит избежать увольнения.

1;9. Управление в духе загородного клуба («дом отдыха»). Руководитель сосредотачивается на хороших, дружеских отношениях с подчиненными, но мало заботится об эффективности выполнения заданий.

9;1. Власть – подчинение («доминирование»). Руководитель полностью поглощен обеспечением эффективности деятельности, но мало внимания уделяет поддержанию позитивных отношений в организации.

5;5. Организационное управление («организация»). Руководитель стремится к обеспечению приемлемого качества, находя баланс эффективности и хорошего морального настроения.

9;9. Групповое управление («команда»). Благодаря постоянному вниманию одновременно к подчиненным и к эффективности работы руководитель добивается того, что исполнители сознательно приобщаются к целям организации. В итоге обеспечиваются и высокие результаты организационного функционирования, и хорошие человеческие отношения. Это – наиболее эффективный стиль руководства [70].

Еще один – адаптивный – подход характеризует собой уже современный этап изучения стилей руководства. В его рамках установлен и описан партисипативный (иногда его обозначают как «соучаствующий») стиль руководства, имеющий следующие основные черты. Руководитель регулярно совещается с подчиненными, он открыт в отношениях с ними. Подчиненные вовлечены

в разработку и принятие организационных решений. Руководитель делегирует подчиненным ряд своих полномочий. Рядовые работники участвуют как в планировании, так и в осуществлении организационных изменений. Существует также практика создания особых рабочих групповых структур, наделенных правом самостоятельного принятия решения (рабочие комитеты, автономные рабочие группы). Работникам предоставляется возможность автономно разрабатывать те или иные проблемы, формулировать новые идеи, внося тем самым вклад в развитие инновационных процессов. Партисипативный стиль обычно дает наиболее высокие показатели организационного функционирования, но он применим не всегда, поскольку требует очень высокой квалификации не только руководителя, но и, что еще труднее, подчиненных, а также наличия ряда организационных условий [51].

Управленческая деятельность является основной прикладной сферой, в которой активно используется конструкт ЭИ. Р. Купер и А. Саваф утверждают: «...если интеллектуальной движущей силой в бизнесе XX в. был IQ, то... в начале XXI в. это будет EQ» [173]. Эта позиция подтверждается обзором практики психологической работы в крупных бизнес-организациях, который показал, что в четырех пятых из них используется понятие ЭИ [206]. Во многом это порождается желанием найти конструкт, связанный с той долей профессионального успеха, которая не объясняется психометрическим интеллектом. Однако измерение ЭИ будет иметь смысл, если только оно даст дополнительную информацию, которую нельзя получить с помощью существующих методик, то есть методики на измерение ЭИ должны обладать критериальной, прогностической и инкрементной валидностью.

Один из сторонников применения ЭИ в бизнесе М. Кетс де Вриес в книге «Мистика лидерства» определяет эмоциональный потенциал как «понимание мотиваций – своих и других людей» [221]. По мнению автора, эмоциональный потенциал играет главную роль в вопросе лидерства. Люди с большей эмоциональной чувствительностью намного чаще становятся эффективными лидерами. Приобретение эмоциональной чувствительности – это процесс, основанный на опыте.

М. Кетс де Вриес приводит характеристику людей, обладающих высоким эмоциональным потенциалом. Такие люди строят более устойчивые межличностные отношения, лучше могут мотивировать себя и других, более активные, новаторские и творческие, более эффективные лидеры, лучше работают в условиях стресса, лучше справляются с переменами, находятся в большей гармонии с самими собой [221].

Чем выше руководитель находится в организационной иерархии компании, тем более важным для него становится ЭИ (и менее важными технические навыки). Хотя людей нанимают сначала ради специфических технических навыков, именно эмоциональный потенциал отличает успешную карьеру от карьерного застоя. «Крушения» вблизи от вершины организации чаще всего вызваны недостатком эмоционального развития. Сопереживание и самоанализ – важнейшие факторы,двигающие карьеру. Высокий EQ не дает свободного управления эмоциями. Это значит, что человек с высоким EQ реалистично относится к себе и другим, принимая человеческую природу со всем ее разнообразием, правильно использует чувства. Высокий EQ ведет к принятию более адекватных решений, реалистичному взаимодействию с людьми и предотвращает разочарования.

Управление эмоциями – важнейший навык для лидера, по мнению автора. М. Кетс де Вриес рассматривает навыки, наиболее важные для эффективного руководства. Среди них – динамизм (стремление к достижениям), коммуникабельность, восприимчивость, готовность соглашаться (стремление к компромиссу, командный стиль руководства), надежность, аналитический интеллект, эмоциональный потенциал (способность к сопереживанию, эмоциональная устойчивость, реалистичность).

Энтузиазм относительно ЭИ объясняется потребностью найти способности, которые представляются необходимыми для эффективной профессиональной деятельности, требующей хорошей эмоциональной регуляции, эмпатии, управления мотивацией. Д. Гоулмен [187] утверждает, что более чем в 500 организациях, принадлежащих *Naу Group*, ЭИ объяснял 85% (!) успеха деятельности руководителей высокого звена. При этом, правда, не при-

водится никаких эмпирических данных, что вообще характерно для работ по данной тематике.

Есть определенные основания для скептицизма по отношению и к той идее, что ЭИ более эффективен при отборе кадров, чем традиционный психометрический интеллект. Обзор литературы позволяет заключить, что опубликованные конкретные, и особенно *эмпирические*, исследования по этой теме (а их крайне мало) не дают оснований считать, что ЭИ предсказывает профессиональную успешность лучше, чем уже существующие методики на измерение способностей и личностных особенностей. Например, в одной из работ [231] опросник EQ-i был проведен на 224 менеджерах большой сети супермаркетов. Общие баллы EQ-i оказались тесно связанными с субъективными показателями, такими как рабочий настрой менеджеров, но не с объективными показателями успешности: EQ-i объяснял лишь 4% (!) дисперсии последних. Достоверность даже этой слабой связи остается под вопросом, так как не контролировался вклад способностей и личностных особенностей.

Сторонники применения ЭИ в организационной психологии утверждают также, что развитие у работников способностей в эмоциональной области оказывает положительное влияние на их деятельность [221]. Предлагаются методы для развития отдельных компонентов ЭИ, даются рекомендации для повышения эффективности программ развития ЭИ. Опубликованные данные свидетельствуют об определенной успешности этой работы, однако остается неясным, действительно ли предложенные программы развивают именно ЭИ или другие способности, такие, например, как социальные навыки.

Эмоциональный интеллект в образовании

Ряд исследователей утверждает, что в школе необходимо проводить обучение, направленное на развитие эмоциональной компетентности [159, 224]. Такое «эмоциональное образование» может осуществляться через прямое обучение, создание определенного психологического климата, вовлечение учеников, учителей и родителей в совместную деятельность. Предполагается, что, подобно другим навыкам, ЭИ может развиваться в результа-

те систематического обучения. Поэтому педагоги с большим интересом относятся к понятию ЭИ.

Так, В. Юркевич предприняла попытку ввести понятие «ЭИ» в контекст психологии развития ребенка, а именно развития одаренных подростков [156]. По мнению автора, ЭИ поддается развитию и направленному обучению в большей мере, чем абстрактно-логический. Возможно, что ярко выраженная зависимость креативности от обучения, от условий среды в целом связана как раз с тем значительным весом, который занимает в творческой деятельности ЭИ.

Для развития эмоциональной компетентности и владения эмоциями очень важно совершенствовать процесс восприятия и эмоциональную оценку действительности. Основным способом развития ЭИ заключается в стимулировании фантазии, воображения ребенка в дошкольном периоде, использовании сюжетно-ролевой игры как мощного и, по сути, главного средства развития ЭИ.

Любая интенсификация логического интеллекта в дошкольном возрасте, как правило, приводит к трудностям развития ЭИ, а в конечном итоге – к деформации личности. Более того, именно это обстоятельство и есть причина трудностей самоактуализации многих людей, в том числе и тех, кто в детстве относился к числу одаренных детей с опережающим темпом умственного развития (вундеркиндов). Выяснилось, что у 95% особо одаренных детей в той или иной мере отмечаются трудности функционирования ЭИ. Автор считает, что практически все проблемы развития особо одаренных детей так или иначе связаны с недостатком развития ЭИ [156]. Именно проблемы ЭИ составляют основную причину трудностей особо одаренного ребенка в общении и в познавательной деятельности.

В. Юркевич использует для развития ЭИ разработанный ей метод «развивающего дискомфорта». Его суть и высокая вероятность успеха основаны именно на ситуации выраженных отрицательных переживаний в начале деятельности (на этапе переживания ситуативного кризиса), а затем – после этапа успешного преодоления – на появлении ярко выраженных положительных эмоций.

Установленный эмпирически факт, согласно которому метод развивающего дискомфорта приводит к изменению ЭИ, подтверждает то обстоятельство, что, наряду с позитивными сдвигами в произвольной саморегуляции, у участников работы по этому методу заметно улучшаются и навыки общения, и даже понимание состояния других людей в сложных ситуациях. При этом существенно, что изменения в произвольной саморегуляции по данному методу происходят не постепенно, а скачкообразно, «неожиданно» и для взрослых, и для самого школьника. По мнению автора, реальная помощь одаренным детям состоит в организации такой среды, которая стимулировала бы у них развитие ЭИ во всех его проявлениях.

Кроме развития ЭИ, вызывает интерес его использование как предиктора учебных достижений. Утверждается, что высокий ЭИ приводит к повышению продуктивности учебной деятельности и к высокой успеваемости: «Исследования показали, что эмоциональный и академический интеллект являются независимыми характеристиками и что эмоциональный интеллект лучше предсказывает успех в школе» [159]. Некоторые авторы считают, что исследования в этой области заново открыли то, что уже известно хорошим педагогам и родителям: понимание себя и других и умение использовать эти знания для решения проблем являются основой успешной учебы [186]. Однако существует мало *эмпирических* доказательств того, что ЭИ действительно предсказывает школьную успеваемость. Практически нет пока и исследований, которые доказывают, что ЭИ может способствовать прогнозу успеваемости по сравнению с академическим интеллектом.

Тем не менее достаточно большое внимание уделяется тому, как можно развивать ЭИ в школе. Разрабатываются многочисленные программы по развитию социального и ЭИ у учеников [188]. Постепенно накапливаются сведения о том, что эти программы дают положительный эффект. Анализ полученных в этом плане результатов показал, что работа по таким программам оказывает благотворное действие на психическое здоровье, снижение употребления алкоголя и курения, уменьшение антисоциального поведения [188]. Однако практически не проводится строгих (эмпирических и диагностических) замеров эффективности тако-

го рода программ. Нет убедительных данных и относительно того, как они влияют на компоненты ЭИ, что, собственно, и должно быть основным мерилем их валидности. Таким образом, остается неясным, способствуют ли эти программы развитию ЭИ. Весьма вероятно, что они просто содействуют развитию навыков общения и улучшению психологического климата в школе. Предстоит провести большую работу, включающую, прежде всего, формулировку теоретической основы для методов развития ЭИ и процедуры реализации тестов ЭИ до и после проведения программ для строгой оценки их эффективности.

Итак, обобщая материал, представленный в данной главе, можно заключить, что в последние годы наметился определенный прогресс в формировании научных основ ЭИ, однако остается много серьезных трудностей, прежде всего, теоретического плана. В первую очередь, это касается определения самого понятия ЭИ. Точки зрения разных авторов по этому поводу согласуются лишь частично, многие важные положения четко не сформулированы; иногда понятие ЭИ трактуется чрезмерно широко. Существование двух типов моделей ЭИ («смешанных» и «моделей способностей») приводит к разным подходам к его измерению; причем эти подходы дают результаты, как правило, не согласующиеся друг с другом. Измерение ЭИ с помощью опросников достаточно надежно и обладает приемлемой критериальной валидностью. Однако результаты таких опросников трудно отличить от результатов личностных опросников, что остро ставит проблему их инкрементной валидности. Измерение ЭИ с помощью тестов представляется более предпочтительным с теоретической точки зрения, однако его критериальная валидность недостаточно высока. Возможно, тесты ЭИ измеряют не столько определенную способность, сколько соответствие представлений испытуемого об эмоциях культурным нормам.

Создание целостной психологической теории ЭИ – это, конечно, лишь перспектива. Остается неясным, на каких когнитивных *процессах* основывается ЭИ и какую роль он играет в адаптации человека к окружающему миру. Энтузиазм относительно важности понятия ЭИ для практики пока представляется чрезмерным и преждевременным. В организационной психологии со-

брано недостаточно данных для того, чтобы считать связь ЭИ с профессиональной успешностью значимой и существенной. Вместе с тем представляется очевидным, и то, что данный конструкт очень важен для определенных профессий, связанных, прежде всего, с интенсивной коммуникацией. Аналогичным образом, пока нет убедительных эмпирических доказательств важности ЭИ в обучении, но представляется необходимым и продуктивным продолжать поиски в этой области.

Итак, широко распространенные в настоящее время утверждения относительно важности ЭИ в профессиональной деятельности и в различных сферах жизни пока не получили строгого эмпирического подтверждения. Первая волна исследований ЭИ позволила выделить некоторые способности, которые, возможно, добавляют нечто новое к той совокупности способностей и личностных характеристик, которая уже описана в психологии и стала использоваться в практической работе. В настоящее же время уже настоятельно необходимы исследования, которые позволят выявить компоненты ЭИ и связать их с психическими *процессами*, обуславливающими индивидуальные различия в понимании эмоций и управлении ими. Это позволит создать более валидные методы измерения ЭИ, сделать этот конструкт более обоснованным с теоретической точки зрения и найти способы его наиболее адекватного применения на практике.

Подводя итоги анализа, проведенного в первой главе, можно сделать следующие выводы.

1. Осуществлен анализ имеющихся в настоящее время взглядов по проблеме взаимосвязи эмоций и интеллекта, начиная от философского этапа развития психологии до современного этапа развития психологии. Он показал, что эволюция проблемы взаимосвязи аффективной и когнитивной сфер в рамках современной психологии осуществлялась согласно трем этапам. Во-первых, хронологически первым явилось изучение этой темы в русле психологии мышления в конце XIX – начале XX вв., а позже начиная с 1920-х гг. – в рамках психологии интеллекта. В дальнейшем отечественные психологи в 1980-х гг. эмпирически исследовали роль эмоций в мыслительном процессе. На втором этапе развития проблемы исследователи сосредоточили внимание на

влиянии эмоций на когнитивную сферу (теории М. Арнольд, Р. Лазаруса, С. Шехтера, А. Эллиса). На третьем, интегративном этапе, проблема приобретает новый ракурс изучения в рамках метакогнитивной психологии.

2. Проведенный анализ литературы выявил, что и в отечественной, и в зарубежной психологии проводились частные исследования взаимосвязи аффективной и когнитивной составляющих психики. При этом западные авторы сосредоточили внимание на вычленении эмоциональных компонентов интеллекта; отечественные же исследователи изучали в основном эмоциональное сопровождение мыслительной деятельности, в частности процесса творческого мышления.

3. В активно развивающемся в психологии метакогнитивном направлении очевиден процесс трансформации от аналитического подхода (для которого характерно выделение когнитивных, эмоциональных, волевых и мотивационных процессов как *относительно* независимо и автономно функционирующих систем) к синтетическому подходу в изучении процессов, являющихся *одновременно* и когнитивными и регулятивными. Формирование концепции ЭИ, в рамках которого эмоции и интеллект выступают как составляющие метапроцессов, отражает в целом гносеологическую логику развития психологии.

4. Разнопланово проанализирован не полностью определенный в концептуальном плане конструкт «эмоционального интеллекта». Для многих авторов характерным являются парциальные определения понятия ЭИ, которые взаимодополняют друг друга. Общей чертой существующих подходов ЭИ стало понимание данного конструкта как способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; причем, имеются в виду как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей.

5. Проведен анализ существующих концепций ЭИ и осуществлен обзор основных проблем измерения и практического применения ЭИ. Специфика современного состояния проблемы исследования эмоционального интеллекта обусловлена отсутствием единой, обобщающей психологической теории ЭИ; необходимостью разработки валидных и надежных методов диагностики ЭИ; отсутствием эмпирических исследований, которые могли бы под-

твердить или опровергнуть описанные в литературе теоретические положения; поиском наиболее адекватных способов практического применения данного конструкта. Анализ имеющихся данных позволяет также сделать вывод о том, что современное состояние сферы исследований ЭИ в психологии не дает возможности для единой трактовки этого конструкта, не позволяет в полной мере использовать его в прикладных отраслях, несмотря на практическую значимость этой проблематики.

6. Обоснована необходимость систематизации и обобщения имеющихся данных, а также формирование конструктивного и психометрического подходов к изучению проблемы ЭИ в управленческой деятельности (в связи с ее высокой теоретической и практической значимостью). В силу этого данная проблема стала предметом изучения в следующих главах.

Глава 2

Эмоциональный интеллект и структура метапроцессуальной регуляции деятельности

2.1. Эмоциональный интеллект в контексте современных исследований системы психических процессов

Проведенный в предыдущей главе анализ проблемы эмоционального интеллекта (ЭИ) в итоге привел к двуетадийному результату. Во-первых, оказалось возможным дать характеристику основных детерминант становления проблемы ЭИ, ведущих направлений его изучения, а также некоторых главных особенностей современного состояния исследований в данной области. Во-вторых, была представлена попытка теоретической экспликации конструкта «эмоциональный интеллект», а также определения его места и роли в прикладных психологических исследованиях.

Оба этих результата достаточно явно вскрывают наиболее общую, на наш взгляд, особенность современного состояния исследований в области ЭИ (точнее – базовую *проблему*), без рассмотрения которой и попытки ее решения дальнейшее конструктивное развитие данного направления, по-видимому, весьма затруднительно. Эта особенность или, повторяем, проблема носит вполне естественный с гносеологической точки зрения характер и отражает общую логику развития научных представлений как таковых. В наиболее обобщенном и несколько схематизированном виде ее суть заключается в следующем.

Данное направление, равно как и сам конструкт «эмоциональный интеллект», в существенно большей степени носят эмпирико-прагматическую детерминацию и ориентацию. Собственно концептуальный уровень его развития представлен в значительно меньшей степени, не говоря о какой-либо целостной,

непротиворечивой и обобщающей теории ЭИ, а тем более, об органической ассимиляции данного понятия теорией общей психологии, о включении его в категориальный аппарат психологии. Это не является «пороком» данного направления, а выступает вполне нормальной закономерностью его развития, равно, впрочем, как и большинства иных психологических (и не только психологических) проблем и направлений. В самом общем виде данная закономерность состоит в том, что развитие тех или иных направлений, проблем, областей и пр. проходит, как минимум, две обязательные и сменяющие друг друга фазы, стадии. На первой из них преобладает *эмпирико-экстенсивный* тип исследований, часто сопровождающийся их четко выраженной прагматической ориентацией. Эта стадия, однако, своей же собственной логикой (и, прежде всего, постоянно расширяющимся эмпирическим базисом, обогащающимися представлениями о закономерностях предмета исследований) обуславливает необходимость перехода ко второй стадии, которую можно обозначить как собственно *теоретическую*. На ней предмет исследования получает свое раскрытие уже не только в плане его эмпирических свойств, характеристик, закономерностей, феноменов и пр., но и в плане их интерпретации, теоретического осмысления, выявления их имплицитных детерминант, то есть раскрывается на собственно теоретическом уровне познания.

Поскольку указанная выше «двухстадийная» закономерность развития тех или иных научных проблем и направлений носит достаточно общий и универсальный характер, то логично допустить, что она должна проявляться и по отношению к рассматриваемой в данной работе проблеме – к проблеме ЭИ⁵. Кон-

---

⁵ Естественно, логика развития научного знания существенно сложнее, нежели зафиксированная выше «двухстадийная» закономерность; например, эти стадии могут повторяться, но на *новом уровне*: созданный на первой стадии эмпирический базис обуславливает переход ко второй стадии (теоретической), которая, однако, часто приводя к существенно новому видению самого предмета исследований, стимулирует дальнейшее обогащение эмпирического базиса того или иного направления. В свою очередь, этот – «вторичный» – эмпирический базис также должен

статуруя данное обстоятельство, необходимо, естественно, отдавать полный отчет в чрезвычайной сложности и масштабности задачи трансформации первой стадии во вторую. Это объективный гносеологический *макро*процесс, характеризующий логику развития большинства проблем и направлений исследований. Задача такой трансформации может быть решена поэтому лишь посредством развертывания широкого спектра исследований, но, конечно, не в рамках одной, отдельно взятой работы. Вместе с тем эту задачу необходимо, по крайней мере, осознать как уже подготовленную предшествующим развитием проблемы ЭИ, методологически отрефлексировать ее и рассмотреть в качестве общего ориентира для организации эмпирических и теоретических исследований.

В связи со сказанным представляется целесообразным предпринять попытку формулировки некоторых объяснительных положений, содействующих собственно теоретическому изучению проблемы ЭИ, а также ассимиляции самого этого конструкта понятийным аппаратом общей психологии⁶. Кроме того, следует подчеркнуть, что реализация этой попытки с необходимостью предполагает существенно концептуальное расширение исходной постановки проблемы и, следовательно, «вторжения» в такие области исследований, которые достаточно опосредствованно, а иногда и косвенно связаны с проблемой ЭИ. Тем не менее это совершенно необходимо, поскольку лишь при обращении к более общему и широкому предметному контексту (точнее, метаконтексту) сам изучаемый предмет – ЭИ – только и может быть рас-

---

быть осмыслен и проинтерпретирован в теоретическом плане. Таким образом, можно видеть, что цикл из двух стадий (преимущественно эмпирической и преимущественно теоретической) повторяется. Возможны и более сложные варианты, когда такого рода итерации имеют множественный характер.

⁶ Данная попытка является *одной* из возможных и ни в коем случае не претендует на статус единственно возможной. Это, скорее, путь, направление возможного понимания природы ЭИ, обусловленный современными представлениями в общей, экспериментальной и, в особенности, в когнитивной психологии.

крыт адекватно и достаточно полно⁷. Однако это необходимо с гносеологической точки зрения, поскольку *основная задача* представленного ниже анализа заключается в том, чтобы сформулировать представления о вполне определенном *концептуальном метаконтексте*, в рамках и с позиций которого изучение самого ЭИ (а также обеспечивающих его процессуальных средств и операционных механизмов) получило бы, возможно, дополнительный импульс и было бы в содержательном плане адекватным психологической природе изучаемого предмета – ЭИ. Необходимо, вместе с тем, отдавать полный отчет и в том, что проблема ЭИ (а особенно обеспечивающих его процессуально-операционных средств) не только находится в самой начальной стадии своей разработки, но и ставится в данной работе, по существу, впервые. В связи с этим и сам предлагаемый теоретический подход, и полученные на его основе результаты следует рассматривать в аналогичном плане – как «первоначальные», по необходимости недостаточно полные и, следовательно, нуждающиеся в дополнительной детализации и конкретизации.

2.1.1. Базовая парадигма исследования эмоционального интеллекта

Предпринимая попытку такого рода концептуализации понятия (и проблемы) ЭИ, обратим, прежде всего, внимание на достаточно простое и очевидное, но важное обстоятельство, согласно которому эмоциональный *интеллект* (независимо от различий в его трактовках) – это именно интеллект, пусть и представленный в весьма специфической форме. Но если это так, то *родовым* понятием по отношению к ЭИ как *видовому* должна выступать категория *способностей*, причем общих. Следовательно, изучение ЭИ необходимо осуществлять именно в этом аспекте. Однако констатация данного вполне очевидного положения сразу же обя-

---

⁷ И именно этим обстоятельством обусловлено то, что данная глава содержательно, тематически и стилистически несколько отличается от всех иных глав данной книги.

зывает исследователя сделать выбор относительно того подхода, той парадигмы, в рамках которых исследование ЭИ будет наиболее конструктивным. Как известно, в настоящее время существует ряд подходов к разработке проблемы способностей, ведущими и наиболее обобщенными среди которых являются *личностно-деятельностная* и *функционально-генетическая парадигмы* [57].

Согласно первой из них, «отдельные» (частные, специальные) способности дифференцируются, в основном, по их соотношению с теми или иными *видами деятельности*, поскольку сами они проявляются именно в них, определяя высокий уровень их реализации. Согласно второй парадигме (функционально-генетической), способности дифференцируются по качественно иному критерию: они соотносятся с основными психическими *функциями* и процессами, а сами способности (прежде всего, когнитивные) выступают как производные от индивидуальной меры эффективности этих функций и соответствующих им психических процессов [44, 57, 141].

Функционально-генетическая парадигма изучения способностей в большей степени реализована в настоящее время по отношению к *частным когнитивным* способностям (перцептивным, имажинативным, аттенционным, мнемическим, мыслительным и др.). Это создает основания для ее реализации и по отношению к *общим* способностям, в том числе и к интеллекту. Так, с указанных позиций вполне логично допустить, что интеллект в целом как общая способность определяется, во-первых, уровнем развития *отдельных* – частных когнитивных способностей (соотносящимися с теми или иными психическими функциями) и, во-вторых, эффектами их *интеграции* в целостность, в систему. При этом следует специально отметить, что, как показано в наших работах [63, 64, 68 и др.], второй тип детерминационной обусловленности интеллекта (интегративный) имеет вполне сопоставимую значимость с первым (аналитическим).

Таким образом, можно видеть, что логика развития проблемы способностей, состоящая в ее эволюции от личностно-деятельностной к функционально-генетической парадигме, приводит к необходимости первоочередного изучения *собственно процессуальных* средств, выступающих основой и конкретными механиз-

мами тех итоговых эффектов, которые проявляются в форме способностей. Это относится и к частным (специальным), и к общим способностям, в том числе, естественно, и к интеллекту.

В данном отношении достаточно показательным (и заслуживающим внимания в теоретическом плане) является то обстоятельство, что подобная логика характерна и для развития представлений о природе самого интеллекта. Действительно, если рассмотреть эту логику в *наиболее общем* и несколько схематизированном виде, то можно констатировать постепенную и закономерную эволюцию двух основных способов теоретической экспликации интеллекта.

Первый из них можно условно обозначить как «структурно-морфологический» подход к исследованию интеллекта. Наиболее полное и явное воплощение он получил, как известно, в так называемом «факторном подходе» к исследованию интеллекта и соответственно в его факторных моделях. Согласно данному подходу, интеллект трактуется как закономерным образом организованная структура некоторых частных факторов – когнитивных субспособностей. В рамках данной парадигмы дифференцируются различные подходы и модели интеллекта как общей способности; это, в частности, широко известные взгляды на структурно-факторную организацию интеллекта К. Спирмена, Л. Терстоуна, Р. Кэттела, Ф. Вернона, Л. Хамфрейса, Дж. Гилфорда, Д. Векслера и др. [98, 168, 192, 238]; см. также обзор в [148]. Естественно, что выделяемые в этих подходах и моделях факторы, как правило, в той или иной степени соотносятся с определенными *операционными* составляющими психики – с качественно специфическими когнитивными операциями по переработке информации. Вместе с тем важно иметь в виду, что даже в том случае, когда такое соотношение имеет место, указанные когнитивные операции рассматриваются не в аспекте их процессуального содержания, а в их *результативном* проявлении и в качественной специфичности их *итоговых*, результативных эффектов («вкладов» в общий интеллект).

Таким образом, при реализации «факторного подхода» дифференцируются, в основном, не процессуальные и операционные механизмы, обеспечивающие тот или иной уровень интеллекта, а

некоторые (конечно, тоже важные) результативные *аспекты*, стороны интеллекта в целом, обладающие статусом интеллектуальных субспособностей. Естественно, исследователи вполне осознают тот факт, что все они обусловлены, в конечном итоге, определенными и качественно различными процессами, операциями, механизмами. Однако последние при таком подходе, как правило, специально не анализируются в их собственно содержательном плане, а фиксируются и изучаются их итоговые эффекты.

Второй основной подход можно условно обозначить как «функционально-динамический», или как процессуально-операционный, подход к исследованию интеллекта. В нем акцент переносится уже на раскрытие процессуального содержания, операционного состава тех средств, которые в итоге и образуют интеллект как общую способность. Наиболее известными представителями данного направления являются, в частности, Ж. Пиаже, А. Ягер, Дж. Кэрол, Э. Хант, Р. Стернберг и др. [114, 167, 194, 232, 233]. Следует учитывать также, что данный подход, пожалуй, наиболее характерен для отечественных исследований интеллекта. В этом плане необходимо указать, прежде всего, на известную позицию С.Л. Рубинштейна, заключающуюся в том, что ядром любой когнитивной способности является качество *процессов* (или операций) анализа, синтеза и обобщения. Как совершенно справедливо отмечает М.А. Холодная при рассмотрении теоретических взглядов С.Л. Рубинштейна, «... индивидуальный интеллект складывается по мере того, как образуются, генерализируются и закрепляются основные мыслительные операции» [148]. Согласно С.Л. Рубинштейну, «... нельзя определять умственные способности, интеллект человека по одному лишь результату его деятельности, не вскрывая *процесса* (выделено нами – А.К., А.П.) мышления, который к нему приводит» [129]. Принципиально сходная, то есть, по существу, также процессуально-операционная трактовка когнитивных способностей составляет основу и для функционально-генетического подхода к их изучению, наиболее полно представленному в работах В.Д. Шадрикова и его школы [152, 153]. В этом же плане должна быть, естественно, отмечена и известная концепция Б.Г. Ананьева, в которой дифференцируются три категории содержательных,

то есть собственно процессуальных компонентов когнитивных образований – функциональные, операционные и мотивационные [6]. Наибольшую «нагрузку» в плане обеспечения качества реализации того или иного когнитивного процесса несут именно его операционные компоненты, точнее – механизмы. Процессуальный подход представлен и в ряде иных работ известных отечественных психологов, прежде всего, А.В. Брушлинского, Н.Ф. Талызиной, Л.А. Венгера и др. [22, 29, 139].

Безусловно, дифференциация двух отмеченных выше подходов к теоретической экспликации интеллекта как общей способности носит в известной степени схематизированный характер; тем не менее оба они – несомненная исследовательская реальность, а развертывание отношений между ними во многом определяет общую логику развития психологии интеллекта в целом. Кроме того, следует подчеркнуть, что в настоящее время сформулирован ряд концепций, в которых предпринимается попытка синтеза указанных подходов и раскрытия как процессуальных компонентов интеллекта, так и его итоговых эффектов. Это, прежде всего, концепция интеллекта как формы организации ментального опыта М.А. Холодной, в которой, наряду с дифференциацией *структурных* компонентов данного опыта, анализируются и операционные, собственно *процессуальные* средства, лежащие в основе его формирования [148, 149].

Другой, также своего рода «синтетической» концепцией является теория функциональной организации психических процессов Б.М. Величковского [30]. Согласно данному подходу, интеллект представляет собой иерархию (или даже гетерархию) психических процессов, состоящую из шести основных уровней. Синтетичность данной концепции заключается в том, что в ней, с одной стороны, интеллект эксплицируется через понятие иерархии *структурных* уровней определенных когнитивных образований, а с другой – содержанием каждого из этих уровней выступают вполне определенные когнитивные *процессы*, иные *операционные* средства переработки информации.

Наконец, в этой же связи нельзя не отметить и концептуальные представления о природе интеллекта как общей способности, развитые в работах В.Н. Дружинина. Эти представления, соглас-

но которым «интеллект выступает свойством некоторой психической системы» [44, 45], дают его характеристику как в аспекте содержания собственно процессуальных механизмов, так и в аспекте его итоговых, результативных эффектов. Тем самым данная концепция также является своего рода «снимающим синтезом» двух подходов – структурно-морфологического и процессуально-операционного.

Три последние концепции, являясь синтетическими по своей «идеологии», а потому наиболее комплексными и, значит, полно раскрывающими природу интеллекта знаменуют, по существу, переход к третьему этапу (точнее, макроэтапу) его изучения. В них преодолевается некоторая односторонность как структурно-морфологического («факторного»), так и процессуально-операционного подходов; но в то же время получают свое дальнейшее развитие и те позитивные моменты, которые характерны каждому из них. В конечном итоге, и они сами по себе, и общая эволюция способов теоретической экспликации интеллекта, включающая три макроэтапа («факторный», «процессуальный» и «синтетический») отражают объективную гносеологическую закономерность, зафиксированную, как известно, в принципе единства результативного и процессуального уровней исследования. Согласно ему, развертывание познания предмета исследования (в данном случае – интеллекта) предполагает «движение» от установления его *результативных* эффектов к выявлению *процессуальных* средств и механизмов, их обеспечивающих, а далее – к *синтезу* полученных при этом данных.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующее заключение. И общая логика развития исследований интеллекта как общей способности, и вся совокупность теоретико-методологических и эмпирико-экспериментальных данных, полученных в их результате, и наиболее конструктивные современные концепции, сформулированные в этой области, убедительно свидетельствуют о необходимости главенствующего и по возможности более детального и полного изучения его *процессуальных* средств, компонентов, механизмов. Любая когнитивная способность (и, впрочем, не только когнитивная), как частная, специальная, так и общая, например, интеллект существует

не «сам по себе», а как итоговый эффект соответственно парциальных или интегральных *процессуальных* средств психики. И в этом плане сама категория способностей не только *неразрывно* связана с категорией психических процессов, но и является производной и даже зависимой от нее.

Следовательно, конструктивное развитие психологии способностей, в конечном итоге, предполагает необходимость опоры на теорию (точнее, *теории*) психических процессов, в особенности когнитивных, а также на те взгляды, которые сложились по отношению к их структурно-функциональной организации. Конечно, данный вывод не является неожиданным: наоборот, он вполне естественен и даже выглядит как нечто «само собой разумеющееся». Однако именно в силу того что он стал «привычным и обычным», этот вывод часто воспринимается исследователями как некоторая данность, то есть как нечто *уже в принципе не нуждающееся* в дальнейшей детализации и реинтерпретации. Все это было бы полностью справедливым, если бы не одно достаточно существенное обстоятельство теоретического плана, особенно рельефно проявляющееся при изучении именно ЭИ.

Как уже отмечалось, характерной особенностью функционально-генетической парадигмы исследования способностей в целом является ее определенная «несамостоятельность», то есть *производность* и *зависимость* от тех представлений, которые складываются (и постоянно развиваются) в теории *психических процессов*. Действительно, с точки зрения данной парадигмы способности дифференцируются по критерию соответствия с базовыми классами психических процессов. Однако эти классы, прежде чем стать основаниями для дифференциации видов и уровней способностей, вначале *сами* должны быть найдены, осмыслены и изучены. В связи с этим возникает очень сложная проблема раскрытия *реальной* (а не симплифицированной) картины структурно-функциональной организации *всей* системы психических процессов, в особенности когнитивных.

Действительно, как говорилось выше, с точки зрения функционально-генетической парадигмы способности дифференцируются на основе критерия их соответствия с базовыми когнитивными психическими *функциями* и соответствующими им ког-

нитивными психическими *процессами*. В результате этого выделяются, в частности, сенсорные, перцептивные, имагинативные, аттенционные, мнемические и мыслительные способности. Они и образуют «ядро» специальных способностей; играют важнейшую и, более того, определяющую роль во всей системе способностей личности.

Кроме того, нельзя не учитывать и то, может быть, еще более важное положение, согласно которому общая структурно-уровневая организация системы психических процессов гораздо сложнее тех представлений, которые первоначально были реализованы в функционально-генетической парадигме и которые вообще послужили основой для нее. Реальная организация системы психических процессов, как показано, например в [68, 70, 72, 73], *многомерна* и многокачественна, а категория «первичных» процессов (в которую и входят отдельные когнитивные процессы), являющаяся *базовой* для них, – это лишь *один* из уровней в целостной иерархии психических процессов. В связи с этим для того чтобы действительно максимально полно (а значит, эффективно) реализовать функционально-генетическую парадигму, необходимо опираться не на априорно зауженные теоретические представления в области психических процессов, а на их реальную – многомерную, многоуровневую, иерархически построенную – организацию.

Она никак не может быть сведена к традиционным представлениям, фиксирующим, в основном, лишь уровень так называемых «первичных» процессов, и исчерпана ими. Наряду с ними (точнее, *над* ними) локализуются принципиально, качественно иные уровни организации психических процессов – «вторичные» (см. обзор в [72]) и «третичные» [70] процессы, а также уровень процессуальной организации сознания в целом [68, 70]. Напомним также в этой связи, что термины «первичные» и «вторичные» психические процессы сформулированы в рамках современного метакогнитивизма и являются сегодня его основными и во многом определяющими теоретическими конструктами (см. об этом подробнее ниже). «Вторичные» и «третичные» процессы, помимо того, что они являются более комплексными, сложноорганизованными, чем «первичные» процессы, обладают и еще одной общей для них, но принципиально отличной от «первичных»

процессов базовой особенностью. Они направлены не на внешнюю, а, так сказать, на «внутреннюю среду»: «материалом» их организации и координации, управления и регуляции» выступают сами же психические процессы – их содержание и функциональная динамика. В работе [70] данное положение было подвергнуто нами подробному рассмотрению, в результате чего, в частности, представлена достаточно дифференцированная картина этих процессов.

Так, например, на уровне «вторичных» процессов они могут выступать и реально выступают как совокупность *метакогнитивных* процессов (разного типа), дополняющих собой *метарегулятивные* процессы и входящие в общую категорию *метапроцессов*. На следующем уровне – уровне «третичных», то есть собственно рефлексивных процессов атрибут «самонаправленности» процессуальной регуляции становится вообще основным и доминирующим; он входит в само *определение* и в сущность рефлексивных процессов.

Итак, все приведенные выше данные позволяют сделать два заключения. Во-первых, традиционно сложившаяся функционально-генетическая парадигма разработки проблемы способностей, в которой постулируется соответствие каждой из них с теми или иными когнитивными процессами, нуждается, по-видимому, в существенном концептуальном расширении. Состав и структура когнитивных способностей, по всей вероятности, не могут быть исчерпаны лишь теми из них, которые соотносятся *только* с «первичными» психическими процессами, поскольку реальная организация картины самих психических процессов, помимо «первичных», включает и иные категории процессов – «вторичные» и «третичные» процессы. Во-вторых, со всей остротой встает еще более сложная и имеющая длительную историю развития задача разработки обобщенных представлений о структурно-функциональной организации системы психических процессов в целом, поскольку, как мы уже отмечали выше, именно она и выступает онтологической базой для формирования различных категорий способностей разного уровня обобщенности, а также для их дифференциации. Одна из возможных попыток ее решения (конечно, частичная и предварительная) была предпринята в

сформулированной нами в [70, 71 и др.] концепции *метапроцессуальной регуляции* деятельности и поведения. В связи с этим представляется и целесообразным и необходимым остановиться на тех ее основных положениях, которые непосредственно содействуют разработке проблемы способностей в целом и изучению интеллекта (как общего, так и эмоционального) в частности. Подчеркнем при этом еще раз, что положения концепции метапроцессуальной регуляции деятельности и поведения, естественно, выходят далеко за пределы только проблемы ЭИ (хотя и необходимы для ее дальнейшей разработки); в силу сказанного все дальнейшие материалы, представленные в этой главе, имеют более общее и вполне самостоятельное значение.

2.1.2. Структурно-уровневая организация системы психических процессов

Переходя к попытке решения проблемы структурно-уровневой организации системы психических процессов, на первый взгляд, представляется не только целесообразным, но и необходимым, даже естественным обратиться к общесистемному уровню организации. Действительно, после того как была определена специфика структурных *компонентов*, то есть основных ее «составляющих» («первичных» психических процессов), казалось бы вполне логичным перейти к рассмотрению тех закономерностей и механизмов, которые обуславливают их интеграцию в целостность. Такой подход, повторяем, представляется наиболее «логичным и естественным», по крайней мере, на первый взгляд: он вполне отвечает традиционным представлениям, согласно которым именно определение специфики «частей» целого является необходимым и во многом достаточным условием, важнейшей предпосылкой для перехода к изучению самого «целого». Однако прежде чем непосредственно обратиться к попытке ее решения, необходимо подчеркнуть, что проблема «упорядочивания», классификации, систематизации и в конечном итоге построения той или иной системы психических процессов (особенно когнитивных) является одной из наиболее «старых», традиционных и одновременно трудных. Основной сложностью при этом

является органическая *целостность*, нерасторжимое единство всех локальных «составляющих» психического (то есть отдельных психических процессов), их онтологическая представленность в форме труднодекомпозируемой системы и, следовательно, условность их «аналитической экстирпации». На данную трудность обращали внимание многие исследователи [6, 15, 28, 45, 81, 88 и мн. др.]. Их дифференциация многократно (в том числе и не без оснований) подвергалась довольно резкой критике.

Так, они, точнее, их классификация (в особенности когнитивных процессов) отрицалась как именно таковая, то есть как классификация, поскольку в ней не только не соблюдается главное для любой классификации требование – требование «единства и единственности основания», но такое основание фактически вообще отсутствует. Они же объявлялись и продуктом «ложной систематизации» (Я.А. Пономарев [116]). Кроме того, они иногда рассматриваются как продукт, «навязанный» либо интроспективными факторами, либо даже как следствие эволюции естественного языка, отражающей повседневную практику «обыденной жизни», и, следовательно, не могущие считаться строго научными терминами [126].

Далее, наиболее традиционное возражение против их дифференциации как некоторых самостоятельных сущностей состоит в том, что ни один из них *в принципе* не существует «в чистом виде»; все они представлены в онтологическом единстве, являются сторонами и аспектами функционирования психического как некоторого макропроцесса, а их выделение носит *гносеологический* характер, имея, по выражению Л.М. Веккера, характер «аналитической экстирпации» [28].

Однако наиболее радикальная точка зрения негативного плана состоит в том, что все когнитивные процессы – это не сколько-нибудь четко дифференцируемые аспекты и уж тем более самостоятельные процессуальные образования, а целостное функционирование психики при решении (например, в лабораторном эксперименте) содержательно *разных задач* – перцептивных, имажинативных, аттенционных, мнемических, мыслительных. Иными словами, критерием дифференциации того, что традиционно фиксируется в понятиях различных когнитивных процессов,

является, согласно данной точке зрения, не их собственная качественная определенность, а специфика содержания и условий *внешних* задач, в ходе решения которых единое по своей сути содержание «психического как процесса» проявляется, естественно, в различных преобладающих формах. Не останавливаясь далее на подробном рассмотрении всех этих и иных трудностей и возможных возражений относительно традиционно принятой дифференциации когнитивных процессов, подчеркнем, однако, следующее положение, которое, напротив, не вызывает принципиальных возражений и, более того, полагается как исходное, базовое.

Оно заключается в том, что именно в силу нерасторжимого единства всех психических процессов (в частности, когнитивных), а также в силу того, что онтологически и исходно они представлены как целостность, которая затем *в исследовательских целях* подвергается той или иной декомпозиции, – все они образуют определенную, закономерным образом *организованную систему*. Именно «системоцентрическое» их видение и интерпретация должны выступать в качестве исходного и основного, а любой способ их «аналитической дифференциации» и соответственно выделения тех или иных их видов – как производный, то есть как результат определенного аналитического расчленения этой системы (который, как и любой иной анализ, в большей или меньшей степени нарушает, искажает и схематизирует исходную целостность). Следовательно, именно как таковая, то есть как онтологически представленная «органическая система» (а не как продукт интеграции относительно самостоятельных компонентов), она и должна быть рассмотрена, выступать в качестве *исходного* объекта исследования. Вместе с тем не менее общепринятым является положение, согласно которому любая система построена по *иерархическому* принципу и образует поэтому закономерную организованную структуру ряда *уровней*, находящихся в столь же закономерных отношениях соподчинения и взаимодействия. Данные положения не являются «чем-то новым»: напротив, в общем виде они представляются скорее «аксиоматическими» в общей теории систем, а в конкретном воплощении получили реализацию в ряде концепций структурно-функциональной

организации системы психических процессов, в особенности когнитивных (Б.М. Величковский, Л.М. Веккер и др. [28, 30]).

Однако если это так, то по отношению к дифференциации возможных (основных) *уровней* и соответственно представленных на них классов психических процессов должны быть реализованы те представления, которые сложились к настоящему времени в системной методологии относительно данной проблемы [15, 17, 90 и др.]. Базируясь на этом общепринятом подходе, мы в ряде работ предложили в целях его конкретизации по отношению к системе психических процессов так называемый *критерий-дискриминатор* («различитель») дифференциации основных уровней организации систем [70,72]. Он, будучи релевантным рассматриваемой здесь проблеме (проблеме дифференциации основных уровней организации системы психических процессов), носит в то же время обобщенный характер и позволяет предложить один из общих вариантов уровневой дифференциации систем в целом. Его суть заключается в следующем.

Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и соответственно различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качествен-

но специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и элементный. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое *еще* обладает качественной специфичностью целого; под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые *уже* утрачивают качественную определенность целого, хотя и являются его *онтологически* необходимыми составляющими. Проблема определения содержания данного уровня решается достаточно естественным образом, а предпосылки для этого имеются в многочисленных исследованиях в области психологии и психофизиологии психических процессов (например, в [30, 35]. Такими элементами, которые, повторяем, онтологически *необходимы*, хотя сами по себе еще *недостаточны* для существования психических процессов в их качественной определенности являются базовые психические и психофизиологические *функции*. Именно они, как известно, составляют ту объективную, онтологическую основу, на которой посредством освоения социально выработанных, а затем интернализуемых индивидом операционных средств складываются и формируются психические процессы как таковые – во всей их качественной определенности. Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическая реальность; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» – бытие [15, 70]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того (и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания), метасистемный уровень может быть «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание, своеобразным образом представлен в ней [70]. Данное положение, естественно, нуждается в специальном пояснении, суть которого может быть резюмирована следующим образом.

Вся история развития психологии, ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено – *наиболее общего* принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно указать лишь на его смысл. Внешняя – *объективная* – реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует личность и ее психика) получает в ней своего рода «удвоенное существование» в виде *субъективной* реальности – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией), *идеального*, презентированного личности как «внутреннее» содержание ее психического. Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен. Как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой субъективной реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т.д. Приведем лишь некоторые из них: «внутренняя информация», «ментальные репрезентации», «знания», «опыт», «когнитивные схемы», «образ мира», «внутренний мир», «модели ситуаций», «субъективные репрезентации», «скрипты», «фреймы», наконец, «идеальное» в целом и мн. др. Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно и ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем большие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных и практически любых иных задач.

Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она онто-

логически включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме субъективной реальности. Естественно, что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, *как* именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она не готова пока дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и соответственно существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности, повторяем, не вызывает никаких сомнений. Причем, «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается при решении тех или иных исследовательских задач. Итак, сама *сущность* психического такова, что в его *собственном* содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно, онтологически включено. Во избежание недоразумений подчеркнем, что речь идет именно об определенной *форме существования* объективной реальности, а не о ее онтологической представленности. Следовательно, собственная структура психики «как системы», иерархия основных уровней организации ее процессов обязательно предполагает необходимость дифференциации особого, качественно специфического уровня – метасистемного – как самостоятельного, несводимого к иным уровням и тем более лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер, и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». Кроме того, эти же пять уровней исчерпывают собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит «отрицание»

общих атрибутивных качеств системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект «исчерпываемости качеств» системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, сама выступает как их составляющая и также во многом утрачивает статус автономной. Тем самым диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум практически всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность из пяти указанных уровней в качестве *общего основания* для дифференциации уровней в структурной организации систем. Та мера, с которой предполагаемые в ходе исследования уровни удовлетворяют этим представлениям, является показателем правомерности самого их выделения.

Сформулированные представления должны обязательно учитываться, на наш взгляд, в психологических исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода. Они, приводя к постановке множества новых вопросов, позволяют сформулировать и наиболее общий из них. К каким следствиям ведет включение в структурно-уровневую организацию психики метасистемного уровня именно как *ее собственного* уровня, а не только как уровня, локализованного вне ее – в ее взаимодействиях с метасистемами, в которые она сама объективно включена? (Об этом достаточно подробно было сказано выше). Главное из этих следствий состоит, по нашему мнению, в том, что именно благодаря такой «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения *качественно новых* своеобразных механизмов и принципов структурной организации и функционирования психики.

Так, благодаря данному уровню (как уровню, одновременно и включенному в содержание системы и «вынесенному» за ее пределы), открывается принципиальная возможность для своего рода *объективации* системой самой себя в качестве *предмета* ор-

ганизации и управления. Система, не нарушая рамок своей целостности и «онтологической замкнутости», в то же время оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий, своей активности. Наиболее четким и несомненным феноменологическим «индикатором» этой особенности является вся совокупность так называемых «рефлексивных явлений». Другими словами, возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного», пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *новым принципом* функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню (как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее) система обретает возможность делать (посредством выхода на этот внешний по отношению к ней уровень) *саму себя в целом* объектом *своего* же собственного воздействия, управления, своей собственной организации.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип функциональной организации* психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно *общий* характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы *в целом*, но и пронизывает собой многие другие, также важные, хотя и *более частные* аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к *общему*, может, вместе с тем, мультиплицировать его и в своих *частных* проявлениях. Этот достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе и полученными нами [15, 44, 59, 62, 69, 70, 72, 144, 152, 158 и др.].

По отношению к анализируемой в данной главе проблеме следует специально акцентировать внимание на двух положениях, непосредственно связанных с охарактеризованными представлениями о содержании критерия-дискриминатора уровневой дифференциации систем и вытекающими из них.

Во-первых, интеллект как общая способность, если трактовать его с позиций функционально-генетической парадигмы, образованная *интеграцией* множества локальных, «парциальных субсистем» – способностей (или, в иной терминологии, частных, специальных способностей), является как бы итоговым эффектом, результативным проявлением их качественных характеристик. Они же, в свою очередь, есть не что иное, как производные от соответствующих им *процессуальных* образований – отдельных когнитивных процессов и их «результатирующих эффектов». При этом суть проблемы состоит в том, что такие процессуальные образования представлены не только (а, может быть, и не столько) на *одном* из уровней иерархической организации системы психических процессов, то есть на уровне так называемых «первичных» процессов, а практически на *всех* иных уровнях ее организации. Следовательно, интеллект как общая способность является производным от качественных параметров (от уровня развития) процессуальных образований *всех* уровней когнитивной иерархии системы психических процессов, взятой не в априорно симплифицированной форме (то есть в форме совокупности «первичных» процессов), а в ее реальной многомерной и многоуровневой форме, включающей, в частности, и уровень «вторичных» психических процессов.

Во-вторых, очень существенную и пока явно недооцененную роль в детерминации общего интеллектуального потенциала личности играет тот уровень организации системы психических процессов, который обозначен выше как *субсистемный* и на котором локализуются уже отмеченные «вторичные» процессы (метапроцессы). Метапроцессы (как метакогнитивные, так и иные их классы – метарегулятивные, метаэмоциональные, метамотивационные) также характеризуются существенными интериндивидуальными различиями в эффективности их организации, в их качестве [70, 72], что непосредственно детерминирует их итоговые

эффекты, выражающиеся в различиях соотносящихся с ними способностей и обуславливающих, наряду с «первичными» когнитивными способностями, общий уровень интеллектуального потенциала личности [70].

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать заключение, согласно которому система психических процессов дифференцируется на пять уровней (точнее, *макроуровней*); их в общем виде можно обозначить как метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный уровни. Так, на компонентном уровне локализуются традиционно дифференцируемые – «первичные» психические процессы (которые, впрочем, нередко трактуются как исчерпывающие в своей совокупности *все* процессуальное содержание психического, что в свете изложенных выше представлений, конечно, не вполне правомерно). Субсистемный уровень образован совокупностью «вторичных» психических процессов, суть которых заключается в том, что они выступают закономерными *синтезами* ряда (по крайней мере, двух) «первичных» процессов. Их совокупность, повторяем, гораздо шире, нежели множество «первичных» процессов, а их роль в общей детерминации процессуального содержания психики и (опосредствованно) в интеллектуальном потенциале личности, по-видимому, не менее значительна. Общесистемный уровень представляет собой синтез *всей* совокупности как «первичных», так и особенно «вторичных» психических процессов и выступает той исходной целостностью, дифференциация которой на виды, типы, классы и пр. как раз и составляет суть проблемы декомпозиции и классификации психических процессов. Одним из основных (если вообще не главных) интегративных эффектов такой целостности выступает процесс рефлексии как своего рода «третичный» психический процесс, поскольку он синтезируется как на базе «первичных, так и особенно «вторичных» процессов, то есть метапроцессов.

Рефлексия в своем процессуальном статусе раскрывается с этих позиций, действительно, как процесс еще более высокого уровня обобщенности, нежели проанализированные выше интегральные процессы. Она включает их в себя в качестве своих операционных компонентов и базируется на их синтезе. Тем са-

мым рефлексией можно и нужно рассматривать как процесс уже не «второго порядка» сложности (как интегральные процессы), а «третьего порядка сложности».

Таким образом, рефлексия как процесс, причем, представленная в его развернутом, дифференцированном проявлении, возможна на основе соответствующих *операционных средств*, операционных механизмов, в качестве которых выступает система всех базовых классов метапроцессов. Их реализация, произвольный и «субъективно свободный» контроль за их использованием в целях оперирования с «внутренней информацией» и составляет, собственно, рефлексия как процесс. Она, следовательно, возможна лишь при комплексной опоре на всю систему «вторичных» процессов: лишь в этом случае рефлексия как процесс принимает наиболее развернутую форму, становится тем, что обычно обозначается в литературе «деятельностью рефлексирования».

Специфика процессуального статуса рефлексии и ее отношения с метапроцессами всех классов могут быть сформулированы еще и следующим образом. Дело в том, что сами метапроцессы объективно требуют своей организации в рамках определенной системы. Естественно, что в целях такой организации должны быть реализованы не менее, а *более сложные* процессуальные средства, нежели те, которые составляют содержание самого класса интегральных процессов. В силу этого для становления *системы* метапроцессов должны быть реализованы аналогичные, но еще более сложные системные процессы их организации. Однако они уже (по определению) должны «выходить» за рамки самих метапроцессов, обладать большей степенью обобщенности. Этими процессами будут выступать уже не сами метапроцессы, а иные, так сказать, «третичные» процессы. Наиболее очевидным из них является рефлексия, взятая в ее процессуальном статусе. В этом плане нельзя не отметить еще одно, представляющее интерес в теоретическом плане следствие проводимого здесь анализа. Если, действительно, рефлексия – это процесс «третьего порядка», («третичный» процесс), то является ли она *единственным* представителем такого рода процессов? Существуют ли иные «третичные» процессы? Или же рефлексия в ее исторически сложившемся традиционно закрепившемся понятий-

ном содержании – это, скорее, *собираемый термин* для обозначения качественно гетерогенных процессов? Все эти вопросы в целом еще предстоит решить (попытка рассмотрения некоторых из аспектов этих вопросов будет предпринята далее).

Достаточно показательно также, что атрибутивная природа и функциональная организация рефлексивных процессов (как *процессуальных средств сознания*) содержат в себе необходимые и достаточные предпосылки для становления в ходе индивидуального онтогенеза, а затем и для функционирования еще одного уровня организации системы психических процессов, обозначенного нами как *метасистемный* уровень. Не останавливаясь подробно на детальной характеристике данного уровня, поскольку это уже было осуществлено в общем виде выше, а в целом – в ряде наших работ (см., например, [70]), отметим лишь главное.

С одной стороны, целостная организация всей системы психических процессов нетождественна, разумеется, всему содержанию деятельности, поведения, общения, а образует их специфическое процессуально-психологическое содержание, их процессуальный аспект, «срез». Вместе с тем именно он представляет собой наиболее целостное и комплексное проявление этой системы. Одним из наиболее очевидных и важных атрибутивных свойств данной системы, от которого принципиально нельзя абстрагироваться даже в так называемых «исследовательских целях» (поскольку это свойство и составляет суть, специфику данной системы), является, как известно, *осознаваемый, произвольно* контролируемый характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем, следует особо подчеркнуть, что данное свойство – свойство осознаваемости, произвольности, «субъектной управляемости» – должно быть не просто «учтено» (как при исследовании процессов иных уровней организации, а также при изучении каждого из них «по отдельности»), а составляет *самую суть* процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения, общения.

С другой стороны, рефлексия (и в том состоит ее важнейшая, атрибутивная особенность) приводит к своеобразному «выходу за пределы» системы психических процессов (а в известной степени и психики в целом); к тому, что сама эта система, становится дос-

тупной для ее субъективной саморепрезентации, для субъектной, непосредственной данности и частичной произвольной управляемости. Психика, как мы уже отмечали, тем и уникальна, что в ней как в системе заложен такой механизм, который позволяет *преодолевать* ей свою собственную ограниченность; постоянно выходить за свои собственные пределы, делая саму себя предметом своего же собственного функционирования. Иначе говоря, в организации психики предусмотрен и реализован высший из известных уровней – метасистемный. Рефлексия же – это и есть процессуальное средство реализации данного уровня. Результативным проявлением данного средства выступает вся феноменология сознания, сознание как таковое. И именно поэтому сознание в его собственно процессуальном аспекте соотносится с высшим – метасистемным – уровнем организации психических процессов.

Будучи максимально интегративной по своим механизмам и процессуальным средствам (а значит, соотносясь с системным значением критерия-дискриминатора), рефлексия по своему «материалу», «предмету» и содержанию есть не что иное, как отражение этой системы, оперирование с ней, то есть (по определению) *выход за ее пределы*. Складывается ситуация, при которой рефлексия как процесс образует собой, с одной стороны, системный уровень в общей структуре психических процессов – по механизмам, процедурам, операционным средствам, то есть именно по *процессу*. Но, с другой стороны, по своим *результатам* она же всегда, и притом совершенно объективно означает и своеобразный «выход» за этот уровень, то есть переход на иной метасистемный уровень организации. Повторяем, в этом заключается не просто какая-либо из *рядовых* особенностей рефлексии как процесса, а ее *главная* характеристика и даже самый ее механизм, эксклюзивность ее роли в организации психики.

В результате синтеза рассмотренных атрибутивных характеристик рефлексии оказывается возможным такое уникальное и столь «загадочное» свойство психики, как рефлексивность, а в конечном счете и сознание в целом. Его уникальность как раз и состоит в том, что система, не нарушая рамок своей онтологической целостности, не выходя за свои собственные пределы, все же определенным (и, справедливости ради сказать, не вполне понятным

до сих пор) образом выходит за них; оставаясь самой собой, она одновременно «возвышается» над собой, оппозиционируется по отношению к той системе, высшим инетгративным уровнем которой она является и, значит, порождается этой системой.

Если доводить анализ до его логического завершения, то следует поставить и еще один достаточно значимый вопрос. Дело в том, что сама рефлексия, взятая в ее, так сказать, «двойном» статусе (и как синтетическое выражение функционирования *всей* системы психических процессов, и как процесс, обеспечивающий своеобразный «выход» за пределы этой системы на иной, то есть на метасистемный уровень как на процессуальное средство сознания), выступает не только средством самопрезентации психики самой себе, то есть рельефно представленным субъективным процессом, но и «апогеем самой субъективности». Вместе с тем не только не исключено, но, напротив, весьма вероятно, что сама она в этом своем субъективном, то есть итоговом, результативном выражении должна быть чем-либо обеспечена. Иными словами, за «феноменологической данностью» рефлексивных процессов, явлений, закономерностей, должны стоять более глубокие объективные процессы, их обеспечивающие. Они, находясь в основе всей совокупности рефлексивных феноменов и процессов, сами не являются рефлексивными, то есть не осознаются, а носят, повторяем, не субъективный, а объективный характер и аналогичную детерминацию. Ранее для обозначения такого рода процессов, выступающих объективной онтологической базой рефлексии, мы предложили использовать понятие *метасознательных процессов*⁸.

Таким образом, можно сделать следующее обобщающее заключение. Предложенный нами критерий-дискриминатор уровневой дифференциации систем в целом (и одной из них – системы психических процессов) позволил выявить *пять качественно различных уровней* (а строго говоря, *макроуровней*, поскольку, как показано в [70], каждый из них, как правило, включает в себя

---

⁸ К этому понятию близок по смыслу предложенный В.М. Аллахвердовым термин «протосознательных процессов» [5].

ряд достаточно различных по своим операционным средствам подуровней): метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный. Схематизированно иерархию этих макроуровней, а также их соотношения со значениями критерия-дискриминатора можно проиллюстрировать следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Схема структурно-уровневой организации системы психических процессов

Значения критерия-дискриминатора	Уровни организации системы психических процессов
метасистемный	метасознательные процессы
общесистемный	рефлексивные процессы
субсистемный	«вторичные» процессы (метапроцессы)
компонентный	«первичные» процессы (традиционные классы процессов)
элементный	психофизиологические и психические функции

В заключение проведенного выше анализа, а также в качестве своеобразного перехода к его дальнейшей реализации необходимо отметить следующее обстоятельство. Как можно было видеть из его хода и результатов (а также из табл. 1), совершенно особое и, можно сказать, исключительное место во всей системе психических процессов занимает субсистемный уровень. Об этом, в частности, свидетельствует его формальный статус, то есть его «срединное», а значит, центральное положение во всей иерархии макроуровней: он локализуется ровно *посередине*, то есть именно в ее центре. В связи с этим логично допустить, что возможно более полное изучение именно данного уровня может в относительно большей степени содействовать как исследованию всех иных макроуровней данной иерархии, так и ее осмыслению и интерпретации в целом. Данное обстоятельство является, однако, следствием не только проведенного выше анализа. Независимо от него те процессы, которые локализируются на данном макроуровне, вышли на первый план в одном из наиболее современных

и перспективных течений когнитивной психологии – в метакогнитивизме. Напомним, что его основным предметом являются более сложные и комплексные, нежели традиционно дифференцируемые, так называемые аналитические процессы (в терминологии метакогнитивизма – «вторичные» процессы). Их атрибутивная сущность двояка. С одной стороны, все они выступают продуктами *синтезирования*, как минимум, двух «первичных» процессов; с другой – они глубоко специфичны по своему *содержанию*: они направлены не на внешнюю *объективную* реальность, а на реальность принципиально иного плана – *субъективную*. Иначе говоря, их предметом выступают опять-таки психические процессы: они тем самым своеобразны по своей направленности, функциональному предназначению, по своей ориентации. Их «операндами», если использовать терминологию Л.М. Веккера [28], являются *сами* же психические процессы, в отношении которых они реализуют функции «операторов».

В этом пункте анализа целесообразно возвратиться к одному из положений, с которого он и был начат, к положению об особой значимости категории метапроцессов для исследования проблемы *эмоционального интеллекта*, а также о той специфической роли, которые они имеют по отношению к раскрытию его природы. Дело в том, что, как было отмечено нами выше, и содержательно и даже этимологически понятие ЭИ, а соответственно система обеспечивающих его процессуальных средств (просто по определению) является очевидным образом *синтетическим*, объединяющим два класса *принципиально разных* процессуальных образований и их результативных эффектов – эмоциональных и когнитивных (интеллектуальных). Эти синтетические процессы – именно в силу своей синтетической природы – локализуются на уровне отнюдь не «первичных», а именно «вторичных» процессов и в принципе несводимы к аддитивной, рядоположенной (то есть *агрегативной*) совокупности тех и других, а выступают продуктами и результативными эффектами их *интеграции*.

Однако последняя, как впрочем и любая иная *интеграция*, в отличие от *агрегации*, приводит к «выходу» за пределы аддитивного сложения «потенциалов» интегрируемых частей и порождает *новые качественные особенности*, характеристики, феномены, за-

кономерности и пр. Проще говоря, интеграция обуславливает возникновение *новой* качественной определенности, что обычно описывается понятием системных качеств. Тем самым возникает достаточно обоснованное предположение, согласно которому адекватной методологической основой и конструктивной теоретической базой раскрытия процессуальных средств, детерминирующих ЭИ, является именно категория метапроцессов, а также рассмотрение их в контексте общей структурно-уровневой организации системы всех психических процессов в целом. Концепция метапроцессов и метапроцессуальной регуляции деятельности, поведения, общения может, а на наш взгляд, должна служить общим теоретическим контекстом, с позиций которого и возможно, и необходимо исследование данной проблемы. Собственно говоря, именно поэтому мы достаточно подробно остановились выше на основании тезиса, а также на обосновании, формулировке и характеристике такого рода теоретического контекста, адекватного самой природе ЭИ и тех процессуальных средств, которые, в конечном итоге, лежат в основе его обеспечения.

2.1.3. Субсистемный уровень организации психических процессов

Как было отмечено выше, при попытке решения проблемы структурно-уровневой организации системы психических процессов, после того как были установлены ее *базовые компоненты*, «первичные» психические процессы, представляется и необходимым, и естественным обратиться к рассмотрению закономерностей их интеграции в саму эту систему, то есть к изучению общесистемного уровня организации психических процессов, на котором они представлены как «органическое целое». Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что и *после* дифференциации и изучения компонентов системы все же преждевременно, а потому не вполне конструктивно *непосредственно* перейти к анализу общесистемного уровня. Это имеет ряд причин как общего теоретико-методологического, так и более частного эмпирико-экспериментального характера. Основные из них заключаются в следующем.

Во-первых, уровень организации системы психических процессов в целом (системный уровень) и уровень его отдельных компонентов (как «частей» данного целого) могут и должны быть поняты не только как два основных структурных уровня, но и как своего рода «полюса» сложности его организации. Первый – это, по существу, наиболее сложный уровень, на котором представлена *вся* интеграция системы известных психических процессов. Второй – это относительно наиболее простой (подчеркнем – лишь относительно) уровень, поскольку на нем по определению представлен какой-либо *один* из психических процессов. Очевидно, что «диапазон изменения сложности», локализованный между этими полюсами, очень велик и он, по-видимому, должен быть чем-либо заполнен.

Иначе говоря, есть веские основания полагать, что *между* этими двумя уровнями могут существовать и *иные* – также качественно специфические уровни организации психических процессов, то есть уровни, опосредствующие связь между ними. В этом плане проявляется фундаментальная, уже отмеченная выше общегносеологическая закономерность, суть которой заключается в следующем [28]. Познанию «раньше и легче» открываются именно полюса некоторого континуума – относительно наиболее простой и относительно наиболее сложный. По отношению к проблеме раскрытия системы психических процессов первый представлен в виде отдельных, аналитически выделенных (то есть «первичных») психических процессов, а второй – в виде всей системы психических процессов, интегрирующих их в, так сказать, «терминальную» целостность. Не приходится доказывать, что именно и тот и другой даны наиболее явно, а первый из них, к тому же и изучен наиболее детально и полно. Однако *все то*, что локализуется «*внутри*» данного континуума, обычно распознается «труднее и позже», что очевидным образом и имеет место при разработке проблемы структурно-уровневой организации психических процессов.

Во-вторых, (и это непосредственно связано с предыдущим обстоятельством), все основные психические процессы, строго говоря, являются продуктами «аналитической экстирпации» [28, 99, 130] исходного целого – их системы, то есть выступают, пре-

жде всего, как *гносеологические* конструкты. В реальности же (*онтологически*) все они существуют, как было показано выше, «в связанном виде» и образуют определенные процессуальные паттерны. Последние несводимы к отдельным психическим процессам и к их рядоположенной сумме.

В-третьих, все эти «процессуальные паттерны» являются ситуационно-специфичными, то есть всякий раз предстают как продукты целеобусловленного функционального синтеза, релевантного содержанию тех ситуаций и соответственно задач, которые решает субъект в каждый конкретный момент времени. Подавляющее большинство таких ситуаций и задач таково, что они обычно не требуют подключения *всей* «мощности» – всего потенциала, заложенного в *полной* интеграции психических процессов; однако они не столь просты чтобы допускать их преодоление за счет опоры на какой-либо *один* психический процесс. Следовательно, можно заключить, что в большинстве реальных жизненных (естественных) ситуаций их преодоление осуществляется не на уровне «полной интеграции» совокупности психических процессов «как системы», но и не на уровне отдельных психических процессов, а на некоторых *переходных*, промежуточных уровнях интеграции психических процессов.

В-четвертых, еще одним аргументом, подтверждающим, с одной стороны, уже сформулированные выше положения, а с другой – имеющие и вполне самостоятельное значение, выступают те данные, которыми располагает современный метакогнитивизм⁹. Как уже отмечалось, в нем установлен и изучен особый класс психических процессов, обозначенных понятием «вторичных» процессов, выступающих продуктами и эффектами комплексирования «первичных» процессов и поэтому являющихся более сложными и синтетическими, нежели сами «первичные» процессы. Следовательно, они не могут быть локализованы на компонентном уровне. Наиболее изученными среди них являются,

---

⁹ Подробный анализ данных направления представлен в [72]; здесь же отметим его наиболее общий смысл и значение в плане рассматриваемой проблемы.

например, «память о памяти» (метапамять), «мышление о мышлении» (метамышление). В них когнитивные процессы «оборачиваются» сами на себя, осуществляется своеобразный «выход» за пределы «первичных» процессов (отсюда и префикс «мета-»). Когниция трансформируется в *метакогницию*, в основе чего лежит *взаимодействие* «первичных» процессов. Это взаимодействие (точнее, интеграция) дает *новое* качество, несводимое к качественным характеристикам интегрируемых компонентов. На наш взгляд, истинное значение метакогнитивизма состоит не только и даже не столько в том, что в нем был установлен и исследован новый класс психических процессов (метакогнитивных), сколько в том, что он реально продемонстрировал и экспериментально доказал существование особых «процессуальных синтезов», обладающих самостоятельным содержанием и качественной специфичностью, а тем самым в большой степени содействовал углублению представлений о структурно-функциональной организации всей системы психических процессов.

В-пятых, как убедительно свидетельствуют многочисленные исследования, проведенные независимо и «параллельно» с работами в русле метакогнитивизма, наряду с собственно *метакогнитивными* процессами, существуют и «однопорядковые» им по структуре, но имеющие иную природу, иную направленность процессы. К ним, в частности, относятся *метарегулятивные* процессы (интегральные процессы психической регуляции деятельности [63, 70]), а также *метаэмоциональные* процессы, *метамотивационные* процессы. Все они, равно как и метакогнитивные процессы, обладают атрибутивной *синтетичностью*, несводимостью к аддитивной совокупности «первичных» процессов и поэтому не могут быть локализованы на компонентном уровне организации системы психических процессов (на котором локализуются сами «первичные» процессы).

Вместе с тем, констатируя это, нельзя не отметить следующую закономерность. Исследования иных, нежели метакогнитивные, процессов в целом развернулись несколько позже, и соответственно данные об их природе и содержании представлены в меньшей степени. Можно сказать, что логика и последовательность изучения «вторичных» процессов «повторяет» логику и по-

следовательность изучения «первичных» процессов: вначале явный приоритет имеет исследование именно *метакогнитивных* процессов, а затем осуществляется переход к изучению процессов иных классов – процессов иной функциональной направленности (регулятивной, эмоциональной, мотивационной). Все эти классы не могут быть локализованы на компонентном уровне; они, однако, «не возвышаются» и до уровня системы психических процессов в целом, образуя поэтому переходный уровень между ними. Особо подчеркнем, что существование «вторичных» психических процессов, или метапроцессов, выступает не только как сугубо теоретический аргумент в пользу иных, чем компонентный, уровней структурно-уровневой организации психических процессов, но и как *экспериментально доказанный* и многократной верифицированный факт.

В-шестых, в качестве еще одной, значительно более общей (и именно поэтому очень важной) причины выступает, обобщенная системная закономерность, согласно которой система в целом состоит не из своих компонентов *непосредственно*, а из их определенных *функциональных синтезов* – подсистем, или субсистем [17, 73, 74]. Основные компоненты системы подвергаются, как минимум, «двухступенчатому» синтезу, двойной интеграции. Вначале они интегрируются под влиянием той или иной цели функционирования системы и реализуют ее через определенные «функциональные синтезы», целостные паттерны (так называемые «функциональные органы» системы [54, 55]). Затем эти относительно локальные субсистемы также интегрируются в рамках системы в целом, что и дает общесистемный уровень ее организации. Данная закономерность имеет общий характер и выполняется, по существу, для всех видов и типов систем. В связи с этим, нет никаких оснований считать, что система психических процессов является исключением в данном отношении. Как раз наоборот: именно потому, что закономерности и механизмы системности представлены в ней в их наиболее полном, явном и развернутом виде, можно полагать, что данная закономерность также представлена по отношению к сознанию в достаточно полном и эксплицированном виде. Таким образом, можно видеть, что и этот аргумент (достаточно обобщенного характера) также

заставляет предположить наличие между компонентным и системным уровнями особого и качественно специфического уровня организации сознания.

Наконец, в-седьмых, не только возможность, но и необходимость существования данного уровня *непосредственно* следует и из содержания общесистемного критерия-дискриминатора, рассмотренного выше. Напомним, что одним из макроуровней организации систем, согласно данному критерию, как раз и выступает *субсистемный* уровень, на котором локализуются не отдельные компоненты, но который и «не возвышается» и до общесистемного уровня организации какой-либо целостности. Это – уровень, образованный целостными паттернами, функциональными синтезами компонентов, складывающихся, как правило, для реализации тех или иных функций системы. Эти синтезы (субсистемы) несводимы в плане их содержания к компонентам и к их аддитивной совокупности, поскольку выступают как именно системные образования. Но они и «не исчерпывают» собой содержание всего целого, поскольку эти субсистемы также подвергаются в его рамках закономерной интеграции, которая приводит к формированию новых системных качеств.

Таким образом, все рассмотренные выше аргументы позволяют обоснованно предполагать наличие особого, качественно специфического уровня системы психических процессов, локализованного между собственно компонентным и общесистемным уровнями его организации. Данный уровень вообще очень характерен для организации любых систем, а по отношению к ряду из них уже был достаточно подробно исследован (см., например, [69, 70]), в связи с этим, нет оснований считать, что он нехарактерен для ее организации; напротив, поскольку эта система в аспекте ее структурно-уровневой организации в наибольшей степени воплощает в себе системные закономерности, по-видимому, данная особенность должна быть присуща ей в максимально полном и развернутом виде.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сформулированный вывод ставит, в свою очередь, еще более сложные и принципиальные вопросы: каково психологическое содержание предполагаемого уровня организации сознания? Какие именно его «со-

ставляющие» локализируются между компонентным и общесистемным уровнями этой организации? Обладают ли они и, если да, то какой именно качественной специфичностью? Допускает ли он редукцию к двум указанным уровням или же принципиально несводим к ним? Предпринимая попытку ответа на них, отметим следующее.

Если в качестве базовых структурных компонентов системы психических процессов трактовать все известные в настоящее время аналитически выделенные – «первичные» психические процессы, то именно их совокупность и должна составлять ее компонентный уровень. Они, однако, как показано выше и как это подробно охарактеризовано в метакогнитивизме и в когнитивной психологии в целом, выступают именно базовыми процессами, что, кстати говоря, зафиксировано и в том понятии, которое обычно используется для их обозначения – в понятии «*первичных*» процессов. На их базе и посредством их рекомбинации, синтезирования, интеграции могут формироваться и в действительности формируются иные более сложные процессуальные образования, зафиксированные, в частности, в понятии «*вторичных*» процессов. Они (по определению) несводимы к компонентному уровню, но и «не возвышаются» до уровня организации системы психических процессов в целом, поскольку в любом случае выступают как, хотя и достаточно обобщенные, но все же локальные ее «составляющие». Формы, виды, типы этих «вторичных» процессуальных синтезов, мера их обобщенности и развернутости могут, естественно, существенно различаться. Однако их суть, их *процессуальный статус* сохраняется инвариантным: он состоит в том, что они локализируются именно между компонентным и общесистемным уровнями организации. К сожалению, в настоящее время среди всех этих «вторичных» процессов непоставимо лучше изучены лишь метакогнитивные процессы, хотя, как было показано в [63, 70, 72], только ими данный класс процессов не исчерпывается.

Таким образом, можно сделать следующее предварительное заключение, которое в дальнейшем будет конкретизировано и развернуто. По-видимому, между компонентным и общесистемным уровнями организации сознания локализуется особый и *качест-*

венно специфический уровень, образованный совокупностью «вторичных» психических процессов (метапроцессов). Все они (по определению), повторяем, несводимы к компонентному уровню, но и «не возвышаются» (также по определению) до общесистемного уровня. Подчеркнем и то, что данное предположение позволяет не только непротиворечиво согласовать основные имеющиеся сегодня теоретико-методологические и эмпирико-экспериментальные данные в области психических процессов, но и вскрывает эвристический, объяснительный и даже прогностический потенциал того варианта решения проблемы структурно-уровневой организации психических процессов, который был обоснован в предыдущем параграфе. В связи со сказанным возникает задача, по возможности, более дифференцированного анализа данного класса, что в принципе равнозначно содержательной верификации сформулированного положения. Предпринимая ниже попытку ее решения, мы будем опираться как на уже рассмотренные нами в [68, 70, 71, 72, 73] результаты, так и на вновь полученные данные.

2.1.4. Метакогнитивные процессы как предмет психологического исследования

Как уже было отмечено выше, в хронологическом плане исходным классом, входящим в общую категорию «вторичных» процессов, выступили метакогнитивные процессы. Более того, традиция, сложившаяся в русле когнитивной психологии в целом и в метакогнитивизме в частности, во многом практически отождествляет *всю* эту категорию лишь с классом метакогнитивных процессов. Их установление и последующее изучение имеет двоякое значение. С одной стороны, оно само по себе позволило расширить представления о реальном многообразии и истинной сложности процессуально-психологического содержания. С другой стороны, оно создало своеобразный «прецедент», вскрыв то (на наш взгляд, еще более важное) обстоятельство, согласно которому господствовавшая длительное время так называемая «аналитическая картина психических процессов» – это лишь *база*, основа для раскрытия *всей* реальной сложности их организации; что сами

эти «первичные» процессы отнюдь не исчерпывают собой всего содержания процессуальной организации психики.

Другими словами, можно допустить, что если существуют *метакогнитивные* процессы (а это сегодня уже не вызывает сомнений), то, по-видимому, должны существовать и такие «вторичные» процессы, которые соотносятся уже не с собственно когнитивными «первичными» процессами (и соответственно с когнитивной подсистемой психики), а с иными также *базовыми* классами «первичных» процессов – регулятивных, эмоциональных, мотивационных. Если это действительно так, то вся их совокупность как раз и образует содержание того уровня организации системы психических процессов, который локализуется между компонентным и общесистемным уровнями. Верификация данного предположения составит предмет нашего дальнейшего анализа. Вначале будут рассмотрены метакогнитивные процессы, а затем – все иные процессы, которые также относятся к классу «вторичных»¹⁰.

Действительно, реалии современного психологического познания заставляют признать следующее важное обстоятельство. В русле когнитивной психологии как одного из основных его направлений оформилась достаточно мощная тенденция ее развития, которая может иметь (а точнее, фактически уже имеет) не меньшие, а, быть может, бóльшие «методологические последствия», нежели сама «классическая» когнитивная психология. Это – зарождение и бурное развитие *метакогнитивизма* и различных его конкретных направлений (например, метакогнитивного обучения, исследования метакогнитивных процессов и метакогнитивного опыта, анализ проблемы метакогнитивных способностей и др.). Метакогнитивизм сегодня во многом олицетворяет «передний край» развития когнитивной психологии в целом, а та, в

---

¹⁰ Подчеркнем, что реализация этой задачи сопряжена с существенными, хотя и вполне естественными трудностями; их суть заключается в явной неравномерности степени изученности указанных классов «вторичных» процессов. Метакогнитивные процессы исследованы в настоящее время, как уже указывалось, несопоставимо лучше, нежели все иные классы «вторичных» процессов.

свою очередь, в столь же многом репрезентирует сегодня общую и экспериментальную психологию в их современном воплощении и основных достижениях.

Метакогнитивные процессы представляют собой, по существу, новую и во многом специфическую психическую реальность; они лишь сравнительно недавно стали предметом психологических исследований. Они специфичны, как уже отмечалось, по своему, так сказать, «предмету и направленности» – ими выступает не *объективная*, а *субъективная*, точнее – *субъектная* реальность, а еще точнее – процессы и структуры ее репрезентации. Метакогнитивные процессы одновременно «выходят» за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых *регулятивных* функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению к организации деятельности в целом. «Возвышаясь» над иерархией когнитивных процессов, они одновременно опосредствуют связь между когнитивными и регулятивными процессами деятельности и поведения.

Метакогнитивные процессы двуедины по своей психологической природе: являясь когнитивными по механизмам, они регулятивны по направленности, т.е. по функциональному предназначению. В силу этого проблема изучения метакогнитивных процессов органично включается в другую более общую и фундаментальную психологическую проблему – проблему раскрытия основных принципов и закономерностей, процессов и феноменов, лежащих в основе регулятивных функций психики.

Исследования в области проблематики метакогнитивизма не могут быть игнорированы ни одной сколько-нибудь крупной психологической проблемой, а тем более такой важной и комплексной проблемой, как проблема структурно-уровневой организации системы психических процессов. И напротив, анализ основных тенденций развития метакогнитивизма, его основных результатов может значимо содействовать разработке многих психологических проблем и развитию указанной проблемы, в особенности. Наряду с этим столь же очевидна значимость исследований в русле метакогнитивизма и в плане разработки другой фундаментальной и «вечной» проблемы – проблемы *сознания*, поскольку метакогнитивные процессы по самой своей сути

(то есть атрибутивно) предполагают ведущую роль в их организации механизмов *осознаваемого* мониторинга и вообще в значительной мере образованы ими.

Далее, без раскрытия закономерностей метакогнитивной регуляции не только «внешней», но и «внутренней», т.е. собственно психической деятельности невозможна разработка и еще одной важной проблемы – проблемы *субъекта*. Метакогнитивные процессы – это такие процессуальные средства, овладевая которыми, субъект в значительной степени и становится таковым, обретает «самость», *субъектность* не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему, к своей собственной психике и к ее содержанию. Последнее связано с тем, что по своей природе и функциональному предназначению метакогнитивные процессы направлены на регуляцию, координацию и организацию этого содержания, на произвольный (осознаваемый) контроль за ним.

Следует иметь в виду, что общая эволюция метакогнитивизма неотделима от развития когнитивной психологии в целом. В связи с этим, необходимо учитывать, что в настоящее время следует дифференцировать *две* основные *тенденции* (точнее, макротенденции) развития когнитивной психологии.

С одной стороны, это исходно присущая уже самым первым когнитивистским исследованиям установка на приоритетное изучение *синтетических*, целостных структур, механизмов и процессов переработки информации; своего рода трансформация доминировавшей длительное время когнитивно-аналитической парадигмы в области изучения познавательных процессов в когнитивно-синтетическую парадигму.

С другой стороны, сама логика развертывания и углубления изучения когнитивных процессов в их высших и наиболее сложных, то есть синтетических и целостных проявлениях, привела к необходимости изучения таких их видов и форм, которые достаточно существенно – качественно – отличаются от традиционных объектов изучения в когнитивной психологии. Возникла необходимость дифференциации и последующего изучения таких процессов, которые обеспечивают не «познание как таковое», не непосредственную реализацию познавательных функций, а регуляцию и *организацию* самого познания и для этого – «познание

(точнее, самопознание) процесса индивидуального познания»[166, 179, 181, 217,218, 220. 240]. Эти процессы, являясь именно познавательными, то есть *когнитивными* по своему статусу, направленности и механизмам, одновременно очень специфичны по своему «предмету»: им являются также психические процессы, причем опять-таки познавательные, когнитивные. В результате складывается ситуация, при которой процессы, обозначаемые понятием метакогнитивных процессов, атрибутивно двойственны психологической природе и статусу. Они одновременно являются и *когнитивными* (по механизмам, содержанию, закономерностям, «носителю») и *регулятивными* (по тем функциям, которые являются для них главными). Происходит своего рода «удвоение качественной определенности», когда один и тот же процесс является одновременно и когнитивным и регулятивным. Уже в самой этимологии понятия «метакогнитивный» содержится указание на *выход за пределы* когнитивной подсистемы психики (на это указывает префикс «мета»); момент выхода в иную качественную определенность – регулятивную. Поэтому метакогнитивные процессы – это не только и не столько «сверх»когнитивные процессы, сколько «пост»когнитивные, то есть регулятивные.

Становление и развитие современного метакогнитивизма привело к тому, что исходный статус самих когнитивных процессов (как «операторов», то есть того, «*чем* познается» (С.Л. Рубинштейн [129]) дополнилось и обогатилось их принципиально иным статусом – «операндов», то есть тем, «*что* познается». Причем оба эти статуса обеспечиваются принципиально *одними и теми же* операциями, процессуальными средствами. Тем самым в метакогнитивных процессах имеет место механизм *обратимого перевода* когнитивных процессов из статуса «операторов» в статус «операндов», то есть попеременность их функциональной роли либо в том, либо в другом из них. Однако нельзя не видеть и того крайне важного обстоятельства, что именно эта обратимость является одним из основных механизмов как функционирования системы психических процессов, в частности, так и сознания в целом.

Вместе с тем метакогнитивизм, являясь, действительно, одним из крупных теоретических «прорывов», не только по-новому *решает* те или иные общие психологические проблемы. Он одновременно *ставит* множество других еще более общих и сложных задач. Более того, он, строго говоря, находится, еще на относительно ранних стадиях своего развития, а трудности изучения метакогниции велики, принципиальны и множественны. Все они, в конечном счете связаны, на наш взгляд, с двумя основными причинами.

Во-первых, «в лице» метакогнитивных процессов когнитивная психология (и психология в целом) сталкивается, по существу, с *новой* психической реальностью, суть которой состоит в том, что эти процессы являются психическими не только по механизмам своего осуществления, но также и по самому своему «предмету», объекту репрезентации и регуляции.

Во-вторых, сам по себе вопрос о существовании метакогнитивных процессов как таковых приводит к постановке еще более острой и не вполне традиционной проблемы – проблемы *достаточности* сложившихся традиционных представлений о *составе* тех психических процессов, которые действительно реально существуют и должны выступать предметом изучения в психологии.

Анализ и оценка современного состояния проблемы метакогнитивной регуляции деятельности и поведения позволяют установить ее некоторые *общие* особенности и вытекающие из них первоочередные задачи исследовательского плана. Как уже отмечалось, направление метакогнитивизма зародилось в русле современной когнитивной психологии; оно представляет собой сегодня одну из наиболее мощных, приоритетных и многоаспектных тенденций ее развития. Будучи логическим продолжением общей эволюции теоретико-методологических оснований и принципов когнитивной психологии в целом (правда, на новом этапе ее развития), метакогнитивизм во многом знаменует собой выход на качественно новый уровень ее проблематики и научного потенциала.

Вместе с тем, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость проблематики метакогнитивизма, она до сих пор разработана явно недостаточно, а общий уровень ее раз-

вития не соответствует этой высокой значимости. Такое несоответствие обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, относительно *небольшим временем* существования данного направления, что объективно не позволяет пока ему достичь высокого уровня зрелости, развитости. Во-вторых, метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, присуща характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной их критической оценки, и, в действительности, обуславливает их существенную теоретическую ограниченность. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (либо традиционно-обусловленный, либо вынужденный, а нередко и намеренно культивируемый) разрыв когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма в частности с психологической теорией *деятельности*, с изучением целостной деятельности, поведения. Несколько заостряя ситуацию, можно сказать, что не только этимологически, но и по существу, то есть по «идеологии» и методологии, *когнитивная* психология – это своего рода нечто противоположное, или (более мягко) «другое», нежели *регулятивная* психология. В результате такой несинтезированнойности двух (и это следует подчеркнуть особо) фундаментальных направлений современной психологии «страдают» они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к априорно зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и «уплощению» получаемых результатов, а нередко и к их «внедеятельностному», а значит, не вполне экологичному, а следовательно, «невалидному» и потому некорректному изучению. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности *наиболее сложных*, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции, существенно *обедняет* и, более того, *супримирует* психологическую теорию деятельности, а часто вообще блокирует исследования наиболее принципиальных вопросов (например, вопроса о структуре и содержании рефлексивных механизмов регуляции деятельности). В связи с указанными причинами метакогнитивизм характеризуется в настоящее время рядом особенностей и традиций, определяющих его современный облик. Главными среди них (наряду с *двумя* уже указанными чертами данного направления – *небольшим периодом* существова-

ния и достаточно отчетливой прагматической ориентации многих исследований) являются следующие особенности данного направления.

В-третьих, это, конечно, очень большое *разнообразие* и *широта* спектра исследований и как следствие этого – огромный объем эмпирических материалов в данной области. В них раскрыты многие важные и интересные закономерности, феномены и свойства метакогнитивных процессов. Однако подавляющему большинству исследований свойственна очевидная «локальность» и фрагментарность их проблематики, а потому – отчетливый *аспектный* их характер. Они в основном направлены на исследование различных частных явлений и закономерностей. Поэтому данная проблема более развита «вширь», нежели «вглубь», в связи с чем для нее пока характерен *экстенсивный* тип развития.

В-четвертых, наличие множества *частных* и достаточно разных теоретических подходов, концепций метакогнитивных процессов, исходно ограниченных каким-либо аспектом этой общей проблемы (так называемых «теорий среднего радиуса действия»). Это, прежде всего, наиболее ранняя в историческом плане «концепция метапознания» Дж. Флейвелла (с которой вообще принято связывать возникновение метакогнитивизма как такового) [179 – 181]; представления о метакомпонентах общей структуры интеллекта Р. Стернберга [138, 232, 233]; теория «когнитивных метаоператоров» Д. Дернера (цит. по [70]); иерархическая модель метакогнитивных процессов М. Феррари (цит. по [72]); концепция «когнитивного мониторинга» Т. Нельсона и Л. Наренса [219, 220]; «теория человека о душе» Г. Уэллмена [240]; представления о структуре и стратегиальном составе метамышления А. Брауна [166]; концепции «метарегулятивных функций» М. Лефебр-Пинара [200], а также У. Шнайдера и М. Прессли [226]; концепция «синтетических метапроцессов» Р. Джермена (цит. по [72]); исследования в области кортикального представительства метакогнитивных процессов К. Фогеля, М. Ваврика, П. Уолтона (цит. по [72]); «рефлексивные концепции» метапознания У. Брюера, У. Каралиотаса, Д. Шенка, К. Лина (цит. по [70]); концепция структуры метакогнитивного опыта М.А. Холодной [148]; теория «метаархитектоники сознания» Э. Блэки и С. Спенса; большое

число еще более частных концепций генетической направленности, разработанных в русле идеологии «метакогнитивного обучения» (Л. Редер, Х. Майер, С. Виттрок и др. [210, 211]), а также работы, посвященные, как правило, исследованию какого-либо *отдельного* метакогнитивного процесса (В. Хаак, К. Хольм, К. Вагнер, Д. МакДермотт, Ч. Тересен, Д. Махони, У. Мишель, Ф. Камфер, Л. Гримм [191, 234], а также их обзор в [70, 72]).

В-пятых, для современного состояния данной проблемы достаточно характерно и то, что практически отсутствуют не только целостные, *обобщающие* концепции, систематизирующие и интерпретирующие полученные в его рамках результаты, но и даже серьезные *специальные* попытки их разработки. Имеет место явное доминирование частных теоретических построений над их *синтезом* в обобщающие теоретические представления. В связи с этим, а также по причинам иного порядка (историческим, гносеологическим, методологическим и иным) ощутимо проявляются следующие характерные и обобщенные особенности данного направления. Это – отчетливый *эмпиризм*, состоящий в резком преобладании темпов развития экспериментального базиса метакогнитивизма над его теоретическим осмыслением. Далее, это и достаточно явный *эkleктизм* в обобщении и интерпретации полученных результатов, а также в общем подходе к развитию представлений о метакогнитивных процессах. Кроме того, это – частый и даже намеренно культивируемый *прагматизм* некоторых направлений метакогнитивизма, особенно метакогнитивного обучения и развития. Наконец, это – и явно недостаточная пока синтезированность основных достижений метакогнитивизма с базовыми категориями и концепциями *общей психологии*; некоторая, а иногда и намеренно подчеркиваемая «автономность» развития данного направления.

Все изложенное выше обуславливает в итоге определенную «мозаичность» теоретических представлений, недостаточную систематизированность эмпирического базиса современного метакогнитивизма. Указанные черты – эмпиризм, эkleктизм, прагматизм, аспектность – нельзя, однако, трактовать лишь с *оценочных* позиций – в качестве «ярлыков». Они должны быть поняты как осо-

бенности естественного и объективного плана, свидетельствующие о переходном, развивающемся состоянии данной проблемы.

В-шестых, для исследований метакогнитивных процессов характерен, как уже отмечалось, и своего рода «предметоцентризм», согласно которому они рассматриваются, в основном, автономно – «сами по себе» (в их качественной определенности), а не как реальный компонент более широкой целостности – *мета-системы* (деятельности, поведения). Это и приводит к несинтезированнойности представлений о метакогнитивных процессах с психологией деятельности, о чем уже было сказано выше. Ее мощный эвристический потенциал остается поэтому недостаточно востребованным психологией метакогниивизма. Тем самым обнаруживается и главная, на наш взгляд, особенность современного состояния данной проблемы – *аналитический*, то есть преимущественно внедеятельностный (а значит, и не вполне экологичный), подход к ее разработке (об этом также уже упоминалось).

В-седьмых, фактически даже не сформулирован один из наиболее общих и принципиальных вопросов – вопрос о *психологическом статусе* метакогнитивных процессов, о содержании и границах данного понятия, о составе и содержании класса метакогнитивных процессов. Само понятие «метакогнитивные процессы» используется сейчас, в основном, как *собирательный* термин, обозначающий очень разные по многим параметрам процессы. Нерешенность вопроса о статусе метакогнитивных процессов порождает неопределенность их места в понятийной системе психологии, а также обуславливает нерешенность ряда ключевых вопросов, сформулированных, но остающихся до сих пор без ответа, в метакогниивизме.

Наконец, в-восьмых, в современном метакотогниивизме практически не исследуется связь «вторичных процессов с иными, также крайне важными классами психических процессов и образований – *эмоциональных* и мотивационных. Между тем представляется достаточно очевидным, что, подобно тому, как эмоции и мотивация существенно влияют на когницию, то есть на «первичные» психические процессы (и это влияние достаточно хорошо изучено), они же в неменьшей степени влияют и на метакогницию. В этой связи не приходится доказывать, что

именно данный вопрос имеет самое непосредственное отношение к раскрытию психологического статуса ЭИ и установлению его закономерностей.

Определение психологического *статуса* метакогнитивных процессов, их места и роли в общей организации системы психических процессов возможно посредством выявления их *уровневой локализации* в этой системе. Локализация же эта состоит в их принадлежности к особому и качественно специфическому и несводимому ни к одному иному уровню – к *субсистемному*. Он, как уже отмечалось, образован функциональными синтезами «первичных» процессов (и потому не может быть сведен к уровню «аналитически выделяемых», то есть «первичных», процессов). Но он, однако, и не исчерпывает собой общесистемного уровня организации психики и сознания, а потому «не охватывает» всей качественной определенности последнего [72]. Метакогнитивные процессы образуют поэтому один из *классов* таких процессуальных образований, который опосредствует связь между компонентным и общесистемным уровнями структурно-уровневой организации психических процессов; они заполняют собой тот огромный по своему масштабу диапазон сложности процессуально-психологической организации, который заключен между ними.

В свою очередь, принадлежность метакогнитивных процессов именно к этому «промежуточному», а иначе говоря, «срединному» уровню обусловлена достаточно четким и ясным, даже в определенной степени «формальным» критерием. Он заключается в том, что все они, так сказать, «неединичны» по своему составу, то есть «вторичны» относительно самих «первичных» процессов. Любой из них предполагает *комплексирование*, как минимум, либо двух разных когнитивных процессов, либо «удвоение» одного и того же процесса (например, «память о памяти», «мышление о мышлении»). Очень вероятно также, что не только возможны, но и реально представлены и иные, более сложные и комплексные варианты композиций «первичных» психических процессов.

Так, например, широко изучающийся и феноменологически очевидный «метакогнитивный мониторинг» деятельности есть,

по существу, не что иное, как метакогниция со стороны собственно мыслительных процессов за всеми иными когнитивными процессами, образующими когнитивную иерархию в целом при включении ее в деятельность. Понятно, что компонентный состав такого мониторинга является значительно более сложным процессуальным образованием, нежели те метакогнитивные процессы, которые были предметом исследования на ранних этапах развития метакогнитивизма. В связи с этим, очевидно также, что (как это и было спрогнозировано в ходе теоретического анализа субсистемного уровня), он не является, так сказать, «плоским», включающим однопорядковые по степени сложности процессуальные образования. Как раз напротив, *сама его суть* состоит в том, что он включает в себя существенно разные по степени организации и, по-видимому, иерархически соподчиненные подуровни, образованные разными по степени сложности композициями «первичных» процессов.

Далее, с позиций развитых выше представлений становится очевидным и то, что, несмотря на существенные различия в содержании и степени сложности, все метакогнитивные процессы обладают *принципиальной общностью* их психологической природы. Последняя заключается в том, что они глубоко специфичны и сходны по их направленности, по «предмету», на который они ориентированы. Этим «предметом и материалом» выступает не объективная – «внешняя среда», а *они же сами*, то есть *не объективная, а субъективная* реальность. Это, как было отмечено выше, оказывается возможным благодаря тому, что психические процессы в целом и когнитивные процессы в особенности обладают свойством *обратимости* и могут выступать и в качестве операторов, и в качестве операндов (попеременно и одновременно). И именно поэтому они могут реализовывать функции не только «отражения», но и «самоотражения», функции самопрезентации психики самой себе, которая, собственно говоря, и составляет суть сознания как такового. Все они могут и должны быть проинтерпретированы как локальные, «парциальные» операционные средства рефлексии как его процессуального средства.

2.1.5. Метарегулятивные и интегральные процессы в психической регуляции деятельности и поведения

Метакогнитивные процессы, безусловно, составляют «ядро» и наиболее специфическое содержание «вторичных» психических процессов; неслучайно поэтому, что именно они, наряду с иными причинами, стали первоочередным предметом изучения среди всех иных «вторичных» процессов. Вместе с тем в настоящее время имеется ряд достаточно значимых аргументов теоретико-методологического плана, а также данных эмпирико-экспериментального характера, свидетельствующих о том, что они отнюдь *не исчерпывают* собой все содержание субсистемного уровня организации сознания. Все эти аргументы и данные отчетливо указывают на то, что не только возможна, но и необходима дифференциация еще одного класса метапроцессов; он, однако, соотносится уже не с когнитивной подсистемой психики, а со второй ее важнейшей подсистемой – *регулятивной*. В связи с этим необходимо предпринять попытку их психологической характеристики.

Предпринимая такую попытку прежде всего следует учитывать, что реальная картина указанного класса метапроцессов оказывается еще более сложной и дифференцированной, чем аналогичная картина метакогнитивных процессов. В конечном счете это объясняется атрибутивной специфичностью регулятивных процессов как таковых, регулятивной подсистемы психики в целом: любой из этих процессов, направленный на организацию и координацию *целостных* деятельностных и поведенческих актов, по необходимости предполагает опору не на какой-либо один «первичный» психический процесс, а на их также *целостные* синтезы и в силу этого по необходимости является комплексным, синтетическим, то есть несводимым к «первичным» процессам. Кроме того, несколько предваряя дальнейшее изложение, отметим, что, наряду с собственно регулятивными процессами, необходимо дифференцировать и еще более сложные и комплексные процессы, обозначаемые понятием метарегулятивных процессов. Их суть заключается в том, что тот или иной регулятивный процесс может обеспечивать не только координацию деятельност-

ных и поведенческих актов непосредственно, но и аналогичную координацию и организацию иных также регулятивных процессов. Ниже мы последовательно рассмотрим обе эти категории регулятивных метапроцессов.

Первая из них была достаточно подробно исследована и проинтерпретирована в разработанной нами ранее концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности [63, 64, 66]. Данная концепция уже неоднократно характеризовалась в соответствующей литературе (см., например, [71, 72]), в силу чего далее мы остановимся лишь на ее основных положениях, имеющих *непосредственное* отношение к сути рассматриваемых здесь вопросов.

В самом деле, попытки разработки представлений о целостной системе психических процессов (или, по крайней мере, об их систематике) имеют достаточно длительную историю. На формирование представлений в данной области, ставших ныне традиционными, наибольшее влияние в историческом плане оказали две фундаментальные дифференциации. Во-первых, идущее от Тетенса разделение процессов на познавательные, волевые и эмоциональные (триада «ум – чувства – воля»), дополненное затем мотивационными процессами; во-вторых, дифференциация внутри класса когнитивных процессов их основных видов (ощущения, восприятия, представления и др.).

Выделение указанных классов и видов психических процессов, таким образом, это результат длительного развития психологии, продукт ее исторической эволюции. Вместе с тем это развитие, как известно, протекало на основе явного доминирования отчетливого аналитического способа изучения психических явлений, на основе аналитической установки расчленения более сложного объекта (психики в целом) на относительно менее сложные проявления (отдельные психические процессы). Это вполне соответствует и «духу интроспекционизма», и традициям функциональной школы в психологии¹¹. При таком (преимущест-

---

¹¹ И хотя современная психология ушла в своем развитии *несопоставимо* далеко от этих исходных представлений, а аналитическая картина

венно аналитико-интроспективном подходе), который был и остается мощным инструментом познания, исходный объект изучения, имеющий объективно системное строение, расчленяется на относительно более простые образования. Они далее рассматриваются в возможно более «чистом» и удобном для изучения виде, и только затем предпринимаются попытки синтеза аналитически исследованных «единиц», возврата к изначальной целостности исходного объекта познания.

Такой подход, конечно, правомерен, что убедительно доказывается всей историей развития проблемы психических процессов. Необходимо, однако, помнить, что он, как и все иные подходы, является одним из возможных, а выделяемые процессы суть продукты некоторой абстракции. Наряду с указанным подходом, возможен и другой способ исследования – иной по отношению к нему подход. Он направлен прежде всего на изучение процессов, которые выступают продуктами взаимодействия, комплексирования указанных процессов, то есть синтезов, в которых и благодаря которым традиционно выделяемые процессы проявляются в поведении, деятельности, а также представлены онтологически. При этом изучение психических процессов должно быть направлено уже преимущественно на раскрытие механизмов *синтеза* и *интеграции* ранее изученных процессов и, возможно, на выявление новых процессуальных образований психики.

Необходимо учитывать также, что из всех психических процессов значительно в большей степени изучены познавательные процессы. Последнее обстоятельство обусловлено явным доминированием исследования в психологии одной из функций психики – когнитивной, восходящее к картезианской и интроспективной традициям. Эти традиции, акцентирующие анализ на дифференциации познавательных процессов, связаны с более очевидной интроспективной данностью и расчлененностью, более того, субъективной несомненностью последних. Познава-

---

психических процессов выступает сегодня неизмеримо более богатой и развернутой, эти два наиболее общих и традиционных разделения сохраняются и поныне (имплицитно или даже вполне эксплицитно).

тельные процессы – это конкретизация так называемой «отражательной», когнитивной функции психики.

В связи с этим, однако, возникает вопрос о том, за счет каких процессов реализуются другие функции психики, в первую очередь – регулятивная? Достаточно ли для ее реализации *только* традиционно выделенных процессов или же она предполагает систему специфических регулятивных процессов? Обычно принято считать, что ведущую роль в реализации регулятивной функции играют волевые процессы (наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом самих когнитивных процессов). Но тогда возникает проблема дифференциации и изучения как структуры самих волевых процессов, так и специального исследования системы когнитивных процессов в их собственно регулятивном аспекте, которые также не имеют пока развернутого решения.

Таким образом, можно видеть, что при изучении проблемы психических процессов и в историческом плане, и в плане сложившейся понятийной системы, и в плане их систематики преобладает установка на аналитическое исследование с иным приоритетом в нем одного из классов – когнитивных процессов (аналитико-когнитивная парадигма). Она ориентирует психологическое познание на преимущественно аналитическое выделение отдельных – качественно специфических – компонентов процессуального содержания психики, а также на исследование прежде всего когнитивных процессов. Дифференцируемые в результате такого подхода процессуальные компоненты психики обозначаются обычно (в основном в русле когнитивной психологии) понятием «первичных» процессов.

Вместе с тем, как показано в ряде наших работ [68, 79 и др.], не только возможен, но и объективно необходим иной подход к исследованию системы психических процессов. Он, в отличие от *когнитивно-аналитической* парадигмы, может быть обозначен как *регулятивно-синтетическая* парадигма изучения психических процессов. Суть дела заключается в том, что с ее позиций открывается реальная возможность изучения иных более сложных, синтетических процессов психики. В частности, именно в русле этого подхода ранее нами была разработана концепция интегральных процессов психической регуляции деятельности и по-

ведения. В ней обосновано и экспериментально доказано положение о существовании и качественной специфичности определенной группы психических процессов – интегральных, а также о самостоятельности их статуса. Это – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля.

Есть основания считать, что реализация основных выводов концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения, может содействовать дальнейшему развитию представлений о структурно-уровневой организации психических процессов; способствовать разработке конструктивного и, по возможности, обобщенного концептуального подхода к данной проблеме. Остановимся на данной проблеме несколько подробнее.

В указанной концепции на основе анализа процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения была доказана необходимость дифференциации двух форм, двух классов (и уровней) организации процессов психики: 1) основных, традиционно выделяемых процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) – как своего рода процессов «первого порядка»; 2) синтетических, регулятивных процессов – процессов «второго порядка». Их целесообразно обозначить как *интегральные процессы* регуляции деятельности и поведения. Они выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной структурой регуляции деятельности и поведения.

Такие процессы, действительно, не только реально существуют, но и в принципе достаточно давно известны в психологии; они получили также свое закрепление в естественном языке. Однако для того чтобы их адекватно дифференцировать и осмыслить как *единый* по своей психологической сущности *класс*, необходимо расширить традиционную схему понятийного описания процессов психики, дополнить аналитико-когнитивную установку их изучения регулятивно-синтетической установкой.

Дело в том, что для эффективного и активного взаимодействия субъекта с действительностью объективно недостаточно только процессов, направленных преимущественно на ориентировку и познание (когнитивные процессы); на активацию и оце-

нивание (эмоциональные процессы); на стабилизацию активности (волевые процессы) и на побуждение, инициацию этой активности (мотивационные процессы). Объективно необходимы также и процессы, *специально* направленные на построение, организацию и регуляцию активности (поведения и деятельности). В качестве таких специфически регулятивных процессов следует рассматривать известные, но не объединяемые обычно в качественно специфический класс процессы, обозначенные нами как интегральные.

Все психологические особенности интегральных процессов целесообразно, на наш взгляд, рассматривать в свете диалектики *общего, особенного и единичного* по отношению к особенностям других процессов психики. Иначе говоря, они обладают общими со всеми иными категориями процессов свойствами; однако, наряду с этой общностью, им присущи и некоторые особенные – специфические – характеристики, позволяющие считать их однородной в некоторых существенных отношениях группой процессов. Наконец, на фоне общих и особенных характеристик каждому из процессов этой группы присущи и свои собственные (единичные) характеристики, описывающие их собственное качественное своеобразие.

Действительно, обобщение результатов работ, посвященных исследованию целеобразования, антиципации, принятия решения, планирования, прогнозирования, программирования, контроля и самоконтроля [22, 28, 30, 48, 50, 103, 105, 128, 134, 152, 216 и мн. др.] вскрывает ряд ключевых особенностей всех этих процессов, аналогичных в целом ведущим характеристикам других, традиционно выделяемых процессов психики. Так, все они, безусловно, являются психическими по механизмам своей реализации, то есть психическими процессами в прямом и непосредственном смысле данного понятия; характеризуются свойствами субъективности, идеальности, целенаправленности, предметности; имеют специфический операционный состав; направлены на обеспечение наиболее общих адаптивных функций; являются сложными, многоуровневыми и системно-организованными образованиями; допускают реализацию и в собственно процессуальной форме и в форме действий, и в форме автономной, раз-

вернутой деятельности. Наличие этих общих с другими процессами *общих* особенностей, собственно, и позволяет считать, что все эти процессы являются, хотя и специфическим, но все же одним из классов процессов, реализуемых психикой.

Всем этим процессам присущи, однако, и некоторые *специфические* только для данного класса особенности. Главные из них могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Ведущим критерием выделения всех этих процессов является соответствие каждого из них определенной комплексной *функции по организации деятельности*, обусловленной ее психологической структурой. Такими функциями, составляющими в своей совокупности, как известно, замкнутый, целостный контур регуляции, являются функции: формирования цели и ее дифференциации на подцели, предвосхищения результатов деятельности (промежуточных и конечных), снятия прагматической неопределенности, формирования программы деятельности, текущего и заключительного контроля и самоконтроля и др.

2. Общая особенность рассматриваемого класса процессов состоит и в том, что все они по определению являются регулятивно-монофункциональными, то есть направлены на обеспечение какой-либо одной, инвариантной по отношению к различиям в типах и видах деятельности регулятивной функции ее организации. И в этом также состоит их отличие от других классов процессов психики. Действительно, например, память или мышление необходимы для реализации практически всех регулятивных функций (они входят в состав и целеобразования, и принятия решения, и самоконтроля и др.), то есть являются в этом плане регулятивно-полифункциональными процессами. Свойство регулятивной *монофункциональности* (инвариантности реализуемой функции) является объективной и достаточной предпосылкой для складывания инвариантного операционного состава каждого из этих процессов.

3. Еще одна основная особенность рассматриваемой группы процессов состоит в том, что они имеют комплексный, принципиально *синтетический* состав; выступают интегральными в плане гетерогенности и разнокачественности объединяемых в них процессов иных классов. Вместе с тем любой из традиционных про-

цессов, включаясь в состав интегральных, будет представлен в нем всегда лишь в той мере и в том аспекте, в каком это необходимо и достаточно для реализации интегрального процесса.

В интегральных процессах определенную специфику приобретает и общее для всех психических процессов свойство системности. Дело в том, что в качестве их функциональных компонентов выступают отдельные традиционно выделяемые (в терминологии метакогнитивизма – «первичные») психические процессы (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные). При этом *состав* психических процессов, входящих в интегральные, по-видимому, остается инвариантным, но существенно различается мера выраженности каждого из них при включении в разные интегральные процессы. Меняется *структура* функциональных взаимосвязей между ними, устанавливаемых в различных интегральных процессах. Формирующиеся при этом интегральные процессы представляют собой разновидность психологических систем. Соотношение традиционных («первичных») и интегральных психических процессов выступает как соотношение компонента и системы. Специфическим содержанием последних выступают эффекты психической интеграции, а также связанные с ними генеративные феномены и механизмы.

4. Общей характеристикой интегральных процессов является то, что все они имеют общую и исходную специфически регулятивную направленность, характеризуются своеобразием своего функционального предназначения по сравнению с другими группами психических процессов. Так, например, познавательные психические процессы реализуют и когнитивные (преимущественно) и регулятивные функции; эмоциональные процессы – преимущественно оценочные и активационные функции. Интегральные же процессы направлены преимущественно и *непосредственно* на реализацию собственно регулятивных функций. Другими словами, эти процессы, наряду с регулятивным потенциалом всех иных психических процессов, входят в состав регулятивной подсистемы психики, составляют ее специфическое содержание. С этой точки зрения, собственно говоря, и возникает необходимость в дифференциации когнитивных и регулятивных процессов.

Деятельность как объективно существующая форма активности предполагает столь же объективный характер процессов ее организации – интегральных психических процессов ее организации и регуляции. В своей совокупности они составляют переходный уровень интеграции между отдельными психическими процессами и целостной регуляцией деятельности, поведения. В этом своем качестве совокупность интегральных процессов выступает аспектом, раскрывающим собственно процессуальное содержание общей структуры саморегуляции деятельности.

5. Еще одной особенностью интегральных процессов является то, что их операционный состав и содержание не исчерпываются составом и содержанием аддитивной совокупности реализующих их психических процессов. Дело в том, что они практически всегда строятся, организуются по типу целенаправленного действия (а в развитых формах – деятельности). Это зафиксировано и в синонимичности выражений типа «процесс контроля» и «действие контроля»; «процесс принятия решения» и «действие по принятию решения». Другими словами, операционный состав этих процессов обусловлен структурой и функциональной организацией действия. Следовательно, они *одновременно* являются и процессами, и действиями, а их адекватное и полное описание предполагает использование принципа дополнительности их понимания и как процессов и как действий.

6. Характерной особенностью данного класса процессов является и то, что они выступают как *множественно* интегративные. Это означает, что проявления интегративных механизмов могут быть установлены в них по целому ряду различных направлений. Во-первых, в плане комплексности и синтетичности их процессуального содержания и состава. Во-вторых, в плане интегративного характера главных механизмов их организации. В-третьих, в плане их общего функционального предназначения – их направленности на организацию, то есть, по существу, – на интеграцию целостной деятельности. В-четвертых, в генетическом аспекте: их становление и развитие в онтогенезе – это одновременно и возрастание степени интегрированности психики в целом. *Через них и в них развивающаяся психика повышает меру*

своей целостности и интегрированности, формируется как «абсолютное целое», как «полносвязная система».

7. Наконец, очень специфической особенностью интегральных процессов, проявляющейся, однако, лишь в плане их целостной структуры (но не характерной для каждого из них в отдельности), является следующая закономерность их организации. Среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельности и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не только иерархическому, но и *гетерархическому* принципу. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно.

Таким образом, через становление системы интегральных процессов происходит обогащение арсенала функциональных принципов организации психики. Принцип иерархии (на котором, по мнению большинства исследователей, базируется когнитивная подсистема) дополняется принципом гетерархии – на нем основана организация регулятивной подсистемы. Синтез же этих двух наиболее общих и действенных принципов – иерархического и гетерархического – лежит в основе высочайшей организованности и координированности, а также эффективной управляемости и, более того, самоуправления психики.

В собственно методологическом плане сформулированные взгляды об интегральных процессах позволяют несколько углубить и уточнить существующие представления о генезисе деятельности, о структуре и процессуальном составе ее психической регуляции, а также о месте и роли в ней механизмов и процессов

рефлексивной регуляции. Действительно, с этих позиций становится очевидным, что деятельность как целостная система, имеющая свою собственную логику и структуру, объективно невозможна без специальных процессов, направленных на ее организацию и регуляцию – без интегральных процессов. С той же объективной необходимостью, с какой в онтогенезе формируется сама деятельность (вначале, разумеется, в ее элементарной, «практической» внешней форме), формируется поэтому и система указанных интегральных процессов. Кроме того, само формирование и последующее усложнение деятельности с содержательно-психологической стороны – это и есть становление и развитие процессов ее регуляции (интегральных процессов). В их системе воспроизводятся все основные особенности строения и содержания самой деятельности.

8. Однако (и это – еще одна из основных особенностей интегральных процессов) они по своим механизмам и содержанию, по своей онтологии представляют собой закономерный синтез всех иных – «первичных» – психических процессов. Следовательно, получая организацию в структуре каждого из интегральных процессов (а также в их общей системе), вся совокупность основных психических процессов также начинает строиться «по образу и подобию» деятельности, воспроизводит ее архитектонику и принципы организации. В силу этого, система психических процессов приобретает *деятельностную форму* организации; сама начинает строиться и развиваться именно как деятельность. Однако это уже не «внешняя», а внутренняя деятельность (или, в более традиционной терминологии, внутренний план деятельности).

В контексте основных задач данной главы необходимо обратить особое внимание на две следующие особенности интегральных процессов. Во-первых, на то, что все они принципиально (по определению) носят комплексный, синтетический характер; формируются и функционируют как продукты соорганизации ряда «первичных» процессов. Они не могут быть редуцированы к «первичным» процессам (что подтверждается и экспериментальными данными) [72] без существенной потери содержания. Следовательно, они выступают как *качественно* иной уровень организации всей системы психических процессов в целом. Во-

вторых, на то, что, реализуя свою основную функцию – регулятивную, они могут быть направлены на различные «объекты регулирования», как на «внешнюю», так и на «внутреннюю» деятельность. Во втором случае они естественным образом трансформируются из регулятивных процессов в саморегулятивные и реализуют свои функции в отношении собственно психических образований, структур, процессов, феноменов и пр.

Сущность регулятивных метапроцессов второй группы, которые, к сожалению, изучены сегодня в значительно меньшей степени, состоит в следующем. Как показал ряд исследований, выполненных в последнее время, отдельные регулятивные, в том числе и интегральные процессы могут выступать и реально выступают операционными средствами соорганизации *самих себя* [73]. Другими словами, при этом используется тот же принцип, что и в метакогнитивных процессах.

Достаточно показательным и наиболее явным примером этого могут служить, в частности, процессы *метарешения*, то есть процессы принятия субъектом решения о том, *идти* ему на решение как таковое, или же попытаться *уйти* от него, от самой необходимости его принятия (см. далее). С наибольшей степенью отчетливости процессы метарешений представлены в субъект-субъектных видах деятельности в целом, и в управленческой деятельности в особенности. Причем показательно, что они обнаруживаются с наименьшей очевидностью, чем сами процессы принятия управленческих решений; и лишь известная инерционность представлений, сложившихся в психологической теории решений, длительное время не позволяла распознать и проинтерпретировать их как специфическую разновидность процессов выбора.

Другой общеизвестный пример – процессы *метапланирования*, связанные с выбором и (или) формулировкой, а также с последующей реализацией той или иной стратегии планирования как такового. Определение стратегии и вообще внесение «стратегической упорядоченности», а значит, и планомерности в действия самого планирования – это и есть специфическое «процессуальное ядро» метапланирования.

Наконец, в качестве еще одного примера метапроцессов данного типа можно отметить процессы метаконтроля [217]. Их суть

заключается в следующем. Во-первых, еще до начала реализации какого-либо «деятельностного цикла», то есть до решения той или иной поведенческой задачи, развертываются закономерные процессы, направленные на определение приемлемой для субъекта степени (так сказать, «интенсивности») контрольных функций, которой потребует реализация этих задач и которая необходима или целесообразна с субъективной точки зрения. Во-вторых, уже по ходу такой реализации имеют место операции сличения осуществляемого контроля с теми установками, которые были определены в отношении него до ее начала и при необходимости в него вносятся соответствующие корректировки. И хотя класс регулятивных метапроцессов изучен в настоящее время относительно слабо, все они также представляют несомненную психическую реальность. Одним из наиболее очевидных и показательных при этом выступают, как уже отмечалось, процессы метарешений. В русле их исследований установлен ряд важных психологических закономерностей, фактов и феноменов, а также сложились некоторые новые объяснительные понятия. Продемонстрируем сказанное на материалах, полученных нами при изучении отмеченных выше процессов метарешений.

Действительно, как показано нами в [60, 62, 63, 64], при психологическом изучении практически всех видов профессиональной управленческой деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой *необходимости в принятии решений*. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем [62] тенденция к исключению, к *элиминации* из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже эмпирически можно видеть, что субъект считает принятие решения одним из наиболее *нежелательных* средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.).

Эта тенденция – своего рода *элиминативное* (то есть направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) поведение в естественных условиях – оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности), она глубоко и органично связана именно с этими процессами, поскольку, во-первых, ими порождена; во-вторых, оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, поскольку, реализуя его, субъект *решает*, идти ему на выбор или попытаться уйти от него.

Между тем в традиционной теории решений это явление не обнаруживается и не анализируется. Это вполне понятно, поскольку в данной теории процессы принятия решения исследуются, как правило, вне структуры деятельности, аналитически. Такой подход не может обнаружить указанное явление в силу своей исходной ориентации. Было бы, вместе с тем, неправомерно утверждать, что явления, частично сходные с элиминативным поведением, вообще не рассматривались в психологических работах. Например, отмечаются такие средства ухода от необходимости в принятии решения, как избегание ситуаций ответственных решений [62], максимальная оттяжка решений во времени [129], подмена самостоятельного решения неадекватным поиском алгоритма («заалгоритмизированность» деятельности) [191], тенденция к переложению решений на других лиц [154] и др. Следует, однако, подчеркнуть, что, во-первых, все эти явления рассматриваются *вне связи* с психологической теорией решений, вообще вне связи с изучением процессов принятия решения; во-вторых, перечень и разнообразие этих явлений, отмеченные в литературе, нельзя считать *полными*; в-третьих, они не объединены в качественно однородную *группу*, поскольку за их разнообразием не распознано сходство их функциональной направленности, все они не систематизированы и не классифицированы. Однако есть основания считать, что эти явления в такой же мере должны быть предметом изучения теории решений, как и теории деятель-

ности. Они выступают как бы опосредующим звеном между структурой деятельности и процессами выбора в ней.

Конкретные средства элиминативного поведения, как показано в [62], должны быть подразделены на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые. К *адекватным средствам элиминации*, в частности, относятся: сбор заведомо избыточной информации в целях подготовки к возможным ситуациям выбора; использование стратегий и способов деятельности, минимизирующих количество потенциальных ситуаций выбора; формирование представления о ситуации решения в схематизированном виде за счет ее упрощения и абстрагирования от ряда ее параметров; выход из ситуаций посредством обращения к «информации по запросу»; предвидение возникновения ситуаций решения и упреждающее переструктурирование нормативного способа деятельности в целях их предотвращения; адекватное отсрочивание решения с целью сбора дополнительной информации. К *неадекватным средствам элиминации* следует отнести: неосознанное «незамечание» ситуаций, являющихся объективно неопределенными и требующими реализации процессов принятия решения (например, вследствие несформированности способов получения профессионально важной информации или же по причине действия «психологических защит»); неадекватное затягивание решений; избегание ситуаций решения путем выбора неэффективной стратегии деятельности; переложение решений на других лиц; действие по неадекватному данной ситуации алгоритму взамен выработки самостоятельного решения; отказ от решения и пассивное ожидание «саморазрешения» ситуации. В плане анализа неадекватных средств элиминации были введены также понятия «парциальных» и «замещающих» решений [62]. «Парциальное» решение характеризуется тем, что в его результате происходит не полное, а частичное разрешение исходной проблемы; под «замещающим» решением понимается такое решение, в котором акт выбора, хотя и имеет место, но соотносится не с существом объективной проблемы, а с ее второстепенными, неглавными аспектами. Эффективность ситуативно-зависимых средств элиминации определяется содержанием и спецификой актуально складывающейся *конкретной* деятель-

ностной ситуации; они поэтому (в аспекте их влияния на деятельность) являются не абсолютными – оценочными, а *относительными*, точнее, – деятельностно-относительными.

* * *

Таким образом, проведенный выше анализ показывает, что, действительно, существуют, как минимум, два качественно различных класса «вторичных» процессов (метапроцессов) – метакогнитивные и метарегулятивные. Они представляют собой несомненную психическую реальность, содержание которой несводимо ни к одному из «первичных» психических процессов, ни к их аддитивной совокупности, рядоположенной сумме. Вместе с тем необходимо, конечно, отдавать отчет в том, что эти два класса процессов не являются, так сказать, «дизъюнктивно разделенными», а напротив, теснейшим образом взаимосвязаны и взаимопереплетены, равно как взаимосвязаны и «первичные» когнитивные и регулятивные процессы.

Более того, строго говоря, и метакогнитивные, и метарегулятивные процессы (так же, как и «первичные» когнитивные и регулятивные процессы) выступают аспектами, «срезами» единого по своей сути процессуального содержания психики. В этом плане они также в определенной мере «аналитичны» (правда, не в такой, как традиционно дифференцируемые «первичные» психические процессы). Действительно, из всего сказанного можно видеть, что «степень их аналитичности» существенно меньше, поскольку они (по определению) имеют более синтетический, нежели «первичные» процессы, комплексный, «составной» характер; в нем вообще заключается сама их суть. Кроме того, *в них и через них* взаимосвязь когнитивной и регулятивной подсистем психики представлена новыми гранями, а их синтез представляет процессуальное «ядро» того важнейшего образования, которое обозначается понятием осознаваемой, или произвольной, регуляции деятельности и поведения.

В связи с этим представляется целесообразным хотя бы кратко остановиться на некоторых основных взаимоотношениях между двумя указанными классами метапроцессов. Причем эта общая задача будет далее конкретизирована до вопроса о соотношении метакогнитивных интегральных процессов (поскольку,

как отмечалось ранее, вторая подгруппа регулятивных процессов – регулятивные метапроцессы – исследована в настоящее время пока недостаточно, что делает затруднительным на их основе такого рода анализ).

Как было показано выше, в состав класса интегральных процессов входят такие комплексные и синтетические по своей психологической природе и статусу процессы, как целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль и др. Все эти процессы формируются и функционируют как продукты закономерного синтеза иных традиционно выделяемых психических процессов (то есть «первичных» процессов), как собственно когнитивных, так и иных – эмоциональных, мотивационных, волевых. Интегральные процессы выступают по отношению к ним как *метапроцессы*, как процессы «второго порядка» сложности, как производные от их синтеза. Таким образом, можно видеть, что интегральные процессы одновременно выступают и в функции метакогнитивных процессов (хотя только этой функцией их содержание и предназначение, конечно, не исчерпываются). Выступая производными от синтеза системы психических процессов, в том числе и прежде всего когнитивных, они, вместе с тем, направлены на реализацию собственно регулятивных функций по организации деятельности и поведения; являются поэтому регулятивными, «пост»когнитивными и в *этом* смысле – метакогнитивными. В интегральных процессах имеет место фактически неразрывный синтез когнитивных и регулятивных функций, «обмен» содержанием и принципами их организации, их взаимобратимость.

Вместе с тем синтез когнитивных и иных «первичных» процессов, достигаемый в интегральных процессах, является отнюдь не абстрактным, внецелевым: как раз напротив, этот синтез, а следовательно, и все содержание любого интегрального процесса непосредственно детерминируется той или иной *регулятивной функцией*, регулятивной задачей по организации деятельности и поведения. Следовательно, с позиций концепции интегральных процессов оказывается возможным органично включить проблематику метакогнитивных процессов в контекст общепсихологической *теории деятельности*. Более того, открывается и принци-

пиальная возможность для преодоления разрыва между современной когнитивной психологией и психологией деятельности: интегральные процессы (как и метакогнитивные) столь же «когнитивны», сколь и «деятельностны». Включение в концептуальный аппарат современного метакогнитивизма категории интегральных процессов, а через них основных положений и понятий психологии деятельности имеет существенные и достаточно конструктивные следствия (см. ниже).

Далее, как уже отмечалось, двумя важнейшими особенностями данного класса процессов является то, что они, во-первых, выступают *интегративными* по своим психологическим механизмам и, во-вторых, – *регулятивными* по их статусу, направленности, исходным детерминантам включения в деятельность и поведенческую активность. Очевидна, таким образом, связь этих ключевых особенностей интегральных процессов с атрибутивными характеристиками метакогнитивных процессов, как, синтетических (интегративных), так и регулятивных (направленных на координацию познавательных функций). Вместе с тем, поскольку исследования интегральных процессов проведены в контексте реальной деятельности, то есть во вполне определенной, онтологически представленной метасистеме, они могут способствовать получению дополнительных данных о механизмах психической интеграции в целом и о сути метакогнитивных процессов в частности.

Делая эти заключения, мы, вместе с тем, хотели бы со всей определенностью подчеркнуть следующее обстоятельство. Представления о метакогнитивных процессах в частности, а также само направление метакогнитивизма в целом, с одной стороны, и концепция интегральных процессов – с другой, имеют существенно разные «гносеологические истоки», разную *исходную методологию* и различные исследовательские цели, а также несходный во многом понятийный аппарат. Поэтому очень трудно или даже невозможно ожидать полного совпадения тех результатов, к которым они приводят. Мы имеем в виду при этом, в первую очередь, вопрос о совпадении объемов понятий метакогнитивных и интегральных процессов. Эти понятия и та психическая реальность, которая в них отражена, скорее всего, не вполне тождест-

венны; они, однако, характеризуются очень существенной «зоной перекрытия» их содержания и особенностей указанных классов процессов. Мы считаем, что понятие интегральных процессов уже по объему, чем понятие метакогнитивных процессов, но одновременно обладает более высоким уровнем обобщенности.

Это следует понимать в том смысле, что, во-первых, конкретный состав метакогнитивных процессов, несомненно, не сводится к тем процессам, которые составляют содержание системы интегральных процессов; он может варьировать в зависимости от изменения внешних задач, от специфики условий реализации познавательных функций и др. Кроме того, каждый метакогнитивный процесс может быть представлен на разном уровне организации, с разной степенью ситуативной конкретизации, что, в итоге, будет давать разные формы самих метакогнитивных процессов, их разные виды. Но, во-вторых, в понятии интегральных процессов (как особого и качественно специфического класса, а также в представлениях об инвариантности его состава) зафиксировано положение о существовании определенного *регулятивного инварианта, необходимого и достаточного* для реализации координационно-регулятивных функций организации деятельности и поведения в целом (а также их более локальных фрагментов в частности, например составных действий). Данный инвариант процессов, то есть, по существу, сам класс интегральных процессов, в значительной мере «безразличен» к содержанию той регулятивной базы, на которую он «накладывается» и которую он координирует, организует. Тем самым интегральные процессы должны быть поняты как *объективная основа* и как своего рода «стержень», «ядро» всей совокупности метакогнитивных процессов.

В более общем плане в соотношении понятий метакогнитивных и интегральных процессов проявляется логика и «встречная направленность» развития представлений в области *психических* (особенно когнитивных) *процессов* и в области проблемы психологии *деятельности*. Исследования в области когнитивной психологии (в их современном воплощении, в частности в форме метакогнитивизма) привели к развитию представлений о метакогнитивных процессах. Это потребовало достаточно радикальных, собственно парадигмальных трансформаций: перехода от когни-

тивно-аналитической парадигмы исследования к *регулятивно-синтетической* парадигме. Аналогичные, то есть также парадигмальные, преобразования произошли и в психологии деятельности: это – переход от доминировавшей длительное время структурно-морфологической парадигмы психологического анализа деятельности к *процессуально-динамической* парадигме. В рамках последней оказалось возможным дифференцировать класс интегральных процессов. В связи с этим можно заключить, что понятие интегральных процессов является одновременно и своеобразным «*концептуальным мостом*», позволяющим синтезировать два очень крупных, но существенно разных по исследовательским установкам и традициям направления – когнитивную психологию в целом (и метакогнитивизм, в особенности), с одной стороны, и психологическую теорию деятельности – с другой.

2.1.6. Метамотивационные процессы: постановка проблемы изучения

Общая проблема изучения метапроцессов имеет одну весьма важную особенность, которую с необходимостью приходится учитывать при ее дальнейшей разработке и которая проявляется в двух основных, взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, как уже отмечалось, исследования метапроцессов («вторичных» психических процессов) в значительной степени «разделяют судьбу» исследования «первичных» процессов, как бы повторяют логику развития их исследования. Это означает, что среди всех классов метапроцессов раньше всего и интенсивнее всего изучается класс именно *метакогнитивных* процессов. Последнее привело к тому, что в настоящее время данный класс исследован наиболее полно и дифференцированно; иногда он вообще отождествляется со всей категорией метапроцессов, что, как можно видеть из проведенного выше анализа, не вполне корректно. Однако именно эта ситуация характерна и для проблемы психических процессов в целом, для разработки представлений о «вторичных психических процессах, что проявляется в значительно большей разработанности данной категории процессов по

сравнению с иными категориями «первичных» процессов (в первую очередь, эмоциональных и мотивационных).

Во-вторых, степень дифференцированности представлений о *составе* метакогнитивных процессов также существенно выше, нежели это имеет место по отношению к иным метапроцессам. И если по отношению к метарегулятивным процессам такая дифференциация все же представлена в относительно развернутом и сопоставимом с дифференциацией метакогнитивных процессов виде, то этого никак нельзя сказать про дифференциацию классов метамотивационных и метаэмоциональных процессов. Иными словами, имеет место *прямое* соответствие сравнительной степени дифференцированности представлений о составе «первичных» психических процессов (когнитивных, регулятивных, эмоциональных, мотивационных) и «вторичных» процессов (метакогнитивных, метарегулятивных, метаэмоциональных, метамотивационных). Здесь «с большим отрывом» лидируют соответственно когнитивные и метакогнитивные процессы; затем располагаются регулятивные и метарегулятивные процессы; степень же дифференцированности представлений о содержании и составе метаэмоциональных и метамотивационных процессов является наименьшей, равно как обстоит дело и с мерой дифференцированности самих «первичных» эмоциональных и мотивационных процессов.

Все сказанное не может не накладывать отпечаток на попытки, которые осуществляются в настоящее время по отношению к дифференцированному описанию и интерпретации метамотивационных и метаэмоциональных процессов. Они по необходимости могут носить пока лишь преимущественно постановочный и поисковый характер, не претендуя на сколько-нибудь полное раскрытие всей их совокупности, всего их состава и структуры. Вместе с тем некоторые соображения по данной проблеме могут быть сформулированы уже сейчас, поскольку для этого имеются не только теоретико-методологические основания, но и эмпирико-экспериментальные данные. Они (и это также необходимо подчеркнуть особо) представлены, правда, в имплицитном виде и нуждаются поэтому в специальной экспликации и рассмотрении.

В особенно отчетливом виде такой имплицитный, неявный характер имеющихся данных представлен по отношению к моти-

вационным и метамотивационным процессам. Последнее объясняется тем, что в области психологии мотивации в целом длительное время доминировал (и в значительной степени продолжает сохранять до сих пор) своего рода *структурно-морфологический* подход, согласно которому его базовым теоретическим конструктом является понятие мотива как именно *структурного*, относительно статичного образования, но не как образования принципиально предполагающего соответствующие *процессуальные* средства. С известной долей гиперболизации можно сказать, что психология мотивации – это в основном психология мотивов, а не мотивационных *процессов*.

Естественно, что такая установка не может не приводить к тому, что структурный аспект мотивационной сферы личности раскрыт значительно полнее и глубже, нежели ее собственно процессуальное содержание. И прежде всего такая «асимметрия» в степени разработанности структурного и процессуального аспектов мотивации проявляется в том, что сама необходимость обращения к анализу данной проблемы, то есть к изучению *метамотивов*, феноменологически обнаружила себя по отношению именно к структурным «составляющим» мотивационной сферы личности, приведя к возникновению чрезвычайно важного понятия – понятия *метамотивов*. Причем (и это также очень характерно, показательно и доказательно) данная необходимость и соответственно указанное понятие, а также его конструктивный объяснительный потенциал обнаружился в очень разных по своей методологической ориентации психологических направлениях. Среди них, в первую очередь, следует отметить введенное А. Маслоу в русле гуманистической психологии понятие «Б-ценностей» («бытийных ценностей»), выступающих в функции метамотивов [97]; сформулированные Дж. Аткинсоном и Дж. МакКлелландом в рамках поведенчески-ориентированной психологии понятия «мотивации достижения» и «мотивации избегания неуспеха» [158]; классические исследования Е. Деси и Р. Райана, предложивших понятия интринсивной и экстринсивной мотивации, соотносящиеся с подсистемами внутренней и внешней мотивации [176]. Они имеют, как и любое иное *структурное* образование, собственное специ-

фическое содержание, *несводимое* к сумме отдельных входящих в них мотивов.

Так, «бытийные ценности» как метамотивационные структуры, согласно А. Маслоу, являются, по существу, различными аспектами мотивационных образований еще более высоких «порядков» организации и сложности, а одновременно и значимости для личности – мотивации самоактуализации и мотивации самореализации. Все они (и это следует подчеркнуть специально) *в принципе* не имеют и не должны иметь четкой, «однозначной» *предметной направленности*, «отнесенности», то есть не являются «первичными» мотивами, а регулируют и опосредствуют мотивационный потенциал иных мотивов личности, определяя ее общую мотивационную ориентацию и смысл ее поведения, бытия в целом.

Аналогичным образом и мотивация достижения, равно как и мотивация избегания неуспеха, также в принципе не имеют и не должны иметь «четко локализованного» и «определенного» предмета. Их суть состоит в другом: они определяют степень интенсивности и направленности всех иных мотивационных установок личности, то есть выступают в функции метамотивационных образований, а также в значительной мере – и направленность личности. То же самое можно сказать и про дифференциацию подсистем внешней и внутренней мотивации, поскольку предрасположенность личности либо к той, либо к другой имеет, так сказать, «наддеятельностный» характер и может проявляться в очень разных видах деятельности и поведенческой активности.

Таким образом, можно видеть, что все указанные конструкты обладают двумя важнейшими особенностями. Во-первых, они фиксируют такие мотивационные образования, которые не имеют и *не должны иметь* четкой, однозначной предметной отнесенности, направленности. Во-вторых, именно поэтому они оказываются в состоянии регулировать, опосредствовать меру, характер и формы действия иных (уже имеющих непосредственную предметную отнесенность) мотивов. Эти две черты обуславливают их принадлежность к мотивам «второго порядка», к «вторичным» мотивам, к метамотивам.

Вместе с тем очень существенным в плане рассматриваемых в данном параграфе вопросов является и еще одно обстоятельство,

которое, к сожалению, значительно менее известно и освещено в литературе; оно заключается в следующем. В своих более ранних работах Дж. Аткинсон и Дж. МакКлелланд, равно как и Е. Деси и Р. Райан, использовали введенные ими конструкты (соответственно мотивация достижения и мотивация избегания неуспеха; внешняя и внутренняя мотивация) исключительно в *структурном* смысле – как специфические метамотивационные образования. Например, Е. Деси и Р. Райан в своих ранних работах использовали для этого понятия «мотивационных подсистем», что прямо указывает на его именно структурный характер. Однако в дальнейшем, по мере развертывания их изучения и углубления представлений о них, все больший акцент стал переноситься на собственно функциональный, *процессуальный* аспект тех реалий, которые зафиксированы в данных понятиях. Например, в своих поздних работах Е. Деси и Р. Райан вообще преимущественно использовали термины не «подсистемы внешней и внутренней мотивации», а «процессы внешней и внутренней мотивации».

Аналогично этому и Дж. Аткинсон и Дж. МакКлелланд также в своих поздних работах смещают фокус исследований мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха на стратегический (то есть опять-таки – функциональный, *процессуальный*) план их анализа. Все это вполне объяснимо и даже естественно, поскольку сами метамотивы в значительной степени являются *результативными* эффектами, *итоговыми* феноменами сложнейших мотивационных *процессов*, обеспечивающих их возникновение, формирование, функционирование (и, добавим, редукцию)¹². Таким образом, уже на основе этих данных можно видеть, что необходимость обращения к категории метамотивационных *процессов* обусловлена не какими-либо *частными* результатами, полученными в области психологии мотивации, а ее наиболее *общими*, даже ставшими своего рода «хрестоматийными» положениями.

---

¹² Феномен редукции метамотивов, равно как и редукции «первичных» мотивов, проявляется, например, в широко известном явлении «выученной беспомощности».

Однако еще более существенное значение для рассматриваемых здесь вопросов имеет анализ самого *понятия мотива* как базового конструкта всей психологии мотивации. Дело в том, что данное понятие, как известно, (независимо от его трактовок и различий в подходах к нему), практически всегда предполагает своеобразный *синтез* собственно *динамического*, «энергетического» начала («потребностной составляющей») и *содержательного*, когнитивного начала («операционной составляющей» – знаний, представлений о способах их удовлетворения, о предмете самого мотива). Как справедливо отмечается в [10], мотив имеет как бы «двухчленную структуру», включающую синтез указанных «начал» и, более того, состоит именно в таком синтезе. Он несводим не только ни к одному из них (что очевидно), но и к их «рядоположенной сумме», то есть выступает именно как синтетическое – интегративное – образование, в котором сама интеграция (как, впрочем, и любая истинная интеграция, в отличие от агрегации) порождает *новые* – специфические для него качества, составляющие его качественную определенность. Отсюда следует, что по своей *структуре* и психологической *природе* любой мотив, а также и иные более сложные мотивационные образования, например самооценка, уровень притязаний, интересы, идеалы и мн. др., с необходимостью выступают как *синтетические* и интегративные образования, как результирующие в себе, как минимум, два *качественно гетерогенных класса процессуального обеспечения* – собственно динамический и собственно когнитивный.

Иными словами, по самой своей сути и структуре мотивы и соответствующие им мотивационные процессы имеют *синтетический*, «составной», интегративный характер; содержат объективные предпосылки для «выхода» за собственно динамическое содержание и включают когнитивные компоненты. Наиболее характерно при этом, что, чем сложнее является тот или иной мотив, тем эта интеграция (его опосредствованность иными «не чисто мотивационными» процессами и структурами) представлена во все большей мере. Несколько схематизируя ситуацию, можно сказать, что любой мотив (или мотивационное образование) – это в известной степени и метамотив; однако существенно и то, что,

чем он сложнее и «экологичнее», тем во все большей степени он представлен именно как таковой, то есть как метамотив.

Одним из наиболее показательных и доказательных проявлений данной закономерности выступают так называемые *мотивы долженствования* (как оппозиционные *мотивам влечения*). Их психологическая природа заключается в том, что, имея самостоятельную и часто очень выраженную побудительную силу и устойчивость, выступая для субъекта как вполне самостоятельные, они одновременно всегда имеют опосредствованный, «двухступенчатый» характер. Мотив к чему-либо выступает как *необходимое средство* для реализации какого-либо *иного* мотива, имеющего уже непосредственный характер, то есть выступающего в форме мотива влечения. Реализация первого (мотива долженствования) является зачастую как бы «необходимым средством», а нередко и, так сказать, «злом» для возможного удовлетворения второго (мотива влечения). Эти два типа мотивов соотносятся как *инструментальные* и *терминальные* мотивационные образования. Совершенно очевидно, таким образом, что по своей психологической структуре мотивация долженствования строится как *метамотивация*, поскольку предполагает нерасторжимый синтез двух принципиально различных типов мотивации.

Констатируя это важное обстоятельство, следует учитывать и то, что в подавляющем большинстве случаев реальных жизненных и деятельностных ситуаций доминирует именно мотивация долженствования, а не мотивация влечения; именно первая является наиболее характерной, типичной и «социально одобряемой». Причем степень доминирования первой над второй очень выражена. В особенности это относится к профессиональной деятельности. Учитывая сказанное, можно сделать обоснованный вывод, согласно которому доминирующей мотивацией субъекта, личности в «экологически валидных» (то есть естественных) условиях ее бытия является фактически именно метамотивация, а также те метамотивационные *процессы*, которые ее обеспечивают. С этих позиций само *формирование* мотивации личности, становление ее базовых мотивов, синтезированных в *направленность* личности, может быть проинтерпретировано как формирование метамотивов, в основе которых лежат специфические, именно метамотивационные

процессы, поскольку само соподчинение двух принципиально различных типов динамических тенденций (исходной – мотивации влечения и конечной – мотивации долженствования) не может быть достигнуто вне и помимо специального – специфического операционного, то есть *процессуального*, – обеспечения, имеющего интегративный, то есть метамотивационный характер.

Аналогичным образом, но в еще большей степени такой метамотивационный характер процессуального обеспечения динамической основы деятельности и поведения обнаруживается по отношению к так называемой «стимульной детерминации». Обычно, согласно традиционной трактовке, стимулы рассматриваются в основном как «внешние *принудители*», в отличие от собственно мотивов (как «внутренних *побудителей*»). Очевидно, однако, что любой стимул может выступать в роли «динамического начала» активности субъекта лишь в том случае, если он будет каким-либо образом «увязан» с тем или иным «собственно мотивом» (реально действующим, согласно классификации А.Н. Леонтьева). Иными словами, любая стимульная детерминация поведения и деятельности, а также общения опять-таки имеет по своей структуре и психологической природе принципиально опосредствованный, интегративный характер и выступает как соподчинение ряда мотивационных установок и ситуационных факторов. Тем самым стимулы раскрываются как, хотя и достаточно специфические, но все же метамотивационные образования, которые также должны иметь и реально имеют свое «*процессуальное* обеспечение». При этом, разумеется, необходимо учитывать и то уже акцентированное нами и очень важное обстоятельство, что в реальных – экологически валидных деятельностных и поведенческих ситуациях, в условиях социума в целом именно «стимульная детерминация» является наиболее распространенной и характерной.

Наконец, в свете проведенного анализа необходимо, конечно, учитывать и получающую в последнее время все большее признание трактовку личностных качеств как наиболее обобщенных и генерализованных мотивационных установок и ориентаций, доминирующих мотивационных ориентиров сложнейших, атрибутивно синтетических образований личности, то есть также, хотя и специ-

фических сложнейших, атрибутивно синтетических, но все же именно *мотивационных образований* [151]. Согласно данной трактовке, очень многие (если не подавляющее большинство) личностные качества не только могут, но и должны быть рассмотрены именно как предельно генерализованные и стабильные мотиваторы поведения и деятельности. Понятно, что, выступая в этой функции, они не только не имеют, но и *в принципе* не должны иметь четко очерченной предметной отнесенности (как «первичные» мотивы), а выступают как некоторые обобщенные мотивационные установки, мотивационные тенденции и предпочтения, регулирующие, опосредствующие и «модерирующие» степень, направленность и устойчивость иных – «первичных» – мотивов; определяющие «репертуар» поведения и его содержание. Поэтому гораздо точнее и корректнее интерпретировать личностные качества не как мотивы, а как именно метамотивы. Они, а также индивидуальная мера их развития непосредственно обуславливают те метамотивационные *процессы*, которые лежат в основе поведения и деятельности.

Таким образом, обобщая сказанное, можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Наряду с «первичными» мотивами и мотивационными процессами, не только существуют, но очень широко представлены и более сложные, нежели они, метамотивы и соответствующие им метамотивационные процессы. Очень показательным (и одновременно доказательным) то, что, чем более «экологически валидным» является изучение мотивационной сферы личности, тем в большей степени выявляется роль метамотивов в организации деятельности, поведения, общения. В силу этого метамотивационные процессы также должны быть проинтерпретированы как еще один класс, входящий в общую категорию метапроцессов в целом. Делая такое заключение, мы считаем необходимым подчеркнуть уже отмечавшееся ранее обстоятельство: степень разработанности проблемы метамотивационных процессов (равно как и метамотивов) существенно меньше, чем степень разработанности аналогичной проблемы по отношению к иным классам метапроцессов – метакогнитивных и метарегулятивных. В связи с этим весь изложенный выше материал имеет скорее «постановочный характер», а исследования в данной области, безусловно, должны быть и продолжены, и интенсифицированы.

2.1.7. Характеристика метаэмоциональных процессов

Ситуацию, подобную той, которая была охарактеризована выше по отношению к мотивационным процессам, можно констатировать и по отношению еще к одному базовому классу психических процессов – *эмоциональных*. Она состоит, во-первых, в существенно меньшей степени изученности данного класса процессов по сравнению с когнитивными процессами; во-вторых, в столь же существенно меньшей степени дифференцированности данного класса на отдельные «составляющие» – собственно эмоциональные процессы; в-третьих, в доминировании, так сказать, «морфологического» подхода, согласно которому «в центр» исследования ставятся не эмоциональные *процессы* как таковые, а сами эмоции как их *результативные* проявления и итоговые, феноменологически представленные эффекты. Эта черта вообще очень характерна для психологии эмоций, поскольку их классификации и систематизации как таковых, то есть в их итоговом – *результативном* – проявлении, находятся в настоящее время весьма развернутыми, дифференцированными и полными (что достаточно резко контрастирует с аналогичными структурными описаниями самих эмоциональных *процессов*). Естественно, данная ситуация отнюдь неслучайна и в ее основе лежат, как минимум, две очень важные причины. Первая состоит в том, что «предметом направленности», «операндом» эмоциональных процессов является не внешняя, объективная реальность, а реальность принципиально иного плана – субъективная, которая, в свою очередь, «дана непосредственно», репрезентирована в ее существенной части на неосознаваемых уровнях, а потому представлена в симультанном, а не в сукцессивном (характерном для любого процессуального образования) виде.

Вторая причина состоит в том, что именно по отношению к эмоциональной сфере имеет место как бы «наибольшее доминирование» результата над процессом: эмоции даны субъекту феноменологически не как эмоциональные процессы, а именно как нечто «уже состоявшееся», как *факт* переживания, то есть в их итоговых проявлениях. Это, разумеется, вовсе не означает отрицание

у самих эмоций как, повторяем, интегративно-итоговых феноменов их темпорального, временного «измерения», а попросту говоря, – временной протяженности. Эмоциональные процессы в силу целого ряда причин, пожалуй, одни из наиболее «скрытых» и труднодоступных для самонаблюдения и соответственно для осознания, а потому для их последующей дифференциации процессы среди всех существующих. Вместе с тем и по отношению к ним целесообразно зафиксировать следующее положение: общей закономерностью организации психики является то, что любой *результативный* эмоциональный феномен, итоговый его эффект *объективно* предполагает определенный *процесс*, обеспечивающий его и к нему приводящий. Другое дело, что по отношению к разным классам психических процессов, соотношение этих двух аспектов (результативного и процессуального) существенно различно: оно относительно соразмерно для когнитивных процессов, но по отношению к мотивационным, а особенно к эмоциональным процессам их собственно процессуальная составляющая феноменологически представлена в относительно наименьшей степени.

Обе эти причины приводят к тому, что по отношению к проблеме эмоций констатированный выше для мотивационных процессов «структурно-морфологический» подход представлен в еще более явном виде, что, конечно, затрудняет их собственно процессуальное исследование, а также разработку дифференцированных взглядов относительно состава этих процессов. В свою очередь, такая неразработанность и недифференцированность являются объективным препятствием для обращения к еще более углубленному – их собственно процессуальному – анализу. Тем не менее некоторые положения относительно данного аспекта все же могут быть сформулированы уже сейчас, поскольку в арсенале современной психологии психологического знания для этого имеются несомненные эмпирические и феноменологические референты, а также экспериментальные данные. Основные из них, на наш взгляд, состоят в следующем.

Во-первых, это известный и достаточно подробно охарактеризованный феномен так называемых «вторичных эмоций». Его природа заключается в том, что эмоции могут быть обусловлены не только, так сказать, «непосредственно» – какими-либо внеш-

ними или внутренними факторами эмоциогенного плана, но и *самими эмоциями*, точнее, их мнемическими репрезентациями. При этом возникновение той или иной эмоции («вторичной» по своей природе) обусловлено опять-таки эмоцией, а также сопровождающим ее эмоциональным состоянием, ранее переживавшимся индивидом. Механизм такого рода «вторичных эмоций» достаточно сложен и схематически может быть представлен в виде последовательности основных этапов ее развертывания (то есть фактически в виде специфического процесса): «первичная» эмоция → ее закрепление в *эмоциональной* памяти → включение сформировавшейся мнемической репрезентации в личный опыт субъекта → актуализация данной репрезентации → «вторичная» эмоция. Все это приводит к тому, что возникает «эмоция по поводу эмоции», эмоция «второго порядка», то есть метаэмоция. Так, например, тот страх или то удовольствие («первичные» эмоции), которые переживались когда-либо ранее и которые подверглись фиксации в личном опыте, впоследствии при их актуализации под влиянием, например, тех или иных ассоциаций, аналогий и пр. *сами по себе* могут приводить и реально приводят к *новым* эмоциям, но уже «вторичным». При этом «пусковым стимулом» для «вторичных» эмоций является не внутреннее или внешнее воздействие, а сами эмоции, но переживавшиеся ранее, то есть «первичные» эмоции. Причем в ряде случаев такого рода «вторичная» эмоция может быть даже более интенсивной, нежели «первичная», поскольку последняя, являясь непосредственной и, значит, не всегда полной и адекватной, может и не вполне «оценивать» истинное значение того или иного события, объекта. И лишь по прошествии времени это значение раскрывается более полно, что и обеспечивает большую интенсивность «вторичных» эмоций. Возможен, однако, и противоположный вариант, при котором «вторичные» эмоции менее интенсивны, поскольку они подвергаются компенсации, рационализации, действию «психологических защит» и пр. (в особенности это относится к негативным эмоциям – неслучайно в естественном языке существуют выражения типа «время лечит»). Вообще говоря, именно с этих позиций сами эмоциональные процессы раскрываются как синтез одного из когнитивных процессов (памяти) и собственно эмо-

циональных процессов и в силу этой причины выступают как синтетические процессуальные образования, то есть как мета-процессы. С собственно же процессуальной стороны эмоциональные процессы могут быть проинтерпретированы в свете данного механизма как один из видов метапроцессов в целом.

Во-вторых, в сходном плане может и должен быть проинтерпретирован один из «классических» феноменов психологии эмоций – феномен *амбивалентности* эмоций. Его содержание (в силу его подробной характеристики в соответствующей литературе) не нуждается, по-видимому, в специальной характеристике. Вместе с тем если реинтерпретировать его с позиций развиваемых здесь представлений, то с достаточной отчетливостью выявляются два факта. 1. Амбивалентность (по определению) предполагает наличие двух эмоций, как правило, либо различных, либо даже разнонаправленных по своей «окраске» (в ряде случаев в «едином эмоциональном переживании» синтезируются не две, а большее число «первичных» эмоций, и тогда, по-видимому, можно говорить о «терциарности», «тетрарности» и пр. эмоций). Причем с субъективной точки зрения эти отдельные «эмоциональные составляющие» презентуются, конечно, не «автономно», а в единстве, в синтезе друг с другом; чувство амбивалентности поэтому *несводимо* ни к одной из двух входящих в него эмоций, а переживается именно как *целостное* и качественно специфическое эмоциональное отношение, несводимое ни к ним «по отдельности», ни к их рядоположенной сумме. Иначе говоря, синтез «первичных» эмоций в чувстве амбивалентности порождает новое качество. 2. Одновременно еще более показателен тот факт, что сама амбивалентность, как правило, является сильным стимулом для развертывания определенных процессов по осознанию данного эмоционального состояния, по согласованию амбивалентных эмоций, по их рационализации, по нахождению либо компромисса, либо приданию одной из них субъективной приоритетности. Иными словами, амбивалентность эмоций – это не только «вторичная» эмоция, но и стимул, а одновременно – и эффект «вторичных» эмоциональных процессов, то есть метапроцессов.

В-третьих, в плане рассматриваемых вопросов должны быть, конечно, учтены и те очень многочисленные данные, как феноме-

нологического, так и эмпирико-экспериментального характера, которые получены при разработке еще одной «классической» проблемы психологии – проблемы *соотношения* когнитивных и эмоциональных процессов, влияния вторых на первые. Количество исследований по данному вопросу поистине огромно, и в нашу задачу, естественно, не входит их сколько-нибудь полный анализ, тем более что уже частично он был осуществлен в 1-й главе. Отметим лишь тот их аспект, который имеет непосредственное отношение к сути анализируемых здесь проблем. Суть же эта является достаточно очевидной, но не становящейся от этого менее значимой: каким бы образом ни трактовать взаимосвязь и взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов, это взаимодействие (просто по определению) означает их *синтез*, который в принципе несводим ни к одному из них «по отдельности», ни к их аддитивной («агрегативной») совокупности. Этот синтез, интеграция двух классов психических процессов обуславливает, в силу присущих любой интеграции генеративно-порождающих механизмов, новые качества, новую качественную определенность. Вместе с тем очевидно и то, что такой синтез не может быть осуществлен «сам по себе» – автоматически и непосредственно: он требует, по видимому, определенных и, как правило, достаточно сложных *процессов*, приводящих в *результате* к тем или иным итоговым эффектам (например, к эффектам стенического, то есть фасилитирующего, или астенического – ингибирующего воздействия эмоций на когнитивные процессы). Более того, можно, по всей вероятности, считать, что по отношению к зрелой, сформированной, «социально-включенной» личности практически любая эмоция разворачивается «в обрамлении» когниции и уже тем самым выступает не как «первичная», а как опосредствованная ей, то есть как «вторичная». Феноменология такого «социально-когнитивного опосредствования» подробно охарактеризована в психологической литературе и включает в себя широкий диапазон эффектов, начиная от «подсознательных» и «вытесненных» эмоций и заканчивая их «демонстративной фасилитацией» (например, в целях манипулятивного воздействия на поведение других людей).

В-четвертых, в плане анализируемой проблемы необходимо отметить и еще один, эмпирически и феноменологически оче-

видный, а также достаточно подробно охарактеризованный в литературе факт (хотя, ради справедливости, следует подчеркнуть, что он исследован относительно в меньшей степени, нежели все предыдущие). Вместе с тем он имеет еще большую «сферу действия» и степень обобщенности, а потому – значимости. Он локализуется как бы «на стыке» психологии эмоций и психологии состояний, а его суть заключается в следующем. Общеизвестно, что эмоции как таковые вариативны по, так сказать, «хронологическому» принципу: они могут быть либо *ситуативными*, краткосрочными («сиюминутными»), либо *надситуативными* и репрезентируют феноменологически в форме, очень близкой к эмоциональным состояниям. Последние, хотя также являются «преходящими» – возникающими и редуцирующимися, но занимают относительно более длительные интервалы времени, выступая как некоторый «эмоциональный фон» (иногда для его обозначения используется термин «настроение»). Этот фон может быть представлен в разной «тональности», быть более или менее комплексным по составу интегрируемых в нем парциальных эмоций, быть более или менее ярким и т.д.; однако он практически всегда имеет место и является несомненной психической реальностью. В простейшем случае он может быть представлен как континуум, на «полюсах» которого локализируются крайне негативные и крайне позитивные состояния. Однако, поскольку этот фон практически всегда имеет место и поскольку он поэтому «сопровождает» любую деятельность, поведенческую и коммуникативную активность субъекта, то возникающие в ее ходе все иные эмоции не могут им не опосредствоваться; он не может не влиять на их характер – их репертуар, степень интенсивности, отношение к ним, форму протекания и др. Так, например, доминирование надситуативных эмоций (а по существу эмоциональных состояний) негативного плана, выражающихся, в частности, в состоянии подавленности, страха, «внутренней опустошенности» и т.д., может окрашивать и, как правило, окрашивает даже позитивные эмоции в адекватные им, то есть негативные тона (или, по крайней мере, снижает степень их позитивности). В этом эмоциональном состоянии, как принято выражаться в терминах естественного языка, «человек видит все в черном цвете». И на-

оборот, доминирование надситуативных эмоций позитивного плана оказывает прямо противоположное воздействие на ситуативные эмоции – либо уменьшает степень их негативности, либо гипертрофирует позитивные эмоции («все видится в розовом цвете»). Отсюда следует, что фактически любая ситуативная – «первичная» – эмоция всегда опосредствуется – модерируется – общим надситуативным эмоциональным фоном и в итоге субъективно репрезентируется не в своей исходной форме, а опосредствованно как «равнодействующая» самой ситуативной эмоции и этого общего эмоционального фона.

В силу общности данной закономерности следует заключить, что фактически любая эмоция, взятая в реальном жизненном контексте, «в цепи» событий жизнедеятельности субъективно репрезентируется не прямо и непосредственно, не в своей исходной форме, а опосредствованно – в «превращенной форме». Очевидно, таким образом, что и эта – повторяем, достаточно общая (а не исключено, и универсальная) закономерность не только может, но и должна быть проинтерпретирована с позиций понятия метаэмоциональных процессов, поскольку сама ее суть состоит во взаимодействии и интеграции двух эмоций – ситуативной и надситуативной. Столь же естественно и то, что в основе такого взаимодействия должны лежать определенные *операционные* средства, то есть *процессуальные* механизмы, которые также составляют, на наш взгляд, один из видов метаэмоциональных процессов.

В-пятых, раскрывая конструкт «метаэмоциональные процессы», нельзя, конечно, оставить без внимания широко развернутые в настоящее время исследования по проблеме ЭИ. Безусловно, указанная проблема – это особая, самостоятельная область исследований, а ее анализ в целом выходит далеко за пределы задач этой главы¹³. Поэтому в данном контексте отметим лишь те ее аспекты, которые имеют непосредственное отношение к сути рассматриваемых здесь вопросов. Основным же является то, что само понятие ЭИ является тем подготовленным всем развитием

---

¹³ Эта проблема подробно рассмотрена нами в [111, 112], а также во всех других главах данной книги.

психологии эмоций и когнитивных процессов конструктом, который, быть может, в наибольшей степени содействует как решению проблемы метаэмоциональных процессов, так и трансформации «структурно-морфологического» подхода изучения эмоций к иному, процессуально-динамическому, подходу. Последнее объясняется достаточно общим и фундаментальным обстоятельством: общеизвестно, что так называемый «психометрический интеллект» (независимо от его трактовок и типов) – это синтез ряда базовых *результативных* параметров его частных, парциальных составляющих. Именно такая, повторяем, психометрическая трактовка интеллекта является наиболее распространенной в настоящее время. Более того, не только в научной, но и в «обыденной» психологии (на уровне так называемой «folk-psychology») интеллект не только ассоциируется, но и фактически отождествляется со способностью к получению эффективных результатов в выполнении тех или иных задач, в решении проблем, в эффективности и результативности адаптации к ситуациям, к выполнению деятельности и пр. Именно эта трактовка положена как в основу конструкта «эмоциональный интеллект», так и в основу разработанных в настоящее время психодиагностических методик его определения.

Вместе с тем такая трактовка предполагает (иногда имплицитно, а чаще вполне эксплицитно), что все базовые и соответственно диагностируемые «составляющие» интеллекта являются именно *результативными*, итоговыми проявлениями и эффектами некоторых столь же базовых *подпроцессов*, синтез которых, собственно говоря, его и образует. В особенно явном виде такой подход представлен в наиболее распространенной методике психодиагностики интеллекта – в методике Д. Векслера. Однако именно *тот же* подход лежит и в основе методик, направленных на диагностику (и изучение) собственно *эмоционального* интеллекта (см. главу 3). Согласно ему, как правило, дифференцируются именно некоторые эмоциональные «составляющие», отдельные – «парциальные» – *компоненты*. Вместе с тем представляется достаточно очевидным, что они – эти подвергающиеся диагностике компоненты и «составляющие» – имеют (причем совершенно объективно) собственно *процессуальное* содержание, характеризующееся

индивидуальной мерой выраженности, которая и является предметом дифференциальной диагностики.

Кроме того, очень важно учитывать еще два момента. Первый: любой основной эмоциональный «подпроцесс», имеющий итоговые, результативные эффекты и проявляющийся с разной степенью индивидуальной выраженности, подлежащей диагностике, не только не имеет, но и *не должен* ее иметь, а являться обобщенным – релевантным широкому кругу «предметов» эмоциональных репрезентаций и оценивания. Он, как правило, надситуативен и именно поэтому не является *непосредственно* эмоциональным, а регулирует меру и форму других – «первичных» – эмоций, степень контроля за ними и точность их оценки, идентификации и дифференциации [63]. И именно поэтому подпроцессы, диагностируемые посредством современных методик определения и изучения эмоционального интеллекта – это не «первичные» эмоциональные процессы, а процессы принципиально «вторичные», то есть эмоциональные метапроцессы. Второй: поскольку ЭИ – это не только *эмоциональный* интеллект, но и *эмоциональный интеллект*, то в его структуру (по определению) органично включены собственно когнитивные механизмы и *операционно-процессуальные* средства. Тем самым, он выступает и «в целом», и «парциально» (то есть в аспекте своих «составляющих» – подпроцессов) как интегративное эмоционально-когнитивное образование. В связи с этим он (и, повторяем, любой из его подпроцессов) как бы «перерастает» лишь эмоциональную сферу, «выходит» за ее границы, является поэтому не только собственно эмоциональным, но и метаэмоциональным образованием. В действительности, ситуация здесь является еще более сложной и комплексной, а одновременно еще более доказательной в плане обоснования категории эмоциональных метапроцессов. Дело в том, что базовые эмоциональные подпроцессы опосредствуются не только когнитивными процессами и механизмами, но и *личностными* детерминантами, обретая тем самым характер и личностной опосредствованности. Имеет место «выход» за пределы «первичных» эмоций не только в когнитивную сферу, но и в сферу собственно личностной организации; возникают, так сказать, «лично опосредствованные» и потому

также «вторичные» эмоции, а также соответствующие им метамотивационные процессы.

В-шестых, достаточно показательными в плане анализируемых здесь вопросов являются те сложнейшие и перманентно дискутируемые отношения, которые существуют между понятиями *эмоций* и *чувств*, а также тех психических реальностей, которые ими обозначаются. Вообще говоря, вопрос об их соотношении, критериях дифференциации, общности и различиях – это одна из «классических» и традиционно дискутируемых тем психологии. И терминологическая, и концептуальная, и содержательная неоднозначность и неопределенность, присущие данной теме, как известно, очень высоки. Если, однако, попытаться определить то общее, с чем солидарны практически все исследователи и что характерно для подавляющего большинства концепций, сформулированных в данной области, то им может считаться следующее положение (которое, однако, также дополняется различными формулировками, способами экспликации). Эмоции и чувства – это разные по степени сложности, по *уровневому* статусу, по мере их «содержательной наполненности» формы оценки (и самооценки) отношения к действительности, как объективной, так и субъективной. Первые выступают как, безусловно, более простые, нежели вторые. Кроме того, эмоции рассматриваются как в существенно большей степени генетически предзаданные, в большей степени имеющие, так сказать, «биологическую» и психофизиологическую детерминацию, а на этой основе адекватное данной детерминации содержание; чувства же – как имеющие в существенно большей степени социальную детерминацию, как продукт и результат социальной обусловленности, как обладающие большим «когнитивным содержанием» (данное положение вообще трактуется как своего рода «демаркационная линия», традиционно и конвенционально разделяемая подавляющим большинством исследователей граница между ними. Все это, разумеется, справедливо.

Вместе с тем нельзя не видеть и другого, также важного обстоятельства. Именно потому, что граница между ними в значительной степени пролегает по параметру сложности, содержательности, а также в силу того, что они трактуются как качественно различные *уровни* аффективного отношения к действительности (и

следовательно, как такие образования, между которыми существуют характерные для различных уровней иерархические отношения), чувства в их качественной определенности могут и должны быть проинтерпретированы как результативные проявления и итоговые *эффекты интеграции* «первичных» эмоций и не только эмоций. Причем эта интеграция обеспечивается не только и даже не столько самими «эмоционально-чувственными» средствами, сколько операционными средствами совершенно иного когнитивного порядка. Любое действительно полноценное чувство – это всегда «чувство к чему-то» или, что еще показательнее, – «чувство к кому-то», то есть образование, имеющее обязательную *предметную* отнесенность, а значит, и существенную когнитивную, «знаниевую» составляющую. В чувствах обычно *синтезирована* целая гамма эмоций, причем далеко не всегда «однотонных». Но если представлен сам этот синтез, то объективно должны существовать механизмы – *процессы* и иные операционные средства, обеспечивающие его.

Таким образом, анализ вновь с необходимостью приводит к выводу, согласно которому эмоционально-чувственная сфера личности – это не конгломерат и даже не система структурных образований (то есть самих эмоций и чувств), а еще и система специфических *процессов*, как «первичных» (лежащих в основе эмоций), так и «вторичных» (лежащих в основе чувств). Причем эти процессы, отнюдь не всегда протекают «гладко и безболезненно», гармонично. Как раз напротив, реальная палитра человеческих эмоций и чувств такова, что в них, как правило, противостоят разнонаправленные и «разнотональные» эмоциональные тенденции, установки, отношения, порождающие многочисленные коллизии, внутриличностные конфликты и даже драмы. В *едином* чувственно-оценочном отношении к какому-либо объекту (или, что еще характернее, к субъекту) синтезирован ряд эмоций, нередко слабосогласуемых между собой. Само же их «несоответствие» друг другу порождает *процессы* его переживания, которые в свою очередь являются мощными стимулами для ряда известных психологических феноменов – психологических защит, компенсации, рационализации, сублимации и мн. др.

Итак, все изложенное позволяет высказать предположение, согласно которому чувства могут и должны быть проинтерпретированы именно как *метаэмоции* (в их результативном проявлении), а формирование и переживание чувств – это *метапроцессы*, соотносящиеся, однако, уже не с когнитивной, регулятивной или мотивационной подсистемами психики, а с ее эмоциональной подсистемой. Соотношение эмоций и чувств – это соотношение «первичных» и «вторичных» эмоций; связь их процессуальной основы – это связь «первичных» и «вторичных» эмоциональных процессов (то есть метапроцессов). Подчеркнем, что такая интерпретация данной связи не только никак не абстрагируется от роли когнитивных процессов и механизмов (что нередко характерно для исследований в области эмоций и чувств), а, напротив, ставит их в центр данной проблемы, поскольку именно за счет них и достигается интеграция «первичных» эмоций во «вторичные», происходит трансформация эмоций в чувства.

В заключение краткого обзора метаэмоциональных процессов, подчеркнем еще раз, что данная проблема (равно как, впрочем, и проблема метамотивационных процессов) ставится и рассматривается в данной работе, по существу, впервые и поэтому ее анализ носит во многом предварительный, постановочный характер. Вместе с тем следует отметить и то, что введения понятий метамотивационных и метаэмоциональных процессов не только вполне обосновано, но и (это главное) *необходимо*, поскольку соответствует ведущим тенденциям развития психологии мотивации и психологии эмоций, логически и гносеологически вытекает из их развития, согласуется с их основными теоретико-методологическими и эмпирико-экспериментальными данными. Более того, оно позволяет предложить достаточно естественное и непротиворечивое решение некоторых их дискуссионных вопросов. Исходя из этого, можно также вполне заключить, что общая категория метапроцессов, раскрытая выше по отношению к метакогнитивным, метарегулятивным и метамотивационным процессам, должна быть дополнена еще классом и метаэмоциональных процессов. В своей совокупности эти четыре класса и составляют общее содержание категории метапроцессов.

2.1.8. Состав и структура «вторичных» психических процессов (метапроцессов)

В предыдущем параграфе была достаточно подробно проанализирована категория психических процессов, которая дифференцируется по общему критерию – критерию их принадлежности к процессам «второго порядка». Основной отличительной особенностью данного класса психических процессов является не только то, что они выступают как «операторы» к психическим же процессам («первичным»), но и как «операнды», то есть как «предмет и материал отражения» (точнее, самоотражения, саморепрезентации). Анализ показал также, что данный класс процессов – это именно *класс*, а не один из видов психических процессов, который традиционно дифференцируется сегодня в качестве метапроцессов, то есть «вторичных» процессов.

Вместе с тем после проведенного рассмотрения и на его основе возникает дополнительная, а не исключено, более сложная и важная задача, которую можно сформулировать следующим образом. Во-первых, необходимо попытаться синтезировать – *обобщить и систематизировать* – полученные теоретические результаты относительно основных классов метапроцессов, а также те эмпирико-экспериментальные данные, на основе которых, собственно говоря, и сформулированы представления о них. Во-вторых, необходимо *верифицировать* все представленные материалы, характеризующие метапроцессы различных классов (а следовательно, и само положение о классе метапроцессов как принципиально множественном и не исчерпываемым традиционно выделяемыми метакогнитивными процессами) по основным критериям, которым должен удовлетворять субсистемный уровень организации систем [70]. Лишь в том случае, если такая верификация даст позитивные результаты, о самой категории метапроцессов можно говорить как об относительно доказанном факте. В-третьих, необходимо попытаться уяснить и охарактеризовать общий *смысл* метапроцессов, а также их функциональную роль в структуре и организации общей системы психических процессов в целом.

Однако прежде чем перейти к такому рассмотрению, необходимо сделать два предварительных замечания.

1. Как можно было видеть из проведенного выше анализа, логика и последовательность изучения метапроцессов («вторичных» процессов) в значительной степени разделила судьбу развертывания исследований «первичных» процессов. Действительно, не только *первым* из классов метапроцессов, который был дифференцирован, но и который фактически является *единственным* в современном метакогниивизме, является класс *метакогнитивных* процессов. По отношению к другому основному классу метапроцессов – к *метарегулятивным* процессам – имеются некоторые, в основном косвенные указания на возможность их существования. Два же других класса метапроцессов – *метамотивационные* и *метаэмоциональные* – не только остаются практически неизученными, но даже не дифференцированными в эксплицитном виде. Таким образом, можно видеть, что сравнительная степень изученности различных классов «вторичных» процессов фактически повторяет аналогичную степень изученности основных классов самих «первичных» процессов.

2. Второе замечание также носит характер аналогии с исследованиями в области «первичных» процессов. Дело в том, что одной из наиболее общих и важных закономерностей их организации является, как известно, их так называемая «полносвязность» [28, 129, 148], представленность в форме «абсолютного целого» (М.А. Холодная [148]); практическая невозможность вычленения любого из них в *относительно* «чистом виде»; адекватность их трактовки не как «частей целого», а как аспектов и граней *единого* по своей сути функционирования «психического как процесса». Однако, как мы постоянно подчеркивали по ходу проведенного выше анализа, именно эта же закономерность характерна и для класса «вторичных» процессов, что не может не затруднять их исследование. Указанная закономерность обуславливает значительные трудности их классификации, построения их таксономий. Кроме того, весьма показательным является и тот общий факт, что основные классы «вторичных» процессов дифференцируются не по какому-либо «новому» основанию, а по *тому же самому* основанию, по которому дифференцируются и «первичные» психические процессы. И

это также достаточно показательно, поскольку вскрывает один из базовых механизмов организации и функционирования самих «вторичных» процессов (см. ниже).

Наиболее очевидным, вытекающим из проведенного анализа (но находящемся в некотором несоответствии с традиционными представлениями, сложившимися в когнитивной психологии) является, как можно видеть, установленный факт *множественности* различных классов метапроцессов. Она, как было показано выше, означает включение в общую категорию метапроцессов не только метакогнитивных, но и метарегулятивных, метамотивационных, а также, что особенно значимо в контексте задач данной работы, метаэмоциональных процессов. Причем и «внутри» этих классов (особенно в пределах класса метакогнитивных процессов) также выявляется их достаточно дифференцированный состав. Такая множественность (особенно с учетом того, что все психические процессы выступают не простой, «агрегативной суммой», а сложной и вполне закономерной организацией и интеграцией) требует попытки выявления закономерностей этой организации, определения их состава и структуры. Формулируя эту задачу, необходимо, конечно, учитывать и тот факт, что, поскольку она находится лишь на самых первых стадиях своей разработки, попытки ее решения могут носить лишь предварительный характер. Вместе с тем они все же необходимы, поскольку без них дальнейшее развитие представлений о системе психических процессов вряд ли возможно.

В связи с этим ниже будет представлен один из возможных вариантов ее решения. При этом мы вполне сознательно уделим основное внимание анализу именно *метакогнитивных* процессов по той простой причине, что, как неоднократно отмечалось ранее, они исследованы в настоящее время наиболее и детально и полно, что, естественно, создает благоприятные условия для решения поставленной задачи. Как мы уже отмечали, фактически даже не сформулирован один из наиболее общих вопросов – вопрос о *психологическом статусе* метакогнитивных процессов, о содержании и границах данного понятия, о составе и содержании данного класса процессов. Само понятие «метакогнитивные процес-

сы» используется сейчас в основном как *собирательный термин*, обозначающий очень разные во многих отношениях процессы.

Нерешенность вопроса о статусе метакогнитивных процессов порождает неопределенность их места в понятийной системе психологии и вновь, но уже с бóльшей остротой ставит те ключевые вопросы, которые были сформулированы в ходе предшествующего анализа. Основными среди них, на наш взгляд, являются следующие вопросы. Каков *состав* метакогнитивных процессов? Как могут и должны быть систематизированы метакогнитивные процессы, то есть какова их обоснованная собственно психологическая *классификация*? Каковы отношения метакогнитивных процессов с традиционными основными классами психических процессов (познавательных, эмоциональных, мотивационных, волевых)? Являются ли метакогнитивные процессы качественно специфическими и *несводимыми* к аддитивной совокупности всех иных «первичных» психических процессов? Как они встроены в общую *структурно-функциональную* организацию всей системы психических процессов? Каковы принципы и *структурная организация* самих метакогнитивных процессов?

Как показывает анализ современного состояния данной проблемы, указанные вопросы обычно либо декларируются, но реально не рассматриваются; либо вообще не формулируются в явном виде (см. обзор в [72]). В последнем случае происходит очевидное зауживание состава категории метакогнитивных процессов и его сведение к очень узкой группе метапроцессов, дифференцированных уже на самой ранней стадии развития данного направления (метамышление, метапамять, метавнимание и др.).

Еще одной особенностью и одновременно трудностью разработки методических средств изучения метакогнитивных процессов является, на наш взгляд, своего рода «миф» об априорно *бóльшей сложности* этих процессов по отношению к традиционно выделяемым «первичным» процессам. Сам префикс «мета» создает эту иллюзию и отнюдь не проясняет сущность метакогнитивных процессов в целом. По нашему мнению, пора четко осознать, что в общем случае метакогнитивные процессы дифференцируются в структуре психики не по критерию их бóльшей сложности, а по их *направленности*, по их предмету («психиче-

скому материалу» – Л.М. Веккер [28]). В связи с этим они могут быть не только более простыми, нежели «первичные» процессы, но и (что очень значимо для их изучения) они могут реализовываться теми же самыми операционными и стратегическими средствами, которыми реализуются «первичные» процессы.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать два основных вывода.

1. Господствующей в настоящее время является своего рода «предметоцентристская парадигма» разработки анализируемой здесь проблемы. Она, будучи оправданной и, более того, необходимой на определенных стадиях своего развития, должна быть, однако, дополнена, а затем и заменена иным способом исследования. Это означает, что она требует синтеза полученных на аналитическом этапе познания результатов и попытки разработки обобщающих концептуальных представлений. Но главное – она требует преобразования исходной парадигмы изучения («предметоцентрической») в иную – «системоцентрическую», что в теоретическом отношении равнозначно смене аналитического подхода к ее изучению системным. Это предполагает рассмотрение предмета исследования (метакогнитивной регуляции деятельности и поведения) в контексте той целостности – метасистемы, в которую он реально включен и в которой содержатся онтологические основания его существования. Лишь в ней представлен весь комплекс его истинных характеристик, которые раскрывают уже не только его качественную определенность, но и качественные спецификации, что открывает возможность его более полного и адекватного познания. Такой способ требует реального, а не декларативного исследования метакогнитивных процессов в той системе, «в» и «для» которой они формируются и функционируют. Ей выступает психологическая система деятельности и поведения. В ней метакогнитивные процессы раскрываются в их основной, то есть регулятивной функции, в их естественном и многомерном, «экологичном» виде.

В свою очередь, трактовка базовых метакогнитивных процессов как исходно формирующихся, а затем функционирующих в качестве основы психической организации деятельности и поведения означает необходимость радикальной трансформации

общей, традиционно сложившейся парадигмы их изучения. Иначе говоря, необходима смена господствующего до сих пор преимущественно *внедеятельностного*, абстрактно-аналитического исследования метакогнитивных процессов на их *деятельностно-опосредствованное* изучение; на реализацию подхода к ним как к важной подсистеме определенной *метасистемы* – деятельности (и поведения). Для того чтобы корректно и полно раскрыть метакогнитивные процессы, необходимо делать это опосредствованно – через анализ той метасистемы, в которой они реально, то есть онтологически, представлены; «в» которой и «для» которой они формируются и функционируют; в которой получают главные детерминанты своего содержания.

Последнее связано, во-первых, с особой и, можно сказать, исключительной ролью метакогнитивных процессов в организации деятельности (как «внешней», так и «внутренней»); во-вторых, с тем, что именно в структуре целостной деятельности сами метакогнитивные процессы имеют наиболее полный, богатый содержанием вид, обретают истинные – онтологические – детерминанты своего существования. Тем самым отправным этапом для всей стратегии исследования должна рассматриваться методология приоритетного психологического изучения целостной деятельности. Такая переориентация общей методологии исследования, как уже отмечалось, эквивалентна смене *аналитического подхода* к раскрытию метакогнитивных процессов на *системный*.

Развитые выше положения открывают возможность для формулировки *общего подхода* к разработке психологической концепции метакогнитивных процессов. По самой своей сути он является *деятельностно-ориентированным*, а ведущую роль в его реализации играет анализ конкретных видов профессиональной деятельности (прежде всего наиболее сложных и интеллектуально-насыщенных – «субъект-субъектных» (таких, в частности, как управленческая, организационная, педагогическая, научная, и т.д.)). В них предмет исследования представлен в его *экологически валидном* виде, то есть наиболее полно и содержательно, психологически богато, многомерно и «естественно». Этим предлагаемый подход также отличается от традиционной парадигмы

изучения метакогнитивных процессов, в которой явный приоритет отдается лабораторно-экспериментальным процедурам и аналитическим способам исследования.

Данный подход получил развитие в наших работах в форме *многоуровневой комплексной стратегии* исследования метапроцессов, в том числе и метакогнитивных процессов в профессиональной деятельности [64 и др.]. Принципиальное отличие этой стратегии от существующих подходов состоит в том, что ее реализация предполагает в качестве основного и *исходного* этапа (уровня) изучение метакогнитивных процессов в естественной профессиональной деятельности, а также во внепрофессиональной – собственно поведенческой сфере. И лишь затем по мере углубления и детализации «натурных» исследований деятельности осуществляется переход к различным уровням и типам экспериментального изучения метакогнитивных процессов. Данная стратегия строится, таким образом, на *уровневом* принципе организации комплексного психологического исследования и предполагает его реализацию на следующих основных уровнях.

I уровень – *деятельностно-аналитическое*, профессиографическое (внеэкспериментальное) изучение метакогнитивных процессов. Его цель – поиск основных закономерностей структурно-функциональной организации этих процессов в профессиональной деятельности, то есть в естественных условиях ее реализации, что обеспечивает как внешнюю, так и внутреннюю валидность исследования, а в целом позволяет обеспечить общее требование экологической валидности. В качестве главного способа исследования на этом уровне выступает специальная, предложенная нами *процедура психологического анализа* метакогнитивных процессов в профессиональной деятельности [64, 72].

II уровень – комплексное *экспериментальное* исследование метапроцессов, взятых, однако, не в изолированном от деятельностного контекста виде (что предполагается в традиционной парадигме их экспериментального исследования), а в структуре целостной деятельности, то есть в качестве естественных средств ее психической регуляции. Конкретным способом реализации данного уровня выступает предложенный нами *принцип деятельностно-опосредствованного моделирования и изучения* метакогнитив-

ных процессов. Суть данного принципа состоит в том, что эти процессы моделируются и изучаются в эксперименте не в «самостоятельном» и изолированном от целостной структуры деятельности виде, а опосредствованно – через воссоздание более общего и целостного регулятивного контура. Они при этом не задаются субъекту экспериментальной ситуацией, а порождаются им самим в ходе реализации смоделированной деятельности в качестве естественного средства его деятельности. В инструментальном плане это реализуется в основном на компьютерной базе посредством банка специально разработанных программ, моделирующих полунатурные аналоги деятельности, то есть посредством управляемого компьютерного эксперимента [65].

III уровень – дальнейшее экспериментальное исследование наиболее тонких закономерностей метакогнитивных процессов как в управляемом компьютерном эксперименте, так и в экспериментах, спланированных на основе наиболее мощных факторных схем исследования. Его цель – изучение наиболее имплицитных, поведенческих и интроспективно не представленных закономерностей и механизмов организации метакогнитивных процессов.

Итак, можно видеть, что важнейшей отличительной особенностью данной стратегии является принципиальная возможность *синтеза* на ее основе экспериментальных, полунатурных и натуральных (профессиографических) результатов. Тем самым метакогнитивные процессы в частности и метапроцессы в целом могут быть раскрыты в их многомерности и полноте. В то же время, сохраняется строгость и корректность исследования, обеспечиваемая экспериментальными уровнями исследования.

2. Второй вывод из проведенного анализа (и соответственно задача, решение которой необходимо для разработки методических средств изучения метакогнитивных процессов) состоит в необходимости *дифференциации* самого предмета исследования. При этом следует разграничить понятия «вторичных» и «метакогнитивных» процессов, поскольку «вторичные» процессы могут быть направлены не только на организацию когнитивных процессов, но и, вероятно, на организацию иных классов психических процессов, в частности, *регулятивных*. В этом случае сами «вторичные» процессы будут выступать уже не в своей исходной – метакогнитивной –

функции, а как в том числе и метарегулятивные процессы. Понятно, однако, что в этом качестве метакогнитивные процессы могут быть представлены в сколько-нибудь развернутом виде лишь в деятельностных и поведенческих контекстах, в связи с чем их изучение возможно лишь при условии трансформации исходной парадигмы изучения, охарактеризованном выше.

Возвращаясь к основной задаче данного параграфа (то есть к попытке определения состава и структуры метапроцессов), можно, по-видимому сделать следующее заключение. Есть все основания считать, что понятие метакогнитивных процессов является *видовым* по отношению к более общему, то есть *родовому* понятию *метапроцессов*. В последнее, наряду с метакогнитивными, входят также и метарегулятивные, метамотивационные и метаэмоциональные процессы. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Базовая и исходная категория метапроцессов предполагает, в частности, ее дифференциацию на классы метакогнитивных, метарегулятивных, метамотивационных и метаэмоциональных процессов.

Однако, это – лишь первая, но не единственная дифференциация. Дело в том, что для дальнейшего уточнения представлений о составе, например, метакогнитивных процессов должны быть привлечены те данные, которые содержатся в современном метакогнитивизме. В частности, уже одним из наиболее ранних положений, сформулированных в нем, является тезис о необходимости дифференциации метакогнитивных процессов по критерию их направленности на тот или иной традиционно выделяемый («первичный») процесс: «мышление о мышлении» – метамышление, «память о памяти» – метапамять, «внимание к вниманию» – метавнимание и др. Для всех этих процессов наиболее характерно то, что в них по отношению к какому-либо из когнитивных процессов используются операционные средства и механизмы самого этого процесса. В связи с данной (основной) особенностью, их условно можно обозначить как метакогнитивные *автопроцессы*.

Наряду с ними существуют, однако, и такие метакогнитивные процессы, в которых операционные средства и механизмы какого-либо «первичного» процесса реализуются в отношении *другого*, но также когнитивного процесса: «мышление о памяти»,

«память о мышлении», «представление о памяти» и пр. Вместе с тем обе эти группы процессов объединены той общей чертой, что они локализуются *внутри* когнитивной подсистемы психики, не выходят за ее пределы и базируются на операционном потенциале иерархии когнитивных процессов в целом.

Вместе с тем по отношению к организации когнитивных процессов могут реализовываться и принципиально иные, то есть собственно *регулятивные* процессы. Наиболее характерным и важным случаем этого выступает класс *интегральных процессов* регуляции деятельности и поведения, подробно охарактеризованный в наших предыдущих работах [60, 61, 63, 64, 66, 69, 72 и др.]. При этом особо следует подчеркнуть, что в интегральных процессах имеет место своего рода «*межклассовое*» взаимодействие (точнее, синтез) процессов – когнитивных и собственно регулятивных. Это означает, что для организации и координации когнитивных процессов используются операционные средства и механизмы иных собственно регулятивных процессов. Следовательно, интегральные процессы – это уже не «автопроцессы», характеризующиеся *гомогенностью* своего процессуально-операционного содержания (то есть не выходящие за пределы когнитивной подсистемы), а процессы, принципиально *гетерогенные* по своему операционному содержанию. В связи с этим их можно условно обозначить рабочим термином метакогнитивных *гетеропроцессов*. В них операционные средства *одного* класса психических процессов (регулятивных) реализуются по отношению к *другому* классу (когнитивных). Тем самым, в них имеет место уже не «внутриклассовая», а «межклассовая» интеграция процессов.

Однако наиболее показательным и закономерно то, что дифференциация, подобная описанной выше, имеет место и по отношению к классу собственно *метарегулятивных* процессов. В них также достаточно отчетливо выделяются подклассы «авто»- и «гетеро»- процессов. Поясним сказанное. Как было показано выше, а также в работах [60, 63, 72 и др.], в качестве базовых регулятивных процессов выступают интегральные процессы (целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, программирование, планирование, контроль, самоконтроль и др.). Они являются целостными синтезами всех иных (в том числе и когнитивных)

«первичных» процессов, то есть (*по определению*) включают их в свой состав. Следовательно, по отношению к ним когнитивные процессы не могут выступать в качестве процессуальных метарегуляторов. Вместо этого складывается иная картина.

Интегральные процессы, как показывают исследования [60, 63, 70, 72], могут выступать и реально выступают операционными средствами организации *самих себя*. При этом используется тот же принцип, что и в метакогнитивных автопроцессах (метапамяти, метамышлении). Ярким и наиболее демонстративным примером этого могут служить, как уже отмечалось, процессы *метарешения*, то есть процессы принятия субъектом решения о том, *идти* ему на решение как таковое или же попытаться *уйти* от него, от самой необходимости его принятия (см. далее). Другой общеизвестный пример – процессы *метапланирования*, связанные с выбором и (или) формулировкой, а также с последующей реализацией той или иной стратегии планирования. Определение стратегии и вообще внесение «стратегической упорядоченности», а значит, и планомерности в действия планирования – это и есть специфическое «процессуальное ядро» метапланирования. Иначе говоря, по отношению к регулятивным, то есть интегральным процессам, необходима дифференциация подкласса «автопроцессов». Характеристика этих процессов была дана выше.

Наконец, с еще большей очевидностью обнаруживается то обстоятельство, что *каждый* из интегральных процессов использует свой регулятивный потенциал и в отношении всех *иных* интегральных процессов [59, 60]. Более того, одной из атрибутивных особенностей класса интегральных процессов является следующая их черта. Каждый из них должен быть понят, по существу, как эффект *конвергенции* всех иных процессов этого же класса, поскольку каждый процесс не только предполагает, но и требует опоры на все иные интегральные процессы. В свою очередь, это связано с тем, что вся система интегральных процессов организована, как показано в наших работах [70, 72, 73], на основе *гетерархического* принципа, создающего наиболее благоприятные условия для «обмена» операционными средствами и механизмами между отдельными интегральными процессами. Факты, в которых проявляется эта «полносвязность» интегральных процессов, хорошо известны и повсе-

местны. Например, для реализации процесса принятия решения необходимо интенсивное «подключение» практически всех иных интегральных процессов – целеобразования, антиципации, прогнозирования, планирования, самоконтроля.

Из сказанного следует достаточно важный, на наш взгляд, вывод. В качестве гетеро процессов по отношению к классу регулятивных процессов (то есть в качестве «вторичных» процессов, направленных на организацию этих регулятивных процессов) выступают не процессы какого-либо иного класса (как в случае когнитивных процессов), а процессы *этого же самого класса*. В самом деле, когнитивные процессы организуются и координируются в рамках таких метапроцессов, как целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, программирование, планирование, контроль, самоконтроль, которые сами по себе являются не когнитивными, а специфически регулятивными. Иначе говоря, по отношению к когнитивным процессам в качестве «вторичных» процессов их организации выступают процессы *другого* класса. Однако по отношению к регулятивным процессам ситуация принципиально иная. В качестве метапроцессов, направленных на дополнительную организацию самих регулятивных процессов, выступают опять-таки регулятивные процессы (составляющие категорию интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения).

Подчеркнем, что охарактеризованная выше, достаточно дифференцированная картина состава и структуры метапроцессов обнаруживается лишь при условии дополнения класса метакогнитивных процессов классом метарегулятивных и иных метапроцессов. Последнее возможно лишь в том случае, если базовым объектом анализа выступит деятельность как таковая – в ее *метасистемном статусе* по отношению ко всей системе психических процессов. В ней с наибольшей полнотой представлены все процессуально-психологические средства, характеризующиеся, как показано выше, принципиальной гетерогенностью своего состава. Они дифференцируются на четыре основных класса:

- метакогнитивные автопроцессы,
- метакогнитивные гетеро процессы,
- метарегулятивные автопроцессы,

– метарегулятивные гетеропроцессы¹⁴.

Итак, можно видеть, что традиционные представления о *предмете* психологического анализа метакогнитивных процессов должны быть существенно уточнены и расширены. Им – этим предметом – должны являться не только собственно метакогнитивные процессы, но и процессы иных (охарактеризованных выше) типов. Все они обладают атрибутивной общностью своего статуса, проявляя себя в функции метапроцессуальных регуляторов, то есть в функции метапроцессов.

Проведенный выше анализ имеет, на наш взгляд, еще одно следствие. Дело в том, что в его результате была показана возможность и даже необходимость дополнения класса метакогнитивных процессов классом метарегулятивных процессов (а также последующей дифференциацией того и другого). Тем самым обнаруживается «неединственность» самого класса метакогнитивных процессов; его существование *наряду* с иными, однопорядковыми ему классами, в частности с классом метарегулятивных процессов. Это – своего рода «прецедент», позволяющий говорить о существовании целого *семейства*, целой категории различных классов *метапроцессов*, а не только метакогнитивных процессов, как это принято делать в настоящее время. Понятие метапроцессов должно в этом случае рассматриваться как *родовое* по отношению к понятиям метакогнитивных и метарегулятивных процессов как *видовым*.

С позиций сформулированных представлений возможна, на наш взгляд, и дальнейшая дифференциация категории метапроцессов, выявление и последующее изучение иных их видов. Для этого в психологии существуют и достаточные теоретические предпосылки, и несомненные эмпирические референты данных явлений. Так, например, вся широко известная и хорошо изученная феноменология произвольного контроля за эмоциональными процессами не только может, но и должна быть проинтерпретирована с точки зрения понятийного аппарата метакогнитивизма

---

¹⁴ Подчеркнем еще раз, что эти термины используются здесь в качестве *условных*, рабочих понятий и допускают, естественно, корректировку.

как когнитивный мониторинг за эмоциональными процессами, как когнитивный контроль за их влиянием на деятельность, поведение, общение. Не менее известны и факты «памяти на эмоции», представляющей собой мнемическую фиксацию эмоционального опыта, то есть своего рода «эмоциональную метапамять». Аналогичные соображения могут быть высказаны и в отношении связи когнитивных процессов с мотивационными процессами, что также проявляется прежде всего в механизмах и закономерностях организации мотивационной сферы субъекта и в эффектах ее когнитивной организации¹⁵.

Факты и примеры, аналогичные отмеченным выше, можно приводить и дальше. Все они свидетельствуют, по нашему мнению, о существовании достаточно общей закономерности, согласно которой класс *метакогнитивных* процессов является лишь *первым* из выявленных в психологических исследованиях, а не *единственным* среди всех реально существующих *метапроцессов*. Наряду с метакогнитивными процессами не только реально существуют, но и в принципе давно известны (хотя и в ином «терминологическом обрамлении») иные классы метапроцессов – метарегулятивные, метаэмоциональные, метамотивационные. С этих позиций категория метапроцессов предстает как очень обширная по своему составу, сложная по своей интерпроцессуальной организации и структуре, дифференцированная по характеру включенных в нее процессов, гетерогенная по их качественным особенностям.

Делая такое заключение, мы считаем необходимым обратить внимание на важную особенность, свойственную каждому отдельно взятому процессу и их организации в целом, благодаря которой становится возможным существование всего класса метапроцессов. Дело в том, что фактически любой психический процесс может выступать в двух качественно разных формах, модусах, функциях, которые можно условно обозначить как *инструментальная* и *онтологическая*. Инструментальная функция является «первичной» и непосредственно (атрибутивно) присуща процессуальным образованиям как таковым: она состоит в преоб-

---

¹⁵ Более подробно данный вопрос рассмотрен нами в [63].

разовании, трансформации, «переработке» тех или иных исходных данных, информации. Вместе с тем существуют два качественно различных «источника» для реализации инструментальной функции психических процессов – их можно обозначить как «внешний» и «внутренний». Любой процесс может быть направлен не только на «внешнюю среду», но и на среду «внутреннюю». Во втором случае его предметом становятся иные психические процессы (а также образования, явления, структуры, феномены). Тем самым психические процессы проявляют себя в иной форме, в ином модусе, так сказать, онтологическом: они выступают как бы «объектами отражения» (если пользоваться традиционной терминологией) и воздействия со стороны других психических процессов. Причем, как было показано выше, эти функции могут достаточно динамично сменять друг друга, в связи с чем один и тот же процесс может попеременно выступать либо в своей инструментальной, либо в своей онтологической функции.

Наличие этих двух базовых функций, возможность представленности психических процессов в двух атрибутивно присущих им формах, а также *обратимость* этих форм являются, в конечном итоге, важнейшим условием для существования класса метапроцессов как такового. Благодаря двум указанным функциям и модусам, становится возможным существование не только тех метапроцессов, которые были выше обозначены нами как «автопроцессы» (например, «память о памяти» – метапамять, «мышление о мышлении» – метамышление), но и тех метапроцессов, которые относятся к категории «гетеропроцессов». Последнее объясняется тем, что процессы какого-либо одного класса (например, регулятивные), выступая в своей инструментальной функции, могут быть направлены не только на процессы этого же самого класса, но и на процессы иных классов, например когнитивных. В этом случае возникают все те метапроцессы, которые выше были проанализированы как *регулятивные гетеропроцессы* и которые лежат в основе саморегуляции интеллектуальной деятельности.

Вообще говоря, благодаря существованию психических процессов в двух указанных выше модусах, возможны фактически, практически неограниченные комбинации, сочетания «первичных» процессов и формирование в итоге огромного разнообразия

более комплексных процессуальных образований – паттернов «первичных» процессов, которые и составляют в своей совокупности содержание общего класса метапроцессов.

Проведенный выше анализ позволяет, таким образом, отметить три основные особенности метапроцессов, независимо от их видовой специфики. Во-первых, они носят принципиально «неединичный» характер, то есть (по определению) предполагают *синтез*, как минимум, двух «первичных» процессов. Причем в ряде случаев такой синтез может носить характер «удвоения» самого «первичного» процесса («память о памяти» – метапамять, «мышление о мышлении» – метамышление). Во-вторых, все метапроцессы предполагают ту или иную *соорганизацию* «первичных» процессов. Для этого, однако, используются операционные средства, заложенные в системе *самих же* психических процессов. Такая соорганизация возможна в том случае, если часть процессов выступает в своей «инструментальной» функции, а другая – в «онтологической» функции. Проще говоря, одни процессы должны быть направлены на организацию, а другие должны «предоставлять материал» для этого. Вместе с тем этот «материал» должен быть адекватно воспринят, «отражен», репрезентирован, что предполагает своеобразную «чувствительность» метапроцессов к «первичным» процессам, «встроенность» в них рефлексивных механизмов. В-третьих, общая совокупность метапроцессов является очень *гетерогенной* не только по составу, но и по степени их сложности, по мере их комплексности. Собственно говоря, эти три ключевые особенности всех метапроцессов и придают им очевидное своеобразие, специфику по отношению к «первичным» процессам, обуславливают недопустимость их редуцирования до класса «первичных» процессов, а также их существование как именно специфической категории и уровня интеграции в общей системе психических процессов.

Вместе с тем если попытаться довести проводимый в данном параграфе анализ до его логического завершения, то нельзя оставить без внимания еще два очень значимых, по нашему мнению, вопроса. Действительно, обоснование существования категории «вторичных» процессов, безусловно, очень важно *само по себе*. Не исключено, что это – вообще наиболее крупный «прорыв» в изучении психических процессов за последнее

время. Однако, с другой стороны, тот факт, что, наряду с «первичными» процессами, существуют и «вторичные» процессы создает своеобразный *прецедент* и провоцирует постановку совершенно естественного вопроса о возможности существования процессов не только «второго», но и иных «порядков», например «третичных» процессов.

Сущность другого вопроса, также являющегося следствием проведенного в данной главе анализа, заключается в следующем. Все «вторичные» процессы (метапроцессы), по определению, имеют более комплексный, составной, синтетический характер, нежели «первичные» процессы. И в этом плане они обладают, безусловно, значительно *меньшей «степенью аналитичности»*. Причем синтетичность состава и структуры метарегулятивных процессов выражены настолько явно, что они были в свое время (а было это *еще до начала «метакогнитивного движения»*) обозначены понятием *интегральных* процессов: тем самым подчеркивалась их принципиально иная по отношению к «первичным» процессам природа – их составной, комплексный характер их процессуально-психологического содержания [62, 67 и др.]. И интегральные процессы, и метакогнитивные процессы, и вообще все процессы, принадлежащие к категории метапроцессов, могут быть рассмотрены как специфические системы, в качестве компонентов которых выступают «первичные» процессы. В этом случае «первичные» процессы раскрываются как аналитические составляющие метапроцессов, как своего рода *аналитические* процессы, а «вторичные» процессы – как синтетические, интегративные, *системные* процессы.

Вместе с тем следует, конечно, отдавать отчет в *относительности* самих понятий «аналитические» и «системные» процессы. По отношению к рассматриваемой проблеме это означает, что те процессы, которые трактуются как системные, интегративные по отношению к более простым, чем они, процессуальным образованиям, сами могут являться частями, компонентами других более сложноорганизованных процессов. Иначе говоря, и интегральные, и метакогнитивные процессы, и вообще все метапроцессы, будучи, несомненно, интегративными и системными, одновременно являются аналитическими, но на более высоком

уровне процессуальной организации психики. Все они – также продукты декомпозиции, аналитического расчленения общего и единого онтологически представленного процессуального содержания психики. Просто эта декомпозиция осуществляется на ином, нежели в отношении традиционных – «аналитических», «первичных» процессов, уровне сложности, обобщенности и комплексности процессуально-психологического содержания. И в этом плане следует, конечно, иметь в виду, что любой из метапроцессов, отражая несомненную психическую реальность, в то же время является и теоретическим конструктом, продуктом «аналитической экстирпации» целостного процессуального содержания психического. Между метапроцессами, гносеологически отображающими некоторые крупные, *обобщенные* «срезы» реальной онтологии процессуального функционирования психики, и самой этой онтологией нет совпадения, но, напротив, пролегает определенная и неизвестная пока окончательно «дистанция».

Все сказанное можно схематически представить в виде таблицы, демонстрирующей связи основных классов метапроцессов (см. табл. 2).

Смысл данного представления заключается в следующем. В «ячейках», расположенных по диагонали указанной матрицы, локализованы те метапроцессы, которые были обозначены выше как «вторичные» *авто*процессы»: их суть состоит в том, что в них «вторичный» психический процесс формируется как продукт, так сказать, «внутриклассовой» интеграции. Так, например, левая верхняя «ячейка» № 1 (метакогнитивные процессы) символизирует те метапроцессы, которые складываются как результат «оборачивания» когнитивных процессов самих на себя (например, «память о памяти» – метапамять). «Ячейка» № 2, в которой локализованы метарегулятивные процессы, включает те метапроцессы, которые также являются продуктами «внутриклассовой» интеграции, но уже не когнитивных, а собственно регулятивных процессов (например, уже рассмотренные выше процессы метарешений). «Ячейка» № 3, в которой локализованы метаэмоциональные процессы, символизирует синтез двух (или более) процессов, также принадлежащих к одному классу «первичных» процессов – эмоциональных. Это, например, «вторичные» эмо-

ции, процессуальное обеспечение феноменов амбивалентности эмоций и пр. «Ячейка» № 4, в которой локализованы метамотивационные процессы, опять-таки включает результаты «внутриклассовой» интеграции, но уже иного класса процессов – мотивационных (например, процессуальное обеспечение мотивации достижения). Поэтому во всех четырех указанных «ячейках» локализованы те метапроцессы, которые должны быть проинтерпретированы как *автопроцессы*: они формируются, повторяем, как продукт «оборачивания», транспонирования операционных средств того или иного класса процессов на него же самого.

Таблица 2

Состав и структура основных метапроцессов

Основные классы «первичных» процессов				
	когнитивные	регулятивные	эмоциональные	мотивационные
когнитивные	1 метакогнитивные процессы	2	3	4
регулятивные		5 метарегулятивные процессы	6	7
эмоциональные			8 метаэмоциональные процессы	9
мотивационные				10 метамотивационные процессы

Иначе обстоит дело с метапроцессами, локализованными во всех иных «ячейках»: в них расположены уже не *автопроцессы*, а

гетеропроцессы¹⁶. Их общая атрибутивная особенность заключается в том, что в них операционные средства процессов какого-либо *одного* класса реализуются по отношению к организации процессов *другого* класса. Так, в частности, в «ячейке» № 5 локализованы метапроцессы, образованные синтезом метакогнитивных и регулятивных процессов, суть которых состоит в том, что метакогнитивные процессы направлены здесь не на «метапознание», а непосредственно на *регуляцию* деятельности, поведения, общения. «Ячейка» №6 включает широко известные процессы синтетического (то есть метапроцессуального) плана, наиболее общим термином для обозначения которых является понятие метакогнитивного монитора за эмоциями; данный класс процессов непосредственно соотносится с основной проблематикой исследований в русле проблемы эмоционального интеллекта. Еще одной, также очень показательной в плане рассматриваемой схемы, является «ячейка» № 7. В ней локализованы процессы организации мотивационной сферы личности, зафиксированные в их итоговых проявлениях – в основных принципах такой организации (в частности, иерархичности, тенденции к смысловой интеграции, единства актуального и потенциального и др. [10]). «Ячейка» № 8 включает те метапроцессуальные образования, которые составляют несомненную реальность и достаточно изучены в экспериментальной и особенно в прикладной психологии. Дело в том, что ни одна сколько-нибудь сложная и развернутая, сопровождающаяся высокой ответственностью деятельность (и соответственно ее регуляция) невозможна без эмоциональной «подпитки». Аналогичным образом обстоит дело и с содержанием «ячейки» № 9, но с той разницей, что она символизирует метапроцессы сходной структуры, но соотносящиеся с синтезом регулятивных и мотивационных процессов. Наконец, очень специфическим содержанием характеризуются метапроцессы, символизируемые «ячейкой» № 10: дело в том, что очень часто однажды пережитая эмоция, за-

---

¹⁶ Подчеркнем еще раз, что данные термины используются здесь в качестве предварительных и «рабочих»; не исключено, что в дальнейшем они могут быть скорректированы.

крепляясь затем в эмоциональной памяти, может становиться и реально становится достаточно сильным мотивом, для того чтобы ее вновь испытать. Тем самым «на стыке» мотивационных и эмоциональных процессов формируется качественно новое процессуальное образование, несводимое ни к одной из его двух «составляющих» и имеющее поэтому метапроцессуальную природу¹⁷.

Итак, можно видеть, что общая картина метапроцессов является достаточно дифференцированной и включает целый ряд их базовых классов. Вместе с тем было бы преждевременным полагать, что даже и эта значительно более дифференцированная картина является «окончательной и завершенной». Тому есть, как минимум, две главные причины. Во-первых, в основу схематического представления положена традиционно принятая классификация всех «первичных» процессов на когнитивные, регулятивные, мотивационные и эмоциональные. И хотя, конечно, именно эти классы «первичных» процессов являются основными процессуальными компонентами психики, а потому не только могут, но и должны выступать базой для систематизации метапроцессов, нет достаточных оснований полагать, что они *исчерпывают* собой все процессуальное содержание психики. Не исключено, что дальнейший прогресс в исследованиях психических процессов может привести к необходимости дифференциации и таких процессов, *которые пока не известны*, и, следовательно, – к необходимости их включения в разработку систематики метапроцессов. Во-вторых, следует учитывать и то, что предложенная систематика, базирующаяся на различных комбинациях четырех базовых классов «первичных» процессов, хотя и *возможна* (а исходя из современного состояния данной проблемы, по-видимому, и наиболее естественна), но, конечно, не является *единственно* возможной. Допустимы и иные варианты построения такого рода систематики, которые также могут оказаться конструктивными, приведут к дальнейшей детализации представлений об общей структуре метапроцессов.

---

¹⁷ Даная проблема, хотя и в иной терминологии, рассматривается в работе Б.И. Додонова [42].

Вторая основная задача, сформулированная в начале данного параграфа, состоит в том, чтобы подвергнуть *верификации* обоснованность дифференциации всех рассмотренных выше классов метапроцессов и каждого из них в отдельности по той совокупности критериев (признаков), которая сформулирована для «составляющих» субсистемного уровня [70]. Лишь при этом условии они могут считаться обоснованными и доказанными в необходимой степени, а их дифференциация – корректной. При этом следует предварительно напомнить, что, согласно развиваемым здесь представлениям, субсистемный уровень локализован *между* двумя традиционно выделяемыми и действительно очень важными уровнями организации систем – общесистемным и компонентным, заполняя огромный диапазон между ними.

Исходя из этого первый критерий обоснованности дифференциации субсистемного уровня как раз и заключается в признании этой фундаментальной, на наш взгляд, закономерности. Сопоставляя понятие метапроцессов (как *несводимых* к отдельным компонентам, то есть к содержанию «первичных» психических процессов, и потому не могущих быть локализованными на компонентном уровне, но и не «возвышающихся» до общесистемного уровня, поскольку они не исчерпывают содержание всей системы, а являются ее частыми декомпозициями), можно сделать вывод, согласно которому метапроцессы, действительно, полностью удовлетворяют этому первому и в значительной мере *определяющему* критерию.

Второй критерий заключается в том, что именно субсистемный уровень, на котором локализованы метапроцессы, занимает во всей иерархии уровней центральное своего рода «срединное» место, а потому в известной мере играет ключевую роль во всей иерархии уровней психических процессов. «Снизу» от него локализован уровень «первичных» психических процессов, а «сверху» – общесистемный уровень их организации.

Далее, данная категория процессов (метапроцессы) адекватно соответствует и следующему основному критерию дифференциации субсистемного уровня – его максимальной *функциональности*. Дело в том, что по совершенно понятным и естественным причинам фактически ни одна система, в том числе и система

психических процессов, практически никогда не функционирует, так сказать, «не рабтает» ни в *максимальном*, ни в *минимальном* режиме (то есть либо на компонентном, либо на общесистемном уровнях). Подавляющее большинство реальных ситуаций ее взаимодействия со средой таково, что оно требует актуализации лишь какой-либо ее «части». Однако именно такой как бы «промежуточный» режим функционирования как раз и характеризует субсистемный уровень, представленный в виде метапроцессов.

С такой же очевидностью трактовка метапроцессов как содержания субсистемного уровня структурной организации психических процессов отвечает и следующему критерию, которому должен удовлетворять данный уровень – критерию *гетерогенности* состава. Такая гетерогенность, а также те классы метапроцессов, которые лежат в ее основе, собственно говоря, и составили основное содержание данного параграфа. Подчеркнем, что гетерогенность субсистемного уровня является объективным и обязательным условием эффективности функционирования всех систем, в том числе, конечно, и системы психических процессов, поскольку, как известно, любая из них должна удовлетворять известному принципу «необходимого разнообразия» (У.Р. Эшби), отвечать требованию «внутренней дифференцированности». Именно это и имеет место по отношению к составу метапроцессов, охарактеризованному выше.

Важным и общим критерием является, естественно, также и то, что «составляющие» субсистемного уровня должны обязательно сохранять качественную определенность той целостности, в содержание которой они входят. Не приходится подробно обосновывать, что *сама суть* любого метапроцесса как раз и заключается в том, что он может реализовываться лишь при условии осознаваемого мониторинга, в силу чего он «мультиплицирует» все особенности той целостности, «частью» которой он выступает. Тем самым трактовка метапроцессов как «составляющих» субсистемного уровня удовлетворяет и этому также важному критерию.

Наконец, еще одним критерием-верификатором проведенной дифференциации метапроцессов как «составляющих» субсистемного уровня является то, что данный уровень, согласно результатам теоретического анализа, должен быть, так сказать, «непло-

ским». То есть он должен быть образован такими «составляющими», которые имеют принципиально разную и притом достаточно существенно отличающуюся друг от друга степень сложности, структурно-процессуальной организованности, степени интегрированности. Вообще говоря, данный уровень точнее и корректнее трактовать как «уровень-диапазон», как *макроуровень*, включающий целый ряд *микроуровней* (находящихся, вероятно, в отношениях соподчиненности друг с другом). Это объясняется прежде всего двумя причинами. Первая: «диапазон» между общесистемным и компонентным уровнями любой системы, в том числе и системы психических процессов, очень велик, и он в силу этого должен быть «заполнен» однопорядковыми друг с другом процессуальными образованиями. Вторая: уже сама по себе охарактеризованная выше принципиальная гетерогенность (в том числе и по степени сложности) данного уровня создает необходимые условия для этого. И в данном отношении вновь приходится констатировать, что данная особенность является очень типичной и естественной для субсистемного уровня, трактуемого как организованная совокупность метапроцессов. Дело в том, что они, как следует из проведенного выше анализа, полностью удовлетворяют двум указанным причинам. Действительно, с одной стороны, они *качественно* различны по степени сложности: в этом плане достаточно, например, сравнить степень сложности метакогнитивных авто- и гетеро процессов. С другой стороны, учитывая принципиальную гетерогенность данного уровня, нельзя не видеть и того очевидного факта, что различные (входящие в него классы метапроцессов) отнюдь не являются идентичными по своему статусу в пределах субсистемного уровня: например, метарегулятивные процессы (особенно интегральные процессы) обладают большей степенью комплексности, нежели метакогнитивные процессы, синтезируя их в себе, а потому локализируются, по-видимому, на более высоких подуровнях общего субсистемного уровня.

Таким образом, подводя итог проведенной верификации категории метапроцессов как «составляющих» субсистемного уровня, можно вполне обоснованно заключить, что они полностью удовлетворяют *всем* сформулированным выше критериям дифференциации данного уровня *одновременно*. В силу этого их

трактовка именно как таковых, равно как и сущность самого субсистемного уровня организации психических процессов, может считаться доказанной.

В заключение целесообразно сделать еще одно замечание теоретического плана. Как было показано нами в [70, 72], «первичные» психические процессы не просто «непосредственно даны» субъекту (но, конечно, не в аспекте их механизмов, а в аспекте их либо содержания, либо просто того, что они имеют место, осуществляются в данный момент времени – что «они есть»), но и *составляют* саму эту субъектность. Однако поскольку это так, то по отношению к ним могут быть реализованы те «отражательные» (точнее, репрезентационные) функции, которые также им свойственны. Психические процессы как «операторы» оказываются в состоянии реализовывать свою инструментальную («отражательную», репрезентационную) функцию не только по отношению к доступным чувственному восприятию объектам «внешнего мира», но и по отношению к компонентам «внутреннего мира» (поскольку они также доступны субъекту, а потому являются «чувственно данными»). При этом, однако, происходит любопытная трансформация самих «первичных» процессов, на которую обычно обращается явно недостаточное внимание. Как правило, акцент делается только на том, что они могут выступать и реально выступают как «операторы» по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов.

Однако не менее, а может быть, и более важно, что «обратной стороной» всего этого является то, что, становясь «операторами» по отношению к самим себе, сами «первичные» психические процессы (в основном когнитивные) качественно меняют свой психологический статус. Они становятся уже не только «операторами» (то есть тем, «*чем* познается»), а «операндами» (то есть тем, «*что* познается», репрезентируется, выступает «психическим материалом»). В этой связи можно, по-видимому, считать, что до настоящего времени истинное значение так называемой «метакогнитивной революции» все же явно недооценивается. Это объясняется тем, что главной заслугой данного направления считается лишь то, что в нем было выявлено существование качественно нового класса процессов – метакогнитивных.

Однако при этом парадоксальным образом не принимается в расчет тот фундаментальный факт, что само существование этих процессов в корне меняет исходный и основной статус самих «первичных» процессов; выдвигает на первый план сложнейшую задачу их интерпретации не как «отражающего», а как «отражаемого». Значимость данного положения состоит, в частности, в том, что синтез этих двух модусов «в одном лице», то есть в *одних и тех же* когнитивных процессах, – это, по-видимому один из путей к разгадке природы *сознания*. В силу этого есть определенные основания считать, что действительное значение метакогнитивизма заключается не столько в том, что в нем был выявлен качественно новый класс психических процессов – метакогнитивных (хотя и это, безусловно, крупное достижение), а в том, что *благодаря* им сами «первичные» процессы становятся доступными (по крайней мере, в принципе) исследованию в совершенно *новом качестве* – не как «операторы», а как «операнды». Реальная сложность психического в целом и психических процессов в частности такова, что они *принципиально двуедины* по своей природе: выступают и как «операторы», и как «операнды», и как «отражающее», и как «отражаемое», и как «порождающее», и как «порождаемое».

В действительности, однако, они еще сложнее: дело в том, что два указанных выше основных модуса, синтезированных в каждом из процессов, не просто сосуществуют друг с другом, а обладают *свойством взаимобратимости*. Один и тот же процесс может попеременно и притом достаточно несложно для личности, как бы естественным образом выступать то в одном, то в другом из них [70]. В свою очередь, благодаря данному свойству, оказываются возможными перманентные и достаточно легко осуществляющиеся субъектом переходы процессов из одного модуса в другой. Именно метапроцессы (и особенно метакогнитивные процессы) как раз и являются средствами такой обратимости. Психические процессы не могут менять свой исходный статус как «операторов» в статус «операндов» вне и помимо возникновения метапроцессов. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому: метапроцессы в целом и метакогнитивные процессы в особенности – это и есть средства трансформации психических

процессов из одного статуса («отражающих») в другой («отражаемых»). На наш взгляд, все это выступает одним из главных механизмов феномена саморепрезентации психики самой себе, что во многом эквивалентно феномену сознания в целом. В свою очередь, сама обратимость является атрибутивно *динамическим* явлением (точнее, механизмом). Но это означает, в свою очередь, что она принципиально *процессуальна*, поскольку может развертываться лишь «вдоль оси времени».

Таким образом, все представленные выше аргументы теоретического и эмпирического плана позволяют сделать следующий обобщающий вывод. Содержание совокупности психических процессов в целом и субсистемного уровня их структурной организации в особенности (не в их зауженном и потому симплифицированном виде, а в их *реальной многомерности* и гетерогенности) образовано скоординированной системой как «первичных», так и «вторичных» процессов (метапроцессов). Последние, которые составляют содержание субсистемного уровня их общей организации, в свою очередь, дифференцируется на несколько основных классов.

Данный вывод, равно как и интерпретация метапроцессов в качестве базовых «единиц» субсистемного уровня, удовлетворяет, как основному критерию, разработанному для их обоснования и верификации [70], так и многочисленным фактическим материалам. Подчеркнем также, что все метапроцессы (по определению) характеризуются значительно меньшей «аналитичностью» и большей интегративностью, целостностью, нежели психические процессы традиционно выделяемых основных классов (то есть «первичные»). Вместе с тем нельзя, разумеется, упускать из виду и то значимое обстоятельство, что любой способ декомпозиции *единого* по сути процессуального содержания психического (в том числе и дифференциация более интегративных процессов – метапроцессов) все же «несвободен» от аналитичности. В связи с этим следует отдавать полный отчет в том, что и эти процессы отнюдь не являются, так сказать, «автономными» и самостоятельными, дизъюнктивно отделенными друг от друга и самостоятельными. Все они, составляя «части целого», неразрывно взаимосвязаны. И именно эта их взаимосвязанность не позволяет рассматривать субсистемный уровень как «вершинный»; как раз наоборот, она пред-

писывает необходимость раскрытия того, как в этой взаимосвязи и взаимодействии указанных метапроцессов формируется иной еще более обобщенный уровень организации системы психических процессов – уровень «третичных» психических процессов, краткая характеристика которых дана в 2.1.2., а подробная в [70, 72].

2.2. Проблема эмоционального интеллекта в контексте психологической теории деятельности

Вероятно, нет необходимости обосновывать тезис, согласно которому конечная цель подавляющего большинства всех исследований ЭИ (равно как и большинства иных психологических проблем) является, так сказать, двуединой. С одной стороны, она заключается в его возможно более полной *собственно теоретической* интерпретации и объяснении. Однако, с другой стороны, все теоретические результаты должны, в конечном итоге, обрести *практическую* направленность, прикладную ориентацию, связанную прежде всего с решением задач оптимизации профессиональной *деятельности*. В связи с этим одной из главных перспектив дальнейшей разработки проблемы ЭИ должен выступить ее синтез с исследованиями в области профессиональной деятельности, а в более общем плане – ассимиляция проблемы ЭИ психологической теорией деятельности.

В предыдущем параграфе достаточно подробному анализу был подвергнут своего рода «процессуальный метаконтекст» проблемы ЭИ и предпринята попытка рассмотрения тех собственно процессуальных, операционных средств и механизмов, которые являются содержательной основой для результативных, итоговых эффектов и проявлений в уровне развития ЭИ. Причем анализ данного метаконтекста потребовал обращения к понятию *метапроцессов* в целом. Оно, на наш взгляд, является *родовым* по отношению к понятию метаэмоциональных процессов, образующих, как было показано выше, процессуально-онтологическую базу для ЭИ как такового. Кроме того, следует отметить, что этот анализ вполне соответствует общей направленности и логике эволюции

исследований проблемы способностей в целом и интеллектуальных способностей в частности: трансформации «результативно-деятельностного» подхода в «процессуально-психологический» (что в иной терминологии можно обозначить как смену структурно-морфологического подхода на процессуально-операционный). Такой переход вполне закономерен с гносеологической точки зрения, поскольку он означает обращение к более глубокому и потенциально более эвристичному и продуктивному уровню изучения рассматриваемого предмета (в данном случае ЭИ), на котором исследуются прежде всего не его итоговые, результативные эффекты, а *механизмы* и процессы, их обеспечивающие.

Вместе с тем если теперь вновь возвратиться к исходной и основной проблеме данной работы, то следует подчеркнуть, что за базовый конструкт было взято все же понятие ЭИ как определенной *способности* (а не только и даже не столько обуславливающих ее процессуально-психологических средств и операций)¹⁸. Это, в свою очередь, означает, что теперь необходимо предпринять попытку его рассмотрения в существенно ином метаконтексте – *деятельностном* и *поведенческом*. При этом следует, конечно, учитывать и то обстоятельство, что сама проблема ЭИ, равно как и данный конструкт в целом, в большей степени явились не «продуктами эволюции» определенных теоретических воззрений, а главным образом, следствием практико-ориентированных исследований (о чем уже говорилось выше).

2.2.1. Теоретические основы исследования проблемы эмоционального интеллекта в структуре деятельности

Указанная смена метаконтекста анализа (с преимущественно «процессуального» – теоретического) на деятельностный и поведенческий (прикладной) сопряжена, однако, с хорошо известными

---

¹⁸ Хотя, повторяем, ее статус до сих пор весьма неоднозначен и неопределен.

ми сложностями методологического плана¹⁹. В самом общем и несколько схематизированном виде суть этих сложностей (а отчасти и противоречий) исследований ЭИ заключается в следующем. Чем в бóльшей степени в этих исследованиях соблюдаются правила и «каноны» экспериментального изучения, чем ближе они по своей организации к лабораторным, а условия их проведения – к упрощенным и искусственным (то есть созданным самим исследователем), тем сам предмет становится все более доступным изучению, а его результаты в бóльшей степени носят однозначный характер и допускают строгую верификацию. И напротив, чем «естественнее и экологичнее» условия изучения ЭИ (например, в ходе выполнения субъектом какой-либо реальной деятельности), тем более трудным становится исследование ЭИ; его строгое, контролируемое и верифицируемое изучение.

Данное положение можно сформулировать и несколько иначе. Чем в менее естественном и, следовательно, менее богатом содержанием и характеристиками «берется» предмет исследования (что имеет место в лабораторных условиях и в тестологических исследованиях), тем он доступнее самому изучению как таковому, отвечает принятым в науке нормам. Одновременно, чем в более естественном и, следовательно, более богатом содержанием и характеристиками виде он исследуется (что имеет место в эмпирических исследованиях ЭИ в контексте профессиональной деятельности, поведения, общения), тем он менее доступен изучению, а результаты последнего существенно менее точны, строгие, корректны и верифицируемы. Наконец, доводя эту мысль до логического завершения, можно сказать, что чем в большей степени *упрощается* и потому «огрубляется» предмет исследования, тем более точными и однозначными становятся его результаты. И наоборот, чем в большей степени он сохраняется в его *естественном* виде, тем менее точными и корректными, более неоднозначными становятся результаты его изучения.

---

¹⁹ Подчеркнем также, что важнейшими и включенными в деятельность и поведение являются коммуникативные процессы, процессы общения; в их реализации роль ЭИ также очень значима.

Следует особо подчеркнуть, что указанные трудности, характерные для очень многих предметов психологического исследования, пожалуй, в наибольшей степени проявляются по отношению именно к ЭИ (равно как и к изучению всей эмоциональной сферы личности в целом). Дело в том, что в «лабораторно-искусственных» условиях крайне трудно воссоздать реальный комплекс факторов, которые в естественных условиях детерминируют процессуальные и результативные характеристики ЭИ. Это – гораздо более сложная задача, чем, скажем, моделирование в эксперименте тех или иных когнитивных задач в целях исследования познавательных процессов. Другими словами, целенаправленное и контролируемое моделирование эмоций, воссоздание ситуаций включения в деятельность ЭИ – это гораздо более сложная методическая и даже методологическая задача по сравнению с подавляющим большинством иных предметов психологического исследования. В частности, именно поэтому данная область исследований разработана в экспериментальном плане существенно хуже многих иных областей, например, тех, которые связаны с раскрытием закономерностей когнитивных процессов в организации профессиональной деятельности. В этой связи совершенно закономерно, что известная проблема *экологической валидности* в этой области остра как, пожалуй, ни в какой иной (и в плане диагностики, и особенно в плане эмпирико-экспериментальных исследований, не говоря уже о корректности их результатов).

Есть основания считать, что наиболее конструктивным средством преодоления указанного противоречия может выступить комплексирование обоих отмеченных подходов (собственно экспериментального и деятельностного), точнее, *синтез* их положительных сторон и минимизации негативных сторон. Решению данной задачи может способствовать разработанная нами ранее и охарактеризованная выше *комплексная стратегия исследования метакогнитивных процессов в структуре профессиональной деятельности*, распространенная впоследствии и на иные метапроцессы, в частности на метарегулятивные. Как было показано в предыдущем параграфе, все основные категории метапроцессов обладают рядом общих атрибутивных психологических характе-

ристик, следовательно, данная стратегия (естественно, с известными модификациями) может и должна быть реализована по отношению к организации исследований ЭИ. Кратко ее сущность состоит в следующем.

Господствующей в настоящее время является, как известно, своего рода *«предметоцентристская парадигма»* разработки анализируемой здесь проблемы. Она, будучи оправданной и, более того, необходимой на определенных стадиях ее развития, должна быть, однако, дополнена, а затем и заменена иным способом исследования. Этот способ требует *синтеза* полученных на аналитическом этапе познания результатов и попытки разработки обобщающих концептуальных представлений. Но главное – он требует преобразования исходной парадигмы изучения (*«предметоцентрической»*) в иную – *«системоцентрическую»*, что в теоретическом отношении равнозначно смене аналитического подхода к ее изучению системным. Это предполагает исследование предмета (метакогнитивной регуляции деятельности и поведения) в контексте той целостности – метасистемы, в которую он реально включен и в которой содержатся онтологические основания его существования. Лишь в ней представлен весь комплекс его истинных характеристик, которые раскрывают уже не только его качественную определенность, но и качественные спецификации, что открывает возможность его более полного и адекватного познания. Такой способ, как уже отмечалось, требует реального, а не декларативного исследования метапроцессов в той системе, «в» и «для» которой они формируются и функционируют. Ей выступает психологическая система деятельности и поведения. Следовательно, наиболее адекватным методическим средством изучения метапроцессов в целом и метаэмоциональных процессов в частности является охарактеризованная выше *комплексная стратегия их исследования*.

Безусловно, мы отдаем отчет в том, что реализация данной стратегии по отношению к изучению ЭИ в ее *полном* объеме является чрезвычайно сложной и масштабной задачей. Это, естественно, не позволяет претендовать на ее полное воплощение в одном, отдельно взятом исследовании. Вместе с тем не менее важно и то, что данная стратегия задает *общую направленность*, опре-

деляет «ведущий вектор» изучения проблемы ЭИ, который и должен выступить в качестве методологического императива изучения данной проблемы. К этому положению мы возвратимся далее – при характеристике некоторых результатов, полученных в соответствии с ним.

Наряду с охарактеризованной выше основной, на наш взгляд, методологической трудностью разработки проблемы ЭИ в контексте целостной деятельности целесообразно отметить и еще ряд особенностей данной проблемы, учет которых также необходим при ее разработке.

Первое из них заключается в том, что проблема ЭИ, строго говоря, находится пока лишь на начальных стадиях своей разработки, в связи с чем даже ее базовый конструкт – понятие ЭИ – не только недостаточно определено, но и существуют заметные различия в его теоретической экспликации, в его дефинициях и трактовках. Это, конечно, отнюдь не способствует продуктивной разработке данной проблемы²⁰.

Второе положение состоит в принципиальных трудностях дифференциации ЭИ (и его проявлений, «индикаторов») от многих иных процессов, структур и образований, включенных в реализацию той или иной формы активности индивида. С особой остротой данная трудность дифференциации проявляется, конечно, в ходе изучения ЭИ в контексте целостной деятельности, реализующейся в естественных условиях (хотя, повторяем, именно в этой «естественности и целостности» ЭИ представлен наиболее полно и многомерно).

Третье положение, также затрудняющее изучение проблемы ЭИ в структуре деятельности, обусловлено тем известным фактом, что эмоциональные процессы *в принципе* не имеют своего собственного, специфического им «конечного результата», не

---

²⁰ Данное обстоятельство уже было отмечено выше. Одним из его проявлений выступает, например, либо включение ЭИ в социальный интеллект, либо даже их отождествление. Другое еще более «экстремистское» проявление состоит в отрицании самостоятельности психологического статуса у ЭИ.

приводят сами по себе к какому-либо итоговому эффекту²¹. Следовательно, и эмоциональные, и метаэмоциональные процессы, и ЭИ как способность возможно изучать лишь опосредствованно, в комплексе с другими деятельностными и поведенческими, а также общенческими «индикаторами», а еще точнее, – *через* них.

Четвертое положение, которое также необходимо учитывать при постановке и изучении проблемы ЭИ в контексте целостной профессиональной деятельности, может быть сформулировано следующим образом. Практически весь накопленный к настоящему времени опыт изучения ЭИ (анализ которого представлен 1-й и 2-й главах данной работы), а также наши данные [63, 72, 111, 112] достаточно убедительно свидетельствуют о том, что его функциональная роль существенно более выражена в тех видах профессиональной деятельности, которые относятся к классу *субъект-субъектных* деятельностей. По отношению к другому основному классу, к классу «субъект-объектных» деятельностей, функциональная роль ЭИ значимо ниже или же вообще обнаруживается в достаточно невыраженной форме. И это вполне естественно, поскольку наиболее эмоциогенные детерминанты профессиональной деятельности соотносятся прежде всего с *межличностными отношениями*, с феноменами возложения и принятия ответственности, которые также атрибутивно связаны с интериндивидуальными взаимодействиями (причем, как правило, иерархического типа). Кроме того, в составе класса субъект-субъектных деятельностей весьма отчетливо выделяется такой ее вид (точнее, тип), в котором функциональная роль ЭИ наиболее значима. Это, разумеется, *управленческая*, организационная деятельность. Данное обстоятельство будет подробно рассмотрено как в теоретическом, так и особенно в эмпирическом планах, в главе 4. Пока же подчеркнем, что именно управленческая дея-

---

²¹ И в этом плане данные процессы сходны с процессами внимания, которые сами по себе в принципе не имеют собственного конечного результата, а влияют на иные процессы, которые, в отличие от них, такой результат имеют.

тельность – это наиболее адекватный «полигон» для экологически валидного изучения ЭИ.

Сущность пятого положения заключается в отчетливо представленной диспропорции между уже отмеченными *общими* декларациями относительно важности ЭИ для реализации профессиональной деятельности и крайне малым количеством *конкретных* данных, обосновывающих эту важность, а тем более вскрывающих конкретные закономерности его влияния на процессуальные и результативные характеристики профессиональной деятельности. С одной стороны, данную особенность следует понимать как своего рода «болезнь роста», как следствие небогатой пока истории развития данной проблемы, а с другой – как конкретное указание на то, в каком именно направлении ее следует разрабатывать. Это направление как раз и предполагает изучение ЭИ в структуре целостных деятельностных и поведенческих контекстов.

И, наконец, еще одно (шестое) положение носит, так сказать, «предметно-неспецифический» характер и конкретизирует по отношению к проблеме ЭИ одну из наиболее общих гносеологических закономерностей. Данная закономерность в принципе давно и хорошо известна; она была подробно проанализирована К. Шенноном, а ее суть заключается в следующем. Практически любое *новое крупное* научное направление, любая принципиально новая проблема подчиняется так называемому «трехфазному закону» своей эволюции. Первая фаза характеризуется, как правило, выраженным негативизмом по отношению к ним, их активным неприятием научным сообществом (именно в силу их принципиальной новизны и «неукладываемости» в традиционные рамки). Вторая фаза, напротив, характеризуется большим (а часто и чрезмерным, не вполне обоснованным и некритичным) оптимизмом в отношении потенциальных возможностей того или иного нового направления, перспектив получения «революционных» результатов при разработке данных проблем или направлений. И, наконец, на третьей фазе преодолеваются, так сказать, «снимаются» крайности первых двух фаз (гипертрофированного негативизма и не вполне обоснованного оптимизма); достигается

трезвая, реальная оценка возможностей и перспектив того или иного нового направления, новой научной проблемы.

Поскольку данная закономерность носит общий характер, можно предположить, что и развитие проблемы ЭИ в целом также подчиняется ей. Действительно, первая фаза ее разработки, сопровождавшаяся достаточно активным сопротивлением самому понятию ЭИ, по-видимому, уже ушла в прошлое. Вместе с тем пока еще данная проблема не достигла наиболее адекватной – третьей фазы. Об том свидетельствует, в частности, тот (уже отмечавшийся выше) факт, что в настоящее время имеет место явная диспропорция общих деклараций и окрашенных в тона гипертрофированного энтузиазма утверждений о «значимости и важности ЭИ» с крайне малым количеством конкретных исследований, подтверждающих и раскрывающих его.

Методологическая рефлексия указанного «трехфазного закона» по отношению к проблеме ЭИ имеет, по нашему мнению, двоякое значение. Она позволяет уяснить, осознать и реализовать общую логику ее развития, как в ретроспективном, так и в перспективном планах. В то же время, она со всей убедительностью показывает, что одна из ключевых задач разработки данной проблемы в ее современном состоянии выступает по возможности более быстрый переход от второй из отмеченных фаз к третьей, а для этого – концентрация исследований на создании *эмпирического базиса* данного направления, на поиске и интерпретации *конкретных* закономерностей взаимосвязи и взаимодействия ЭИ с деятельностью, поведением, общением.

Кроме того, нахождение данной проблемы пока лишь на второй из отмеченных фаз обязывает адекватно оценить существующие сегодня возможности разработки *целостных* и концептуально завершенных представлений о функциональной роли ЭИ в организации деятельности. Это пока вряд ли возможно: для разработки такого рода представлений еще не содержатся «внутренние предпосылки» (термин С.Л. Рубинштейна), не накоплен достаточный эмпирический и экспериментальный материал, позволяющий эффективно решить данную задачу. По-видимому, можно сказать и более категорично: при современном уровне разработанности данной проблемы «сочинение» каких-либо кон-

цепций является не только непродуктивным, но и контрпродуктивным²². Речь пока может идти не о «целостной концепции ЭИ в деятельности», а лишь о более или менее обобщенных *концептуальных фрагментах*, которые, однако, впоследствии могут и в перспективе *должны* быть синтезированы в обобщающую концепцию ЭИ.

Руководствуясь всеми отмеченными выше обстоятельствами (и особенно последним из них), мы считаем необходимым подчеркнуть следующее. Все представленные ниже материалы необходимо рассматривать именно как результаты, носящие предварительный характер; как некоторые «парциальные вклады» в разработку данной проблемы по направлению ее эволюции к третьей, собственно теоретической фазе развития. Кроме того, некоторые из представленных данных носят по необходимости предположительный характер, задавая возможные направления разработки проблемы «ЭИ и деятельность». Наконец, отметим также, что в заключительной главе этой работы будут представлены собственно эмпирические и экспериментальные данные по ней, раскрывающие уже существенно более конкретные закономерности функциональной роли ЭИ в организации деятельности. Те материалы, которые будут представлены в данной главе, носят в основном более *обобщенный* характер и структурированы следующим образом. Вначале рассматривается взаимосвязь ЭИ с *результативными* параметрами деятельности. Затем эта же связь анализируется по отношению к ее *процессуальным* характеристикам. И, наконец, в заключение будут рассмотрены некоторые собственно *теоретические* аспекты общей проблемы «ЭИ и деятельность», непосредственно связанные со сформулированным нами методологическим подходом к раскрытию психологической природы ЭИ и тех *процессуальных* и *операционных* средств, которые, в конечном счете, его обеспечивают. Напомним также, что большинство материалов получено, как уже отмечалось, при исследо-

---

²² В этом плане вполне применимо известное высказывание Б.Ф. Ломова, согласно которому «ни в один вопрос не следует вносить преждевременную ясность».

вании одного из наиболее показательных и репрезентативных видов деятельности субъект-субъектного типа – управленческой.

2.2.2. Функциональная роль эмоционального интеллекта в организации профессиональной деятельности

Так, обращаясь к первому из отмеченных аспектов рассмотрения (результативному) следует учитывать одно из наиболее традиционных положений психологии труда, организационной и общей психологии. Оно заключается в том, что по отношению к психологическому анализу деятельности те или иные индивидуальные качества, свойства, способности, черты обычно рассматриваются сквозь «призму» понятия *профессионально-важных качеств (ПВК)*. Оно включает в себя различные виды и типы ПВК (например, абсолютные и относительные, базовые и ведущие, компенсируемые и некомпенсируемые, собственно ПВК и «анти-ПВК» и мн. др.), а их подробная характеристика представлена, например, в [152]. В связи с этой традицией, прежде всего, возникает главный вопрос: является ли ЭИ профессионально-важным качеством для управленческой деятельности? В более общем плане этот же вопрос можно сформулировать так: каким образом связан и связан ли вообще ЭИ с результативными параметрами управленческой деятельности?²³

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос и используя в этих целях литературные данные, а также наши собственные результаты, необходимо прежде всего отметить следующее обстоятельство. Большинство этих данных носит достаточно неоднозначный и даже противоречивый характер. В одних исследованиях показана значимая положительная связь ЭИ с результативными параметрами управленческой деятельности; в других

---

²³ Напомним, что конкретные эмпирические исследования данного вопроса представлены в главе 4. Здесь же данный вопрос будет рассмотрен в основном в более обобщенном виде, хотя и с привлечением некоторых конкретных результатов.

исследованиях эта связь ставится под сомнение или вообще не обнаруживается. Существуют исследования, в которых эта связь не отрицается, но характер ее проявления ставится в зависимость от ряда дополнительных и часто более сильных, нежели ЭИ, факторов. Тем не менее если обобщить всю совокупность существующих данных и попытаться определить своего рода «равнодействующую» связи ЭИ и деятельности, то можно сформулировать следующие положения относительно ее характера.

1. В целом большинство исследований, носящих в основном описательный и профессиографический характер, показывает наличие *значимой положительной* связи между уровнем развития ЭИ и результативными параметрами управленческой деятельности (см. обзор в [111]). Следовательно, и предположение о том, что ЭИ действительно является ПВК по отношению к этой деятельности, в общем виде получает свое подтверждение. Однако подчеркнем – лишь в *общем*, а нередко и просто на уровне *тенденции*. Очень показательным в этом плане, то есть в плане обобщенного характера данной зависимости, и то, что указанная связь обнаруживается, во-первых, на достаточно *больших* выборках и, во-вторых, на выборках, характеризующихся *гетерогенностью* своего состава (включающих руководителей, различающихся по многим параметрам – «рангу», стажу, полу, управленческим стилям и др.).

2. Очень показательной закономерностью является то, что указанная выше общая зависимость эффективности управленческой деятельности от уровня развития ЭИ при расслоении выборки по тем или иным критериям может принимать вид, отличный от констатированного выше. Другими словами, она имеет свойство *диверсифицированности*. Это свойство, как известно, в наиболее отчетливом виде проявляется по отношению к связи результативных параметров деятельности с *наиболее сложными* индивидуальными качествами, свойствами, способностями, к каковым относится и ЭИ. Такого рода свойства и качества (именно в силу их сложности и комплексного характера) являются отнюдь не «унитарными образованиями», а образованиями, имеющими свою собственную, достаточно *сложную структуру* и включающими ряд соорганизованных «парциальных «составляющих», компонен-

тов. Каждый из них может быть связан с результативными параметрами деятельности по-разному. Под влиянием ситуационной, а также иной детерминации на первый план могут выходить те или иные из этих «парциальных» составляющих общего свойства ЭИ, что и обуславливает указанную диверсифицированность его зависимости с результативными параметрами деятельности.

3. Другим и также достаточно явным результатом, представленным как в литературных данных, так и вытекающих из наших исследований, выступает опять-таки диверсифицированная зависимость результативных параметров управленческой деятельности от уровня развития ЭИ, но по совершенно *иному критерию*. Это уже не, так сказать, «субъективный критерий», связанный с собственными особенностями личностной организации, а «объективный критерий», связанный с «внешне-организационными» факторами деятельности. Поясним сказанное на одном из примеров. Общеизвестно, что управленческая деятельность в целом дифференцируется на три существенно разных типа в зависимости от «ранга» осуществляющего ее субъекта, от его иерархического места в системе управления организацией. Это так называемые руководители низшего, среднего и высшего уровня. В ряде случаев производится и более детальная дифференциация, затрагивающая в основном средний уровень руководства. Полученные нами данные свидетельствуют (правда, пока в предварительном плане), что *тип* зависимости эффективности управленческой деятельности от степени развития ЭИ различен на этих уровнях.

Так, на иерархически высшем уровне управления (уровне «топ-менеджеров») данная зависимость носит, как правило, характер так называемой «инвертированной U-образной кривой», то есть подчиняется «закону оптимума». Это означает, что наибольшей эффективностью деятельности характеризуются руководители не с низким уровнем ЭИ, но и не с наибольшим (по выборке) – максимальным – уровнем развития ЭИ, а руководители, имеющие, хотя и достаточно высокий, но все же некоторый «промежуточный» уровень его развития. При этом данная «куполообразная» кривая несколько смещена вправо по оси абсцисс (то есть по степени развития ЭИ). Следовательно, в отношении зависимости эффективности управленческой деятельности от уровня

развития ЭИ у топ-менеджеров имеет место эффект «правого смещения», противоположный эффекту «левого смещения», установленного для стандартного IQ: максимальная эффективность управленческой деятельности соотносится не со средними значениями «аргумента» (степени ЭИ), а со значениями несколько *выше среднего* (но, повторяем, не с максимальными его значениями). Для руководителей среднего звена («милд-менеджеры») наблюдается существенно иная зависимость – уже не «типа оптимума», а «*типа максимума*». Она означает, что для них имеет место кумулятивное, приближающееся к линейному возрастание эффективности деятельности при увеличении уровня ЭИ. По отношению к руководителям низшего звена в управлении какой-либо устойчивой, стабильной, систематически воспроизводимой зависимости между уровнем развития ЭИ и эффективностью управленческой деятельности *не было обнаружено*.

Таким образом, обобщая все эти данные, можно заключить, что связь эффективности управленческой деятельности со степенью развития ЭИ является не абсолютной, а *уровнево-относительной*, то есть существенно зависит от того *уровня* управления, на котором реализуется сама деятельность. Это, в свою очередь, объясняет диверсифицированность данной зависимости по «объективному», внешнему критерию. Кроме того, есть основания предполагать, что рассмотренный критерий диверсифицированности не является единственным; напротив, очень вероятно существование и иных критериев как внешнего, так и внутреннего порядков. Так, по предварительно полученным нами данным, эта зависимость опосредствуется и тем управленческим *стилем*, который реализует в своей деятельности руководитель. Она наиболее выражена по отношению к коллегиальному и партисипативному стилям, а наименее – для директивного и, тем более, автократического стиля. Следовательно, данная зависимость обладает и свойством «*стилевой относительности*».

4. При изучении детерминационного влияния уровня ЭИ на результативные параметры управленческой деятельности (прежде всего на ее эффективность) со всей рельефностью выявляется следующее достаточно значимое, на наш взгляд, обстоятельство. Оно обычно не становится предметом специального анализа в со-

ответствующей литературе, хотя остро ощущается как исследователями, так и особенно практиками в сфере управления. Дело в том, что в психологической литературе (причем не только в отечественной, но и в зарубежной) сложилась традиция дифференцировки особого, качественно специфического типа деятельности – управленческой. При этом, однако, гораздо больший акцент делается именно на *качественной специфичности* управленческой деятельности по отношению к *иным* типам, видам, классам профессиональной деятельности, чем на том (не менее важном) факте, что и сама управленческая деятельность внутренне *гетерогенна* и в этом плане глубоко различна. Причем различия в видах и типах управленческой деятельности не только глубоки, но и *множественны*: она может дифференцироваться по «рангу» в иерархической структуре организации, по предметному содержанию (по так называемой «операционной составляющей»), по функциональной направленности и задачам, да и просто – по числу подчиненных («руководимых индивидов») и мн. др. Эти различия, повторяем, глубоки, множественны и принципиальны, причем настолько, что об «управленческой деятельности» можно говорить скорее как о *собирательном* термине, предполагающем обязательную внутреннюю дифференциацию и конкретизацию; представления же о ней как о некотором унитарном образовании – это явное преувеличение, точнее, удобная в исследовательских целях абстракция и идеализация. Поэтому одной из общих закономерностей взаимосвязи эффективности управленческой деятельности и уровня развития ЭИ является ее зависимость, опосредствованность *конкретным* видом и типом самой этой деятельности, ее статусными, режимными, организационными и многими иными факторами и детерминантами.

5. Наряду с этим существуют и некоторые данные (также нуждающиеся, правда, в углублении и детализации), свидетельствующие о еще одном параметре, диверсифицирующем зависимость эффективности управленческой деятельности от уровня развития ЭИ. Это, разумеется, различия, обнаруживаемые по *половому* признаку между мужчинами-руководителями и женщинами-руководителями. Считается, что теснота связи эффективности деятельности и ЭИ у женщин выше, нежели у мужчин (при-

близительно на 20 – 25% [224]). Правда, до сих пор остается открытым весьма интересный в теоретическом плане вопрос: *чем именно* обусловлена бóльшая выраженность связи указанных параметров у женщин по сравнению с мужчинами – либо более *сильным собственным* детерминационным влиянием ЭИ на деятельность у женщин (и, не исключено, их более высоким ЭИ, что является экспериментально установленным фактом), либо сравнительно *меньшим* детерминационным воздействием у них ряда иных факторов (например, «обычного» интеллекта)?

6. Наконец, среди своего рода «результативных феноменов», то есть зависимостей, связывающих уровень развития ЭИ с результативными параметрами управленческой деятельности, прежде всего, с ее эффективностью, необходимо отметить еще один полученный нами факт. Его общий смысл заключается в том, что на *разных этапах профессионализации* (и соответственно стажа, степени компетентности, «опытности») субъекта управленческой деятельности эта связь не остается неизменной. Напротив, прослеживается вполне стабильная тенденция к ее изменениям, общий «вектор» которых состоит в *усилении* значимости данной связи. Другими словами, степень профессионализации субъекта управленческой деятельности выступает, по-видимому, фактором, фасилитирующим данную связь, своего рода «катализатором» детерминационного влияния ЭИ на результативные параметры управленческой деятельности. При этом необходимо, правда, сделать следующую оговорку. Дело в том, что указанная связь рассмотрена к настоящему времени по отношению не ко всему диапазону профессионализации субъекта: практически неизученными остаются так называемые «предельные степени» профессионализации, соотносящиеся с пожилым и преклонным возрастом. Есть, однако, основания полагать, что именно на этом интервале профессионализации указанная связь будет ослабевать. Тем самым *общая* зависимость влияния ЭИ на эффективность управленческой деятельности от степени профессионализации также должна иметь характер «закона оптимума». Его наличие означает также, что сама эта зависимость является не абсолютной, а профессионально-генетически *относительной*.

7. Что касается данных относительно влияния уровня развития ЭИ на процессуальные характеристики управленческой деятельности, а также на ее отдельные компоненты, в частности на «функциональные блоки» психологической системы управленческой деятельности, то они еще более неоднозначны, противоречивы и, к сожалению, пока еще весьма фрагментарны. Этот вопрос требует дополнительных специальных исследований, в силу чего он составит предмет нашего специального анализа в главе 4. Пока же зафиксируем те немногие данные, которые установлены к настоящему времени.

Так, общеизвестно, что ключевым, центральным и во многом определяющим компонентом управленческой деятельности являются *процессы принятия решения*. По нашим данным, общая направленность влияния ЭИ на эти процессы заключается в том, что он обуславливает возрастание их «когнитивной сложности», повышение «размерности пространства субъективного выбора». Это проявляется, в частности, в том, что при росте ЭИ возрастает число альтернатив выбора, расширяется его информационная основа, увеличивается число критериев выбора, расширяется «репертуар» стратегий и способов подготовки и принятия решения и др. При этом следует подчеркнуть, что (вопреки традиционным представлениям) такое возрастание «когнитивной сложности» отнюдь не всегда выступает позитивным фактором эффективности управленческих решений. В силу этого, как правило, не наблюдается устойчивой и стабильной позитивной связи между уровнем развития ЭИ и эффективностью процессов управленческих решений.

Далее, в ходе исследований было показано, что с возрастанием ЭИ значимо расширяется «репертуар» *коммуникативных стратегий*, используемых руководителем в своей деятельности. Вместе с тем аналогичного значимого позитивного влияния ЭИ на широту «репертуара» собственно *деятельностных стратегий* не обнаружено. Тем самым вновь выявляется одна из наиболее показательных особенностей детерминационного воздействия ЭИ на параметры управленческой деятельности – их опосредствованный характер. ЭИ фасилитирует формирование «репертуара» коммуникативных стратегий (а их значимость именно для управ-

ленческой деятельности очевидна) и *через него*, то есть опосредствованно, воздействует на результативные параметры самой деятельности.

8. Следует отметить также, что исследования ЭИ в настоящее время не ограничиваются лишь сферой профессиональной и, тем более, только управленческой деятельности. Имеются также экспериментально полученные доказательства его детерминационной роли и по отношению к иным сферам и формам активности личности. Так, исследование М. Брэккетта, Дж. Майера и Р. Уорнер, посвященное взаимосвязи ЭИ и поведения, проводилось на выборке студентов [165]. Выявлено, что женщины обладают более высоким ЭИ, чем мужчины. Однако у мужчин ЭИ обладает бóльшей предсказательной силой по отношению к критериям так называемого «жизненного пространства», чем у женщин. Мужчины с более низким ЭИ, склонны к негативному поведению, включая употребление наркотиков и алкоголя, девиантное поведение, неумение построить конструктивные отношения с друзьями.

Наряду с этим показано, что ЭИ значимо коррелирует с оценками академической успеваемости (от $r=0,20$ до $r=0,25$) (Ashkanasy & Dasborough, 2003; Lam & Kirby, 2002). Студенты, характеризующиеся как «академически одаренные», получили более высокие баллы по тесту на ЭИ, чем их менее одаренные сокурсники (Zeidner & Shani-Zinovich, 2003).

Еще одним фактом является обнаружение отрицательной корреляции между агрессией и уровнем ЭИ ($r = - 0,45$) у школьников (Rubin, 1999). У детей и подростков ЭИ положительно коррелирует с хорошими социальными отношениями и негативно коррелирует с социальной девиантностью в школе и вне ее. У взрослых более высокий ЭИ ведет к повышению социальной компетентности и снижению использования деструктивных межличностных стратегий. Lopes et al. обнаружили, что более высокие баллы по субшкале «регуляция эмоций» студентов вузов положительно связаны с качеством взаимодействия с друзьями. Студенты, набравшие высокие баллы по субшкале «регуляция эмоций», получают положительные оценки лиц противоположного пола. Была также установлена взаимосвязь ЭИ с социальной чувствительностью и качеством взаимодействия ($r = - 0,40$). Ис-

пытуемые с высоким ЭИ воспринимаются другими как более приятные в общении, более сопереживающие и чуткие.

При изучении «организационного поведения» было обнаружено, что подчиненные значимо высоко ценят наличие высокого ЭИ своих руководителей [63, 112]. Выявлена положительная взаимосвязь между аспектами лояльности работников и уровнем ЭИ их начальников. ЭИ коррелирует с положительными результатами работы и успешными итогами переговоров. Наконец, следует отметить, что ЭИ значимо коррелирует с более высокой удовлетворенностью жизнью, самооценкой и низким уровнем депрессии.

9. Переходя от эмпирико-экспериментального аспекта взаимосвязи ЭИ и характеристик профессиональной деятельности к собственно *теоретическому* аспекту, можно сформулировать следующие положения обобщающего плана, которые, однако, нуждаются в дальнейшей детализации. В 2.1.1. нами была обоснована необходимость перехода исследования феномена ЭИ от исходной и традиционной – «структурно-морфологической» – парадигмы к иной парадигме, «процессуально-операционной». Она, конечно, отнюдь «не отменяет» и не отрицает первую, а дополняет и углубляет ее, поскольку требует анализа тех конкретных процессуально-психологических средств и операций, которые в конечном счете обуславливают определенные «итоговые эффекты», фиксируемые в уровневых характеристиках ЭИ. Это, как мы уже отмечали, не только полностью согласуется с наиболее перспективным и конструктивным подходом к разработке проблемы способностей – функционально-генетическим, но и в определенной степени развивает ее, расширяет сферу его действия на столь специфический феномен, каковым выступает ЭИ (рассмотренный с позиций именно категории способностей).

В результате реализации такого подхода со всей очевидностью предстает то важнейшее, по нашему мнению, обстоятельство, что операционный состав ЭИ может быть адекватно и достаточно полно раскрыт и объяснен лишь на основе привлечения современных данных относительно особого класса процессуально-психологических образований, обозначаемого как *метапроцессы*. И ЭИ в целом, и каждая его «парциальная» составляющая даже

этимологически, не говоря уже о содержательной стороне дела, по определению являются не «моно»-, а «полипроцессуальными» сущностями, поскольку синтезируют в себе, как минимум, два класса психических процессов – эмоциональные и когнитивные. В результате такого синтеза формируются процессы «второго порядка», «вторичные» процессы. В структуре процессуально-психологического обеспечения ЭИ имеет место, однако, не только синтез когнитивных и эмоциональных процессов, хотя он, по-видимому, выступает все же основным для его обеспечения. Складываются и иные «паттерны» «первичных» процессов, состав и структура которых представлены в табл. 2. Это – и метакогнитивные, и метарегулятивные, и метамотивационные, и (что следует подчеркнуть особо) метаэмоциональные процессы. Все они, являясь процессами «второго порядка», предполагают синтез различных классов «первичных» процессов, а потому объективно включают в свое содержание собственно эмоциональные компоненты, эмоциональные процессы, но взятые не «сами по себе», не, так сказать, «по отдельности», а в закономерном сочетании и в определенной соорганизации с иными классами психических процессов.

Вся совокупность метапроцессов (включающая и метаэмоциональные процессы) локализуется на качественно специфическом уровне общей иерархической организации системы психических процессов, обозначенном нами как субсистемный уровень. Он «возвышается» над уровнем «первичных» процессов, поскольку образован продуктами их синтеза – «вторичными» процессами. Проведенные нами исследования показали, что детерминация результативных и процессуальных характеристик профессиональной деятельности может и должна быть, исходя из этого, дифференцирована на два основных типа, уровня. С одной стороны, это, естественно, детерминация традиционно выделяемыми психическими процессами и соответствующими им способностями (то есть со стороны «первичных» процессов). С другой стороны, это детерминация «вторичными» процессами – метапроцессами, одним из классов которых как раз и выступают метаэмоциональные процессы. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: какой из этих двух типов детерминации является более сильным и стабильным? Проводимые на протяже-

нии последнего времени исследования систематически свидетельствуют в пользу того, что не менее сильной, стабильной и закономерной является детерминация результативных и процессуальных характеристик профессиональной деятельности именно со стороны метапроцессов (наряду с детерминацией со стороны «первичных» процессов) [63, 111, 112]. Одним из проявлений этого как раз и выступает та – вначале установленная эмпирически, а затем проинтерпретированная теоретически – значимая детерминация результативных и процессуальных характеристик профессиональной деятельности (в особенности управленческой), которая находит свое выражение во влиянии на них ЭИ как интегративного эффекта специфических метапроцессуальных образований.

Однако общая детерминация результативных параметров и стратегических характеристик профессиональной деятельности со стороны процессуально-психологического обеспечения никак не может быть сведена *только к одному* из уровней системы психических процессов – к уровню «первичных» процессов и соотносящимся с ними частными, специальными способностями, дифференцированными в функционально-генетической парадигме. Эта общая детерминация обязательно предполагает и включение в свой состав также воздействия на деятельность со стороны «вторичных» процессов (метапроцессов). Именно они и составляют «процессуальное ядро» ЭИ, что обнаруживается в эмпирически значимых эффектах влияния последнего на профессиональную деятельность. На «языке» теории систем можно сказать и так: система детерминирует результаты своего функционирования не только (а не исключено – не столько) «вкладами» в него отдельных *компонентов*, сколько «вкладами» тех *синтезов*, паттернов компонентов, которые локализованы на субсистемном уровне ее организации. Игнорировать (так сказать, «проскакивать») субсистемный уровень организации психических процессов, на котором локализованы метапроцессы в целом и метаэмоциональные процессы в частности, неконструктивно практически и некорректно теоретически. Избежать этого как раз и позволяет обращение к категории метапроцессов как процессуальной основы для функционирования ЭИ.

Вместе с тем, констатируя это – значимое, на наш взгляд, положение теоретического плана, необходимо отдавать отчет и в том, что *реальная* картина процессуально-психологической детерминации профессиональной деятельности оказывается, в действительности, еще более сложной. Это объясняется следующим. Метапроцессы, локализованные, согласно развитым в 2.2.2. представлениям, на *субсистемном* уровне организации психических процессов, обладают, конечно, существенно большей степенью синтетичности и комплексности, а значит, и большей степенью приближения к реальной онтологии *единого* по своей сути процессуального обеспечения деятельности. Однако необходимо помнить, что субсистемный уровень и соответственно локализованные на нем метапроцессы – это все же не высший и, следовательно, не наиболее обобщенный уровень целостной организации всей системы психических процессов. «Над ним» надстраивается качественно иной уровень их организации, обозначенный нами как общесистемный. Он является продуктом *интеграции* процессуальных образований субсистемного уровня – метапроцессов. В этой связи необходимо подчеркнуть также, что любая система (в том числе, разумеется, и система психических процессов) интегрируется в целостность отнюдь не на основе синтеза своих компонентов *непосредственно*, а на основе синтеза определенных подсистем, которые, в свою очередь, уже непосредственно синтезируют в себе отдельные компоненты. Этими подсистемами (субсистемами) по отношению к общей организации психических процессов выступают метапроцессы, являющиеся, как показано выше, синтезами, паттернами «первичных» психических процессов, то есть отдельных компонентов этой системы.

Таким образом, можно видеть, что и метапроцессы, будучи, конечно, синтетическими образованиями (однако в еще более общем плане) должны быть рассмотрены как также «аналитические» процессы, но дифференцирующиеся на качественно ином *уровне* общей системы всех психических процессов. Поэтому и они подвержены закономерной интеграции в рамках общесистемного уровня организации психических процессов, образуя совокупность «третичных» психических процессов. И, разумеется, наиболее несомненным и традиционным теоретическим конст-

руктом для характеристики такого рода процессов является понятие *рефлексивных процессов*, рефлексии как таковой. Итак, логика развертывания сформулированного выше процессуально-операционного подхода к интерпретации ЭИ приводит к необходимости включения в сферу анализа категории рефлексии, к попытке установления возможных связей ЭИ и рефлексивных процессов.

Констатируя данное обстоятельство, необходимо учитывать уже отмеченное ранее положение, согласно которому одним из наиболее трудных и острых вопросов, возникающих при разработке проблемы ЭИ, является вопрос о его дифференциации от многих иных предметов психологического изучения, в частности, от общего интеллекта, от «эмоциональности личности» и др., а также о тех «демаркационных линиях» и критериях, которые позволяют провести такую дифференциацию. Именно этот вопрос является одним из наиболее актуальных в плане анализа связей и отношений между ЭИ и рефлексивностью как интегральным психическим свойством личности. Действительно, рефлексивность, равно как и ЭИ, многолика и многогранна, полиморфна и разнокачественна, а «сфера пересечения» тех реальностей, которые обозначаются указанными понятиями, достаточно существенна и очевидна, что, собственно, и порождает проблему их «демаркации», с одной стороны, и определения их соотношений, с другой.

В плане решения данной проблемы нами было предпринято специальное исследование; при его планировании и организации мы базировались на разработанной ранее обобщающей психологической концепции рефлексивной регуляции деятельности [70]. Поскольку данная концепция достаточно подробно освещена в соответствующих работах (см., например, [67, 70]), то отметим лишь то положение, которое в наибольшей степени может содействовать разработке указанной проблемы.

Оно заключается в том, что с позиций данного подхода рефлексивность трактуется не как «унитарное и гомогенное» психическое свойство (пусть даже и максимально обобщенное, интегративное), а как свойство *принципиально гетерогенное*, выступающее итоговым (результативным) эффектом целой совокуп-

ности, точнее, системы специфических процессов, то есть итогом *полипроцессуального* обеспечения. Базовыми процессуальными компонентами, интеграция которых и репрезентируется субъектом как феноменология рефлексивных процессов, а в конечном итоге как атрибут осознаваемости выступают основные метапроцессы, рассмотренные выше. Учитывая это, обратим также внимание на принципиальную гетерогению самого класса метапроцессов, включающего наряду с традиционно изучающимися – метакогнитивными процессами, также и метарегулятивные, метамотивационные и метаэмоциональные процессы (а не исключено, что и иные, неизвестные пока классы метапроцессов).

Одним из экспериментальных результатов, полученных при реализации такого подхода, является доказательство существования у рефлексивности свойства *парциальности*. В общем виде оно означает, что у одного и того же индивида отдельные метапроцессуальные компоненты могут быть представлены с существенно разной степенью выраженности. Наиболее отчетливо данное свойство проявляется при сравнении уровня развития двух базовых форм рефлексии, обозначенных нами как *когнитивная* и *регулятивная* рефлексия [70]. Первая из них очень близка к традиционной трактовке данного свойства и состоит в его понимании как репрезентации психики самой себе, как ее саморепрезентации, что, в свою очередь, зафиксировано в различных терминах (например, самоанализ, самопонимание и др.). Вторая форма дифференцируется по вполне четкому критерию – критерию *направленности*: она ориентирована преимущественно уже не на «внутреннее содержание», а на самоконтроль за *внешней* активностью индивида (деятельностной, поведенческой, общенческой и любой иной). В этом плане регулятивная рефлексия очень близка к более традиционному понятию «осознаваемой регуляции деятельности и поведения» [103]. Очень показательно и то, что к аналогичной дифференциации и выделению аналогов регулятивной рефлексии привела также эволюция представлений в русле современного метакогнитивизма, что зафиксировано, в частности, в таких теоретических конструктах, как «метакогнитивный мониторинг деятельности», «метакогнитивная включенность в деятельность» и др. Кроме того, в рамках этого же направления

сама регулятивно-направленная рефлексия также дифференцируется на ряд подвидов (в частности, выделяется так называемая «социорефлексия», регулирующая межличностные взаимодействия по [72]).

Руководствуясь этими положениями, мы провели корреляционный анализ сравнительной степени развития ЭИ с двумя этими различными видами рефлексивности. Полученные результаты позволяют сделать следующие заключения. Во-первых, корреляция ЭИ с *общей* рефлексивностью (как суперпозицией когнитивной и регулятивной рефлексивности) является, хотя и значимой, но достаточно умеренной ($\alpha=0,80$). Во-вторых, между когнитивной рефлексивностью и уровнем развития ЭИ значимой корреляционной связи не было выявлено. Вместе с тем, несмотря на то что такой непосредственной связи не обнаружено, между указанными свойствами выявляются значимые *взаимодетерминационные* отношения, которые позволяют обнаружить нахождение коэффициента «корреляционного отношения» η^2 [36], что означает, что ЭИ, с одной стороны, является значимой детерминантой когнитивной рефлексивности; с другой стороны, сама когнитивная рефлексивность также в определенной степени является детерминантой, стимулирующей развитие ЭИ. В-третьих, наиболее значимая и стабильная связь обнаружена между регулятивной рефлексивностью и уровнем развития ЭИ. Кроме того, между ними существует и статистически значимый коэффициент корреляционного отношения. Все это означает, что ЭИ связан прежде всего именно с регулятивной рефлексивностью и что между ними существуют отношения взаимодетерминационного типа. Об этом свидетельствует также и значимый коэффициент «корреляционного отношения» (η^2). Известно, однако, что такого рода отношения выступают основой для формирования *синергетических* эффектов между взаимодействующими компонентами. Другими словами, регулятивная рефлексивность стимулирует развитие ЭИ, а он, в свою очередь, также способствует формированию регулятивной рефлексивности. В-четвертых, даже на фоне значимой связи регулятивной рефлексивности и ЭИ выделяется связь последнего с так называемой *социорефлексивностью* (данный термин введен М. Грантом). Это означает, что ЭИ, играя действи-

тельно важную роль в рефлексивном мониторинге деятельности *в целом*, в еще большей степени реализует эту роль в отношении мониторинга и регуляции *межличностных* взаимодействий, атрибутивно включенных в осуществление деятельности «субъект-субъектного» типа и в особенности управленческой.

10. Продуктивность сформулированного выше процессуального, точнее, структурно-полипроцессуального подхода к исследованию содержания механизмов, обеспечивающих ЭИ, достаточно отчетливо проявляется (а одновременно сам он подтверждается) и в еще одном плане, имеющем уже в бóльшей степени собственно теоретический характер. Так, в целом ряде предыдущих работ нами была обоснована необходимость существенной трансформации современных теоретических представлений о структурно-уровневой и структурно-функциональной организации деятельности и в этих целях была сформулирована обобщающая психологическая концепция деятельности [69, 70]. Она в значительно мёньшей степени симплифицирует ту реальность, которая обозначается категорией деятельности и представлена в классическом, «каноническом» варианте теории деятельности (например, в «трехуровневой теории деятельности» А.Н. Леонтьева [88, 89]). Одновременно она в бóльшей степени позволяет приблизиться к реальной многомерности, комплексности и полиморфности системы деятельности, особенно явно представленных в наиболее сложных видах профессиональной деятельности – субъект-субъектных (на материале изучения которых она в основном и была разработана). Поскольку данная концепция уже многократно излагалась и обсуждалась в литературе, то здесь нет необходимости подробно останавливаться на ее развернутой характеристике. Отметим лишь один, наиболее релевантный задачам настоящего исследования, ее аспект.

Так, в ней теоретически обоснована и эмпирически доказана необходимость дифференциации в общей структуре деятельности не трех, а *пяти* базовых макроуровней. Причем очень показательным то, что эти макроуровни дифференцируются на основе реализации по отношению к психологической системе деятельности *того же самого* критерия-дискриминатора, который был применен для дифференциации основных уровней организации психи-

ческих процессов и описан в 2.2.2. Тем самым, помимо всего прочего, подтверждается действительно *общий* характер самого этого критерия. Эти макроуровни были обозначены нами понятиями метадеятельностного, деятельности, инфрадеятельностного, деятельностного и операционного уровней. Можно видеть, что три традиционно выделяемых уровня (деятельностный, действенный и операционный) сохраняются в предложенном подходе, но одновременно дифференцируются и два *новых*, дополнительных по отношению к ним уровня – метадеятельностный и инфрадеятельностный²⁴. Следует, конечно, иметь в виду, что данные термины используются как предварительные, условные и «рабочие»; в дальнейшем они могут быть, естественно, скорректированы.

Особенно показателен в плане рассматриваемых здесь вопросов инфрадеятельностный уровень структурной организации системы деятельности. Остановимся на нем, а также на его связи с проблематикой метапроцессов несколько более подробно.

Прежде всего, подчеркнем, что введение в концептуальный аппарат психологической теории деятельности данного понятия, с одной стороны, подчеркивает и выявляет существенную неполноту традиционно принятых представлений о ее структуре; а с другой – позволяет в определенной степени преодолеть ее. Действительно, согласно традиционным представлениям между уровнями «автономной» (отдельной) деятельности и действий *нет* никаких иных уровней организации; они – эти два уровня – являются исчерпывающими. Однако, как мы показали ранее [69, 70], в понятиях деятельности и действия фиксируются не столько уровни (хотя, конечно, и они тоже), сколько отношения системы и ее компонента, *целого* и *части*. Фактически деятельность и действие – это «крайние полюса» сложности деятельностной активности – наиболее и наименее сложный. Эти понятия раскрывают не столько общую структуру, сколько направлены на решение иных вопросов, в частности, на решение вопроса о «клеточ-

---

²⁴ Напомним, что их подробная характеристика представлена в [69, 70, 72].

ке» деятельности, о структурировании деятельности на основе ее «психологических единиц» [129, 130].

Подчеркнем, вместе с тем, что суть рассматриваемой здесь проблемы состоит не в том, что эти представления «являются неправильными». Наоборот, они правильны и корректны. Проблема, однако, в том, что они «слишком правильны», обладают такой степенью общности и абстрактности, которая не допускает не только возражений, но часто и конструктивного использования.

Как показали многочисленные профессиографические, деятельностно-аналитические, эмпирические и экспериментальные исследования, в структуре деятельности объективно представлен особый качественно вполне специфический уровень, обозначенный понятием *инфрадеятельностного уровня*. Он не сводится к уровню «отдельного действия», но и не «возвышается» до уровня «автономной деятельности». Он заполняет собой тот диапазон (повторяем, беспрецедентный по своей величине), который заключен между ними. Эмпирически его существование ощущается достаточно явно и остро, а теоретические соображения, сформулированные выше, подтверждают это. Однако для адекватной и корректной в концептуальном отношении его дифференциации необходимо определить строгий и по возможности общий *критерий*, на основе которого и может быть осуществлена эта дифференциация.

Наиболее показательно и важно, на наш взгляд, что при такой постановке проблемы она решается, как показано выше, достаточно естественным и даже необходимым образом. При этом «ключ» к ее решению содержится в основной и наиболее общей особенности психологической структуры деятельности – в *системности* ее организации. Действительно, деятельность в целом (то есть «автономная», отдельная деятельность) может и должна быть понята как *система* в прямом и непосредственном смысле данного понятия, что многократно и подробно обосновано в соответствующей литературе [55, 88, 99 и мн. др.]. Одновременно действие является основным *компонентом* этой системы, ее «клеточкой», «ячейкой», «единицей» (С.Л. Рубинштейн). Отношения между уровнями деятельности и действия – это, как отмечалось, отношения между системой и ее компонентом, целым и частью. В методологии системного подхода это основное разде-

ление зафиксировано в выделении двух основных уровней функционирования любой системы и соответственно ее изучения и описания – *системного* и *компонентного*.

Вместе с тем и в системном подходе, и в общей теории систем в целом столь же аксиоматичным является также то, что только этими *двумя* уровнями структура и функционирование систем не исчерпываются и к ним не сводятся [14, 15, 70, 74]. Существует, как минимум, еще один качественно специфический уровень организации, обозначаемый как *субсистемный* уровень. Напомним, что его суть состоит в следующем: любая сколь угодно сложная система состоит не из своих компонентов *непосредственно*, а из организованной совокупности некоторых, уже упорядоченных и организованных их подсистем. Система в целом – это организация многих ее подсистем, которые, в свою очередь, структурируются на основе компонентов. Эти подсистемы формируются в составе общей системы для обеспечения ее основных функций и обозначаются иногда понятием «функциональных органов».

Субсистемный уровень как раз и характеризует процесс функционирования отдельных подсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровням. Во-первых, как уже не раз отмечалось по ходу предыдущего изложения, он не «возвышается» до системного уровня, так как (по определению) соотносится лишь с частью системы – с ее подсистемами. Во-вторых, он не сводится к компонентному уровню, так как обязательно реализуется на основе закономерной *интеграции* многих компонентов. Отметим также, что субсистемный уровень рассматривается в теории не только как объективно необходимый, атрибутивный для организации систем как таковых. Он обычно в наибольшей степени отражает и воспроизводит сам *процесс* функционирования сложных, динамических систем, в частности деятельности. Система в целом (например, деятельность) обычно реализуется на основе этого уровня, «через него и в нем». Объективные ситуации чаще всего таковы, что они отнюдь не требуют включения *всей* системы деятельности, всей ее «мощности» (то есть ее функционирования на собственно системном

уровне). Однако эти ситуации, как правило, и не столь просты, чтобы разрешаться на компонентном уровне – уровне отдельных действий. В силу этого субсистемный уровень, локализующийся между системным и компонентным уровнями, и заполняет собой тот констатированный выше огромный диапазон функциональных проявлений качественной определенности систем (в частности деятельности), который и составляет основное содержание ее функционирования.

Введение в концептуальный аппарат теории деятельности понятия инфрадеятельностного уровня, равно как и исследование той психологической реальности, которая в нем зафиксирована, является, на наш взгляд, достаточно конструктивным, поскольку содействует решению ряда значимых теоретических проблем. Продемонстрируем это на одном, но показательном примере. Так, данный уровень соответствует не системе деятельности в целом и не ее компонентам (действиям). Следовательно, он соотносится не с мотивацией и не с целями как таковыми, а должен выделяться поэтому не на их основе (как на критериях дифференциации уровней). Он характеризует деятельность не на системном и не на компонентном уровне ее реализации, а на уровне субсистемном. Тем самым понятием (и реальностью), которому он наиболее полно, точно и строго соответствует, является понятие *ситуации*. Ситуация, та или иная деятельностная задача, проблема, являясь непосредственной конкретизацией деятельности в целом на конкретном интервале ее осуществления, тем не менее, не тождественна ей в целом. «Выход» из ситуации практически никогда не строится по типу организации «автономной деятельности». Два уровня – собственно деятельностный и ситуационный – поэтому являются качественно различными. Однако способы, формы, средства «выхода» из ситуации практически никогда не могут быть представлены и в виде «локального», «единичного» действия. Они всегда презентуются как закономерно соорганизованные совокупности нескольких действий, как их системы – «паттерны». Поэтому инфрадеятельностный уровень качественно отличается и от традиционно описанного действенного уровня.

Введение категории ситуации в концептуальный состав психологической теории деятельности в качестве критерия диффе-

ренциации одного из основных макроуровней ее организации позволяет, в частности, наметить конкретные пути синтеза этой теории с общей *парадигмой ситуационизма* как ее методологической основой. Общеизвестно, что именно ситуационизм является одним из наиболее перспективных и конструктивных подходов к изучению многих психологических (и не только психологических) проблем. Он получил в настоящее время очень широкое распространение во многих иных научных направлениях, в том числе, разумеется, и в психологии (в особенности в психологии управления, в педагогической психологии и др.) Более того, в психологии управления ситуационный подход вообще нередко рассматривается как «революционный прорыв», как наиболее мощная теоретическая парадигма исследований. В педагогической психологии его реализация также, как правило, теснейшим образом связана с использованием таких понятий, как «ситуация», «проблема», «проблемная ситуация», «объективная проблема», «субъективная проблема», «ситуационный анализ» (см. обзор в [105]). Кроме того, прикладные исследования и процедуры тренинга педагогического мышления также базируются на различных модификациях ситуационных подходов.

Все это вполне естественно и имеет реальные основания, заложенные в самой сути сложных и, прежде всего, субъект-субъектных видов деятельности. По отношению к ним общая и традиционная точка зрения, согласно которой «действие является основным компонентом деятельности», хотя *в конечном счете* и верна, но все же явно недостаточна, а часто и не вполне конструктивна. Более адекватным и продуктивным является подход, согласно которому *подлинными «единицами»* этих видов деятельности выступают субъективные репрезентации целостных ситуаций и те паттерны действий, которые адекватны в плане их преодоления. Ситуации являются не только комплексными «единицами» деятельности, но и «единицами» профессионального опыта: *в них* и *через них* происходит его накопление, обобщение, систематизация, осмысление и «кристаллизация».

Подчеркнем специально, что данный уровень (точнее, макроуровень) полностью соответствует субсистемному значению критерия-дискриминатора, чем и определяются его атрибутивные пси-

хологические характеристики, частично рассмотренные выше, а также его общий статус в психологической системе деятельности.

Однако, как было показано в 2.2.2., реализация этого критерия-дискриминатора по отношению к иной системе – к системе психических процессов – с наименьшей отчетливостью вскрывает тот факт, что весь класс метапроцессов как таковых также соответствует этому значению критерия-дискриминатора – субсистемному. Таким образом, очевидно *соответствие*, «конгруэнтность» психологического статуса инфрадеятельностного уровня структурной организации деятельности и метапроцессов как ведущих, базовых механизмов ее обеспечения и реализации. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе: процессуально-психологическое обеспечение центрального уровня структурной организации деятельности (инфрадеятельностного) в основном базируется отнюдь не на традиционно дифференцируемых так называемых «аналитических», «первичных» процессах, а на их определенных и закономерных *синтезах* – на метапроцессах. Последние наиболее адекватны самой психологической сути и природе инфрадеятельностного уровня организации деятельности, а поэтому в наиболее эффективной степени позволяют осуществлять ее регуляцию на данном уровне. Их совокупность, в сущности, и составляет содержание той несомненной субъективной реальности, которая была обозначена выше понятием регулятивной рефлексии (и которая, напомним, зафиксирована в современном метакогнитивизме в таких важнейших теоретических конструктах, как «метакогнитивный мониторинг деятельности», «метакогнитивная включенность в деятельность и др. [217, 218 и др]).

Представленные выше положения теоретического плана в определенной мере содействуют уточнению представлений о специфике и уровне статусе функциональной роли ЭИ в регуляции профессиональной деятельности. Из них следует, что тот операционный, процессуальный состав, которым обеспечивается та или иная степень развития ЭИ и который адекватнее всего раскрывается посредством понятия метапроцессов, локализуется, главным образом, именно на инфрадеятельностном уровне организации системы деятельности. Подчеркнем, однако, еще раз, что именно этот уровень занимает «срединное», а потому в известном смысле

центральное положение в общей структурно-уровневой организации психологической системы деятельности и, следовательно, играет во многом определяющую роль в обеспечении ее результативных параметров и процессуальных характеристик.

Таким образом, можно видеть, что представленный в этой главе процессуально-операционный (его можно обозначить также как структурно-полипроцессуальный) подход к раскрытию операционных средств и механизмов ЭИ, с одной стороны, полностью согласуется с расширенными в концептуальном отношении представлениями о структурно-уровневой организации системы деятельности (то есть с представлениями о ее пятиуровневой структуре); он наполняет конкретным содержанием один из уровней этой организации – инфрадеятельностный, а тем самым содействует дальнейшему развитию самой психологической теории деятельности. С другой стороны, и сам этот подход, и категория метапроцессов в целом в существенной степени способствуют содержательному расширению представлений об истинной сложности процессуально-психологической регуляции системы деятельности, о тех более сложных и комплексных ее процессуальных регуляторах, которые, в действительности, лежат в основе ее организации и функционирования.

11. В заключение проводимого в данном параграфе анализа, так сказать, «деятельностного измерения» проблемы ЭИ представляется целесообразным отметить еще две группы результатов, носящих уже собственно экспериментальный характер и дополняющих собой те теоретические представления, которые были сформулированы выше. Как уже отмечалось по ходу предшествующего изложения, и сами метапроцессы, являясь, конечно, комплексными и синтетическими, интегративными образованиями, также с необходимостью выступают как определенные аспекты единого по своей сути и организации функционирования «психического как процесса». Проще говоря, все они в действительности, в реальной деятельности (а также в поведении и общении) нерасторжимо взаимосвязаны и взаимодействуют друг друга.

В связи с этим определенный интерес представляет попытка решения вопроса о том, существуют ли и, если да, то какие имен-

но связи и зависимости между ними, между уровневыми характеристиками индивидуальной меры их выраженности. Естественно, что решение данного вопроса в его полном объеме представляется чрезвычайно затруднительным при современном уровне разработанности данной проблемы. Вместе с тем определенные данные по нему все же оказалось возможным получить. В этих целях исходную общую формулировку данного вопроса следует подвергнуть необходимой операционализации и эксплицировать ее следующим образом. Существует ли закономерная связь уровня развития ЭИ (а соответственно и тех процессуальных, операционных средств, которые его обеспечивают) с индивидуальной мерой развития основных метапроцессов – в первую очередь метакогнитивных и метарегулятивных.

Полученные к настоящему времени в наших исследованиях результаты свидетельствуют о наличии следующих закономерностей. Так, между уровнем развития ЭИ и индивидуальной мерой выраженности метакогнитивных и метарегулятивных процессов обнаруживается, как правило, связь «типа оптимума» [63]. Это означает, что и низкий, и очень высокий ЭИ сопряжен не с максимальным значением развития метакогнитивных и метарегулятивных процессов, а с достаточно умеренным их уровнем. И напротив, максимальные значения уровня развития метакогнитивных и метарегулятивных процессов сопряжены с некоторыми, хотя и достаточно высокими, но все же *не с максимальными* значениями ЭИ. Наряду с этой общей для метакогнитивных и метарегулятивных процессов зависимостью, между ними обнаруживаются и определенные различия. Так, по отношению к зависимости уровня развития метарегулятивных процессов от ЭИ достаточно отчетливо выявляется уже упомянутый выше эффект «правого смещения»: максимум значений индивидуальной меры выраженности метарегулятивных процессов локализован не ровно посередине континуума значений ЭИ, а «сдвинут» в сторону их значений «выше среднего». По отношению же к зависимости метакогнитивных процессов от ЭИ данный феномен представлен в значительно меньшей степени.

Еще более сложной является картина зависимостей метамотивационных процессов от уровня развития ЭИ. Дело в том, что к

настоящему времени само понятие метамотивационных процессов разработано крайне слабо и в силу этого приходится говорить преимущественно лишь о некоторых их итоговых, результативных эффектах, о типах и видах метамотивации (например, о мотивации достижения, о мотивации избегания неуспеха и др.). Основной полученный в этом отношении результат заключается в следующем. Зависимость метамотивационных образований и обеспечивающих их процессуальных средств от уровня развития ЭИ предельно диверсифицирована и определяется самим типом – характером того или иного метамотивационного образования. Так, в частности, было установлено, что между таким типичным метамотивационным образованием, как мотивация достижения, и уровнем развития ЭИ существует тенденция к зависимости негативного плана. Иная зависимость обнаружена по отношению к другому метамотивационному образованию – к мотивации избегания неуспеха: с увеличением индивидуальной меры выраженности ЭИ имеет место тенденция возрастания данного метамотивационного образования, и наоборот. Безусловно, мы отдаем отчет в том, что все эти зависимости отнюдь не исчерпывают собой реального многообразия связей между метапроцессами и, более того, нуждаются в дополнительных исследованиях, в детализации и конкретизации. Вместе с тем уже «на их фоне» следует видеть *общий смысл* всех зависимостей такого рода. Смысл же этот состоит в том, что процессуально-психологическое обеспечение деятельности на уровне метапроцессов представляет собой не их аддитивную, «агрегативную совокупность», а, напротив, выступает как тесная и вполне закономерная их *интеграция*. В ее рамках возникают новые специфически интегративные эффекты, как фасилитирующего, так и ингибирующего типов.

Данное заключение непосредственно связано и, более того, получает свою детализацию и конкретизацию в еще одном, также полученном нами экспериментальном результате [64]. Первоначально данный результат был установлен при изучении иного, нежели метамотивационные, класса метапроцессов – при исследовании метарегулятивных процессов. Его смысл состоит в том, что отдельные «первичные» процессы, подвергаясь синтезу, интеграции в метарегулятивных процессах, приводят к эффектам

аналогичного, то есть также интегративного типа, а именно к возникновению в последних *нового процессуального содержания*, несводимого к аддитивной (агрегативной) совокупности самих интегрируемых «первичных» процессов. Так, в частности, методом многомерного дисперсионного анализа было показано, что на долю «автономных» дисперсий, соотносящихся с вкладами в тот или иной метарегулятивный процесс отдельных «первичных» процессов, приходится *меньшая* часть, чем на долю дисперсии их *взаимодействия*, а точнее, их совместного, то есть «синергетического вклада» в них. Следовательно, общее содержание «вторичных» процессов (в данном случае – метарегулятивных) *в принципе* несводимо к «сумме содержаний» интегрируемых в них «первичных» психических процессов. В дальнейшем, однако, аналогичные результаты были получены и при исследовании иных классов метапроцессов, в частности метамотивационных. В них также очень большая доля общей «дисперсионной нагрузки» соотносится с *взаимодействием* и, следовательно, с синтезом, с интеграцией «первичных» процессов; причем она нередко даже превышает долю *суммативных* вкладов в них «первичных» процессов (как когнитивных, так и эмоциональных).

В наиболее общем плане смысл всех этих результатов состоит в том, что на уровне метапроцессов в целом и метаэмоциональных процессов в частности в результате развертывающейся в них интеграции возникает *новое процессуальное содержание*, новые эффекты, феномены, закономерности, в принципе несводимые к «сумме содержаний» самих интегрируемых компонентов («первичных» процессов). В свою очередь, это указывает на *качественную специфичность*, на *самостоятельность* процессуально-психологического *статуса* метапроцессов в целом, и метаэмоциональных процессов в частности. Данный результат имеет самое непосредственное отношение к одной из наиболее остродискуссионных проблем, возникающих при изучении ЭИ: существует ли он вообще как некоторая самостоятельная психическая реальность? Обладает ли он качественной специфичностью по отношению к иным психическим феноменам, в особенности к другим способностям? В свете изложенных выше данных можно сделать следующее заключение.

Метаэмоциональные процессы как разновидность общего класса метапроцессов, по-видимому, действительно обладают *своим собственным* специфическим процессуальным содержанием, *самостоятельностью* своего статуса и несводимы к иным интегрируемым в них процессам. В то же время, согласно развитым в данной работе представлениям, именно они – эти метаэмоциональные процессы – являются в конечном итоге базой тех эффектов, которые дают в своем *результативном* проявлении некоторую способность – ЭИ. Однако (даже с чисто логической точки зрения) нетрудно заключить, что если процессуальные, операционные компоненты некоторой системы (в данном случае – ЭИ) являются вполне качественно специфическими и обладающими самостоятельностью своего статуса, то аналогичной спецификой и самостоятельностью должны обладать и их итоговые, результативные эффекты, то есть ЭИ как таковой. Вместе с тем мы, конечно, не считаем, что приведенные выше результаты являются исчерпывающими аргументами в пользу «ортогональности» ЭИ как особой способности личности. Они, скорее, являются лишь *одними* из аргументов в пользу этого и нуждаются в дополнительных исследованиях, направленных на обогащение «доказательной базы» этого положения.

Итак, в данном параграфе мы остановились на своего рода «деятельностном измерении» проблемы ЭИ, на специфике его изучения в метаконтексте целостной профессиональной деятельности. В 3 и 4 главах такого рода анализ будет продолжен, но уже в более *конкретном* эмпирико-экспериментальном, психодиагностическом и прикладном планах. Подчеркнем также, что одним из результатов проведенного рассмотрения может считаться обоснование необходимости по возможности более полного и глубокого *синтеза* двух фундаментальных направлений психологических исследований – психологической теории деятельности и психологии эмоционального интеллекта. Этот синтез может содействовать конструктивной разработке обоих указанных направлений, что мы и попытались показать в данном параграфе.

Глава 3

Основные психодиагностические методики исследования ЭИ и процедура их адаптации

Как было обосновано в 1-ой главе, одной из основных (или даже главной) проблем измерения ЭИ является отсутствие единой методологической базы, целостной теории ЭИ. Это приводит к созданию большого количества самых разнообразных опросников, тестов, анкет, в основе которых лежат не совпадающие друг с другом концепции ЭИ. Тем не менее многие методики не отвечают требованиям валидности и надежности. Назрела необходимость разработки психодиагностического инструментария, который бы учитывал специфику российских реалий, или, по крайней мере, адаптации наиболее адекватных методических средств. Наличие таких методик позволит на практике проверить теоретические предположения о роли эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности.

В настоящее время существует несколько десятков методик, которые условно можно отнести к трем типам [34].

Методики, направленные на изучение отдельных *характеристик*, входящих в состав эмоционального интеллекта. К ним относится тест на эмоциональный интеллект Майера – Саловея – Карузо MSCEIT [215]. Он разработан в 2002 г. Дж. Майером, П. Саловеем и Д. Карузо и представляет собой тест типа «карандаш – бумага», в котором есть верные и неверные варианты ответов. Авторы понимают ЭИ как набор иерархически организованных способностей, связанных с переработкой информации, которые объединяются в четыре «ветви»: восприятие эмоций; повышение эффективности мышления с помощью эмоций; понимание эмоций; управление эмоциями. Подробное описание теста MSCEIT будет дано ниже. Баллы подсчитываются на основе консенсуса и на основе экспертных оценок. Наиболее серьезная про-

блема тестов ЭИ состоит в определении метода подсчета баллов. В целом по сравнению с другими методиками тесты ЭИ обладают наилучшими психометрическими свойствами (хорошая надежность и критериальная валидность, умеренная положительная корреляция с показателями способностей).

Методики, основанные на *самоотчете* и самооценке испытуемых. К ним относятся, например, опросник ECI (Emotional Competence Inventory), созданный Д. Гоулменом, а также опросник BarOn EQ-I [161].

Д. Гоулмен и Р. Бояцис разработали мультиоценочный опросник эмоциональной компетентности (Emotional Competence Inventory) для комплексной оценки персонала организаций. Данная методика измеряет следующие компоненты ЭИ руководителей (и лидеров в целом): самосознание, самоуправление, социальное сознание, социальные навыки. Опросник заполняет сам испытуемый и до 15 его коллег. Однако методика измеряет, на наш взгляд, скорее компетентность в руководстве и лидерстве, чем ЭИ; а ее использование ограничено в связи с узкой направленностью применения исключительно в менеджменте и употреблением в тексте опросника профессиональных терминов.

Р. Бар-Он в течение двадцати лет разрабатывал свою методику BarOn EQ-i. Именно он ввел, как мы уже отмечали, само понятие эмоционального коэффициента EQ – в противовес (или в дополнение?) классическому IQ. Большим преимуществом методики является то обстоятельство, что она имеет и детскую версию – для тестирования детей и подростков от 6 до 18 лет [161]. Указанный опросник измеряет пять основных компонентов эмоционального интеллекта: *внутриличностный* (самоуважение), *межличностный* (сочувствие, ответственность), *приспособляемость* (способность адаптировать свои эмоции к изменяющимся условиям), *управление* (толерантность к стрессу) и *общее настроение* (уровень оптимизма). Одним из недостатков методик, основанных на самооценке, является невысокая точность, невысокая достоверность результатов. К преимуществам опросника BarOn EQ-i относится основательная обширная исследовательская база, в том числе авторы проводили широкомасштабные кросскультурные

исследования. Опросник достаточно прост в применении, содержит индикаторы ложных ответов.

3. Методики «мульти-оценок», то есть тесты, которые должен заполнить не только испытуемый, но и 10 – 15 знакомых ему людей (так называемых «оценщиков» – это может быть семья, сверстники, коллеги испытуемого), оценивающих уровень его ЭИ. Одним из тестов «мульти-оценок» является Ei-360, созданный в 2000 г. Дж. П. Паулиу-Фрай. Согласно Дж. П. Паулиу-Фрай, ЭИ – это способность эффективно распознавать и управлять собственными эмоциями и эмоциями других людей. Методика измеряет самосознание, эмоциональную регуляцию, эмоциональное взаимодействие, саморегуляцию. Она содержит 47 утверждений, которые респонденты оценивают по семибалльной шкале. Измерение охватывает самооценку и оценку 10 экспертов, которыми могут стать члены семьи, друзья и коллеги по работе. Процесс заполнения опросника происходит по Интернету. Минусами методики являются наличие только мульти-оценочного формата, обязательная оценка одного испытуемого десятью экспертами, отсутствие четких критериев оценки; недостаток психометрической глубины. В целом Ei-360 находится в стадии разработки [34].

Методики, относящиеся к описанным выше группам, обладают своими достоинствами и недостатками. Так, наибольшей критике подвергаются опросники «мульти-оценок», поскольку выполнение такого вида опросников представляет собой весьма трудоемкую процедуру. Применение методик первых двух групп в совокупности может дать представление об уровне ЭИ испытуемых.

Перед исследователем, таким образом, встает задача выбора таких опросников или тестов, которые соответствуют основным психометрическим требованиям надежности и валидности и имеют под собой научную теоретическую основу.

После детального анализа совокупности имеющихся в настоящее время методических средств были отобраны 2 методики, отвечающие указанным критериям, – тест MSCEIT и опросник BarOn EQ-i. Они относятся к разным моделям ЭИ: первый – к модели способностей, а второй – к смешанной модели. В основе теста MSCEIT заложено представление об ЭИ как интеллектуальной способности, и соответственно сам тест создан по образу

традиционного теста на интеллект. Концепция Р. Бар-Она, в рамках которой появился одноименный опросник BarOn EQ-i, предполагает использование самоотчета для изучения ЭИ, понимаемого как свойство личности. В литературе имеются данные о низких или умеренных корреляциях между данными методиками ($r=25$) [125]. Поскольку тест MSCEIT направлен на выявление объективного коэффициента эмоционального интеллекта (EQ), а опросник измеряет субъективное отношение испытуемого, их можно рассматривать как дополняющие друг друга методики.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что в настоящее время отсутствует адаптация данных методик к *условиям российских реалий*. Поэтому перед применением теста и опросника в исследовании потребовалось провести процедуру их адаптации, психометрической проверки и нормирования на российской выборке. В процессе перевода были задействованы четыре человека: трое из них являются лингвистами с высшим образованием, один – психолог. Два переводчика осуществили прямой перевод с английского на русский, после чего двое других вновь перевели текст методик обратно на английский язык для проверки соответствия оригиналу; затем были внесены корректировки в прямой перевод. Ниже представлены этапы статистической проверки и данное описание модифицированных версий методик MSCEIT и BarOn EQ- i.

3.1. Процедура адаптации и психометрической проверки теста MSCEIT

Описание теста на эмоциональный интеллект Майера – Саловея – Карузо MSCEIT

Тест MSCEIT (Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test), основанный на традиционных тестах на интеллект, измеряет, насколько успешно люди выполняют тестовые задания, предлагающие различные решения эмоциональных проблем. Тест базируется на четырехсоставной модели ЭИ Дж. Мэйера, Д. Карузо

и П. Саловея, согласно которой ЭИ – это способность (1) точно воспринимать эмоции; (2) применять эмоции в мышлении, решении проблем и творчестве; (3) понимать эмоции; (4) регулировать эмоции для личностного роста [215].

Эмоциональный интеллект представляет собой комбинацию 4 способностей.

1. Восприятие, идентификация эмоций (собственных и других людей), выражение эмоций. Представляет собой способность определить эмоции по физическому состоянию, чувствам и мыслям; определить эмоции других людей через произведения искусств, речь, звуки, внешний вид и поведение, точно выражать эмоции и потребности, связанные с данными чувствами; дифференцировать истинные и ложные выражения чувств.

2. Фасилитация мышления – способность вызвать определенную эмоцию и потом контролировать ее, то есть регулировать, как эмоции входят в когнитивную систему и изменяют когниции. Эмоции направляют внимание на важную информацию; помогают в рассуждениях и в памяти на чувства; смена настроения с оптимистического на пессимистическое позволяет учитывать разные точки зрения; эмоциональные состояния по-разному помогают в конкретных подходах к решению проблем.

3. Понимание эмоций – способность интерпретировать сложные эмоции и эмоциональные переходы с одной стадии на другую, анализ эмоций, использование эмоциональных знаний. Оно представляет собой способность классифицировать эмоции и распознавать связи между словами и эмоциями; интерпретировать значения эмоций, касающихся взаимоотношений, и сложные (амбивалентные) чувства; осознавать переходы от одной эмоции к другой.

4. Управление своими эмоциями и чувствами других людей. Это рефлексивная регуляция эмоций, необходимая для эмоционального и интеллектуального развития, которая помогает оставаться открытым к позитивным и негативным чувствам; вызывать эмоции или отстраняться от них в зависимости от их информативности или пользы; осознавать эмоции, определять их ясность, типичность, целесообразность и т.д.; управлять своими и чужими эмоциями с помощью сдерживания негативных чувств и

3.1. Процедура адаптации и психометрической проверки теста MSCEIT

повышения положительных, без искажения содержащейся в них информации.

Каждая из 4 ветвей MSCEIT включает в себя по 2 раздела теста, таким образом, в тесте всего 8 разделов. Первая ветвь – «Идентификация эмоций» – оценивается с помощью разделов А (оценка лиц) и Е (оценка изображений). Для второй ветви – «Фасилитация мышления» (повышение эффективности мышления с помощью эмоций) – используются разделы В (оценка полезности настроений) и F (ощущения-синестезии). Для третьей ветви – «Понимание эмоций» – используются разделы С (смена эмоций) и G (сложные эмоции). Для четвертой ветви – «Регуляция эмоций» – используются разделы D (эмоциональная регуляция) и H (эмоции в межличностных отношениях).

Данный тест является усовершенствованной версией теста MEIS (Multibranch Emotional Intelligence Scale), созданного в 1997 г. [213]. В тесте MEIS представлено 12 разделов. Авторы учли ограничения первого теста при создании MSCEIT, в частности, они сократили текст методики с 402 пункта до 141, объединив некоторые разделы. Согласно данным, приведенным в руководстве к использованию, тест прошел процедуру нормирования на 5000 испытуемых в Северной Америке, также была проведена проверка валидности и надежности.

Каждое задание этого теста имеет несколько вариантов ответа, один из которых должен выбираться испытуемым. Для того чтобы определить, сколько баллов испытуемый должен получить за выбор того или иного ответа, тест был проведен на большой выборке стандартизации, репрезентативной по отношению к населению США. Процедура подсчета баллов (выражающих EQ – коэффициент ЭИ) основана на методах консенсуса и экспертных оценок. Хотя оба приема дают сходные результаты (коэффициент корреляции между ними варьирует от 0,93 до 0,98 согласно различным экспериментальным данным), авторы рекомендуют использовать метод консенсуса для обработки результатов.

Предлагаемый алгоритм подсчета баллов начинается с вычисления 8 разделов теста. Каждому ответу испытуемого приписывается балл, основанный на результатах консенсуса. Например, если испытуемый выбирает ответ «б», и 55% выборки консенсуса

выбрали «б», то данному ответу будет присужден балл 0,55. Следующий шаг заключается в подсчете среднего балла за каждый раздел. Далее подсчитываются баллы за каждую ветвь, которые представляют собой среднее между баллами за разделы. Общий балл вычисляется как среднее всех 8 разделов теста. В дальнейшем сырые баллы переводятся в процентиля, а дальше в стандартные баллы по стандартной шкале IQ.

Процедура психометрической проверки

Процедура психометрической проверки данного психологического теста состоит из нескольких основных этапов:

1) анализ пунктов теста, смысл которого состоит в том, чтобы каждое задание теста соответствовало общему диагностическому содержанию методики;

2) проверка двух основных видов надежности теста: надежности по однородности и надежности по устойчивости. Задачей проверки на надежность является определение того, насколько результаты тестирования подвержены влиянию различных побочных факторов;

3) оценка двух основных видов валидности – критериальной и конструктивной – для определения того, насколько хорошо создаваемая методика выполняет свои диагностические задачи;

4) расчет нормативных показателей для каждой шкалы разрабатываемого теста.

Анализ пунктов опросника

Первый этап статистической проверки методики заключался в оценке диагностической пригодности каждого задания. Для проверки анализа пунктов были использованы результаты 217 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет.

Каждый пункт психологического теста был проверен по нескольким психометрическим показателям.

Коэффициент дискриминативности – способность отдельных заданий теста дифференцировать испытуемых относительно «минимального» и «максимального» результата теста. Коэффициент корреляции между ответами испытуемого на каждый отдельный пункт теста и итоговым баллом по той шкале, в которую входит данный пункт, должен быть статистически значимым, поскольку в данном случае данный коэффициент корреляции отра-

жает тот факт, что данное утверждение способно измерять тот же самый конструкт, что измеряет вся шкала в целом. Данный коэффициент может принимать значение от -1 до +1. Высокие положительные значения коэффициента дискриминативности свидетельствуют о хорошей способности данного задания для деления испытуемых, а высокие отрицательные – о несоответствии данного задания суммарному результату.

Коэффициент дискриминативности был рассчитан как коэффициент корреляции (произведение моментов Пирсона).

2. Индекс трудности, смысл которого состоит в том, чтобы определить процентное соотношение испытуемых, ответивших в соответствии с «ключом». Данный параметр для каждого пункта теста должен находиться в пределах от 0,16 до 0,84.

3. Характер распределения тестовых оценок вычисляется с целью выбрать утверждения, тестовые оценки по которым подчиняются закону нормального распределения. Частотное распределение вариантов ответа рассчитывается как коэффициент корреляции с итоговым баллом, значение которого не должно быть ниже 0,20 (для уровня значимости 0,01).

После того как для всех 205 утверждений были вычислены данные показатели, из списка утверждений были исключены 64 утверждения, которые по статистическим показателям оказались неудовлетворительными.

По результатам данного этапа была составлена окончательная форма модифицированного теста, включающая 141 утверждение, которая снова подверглась статистической проверке на выборке из 127 испытуемых.

Проверка на надежность

Под надежностью понимается устойчивость, или согласованность, результатов теста, получаемых при повторном его применении к тем же испытуемым в различные моменты времени при использовании разных наборов эквивалентных заданий или же при изменении других условий обследования. Такое понимание надежности лежит в основе вычисления ошибки измерения, которая указывает пределы колебаний измеряемой величины, возникающих под воздействием различных факторов. Наиболее характерными источниками ошибки измерения являются неоднородность содер-

жания теста и временные колебания в состоянии испытуемого. Для проверки методики на надежность были использованы надежность по однородности и надежность по устойчивости.

Проверка *надежности по однородности* была проведена методом расщепления с использованием формулы Спирмена – Брауна. Надежность была посчитана отдельно для каждой из четырех «ветвей» теста. 200 человек в возрасте от 18 до 49 лет участвовали в данной проверке.

Таблица 3

***Надежность по однородности отдельных «ветвей»
и общего балла теста MSCEIT***

Название ветви	Коэффициент Спирмена – Брауна
1. Восприятие эмоций	0,743
2. Фасилитация мышления	0,801
3. Понимание эмоций	0,758
4. Регуляция эмоций	0,824
Общий балл	0,740

Оценка *надежности по устойчивости* результатов тестирования проводилась путем повторного тестирования одних и тех же испытуемых. Интервал между первичным и вторичным тестированием составил 3 месяца. В тестировании участвовали 70 испытуемых в возрасте от 18 до 49 лет. Подсчет коэффициента корреляции между общими баллами по четырем «ветвям» теста по результатам ретестирования производился с помощью формулы произведения моментов Ч. Пирсона.

Таблица 4

***Ретестовая надежность отдельных «ветвей»
и общего балла теста MSCEIT***

Название ветви	Коэффициент Спирмена – Брауна
1. Восприятие эмоций	0,602
2. Фасилитация мышления	0,541
3. Понимание эмоций	0,527
4. Регуляция эмоций	0,610
Общий балл	0,633

Оценка валидности

Валидность теста, как известно, это понятие, характеризующее, насколько хорошо он измеряет именно то, на диагностику чего он направлен. Валидность указывает на то, какие выводы можно сделать на основе тестовых оценок. Нами была проверена критериальная (внешняя) и конструктивная (внутренняя) валидность теста.

В качестве критерия валидации выступают не зависящие от результатов теста меры измеряемого качества. Проверка *критериальной валидности* проводилась методом контрастных групп (Д. Фланаган). Суть данного метода общеизвестна и заключается в том, что уровень выраженности диагностируемого качества измеряется у качественно различных по какому-либо критерию групп испытуемых. В нашем случае в качестве валидационного критерия выступили половые различия испытуемых. Оценка статистической значимости разности средних арифметических мужской и женской выборки проводилась с помощью t-критерия Стьюдента. Выборка, на которой проводилась проверка значимости различий, состояла из 110 мужчин и 111 женщин в возрасте от 18 до 50 лет. В результате проверки различия средних арифметических мужской и женской выборок по общему баллу оказались достоверными на уровне значимости 1%. Результаты проверки критериальной валидности представлены в табл. 5.

Таблица 5

Значимость различий мужской и женской выборок для отдельных «ветвей» теста MSCEIT

Наименование ветви	Мужчины		Женщины		Значение t-критерия	α
	σ	М	σ	М		
1. Восприятие эмоций	5,3	49,0	6,0	52,2	2,355	0,01
2. Фасилитация мышления	7,2	46,2	7,4	49,3	3,006	0,01
3. Понимание эмоций	4,6	51,3	5,2	54,1	2,712	0,01
4. Регуляция эмоций	5,5	40,5	4,9	45,6	2,847	0,01
Общий балл	6,2	47,8	3,7	50,0	2,902	0,01

Конструктивная валидность показывает, насколько результаты теста могут рассматриваться в качестве меры некоторого теоретического конструкта или свойства. В качестве метода характеристики конструктивной валидности было проведено сравнение конструктивного содержания теста с 16-факторным личностным опросником (16 PF) Р. Кеттелла. Выборка, на которой проверялась конструктивная валидность теста, состояла из 102 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет. По результатам тестирования высчитывался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Результаты проверки конструктивной валидности представлены в табл. 6.

Таблица 6

***Корреляции общего балла теста MSCEIT
с некоторыми показателями опросника 16 PF***

Название шкалы 16 PF	Коэффициент корреляции	Уровень значимости, в %
сензитивность	0,22	99
подозрительность	-0,17	99
самоудовлетворенность	-0,14	95
экстраверсия	0,16	95
радикализм	-0,19	95
В (интеллект)	0,34	95

Процедура нормирования

Для определения того, насколько высоки или низки полученные при тестировании первичные результаты, необходимо сравнивать их с нормами выполнения теста, полученными в выборке стандартизации. Для того чтобы определить положение результатов испытуемого относительно выборки стандартизации, полученный результат переводится в некую относительную меру. Производные показатели указывают положение испытуемого относительно нормативной выборки и позволяют непосредственно сравнивать данные, полученные по разным тестам.

При расчете норм к тесту каждому первичному результату его выполнения присваивается определенный стандартный показатель. Расчет ориентировочных норм по основным параметрам

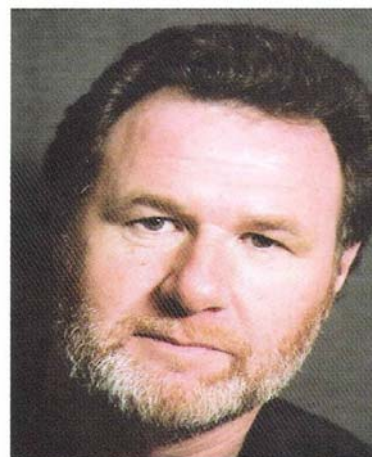
методики MSCEIT осуществлялся на выборке, состоящей из 250 человек в возрасте от 18 до 48 лет. Проверка распределения на нормальность проводилась по критерию χ^2 . В качестве шкалы стандартных показателей использовалась шкала IQ (M=100, SD=15). В результате была составлена таблица норм.

В целях сохранения авторских прав создателей теста MSCEIT мы преднамеренно не публикуем тестовый материал полной модифицированной версии теста, ключи и инструкции по обработке данных. Следует отметить, что в исследовании использовался не оригинальный тест MSCEIT, а его модифицированная версия, адаптированная нами для российской выборки. Ниже представлены некоторые репрезентативные *примеры* вопросов по каждому разделу теста.

Тест MSCEIT (примеры)

Раздел А

В какой мере каждое из следующих чувств выражено на этих лицах? Оцените выраженность каждого чувства в баллах от 1 до 5, где один – это отсутствие эмоции, а 5 – максимальная выраженность чувства. Пожалуйста, выберите ответ для каждого из 5 чувств для всех 4 лиц²⁵.

1) счастье	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
2) страх	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
3) удивление	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
4) отвращение	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
5) волнение	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено

²⁵ В связи с техническими ограничениями изображения даны в черно-белом варианте. В исследовании использовались оригинальные цветные изображения.

Раздел В

В какой степени каждое из следующих настроений может быть полезным при создании новых, увлекательных украшений для вечеринки в честь дня рождения?

а) раздражение	не полезно	<u>1 2 3 4 5</u>	полезно
б) скука	не полезно	<u>1 2 3 4 5</u>	полезно
в) радость	не полезно	<u>1 2 3 4 5</u>	полезно

Раздел С

Выберите наиболее подходящий ответ из предложенных ниже вариантов.

Маргарите было очень стыдно, и она начала чувствовать себя никчемной, потом она почувствовала себя _____

- а) потрясенной
- б) подавленной
- в) пристыженной
- г) застенчивой
- д) тревожной

Раздел D

Выберите ответ для каждого действия в следующих ситуациях.

1. Мария проснулась в хорошем настроении. Она хорошо спала, чувствовала себя отдохнувшей, и у нее не было никаких конкретных причин для беспокойства и переживаний. Насколько каждое из следующих действий поможет ей сохранить настроение?

Действие 1. Встать с постели и наслаждаться этим днем

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Действие 2. Мария насладились своим состоянием и решила ценить все хорошее, что с ней может произойти

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно

3.1. Процедура адаптации и психометрической проверки теста MSCEIT

- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Действие 3. Мария игнорировала чувство, возникшее в начале дня, потому что оно все равно не будет длиться долго

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Действие 4. Она использовала свое хорошее настроение для звонка маме, которая была в депрессии, чтобы взбодрить ее

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Раздел E

Насколько каждая из эмоций выражена в этих изображениях? Оцените выраженность каждого чувства в баллах от 1 до 5, где 1 – это отсутствие эмоции, а 5 – максимальная выраженность чувства. Пожалуйста, выберите ответ для каждого из 5 чувств для всех 6 изображений.

1.

---

1) счастье	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
2) грусть	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
3) страх	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
4) злость	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено
5) отвращение	отсутствует	<u>1 2 3 4 5</u>	максимально выражено

Раздел F

Выберите степень соответствия вашего чувства каждому из предложенных вариантов ответа.

1. Представьте, что Вы забыли навестить близкого друга, который серьезно болен. В середине дня Вы вспоминаете, что собирались к нему в больницу. Насколько чувство вины похоже на следующее?

а) холодное	совсем не похоже	<u>1 2 3 4 5</u>	очень похоже
б) синее	совсем не похоже	<u>1 2 3 4 5</u>	очень похоже
в) сладкое	совсем не похоже	<u>1 2 3 4 5</u>	очень похоже

Раздел G

Выберите наиболее подходящий вариант для каждого вопроса.

1. Чувство беспокойства, вероятнее всего, сочетает в себе эмоции _____

- а) любовь, тревога, удивление, злость
- б) удивление, гордость, злость, страх
- в) принятие, тревога, страх, ожидание
- г) страх, радость, удивление, стыд
- д) тревога, забота, ожидание

Раздел H

Оцените эффективность каждого ответа в следующих ситуациях.

1. У Ивана появился близкий друг за последний год работы. Сегодня друг очень удивил его, когда сообщил, что уходит на другую работу и переезжает на другое место жительства. До этого он никогда не говорил о том, что ищет новую работу. Насколько удачно Ивану удастся сохранить отношения, если он поступит следующим образом?

Ответ 1. Иван был рад за друга и сказал ему об этом. В последующие несколько недель Иван сделал все возможное, чтобы они поддерживали связь друг с другом.

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Ответ 2. Ивану было грустно, что его друг уезжает, но он считал случившееся показателем того, что этот друг равнодушен к нему. В конце концов, он ведь ничего не сказал о поиске работы. Иван вообще не упоминал ничего о предстоящем отъезде друга и стал искать новых друзей на работе.

- А) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

Ответ 3. Иван очень разозлился, что друг ничего не сказал. Чтобы показать свое недовольство, Иван решил игнорировать друга, пока тот сам не спросит, в чем дело. Иван подумал, что, если друг ничего не скажет, это подтвердит, что с ним не стоит общаться.

- а) очень неэффективно
- б) несколько неэффективно
- в) нейтрально
- г) достаточно эффективно
- д) очень эффективно

3.2. Процедура адаптации и психометрической проверки опросника Var-On EQ-i

Опросник Var-On EQ-i представляет собой одно из самых надежных и валидных психометрических средств, позволяющих оценить уровень ЭИ, понимаемого как совокупность определенных личностных свойств. Данная методика разрабатывалась с учетом практически всех требований, предъявляемых к психоди-

агностическим средствам, и прошла проверку во многих странах мира. Однако отсутствуют данные об апробации опросника в России, в силу чего он был подвергнут полной психометрической проверке на российской выборке.

Характеристика опросника Var-On EQ-i

Первоначально опросник создавался для эмпирической проверки авторской теории детерминант позитивного психологического благополучия. В течение нескольких лет, как это отмечалось в 1-ой главе, доминировал, по существу, эклектичный и многофакторный подход для операционального описания и количественной оценки сложно взаимосвязанных концепций эмоционального интеллекта (некогнитивных умений и навыков, влияющих на способность индивида успешно совладать с требованиями окружения) и психологического благополучия (эмоционального здоровья).

Общий методологический подход включил в себя 4 основные стадии [161]²⁶.

1) Логическая группировка переменных и выявление основных ключевых факторов, определяющих эффективное, успешное функционирование и позитивное эмоциональное здоровье, на основании практического опыта автора и анализа литературы по клинической психологии.

2) Операциональное определение этих факторов.

3) Создание опросника для измерения этих факторов.

4) Интерпретация результатов и их применение для данного подхода на основании факторной структуры, валидности и надежности опросника.

В результате автором была создана окончательная версия опросника, состоящая из 133 вопросов. VarOn EQ-i составляют 15 субшкал и три дополнительные шкалы для оценки валидности («стремление выглядеть в благоприятном свете», «стремление выглядеть хуже, чем есть на самом деле» и «индекс несогласованности»). У опросника есть сокращенная версия (126 вопро-

---

²⁶ Далее приводится характеристика данного опросника в авторской терминологии, переведенная на русский язык.

сов), из которой исключена шкала «стремление выглядеть хуже, чем есть на самом деле».

*Факторные компоненты ЭИ и субшкалы опросника Р. Бар-Она
Внутриличностный компонент*

1. Самоуважение (SR) – способность уважать и принимать себя. Самопринятие включает в себя принятие осознаваемых положительных и отрицательных сторон, в том числе ограничения и возможности. Этот компонент ЭИ ассоциируется с ощущением безопасности, внутренней силы, уверенности в себе, собственной компетентности. На противоположном конце континуума располагаются чувства личной неадекватности, несостоятельности, неполноценности.

2. Эмоциональное самосознание (ES) – способность осознавать собственные чувства, дифференцировать их, осознавать причины эмоций. Алекситимия является проявлением дефицита данной способности.

3. Ассертивность (AS) состоит из 3 основных компонентов:
– способность выражать чувства,
– способность открыто высказывать свои мысли (т.е. способность выразить свое мнение и занять твердую позицию, даже в условиях риска или при наличии эмоциональных трудностей),
– способность защитить свои права (к примеру, не позволяя другим манипулировать собой).

4. Настойчивые люди способны к прямым и открытым коммуникациям без агрессии и насилия.

5. Независимость (IN) – способность к самостоятельному мышлению и деятельности и свобода от эмоциональной зависимости. Независимые люди полагаются на себя при планировании и принятии важных решений. Тем не менее, они учитывают мнение других и могут обратиться за советом, избегая при этом симбиотических эмоциональных связей.

6. Самоактуализация (SA) – динамический процесс стремления к максимальному развитию способностей, возможностей и талантов. Стремление реализовать свой потенциал включает в себя целеполагание, высокую мотивацию и энтузиазм.

Межличностный компонент

1. Эмпатия (EM) – способность осознавать, понимать и ценить чувства других. Это эмоциональная «настройка» на то, что, как и почему люди чувствуют.

2. Социальная ответственность (RE) – способность члена определенной социальной группы к кооперации, сотрудничеству, содействию. Она подразумевает ответственное поведение, иногда и при отсутствии личной выгоды. Данный компонент связан со способностью действовать вместе с другими людьми и для других, принимать окружающих и следовать социальным правилам и нормам.

3. Межличностные отношения (IR) – способность устанавливать и поддерживать личные, взаимно удовлетворяющие отношения, характеризующиеся привязанностью. Этот компонент ассоциируется не только с желанием иметь дружеские отношения с другими, но и с умением комфортно чувствовать себя при построении таких отношений, и с положительными ожиданиями от социального взаимодействия.

Адаптируемость

1. Реалистичность (RT) – способность к точной оценке реальной ситуации, которая включает в себя поиск объективного доказательства для того, чтобы подтвердить, оправдать и поддержать чувства, восприятие и мысли. Акцент делается на прагматичности, объективности и адекватности восприятия и на установлении подлинности мыслей и идей, без излишнего фантазирования. Важным аспектом этого фактора является способность концентрироваться на возможностях совладания с возникающими ситуациями.

2. Гибкость (FL) – способность к регуляции эмоций, мыслительного процесса и поведения при изменении ситуаций и условий. Этот компонент ЭИ в целом связан со способностью адаптироваться к незнакомым, непредсказуемым и динамичным обстоятельствам. Люди, обладающие гибкостью, открыты и толерантны к различным мнениям, идеям.

3. Способность к решению проблем (PS) – способность идентифицировать и определить проблемы, а также находить и применять потенциально эффективные решения. Решение проблем про-

ходит следующие стадии: 1) обнаружение проблемы и возникновения чувства уверенности и мотивации на ее разрешение; 2) определение и формулирование проблемы настолько четко, насколько это возможно (т.е. сбор нужной информации; 3) генерация возможных решений (т.е. «мозговой штурм»); 4) принятие решения воплотить в реальность одну из альтернатив (взвесив все «за» и «против» и выбрав лучший вариант действий). Это умение связано с желанием бороться с проблемами, а не избегать их.

Регуляция стресса

1. Стрессоустойчивость (ST) – способность противостоять неблагоприятным обстоятельствам и стрессовым ситуациям путем активного и позитивного совладания со стрессом. Эта способность основана на умении выбирать курс действий для совладания со стрессом, на оптимистическом предрасположении к новому опыту и изменениям и на умении сохранять спокойствие и самоконтроль в стрессовой ситуации.

2. Контроль импульсивности (IC) – способность противостоять импульсу, желанию или искушению. Данный фактор включает в себя умение принять агрессивные импульсы, оставаясь спокойным, и контролировать агрессию, враждебность и безответственное поведение.

Общее настроение

1. Оптимизм (OP) – способность к поддержанию позитивного настроения даже в неблагоприятных обстоятельствах.

2. Счастье (HA) – способность быть довольным жизнью, быть удовлетворенным собой и другими людьми и уметь веселиться. Счастье является индикатором общего уровня ЭИ и эмоционального функционирования [161].

Дополнительные субшкалы

Субшкалы «Стремление выглядеть в благоприятном свете» (PI), «Стремление выглядеть хуже, чем есть на самом деле» (NI) позволяют определить испытуемых, стремящихся представить себя либо в выгодном свете или же, наоборот, намеренно занижающих результаты. Если значения по каждой из этих субшкал превышают 30 баллов, результаты считаются недействительными. Высокие баллы по данным субшкалам также могут указывать на проблемы самооценки, самопринятия.

Индекс несогласованности (II) позволяет определить, противоречат ли друг другу ответы испытуемого, а также узнать, отвечает ли испытуемый наугад. Индекс представляет собой сумму разниц в баллах между ответами в десяти парах похожих пунктов опросника. Если испытуемый набирает двенадцать и более баллов, то результаты не следует считать валидными. Можно предположить, что люди с высоким индексом несогласованности не уверены в себе, не решительны, имеют низкий уровень рефлексивности.

Общий «сырой» балл, подсчитанный как сумма значений по пятнадцати основным субшкалам, переводится в стандартный балл – EQ (коэффициент эмоционального интеллекта) по шкале IQ. Около 70% респондентов получают общий балл EQ в пределах от 85 до 115.

EQ выше 130 баллов означает чрезвычайно высокий уровень развития ЭИ; 120 – 129 – очень высокий ЭИ; 110 – 119 – высокий; 90 – 109 – средний; 80 – 89 – низкий, 70 – 79 – очень низкий; менее 70 – чрезвычайно низкий ЭИ.

Процедура психометрической проверки

Психометрическая проверка опросника Var-On EQ-i проводилась в целом аналогично процедуре проверки MSCEIT.

Первый этап статистической проверки методики заключался в оценке диагностической пригодности каждого задания. Для проверки *анализа пунктов* были использованы результаты 200 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет. Каждый пункт психологического теста был верифицирован по основным психометрическим показателям.

После того как для всех 190 утверждений были вычислены данные показатели, из списка утверждений проведено исключение 57 утверждений, которые по статистическим показателям оказались неудовлетворительными.

По окончании этого этапа составлена окончательная форма модификации опросника, включающая 133 утверждения, которая вновь подверглась статистической проверке на выборке из 127 испытуемых.

Проверка на надежность

Проверка надежности по однородности была проведена методом расщепления с использованием формулы Спирмена – Брауна. 200 человек в возрасте от 18 до 49 лет участвовали в данной проверке.

Оценка надежности по устойчивости результатов тестирования проводилась путем повторного тестирования одних и тех же испытуемых («метод дублирования»). Интервал между первичным и вторичным тестированием составил 3 месяца. В тестировании участвовали 70 испытуемых в возрасте от 18 до 49 лет. Подсчет коэффициента корреляции между общими баллами по результатам ретестирования производился с помощью формулы произведения моментов Ч. Пирсона.

Результаты проверки на оба вида надежности представлены в табл. 7 и 8

Таблица 7

***Надежность по однородности отдельных субшкал
опросника Var-On EQ-i***

Название субшкалы	Коэффициент Спирмена – Брауна
ES эмоциональное самосознание	0,80
AS асертивность	0,81
SR самоуважение	0,89
IN независимость	0,78
SA самоактуализация	0,82
EM эмпатия	0.75
RE социальная ответственность	0.70
IR межличностные отношения	0.76
RT реалистичность	0.74
FL гибкость	0.77
PS решение проблем	0.79
ST стрессоустойчивость	0.84
IC контроль импульсивности	0.78
OP оптимизм	0.82
HA счастье	0.81

Оценка валидности

Проверка критериальной валидности проводилась методом контрастных групп. В качестве валидизационного критерия выступили возрастные различия испытуемых. В первую группу вошли испытуемые в возрасте от 18 до 29 лет, во вторую – от 40 до 49 лет. Оценка статистической значимости разности двух выборок проводилась с помощью t-критерия Стьюдента. Первую выборку, на которой проводилась проверка значимости различий, составили 110 испытуемых, вторую – 111. В результате проверки различия средних арифметических первой и второй выборок по общему баллу оказались достоверными на уровне значимости 1%.

Таблица 8

***Ретестовая надежность отдельных субшкал
опросника Bar-On EQ-i***

Название субшкалы	Коэффициент Спирмена – Брауна
ES эмоциональное самосознание	0,68
AS асертивность	0,67
SR самоуважение	0,76
IN независимость	0,72
SA самоактуализация	0,80
EM эмпатия	0.60
RE социальная ответственность	0.75
IR межличностные отношения	0.77
RT реалистичность	0.61
FL гибкость	0.80
PS решение проблем	0.82
ST стрессоустойчивость	0.56
IC контроль импульсивности	0.70
OP оптимизм	0.63
HA счастье	0.77

В качестве метода характеристики конструктивной валидности было проведено сравнение конструктивного содержания теста с опросником 16 PF Р. Кэттела. Выборка, на которой проверялась конструктивная валидность теста, состояла из 102 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет. По результатам тестирования вычислены

3.2. Процедура адаптации и психометрической проверки опросника Var-On EQ-i

вался коэффициент линейной корреляции Ч. Пирсона. Результаты представлены в табл. 9.

Процедура нормирования

Расчет ориентировочных норм по основным параметрам опросника Var-On EQ-i осуществлялся на выборке, состоящей из 250 человек в возрасте от 18 до 48 лет. Проверка распределения на нормальность проводилась по критерию χ^2 . В качестве шкалы стандартных показателей использовалась шкала IQ (M=100, SD=15). В результате данных процедур составлена таблица норм.

Таблица 9

Значимость возрастных различий для отдельных субшкал опросника Var-On EQ-i

Группа 1: 18 – 29 лет, группа 2: 40 – 49 лет

Название субшкалы	Группа 1		Группа 2		Значение t-критерия	α
	σ	M	σ	M		
AS асертивность	-	-	-	-	-	-
SR самоуважение	4,6	32,3	4,0	34,9	2,903	0,01
ES эмоц. самосознание	6,7	25,7	6,3	28,6	2,687	
IN независимость	5,3	24,2	6,7	27,3	3,060	0,01
SA самоактуализация	5,7	33,1	5,2	35,6	2,905	0,01
EM эмпатия	6,2	29,6	6,9	32,7	3,254	0,01
RE соц. ответственность	3,6	35,9	4,3	38,1	2,855	0,01
IR межличностн. отношения	-	-	-	-	-	-
RT реалистичность	7,2	34,8	6,5	37,2	3,002	0,01
FL гибкость	6,8	26,2	7,0	28,8	2,741	0,01
PS решение проблем	5,5	28,8	4,3	31,9	2,887	0,01
ST стрессоустойчивость	4,6	29,5	5,3	32,0	2,903	0,01
IC контр. импульсивности	6,3	28,9	6,8	31,8	3,111	0,01
OP оптимизм	6,7	30,0	6,1	32,3	2,705	0,01
HA счастье	-	-	-	-	-	-
Общий балл	9,0	467,6	8,5	472,3	3,102	0,01

В целях сохранения авторских прав создателей Var-On EQ-i мы, равно как и предыдущем случае, преднамеренно не публикуем тестовый материал *полной* модификации опросника, ключи и инструкции по обработке данных. Следует отметить, что в иссле-

довании использовался не оригинальный опросник Var-On EQ-i, а его модифицированная версия, адаптированная нами для российской выборки. Ниже представлены некоторые примеры вопросов опросника²⁷.

Опросник Var-On EQ-I (примеры)

Инструкция. Пожалуйста, оцените, насколько каждое из утверждений соответствует Вам по пятибалльной шкале.

- 1 – совсем не верно
- 2 – не верно
- 3 – частично верно
- 4 – верно
- 5 – очень верно

1. При преодолении трудностей я действую последовательно, шаг за шагом.
2. Я стараюсь сделать свою жизнь максимально наполненной смыслом.
3. Мне сложно начинать новое дело.
4. В сложных ситуациях я стараюсь собрать о них как можно больше информации.
5. Мне трудно контролировать свой гнев.
6. Мне нравится помогать людям.
7. Мне трудно улыбаться.
8. Я уверен, что могу быть на высоте в трудных ситуациях.
9. На самом деле я не знаю, что у меня хорошо получается.
10. Я не способен выразить свои мысли другим людям.
11. Мне трудно раскрывать свои переживания перед другими.
12. Я не уверен в себе.
13. Когда я начинаю говорить, мне трудно остановиться.
14. В общем, мне трудно приспособливаться.
15. Я предпочитаю получить общее представление о проблеме, прежде чем пытаться ее решить.

---

²⁷ Вопросы даны в переводе, с сохранением авторской терминологии.

Таким образом, обобщая представленные выше материалы, можно заключить, что актуальность исследования ЭИ в управленческой деятельности в основном обусловлена теоретической и практической значимостью данной проблемы. Она настоятельно диктует поиск адекватных методических средств для эмпирического изучения ЭИ. Отсутствие надежных и валидных методов диагностики ЭИ в отечественной психологии потребовало обращения к зарубежным психодиагностическим средствам, отвечающим стандартным психометрическим требованиям, а также к необходимости проведения процедуры адаптации методик.

В результате анализа имеющегося в настоящее время психодиагностического инструментария посредством специальных процедур были отобраны две *наиболее конструктивные* и широко распространенные в зарубежной психологии методики, отвечающие основным критериям психодиагностики, – тест MSCEIT и опросник Bar-On EQ-i. Они соотносятся с различными моделями ЭИ: первый – с моделью способностей, а второй – со смешанной моделью. В основе теста MSCEIT заложено представление об ЭИ как интеллектуальной способности, и соответственно сам тест создан по образу традиционного теста на интеллект. Концепция Р. Бар-Она, в рамках которой появился одноименный опросник Bar-On EQ-i, предполагает использование самоотчета для изучения ЭИ, понимаемого как свойство личности. Поскольку тест MSCEIT направлен на выявление объективного коэффициента ЭИ (EQ), а опросник Bar-On EQ-i измеряет субъективное отношение испытуемого, можно рассматривать их как дополняющие друг друга методики.

В результате проведенных нами процедур по адаптации теста MSCEIT и опросника Bar-On EQ-i можно сделать следующие заключения. Общим итогом этого явилось то, что, по существу, впервые в отечественной психологии осуществлена адаптация и полная психометрическая верификация двух наиболее важных методик, направленных на измерение ЭИ – теста MSCEIT и опросника Bar-On EQ-i. В итоге было показано, что обе методики отвечают основным требованиям надежности и конструктивной и критериальной валидности и являются взаимодополняющими психодиагностическими средствами. Тест MSCEIT позволяет в

основном оценить объективный уровень EQ (коэффициент ЭИ), а опросник Var-On EQ-I главным образом диагностирует субъективную оценку испытуемым своего ЭИ.

Кроме того, оказалось возможным разработать нормы коэффициентов EQ для теста MSCEIT и опросника VarOn EQ-i специально для российской выборки.

Доказано, что благодаря проведенной психометрической процедуре открываются принципиальные возможности использования методик MSCEIT и VarOn EQ-i в исследовательских, психодиагностических и коррекционных целях. Данные методики могут быть использованы, в частности, для определения профессиональной пригодности в социальных специальностях, основанных на субъект-субъектных отношениях, следовательно, требующих развитых эмоционально-интеллектуальных способностей. Одной из конкретных сфер применения методик является диагностика при осуществлении профотбора и процедуры профориентации; а также в процессе профессионального обучения; в качестве одного из средств оптимальной расстановки кадров, а также для определения кадрового потенциала; и, наконец, в целях повышения эффективности аттестации персонала.

Глава 4

Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности

4.1. Постановка проблемы исследования

Концепция эмоционального интеллекта, возникшая в начале 1990-х гг., как мы уже отмечали, отражает идею *единства* аффективных и интеллектуальных процессов. Формирование данной концепции является, в сущности, закономерным, логическим этапом гносеологической эволюции психологической науки. В широком смысле к ЭИ относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; имеются в виду как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей.

В последние годы наметился определенный прогресс в разработке теоретических основ ЭИ; однако (и это тоже отмечалось в первой главе) все же остается достаточно много серьезных трудностей. Прежде всего, это касается *определения* самого понятия ЭИ, а также дифференциации от многих иных психологических понятий, в частности, социального интеллекта, эмпатии и других. Подходы исследователей по данному поводу согласуются лишь частично, многое в этом конструкте четко еще не сформулировано, и иногда понятие ЭИ трактуется чрезмерно широко. Существование двух типов моделей ЭИ (смешанных и моделей способностей) приводит к достаточно разным подходам к его измерению; причем эти подходы дают результаты, которые, как правило, значимо не согласуются друг с другом [67, 75, 150]. Ключевой проблемой при этом остается то, что до сих пор неясно, на каких операционных и когнитивных процессах базируется

ЭИ, а также какую роль он играет в адаптации человека к окружающему миру.

Особенное внимание в литературе уделяется детерминирующему влиянию ЭИ на управленческую деятельность, на ее процессуальные и результативные характеристики. Так, ряд авторов считает, что коэффициент ЭИ (EQ) имеет даже бóльшую прогностическую ценность в этой деятельности, чем стандартный психометрический IQ [186, 187, 242]. В первой главе нами осуществлен обзор существующих представлений об ЭИ в управленческой деятельности, в психологической роли ЭИ в достижении успехов в бизнесе.

В классической психологии менеджмента постоянно подчеркивается необходимость эффективной эмоционально-волевой регуляции управленческой деятельности. В литературе практически всегда указывается эмоциогенный характер этого вида деятельности, вызванный ее стрессогенностью, высокой степенью ответственности, интенсивными межличностными отношениями, что, естественно, требует эффективной эмоционально-волевой регуляции [51]. В силу этого при дифференциации профессионально-важных качеств (ПВК) руководителя большинство авторов выявляют, в частности, и такие качества, которые включают в себя *эмоциональные* компоненты: эмоциональная сдержанность, эмоциональная уравновешенность, эмпатия, экспрессивная сензитивность, действенность (понимаемая как способность увлечь за собой людей, активизировать их деятельность, найти наилучшие средства эмоционально-волевых воздействий и правильно выбрать момент их применения), коммуникативные управленческие способности, включающие способности управлять собственными эмоциями в общении и др. [13, 37, 43, 85, 87, 95, 99, 109, 115, 143]. Анализ соответствующей литературы позволяет также установить достаточно интересную особенность: основные компоненты ЭИ в том или ином виде присутствуют в различных классификациях ПВК руководителя.

Вместе с тем очень характерной (а может быть, и доминирующей) чертой данного этапа развития проблемы ЭИ является то, что теоретические предположения зачастую не подкрепляются ее собственно эмпирическим и, тем более, экспериментальным

изучением. Более того, в организационной психологии и психологии труда долгое время превалировала в основном когнитивистская ориентация, для которой характерно игнорирование эмоций или их рассмотрение в том духе, что они преимущественно негативно влияют на рациональность деятельности и на процесс принятия решений, а нередко ингибируют их.

Энтузиазм и явно преувеличенный оптимизм относительно важности понятия ЭИ остается до настоящего времени явно преждевременным. Вместе с тем представляется очевидным, что этот конструкт все же достаточно важен для целого ряда видов профессиональной деятельности, профессий, связанных прежде всего с коммуникацией. До сих пор практически отсутствуют убедительные эмпирические и экспериментальные доказательства важности ЭИ в обучении, хотя представляется необходимым и продуктивным продолжать поиски в этой области. Итак, характерные для популярной психологической литературы утверждения относительно важности ЭИ в различных сферах жизни пока не получили строгого эмпирического подтверждения в собственно научной литературе.

В качестве важного прикладного аспекта проблемы ЭИ выступает исследование его роли и значения в организации и оптимизации совместной деятельности любого, особенно субъект-субъектного типа. В первую очередь, это относится к оптимизации управленческой деятельности, обучения, профессионального отбора, а также аттестации.

Еще одним аспектом, явно демонстрирующим актуальность анализируемой проблемы, является крайне недостаточная разработанность концепции ЭИ в отечественной психологии. В настоящее время практически не проводится эмпирических исследований ЭИ в российской психологической науке. Несмотря на наличие в зарубежных источниках разнообразных методик, направленных на определение уровня EQ, до настоящего времени отсутствовал их перевод на русский язык, а также их адаптация к российским выборкам. Однако не приходится доказывать, что модели ЭИ и их практическое применение нуждаются в специальной верификации с учетом специфики отечественного менеджмента.

Проблема ЭИ имеет и важный социальный аспект. В современном обществе проблема компетентности в понимании и выражении эмоций стоит достаточно остро, поскольку в нем целенаправленно насаждается культ рационального отношения к жизни. Этот культ рациональности, а также высокий образовательный ценз непосредственно не обеспечивают гуманистическое мировоззрение и эмоциональную культуру человека. Известно, что запрет на эмоции ведет к их вытеснению из сознания; в свою очередь, невозможность *адекватной* психологической переработки эмоций способствует доминированию в эмоциональной сфере личности эмоций и чувств низших порядков, а также их собственно физиологического компонента. В современном цивилизованном обществе постоянно растет число людей, страдающих неврозами. Причем достаточно характерно и то, что эта тенденция усиливается по мере роста благосостояния общества. С особой силой и отчетливостью эмоциональные проблемы проявляются у людей с пониженным уровнем самоконтроля [157]. Выйдя из-под контроля сознания, эмоции препятствуют осуществлению намерений, нарушают межличностные отношения, не позволяют адекватным образом выполнять служебные и семейные обязанности, затрудняют отдых и ухудшают здоровье.

Эмоциональную жизнь современного человека определяют две разнонаправленные тенденции. Первая тенденция характеризуется возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок. Вторая – негативным отношением к эмоциям, которым, как правило, приписывается деструктивная, дезорганизирующая роль в деятельности и жизни человека. Решению проблемы эмоциональных и психосоматических расстройств могла бы в значительной степени, на наш взгляд, способствовать целенаправленная работа по развитию ЭИ.

Таким образом, сочетание высокой теоретической и практической значимости данной проблемы с ее недостаточной собственно эмпирико-экспериментальной разработанностью обуславливает достаточно высокую актуальность такого рода исследований в данной области. В силу этого основная *цель* данной главы заключается в изучении взаимосвязи ЭИ с процессуальными характеристиками и результативными параметрами управленческой

деятельности²⁸. Данная цель конкретизируется в следующих задачах:

1) проведение эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с результативной стороной управленческой деятельности;

2) создание опросника, позволяющего определить основные общеуправленческие стили деятельности, также их типичные сочетания;

3) проведение эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с процессуальной стороной управленческой деятельности (стилевыми характеристиками управленческой деятельности);

4) исследование взаимосвязи ЭИ со стратегиями «совладающего поведения» руководителя в эмоциогенных ситуациях.

Основная гипотеза, положенная в основу данного цикла исследований, заключается в допущении существования значимой взаимосвязи между ЭИ и управленческой деятельностью; эта связь предположительно выражена в положительном влиянии ЭИ как на результативные параметры, так и на процессуальные характеристики управленческой деятельности.

4.2. Процедура организации исследования и его методическое обеспечение

Эмпирическое исследование влияния ЭИ на управленческую деятельность включало два основных этапа: изучение влияния ЭИ на результативные параметры деятельности руководителя (первый этап) и изучение влияния ЭИ на процессуальные характеристики деятельности руководителя (второй этап). Следует отметить, что, на первый взгляд, логичнее было бы организовать исследование в обратной последовательности: сначала изучить влияние ЭИ на процессуальные характеристики, а затем влияние ЭИ на результативные параметры. Однако в данном случае мы опирались на

---

²⁸ Подчеркнем, что эта проблема ставится, по существу, в данной работе впервые.

принцип единства результативного и процессуального уровней (этапов), согласно которому, как известно, исследование должно начинаться с первого из них. Начав исследование с изучения результативных и, следовательно, относительно более простых для диагностики параметров – параметров эффективности деятельности, в дальнейшем необходим переход к исследованию детерминации ЭИ процессуальных характеристик управленческой деятельности (что составило второй этап исследования).

Для решения поставленных задач был использован комплексный методический подход. Оценка эмоционального интеллекта проводилась посредством двух методик: модифицированной версии теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-I [161, 162]. Результативные параметры управленческой деятельности определялись общепринятым в этих случаях методом – методом «экспертного оценивания» (в его стандартной процедуре). В качестве основного процессуального параметра были выбраны *стилевые* характеристики управленческой деятельности. Для определения ведущего стиля деятельности был разработан опросник исследовательского типа. Ниже приводится описание использованных методических средств.

Эмоциональный интеллект

Основной проблемой измерения ЭИ является, как уже отмечалось, отсутствие единой методологической базы, целостной теории ЭИ. Это приводит к появлению большого количества самых разнообразных опросников, тестов, анкет, в основе которых лежат разные концепции ЭИ. Перед исследователем, таким образом, встает задача выбора таких опросников или тестов, которые соответствуют основным психометрическим требованиям надежности и валидности и имеют под собой научную теоретическую основу.

На основе детального анализа имеющихся методических средств были выбраны две методики, отвечающие данным критериям, – модифицированные версии теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-i.

Тест MSCEIT (Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test), основанный на традиционных тестах на интеллект, измеряет, насколько успешно люди выполняют задания и решают эмоциональные проблемы. Тест базируется на четырехсоставной мо-

дели ЭИ Дж. Мэйера, Д. Карузо и П. Сэловея, согласно которой ЭИ – это способность, включающая следующие субспособно-сти²⁹: 1) точно воспринимать эмоции; 2) применять эмоции в мышлении, решении проблем и творчестве; 3) понимать эмоции; 4) регулировать эмоции для личностного роста (более подробное описание 4 компонентов дано в главе 1). Данный тест является усовершенствованной версией теста MEIS (Multibranch Emotional Intelligence Scale), созданного в 1997 г.

Каждая из 4 ветвей MSCEIT включает в себя по 2 раздела теста, таким образом, в тесте всего 8 разделов, общее количество пунктов – 141.

Первая ветвь – «Идентификация эмоций» – оценивается с помощью разделов А (оценка лиц) и Е (оценка изображений). Для второй ветви – «Фасилитация мышления» (повышение эффективности мышления с помощью эмоций) – используются разделы В (оценка полезности настроений) и F (ощущения-синестезии). Для третьей ветви – «Понимание эмоций» – используются разделы С (смена эмоций) и G (сложные эмоции). Для четвертой – «Регуляция эмоций» – используются разделы D (эмоциональная регуляция) и H (эмоции в межличностных отношениях).

Каждое задание этого теста имеет несколько вариантов ответа, один из которых должен выбираться испытуемым. Для обработки результатов был использован метод консенсуса. Предлагаемый алгоритм подсчета баллов начинается с вычисления 8 разделов теста. Каждому ответу испытуемого приписывается балл, основанный на результатах консенсуса. Например, если испытуемый выбирает ответ «б», и 55% выборки консенсуса выбрали «б», то данному ответу будет присужден балл 0,55. Следующий шаг заключается в подсчете среднего балла за каждый раздел. Далее подсчитываются баллы за каждую ветвь, которые представляют собой среднее между баллами за разделы. Общий балл вычисляется как среднее всех 8 разделов теста. В дальней-

---

²⁹ Здесь в целях ясности процедуры исследования мы вынуждены частично дублировать уже представленную характеристику этих методик.

шем сырые баллы переводятся в процентилях, а дальше в стандартные баллы по стандартной шкале IQ.

Опросник BarOn EQ-i был создан в 1996 г. клиническим психологом Р. Бар-Оном. Согласно Р. Бар-Ону, ЭИ – это «множество некогнитивных способностей и навыков, влияющих на способность успешно справляться с требованиями и давлением окружения» [162. С. 378].

Опросник BarOn EQ-i диагностирует пять основных компонентов ЭИ: *внутриличностный* (самоуважение), *межличностный* (сочувствие, ответственность), *приспособляемость* (способность адаптировать свои эмоции к изменяющимся условиям), *управление* (толерантность к стрессу) и *общее настроение* (уровень оптимизма).

В опроснике 15 основных субшкал: «эмоциональное самосознание» – ES, «напористость/настойчивость» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA. Имеются три дополнительные шкалы для оценки валидности: «стремление выглядеть в благоприятном свете», «стремление выглядеть хуже, чем есть на самом деле» и «индекс несогласованности»³⁰. Окончательная версия опросника состоит из 133 вопросов. Также имеется сокращенная версия (126 вопросов), из которой исключена шкала «стремление выглядеть хуже, чем есть на самом деле» (вопросы 12, 25, 41, 57, 71, 101, 115). В представленном ниже исследовании была использована сокращенная версия.

В качестве результатов следует, таким образом, опираться на значения по 15 шкалам и на общий балл. Последний определялся как сумма значений по пятнадцати основным субшкалам, а затем переводился в стандартный балл – EQ (коэффициент эмоционального интеллекта), аналогичный шкале IQ.

Обратные вопросы для сокращенной версии опросника следующие: 2, 3, 10, 12, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 30, 33,

---

³⁰ Здесь мы вновь сохраняем авторскую терминологию.

34, 36, 39, 40, 43, 45, 46, 48, 49, 50, 53, 54, 60, 62, 64, 65, 66, 68, 70, 71, 72, 77, 78, 81, 82, 86, 87, 88, 92, 96, 97, 105, 109, 110, 111, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 125.

Тест MSCEIT и опросник VarOn EQ-I, как уже отмечалось, относятся к разным моделям ЭИ: первый – к модели способностей, а второй – к смешанной модели. В основе теста MSCEIT заложено представление об ЭИ как интеллектуальной способности, и соответственно сам тест создан по образу традиционного теста на интеллект. Концепция Р. Бар-Она, в рамках которой появился одноименный опросник VarOn EQ-I, предполагает использование самоотчета для изучения ЭИ, понимаемого как свойство личности. В литературе имеются данные о низких или умеренных корреляциях между данными методиками ($r=25$) [214]. Поскольку тест MSCEIT направлен на выявление объективного коэффициента эмоционального интеллекта (EQ), а опросник измеряет субъективное отношение испытуемого, можно рассматривать их как дополняющие друг друга методики.

Напомним, что более подробное описание методик, процедура их психометрической проверки и нормирования на российской выборке представлены во второй главе.

Экспертная оценка эффективности управленческой деятельности

Существующие методы оценки руководящего персонала можно разделить на *три* основные группы. К первой группе относятся методы *описательного* характера, характеризующие качества работников без их количественного выражения. Их называют «качественными методами». К таким методам относятся биографический метод, метод групповой дискуссии, метод эталона, матричный метод. Вторая группа является своего рода «*промежуточной*»; в основу входящих в нее методов положен как описательный принцип, так и количественные измерители, определяемые на базе первоначальных качественных описаний. В силу этого данные методы называют «комбинированными». В эту группу методов входят: метод суммируемых оценок, система заданной группировки, тестирование. В третью группу включаются методы, в результате применения которых можно непосредственно получить с достаточной степенью объективности числовую

оценку уровня деловых качеств работников, т.е. *количественные* показатели оценки. К этой группе методов относятся метод рангового порядка, метод парных сравнений, метод заданной балльной оценки как конкретизация метода экспертной оценки [10], метод свободной балльной оценки.

Метод свободной балльной оценки, состоящий в присвоении экспертом определенного количества баллов по установленной шкале каждому качеству руководителя и общей его оценки в виде суммы баллов или среднего балла, является наиболее популярным среди известных сегодня количественных методов оценки работников. Преимуществами данного метода являются:

- 1) четкость системы учитываемых при оценке критериев и факторов,
- 2) четкость самой системы оценки,
- 3) простота и доступность метода оценки.

Все это делает указанный метод достаточно эффективным с точки зрения руководителей [37, 101]. Именно метод экспертных оценок был выбран в ходе исследования для определения эффективности деятельности руководителей.

Методом экспертных оценок, как известно, обозначается совокупность эмпирических процедур, направленных на оценку субъекта профессиональной деятельности (в данном случае – управленческой) по определенной шкале путем его экспозиции экспертам с последующей регистрацией их оценочных суждений.

Метод экспертных оценок предполагает:

- 1) наличие субъекта деятельности, подлежащего оценке;
- 2) получение оценки путем обращения к высказываниям специально отобранных людей (экспертов);
- 3) наличие более или менее строгих процедурных правил работы экспертов;
- 4) наличие определенной шкалы, т.е. заранее обусловленного ассортимента суждений (количественных и качественных), с помощью которых эксперту предписывается выразить свое мнение о субъекте;
- 5) экспертное оценивание субъекта деятельности со стороны «разноранговых» в организационной иерархии работников с последующим обобщением полученных оценок.

Вышеперечисленные главные требования были положены в основу проведения экспертной оценки руководителей в данном исследовании.

Важной задачей в организации процедуры экспертного оценивания является выбор критериев оценки. Недостатками многих существующих на сегодняшний день методик являются наличие большого количества критериев (15 – 20) и использование достаточно специфической терминологии, что предполагает необходимость специального объяснения значений критериев. Следовательно, процедура оценки является достаточно объемной, требует подробных пояснений, выполнение и обработка данных занимает много времени. В связи с этим для исследования были выбраны всего три основных параметра: «общая успешность деятельности», «перспективы дальнейшего роста», «степень финансовой самостоятельности» или «степень свободы в принятии решений» (для руководителей государственных структур). Указанные критерии были неоднократно использованы в проведенных нами ранее исследованиях и весьма позитивно зарекомендовали себя как адекватные показатели реальной эффективности управленческой деятельности [59 – 61, 70, 72].

Каждый параметр оценивался экспертами по семибалльной шкале. В качестве экспертов, как того и требует методология «экспертного оценивания», обязательно выступили следующие лица: один *вышестоящий* руководитель (оценка «сверху»), один *подчиненный* (оценка «снизу») и один руководитель смежного подразделения *того же уровня* (оценка «равными»). При этом мы учитывали приводимые в литературе сведения относительно того, что эксперт должен быть не более чем на два ранга выше или ниже оцениваемого по управленческому рангу, иметь такой же стаж совместной работы с оцениваемым (для того чтобы хорошо знать его). В бланке ответов указывалась только фамилия оцениваемого. Каждый испытуемый получил оценки, как минимум, трех экспертов. В дальнейшем оценки всех экспертов каждого руководителя усреднялись отдельно по параметрам, а из полученных показателей был выведен средний балл, который использовался в математической обработке.

Экспертам давалась следующая инструкция:

«Улучшение работы руководящих кадров требует научного подхода к их подготовке и отбору. Цель проводимого исследования – изучение способов эффективного управления и поиск путей оптимизации деятельности управления. Ваши ответы могут помочь нам в этом. Вам предлагается оценить эффективность деятельности указанного в бланке руководителя по трем параметрам».

Бланк ответов

Пожалуйста, оцените выполнение профессиональной деятельности. Для этого отметьте крестиком оценку по каждому показателю на семибалльной шкале.

1. Общая успешность деятельности

низкая 1 2 3 4 5 6 7 высокая

2. Перспективы дальнейшего роста

низкие 1 2 3 4 5 6 7 высокие

3. Степень финансовой самостоятельности

низкая 1 2 3 4 5 6 7 высокая

Процедура исследования стиля управленческой деятельности

Поскольку общая логика и задачи проводимого изучения предполагают и рассмотрение процессуальных характеристик управленческой деятельности, необходимо разработать также и специальную методику исследовательского типа – опросник для определения процессуально-стилевых особенностей деятельности.

Практическая значимость изучения стилей управленческой деятельности обусловлена тем, что в настоящее время именно стиль деятельности рассматривается как одна из определяющих детерминант эффективного управления. Обобщенная и конечная практическая цель психологических исследований управленческой деятельности – это, как известно, обеспечение эффективности работы руководителя и организации в целом. Эффективность

организации включает две составляющие: результативная продуктивность и субъективная удовлетворенность персонала организации. Основопологающей базой и для успешного выполнения задач организации (то есть для достижения оптимального результата), а также для обеспечения позитивного отношения подчиненных является тот способ или стиль управления, которого руководитель придерживается. Следует подчеркнуть, что в настоящее время значимость изучения стилей управленческой деятельности не уменьшается, даже несмотря на то что ведущие детерминанты эффективного управления трактуются преимущественно с позиций *ситуационного* подхода [70]. Стиль руководства по-прежнему остается одной из определяющих характеристик анализа управленческой деятельности, а также изучения личности самого руководителя.

Стиль руководства определяется как устойчивый, типичный для данного руководителя способ реализации управленческих функций, то есть способ взаимодействия с подчиненными и решения производственных задач. Стиль руководства, характеризующий того или иного менеджера, интегрирует в себя и степень, до которой управляющий делегирует свои полномочия, и его доминирующую направленность [86, 99].

Впервые к экспериментальному (точнее, к эмпирическому) изучению стилей руководства обратился К. Левин, который описал три классических стиля: автократический, либеральный и демократический. Несколько иную классификацию предложил Р. Лайкерт, который, сравнивая группы с высокой и низкой производительностью труда, на этой основе разделил руководителей на тех, кто сосредоточен на производстве, и на тех, кто сосредоточен на человеке [86].

Впоследствии оценка стиля руководства была модифицирована Р. Блейком и Дж. Моутон, построившими для этих целей так называемую «управленческую решетку» (цит. по [99]). Решетка (матрица) образуется благодаря пересечению двух переменных или измерений: на горизонтальной оси – степень учета управленцем интересов производства («ориентация на задачу»), на вертикальной – степень учета интересов людей («ориентация на персонал»). Горизонтальная ось ранжирует «заботу о производстве» по

шкале от 1 до 9, а вертикальная ось ранжирует «заботу о человеке» также от 1 до 9. Р. Блейк и Дж. Моутон разработали на основе данного подхода специальный опросник для определения стиля деятельности, который предполагает два варианта реализации – самооценочный и посредством метода экспертной оценки. Во втором случае на вопросы отвечают подчиненные, а также руководители смежных подразделений и вышестоящее руководство, хорошо знакомое с исследуемым руководителем³¹.

Авторы методики предложили следующие (правда, отчасти метафорические) характеристики стилей деятельности менеджера.

«*Страх перед бедностью*»: со стороны руководителя проявляются усилия, направленные на обеспечение минимального качества работы, позволяющего избежать увольнения.

«*Авторитет-подчинение*»: соответствует такому стилю, при котором производственный результат – все, а человек – в лучшем случае исполнитель. Моральный настрой в коллективе такого руководителя мало беспокоит.

«*Дом отдыха*»: руководитель в основу своей деятельности ставит человеческие отношения, создает семейную атмосферу в коллективе, но мало заботится о выполнении производственных заданий.

«*Организация*»: руководитель находит баланс производственной эффективности и морального климата в коллективе.

«*Команда*»: соответствует стилю управления, при котором менеджер стремится так построить работу, чтобы сотрудники видели в ней возможности самореализации и подтверждения собственной значимости.

В настоящее время наблюдается дефицит психодиагностических методик, направленных на определение индивидуального стиля управленческой деятельности. В зарубежной психологии применяется описанный выше опросник Блейка – Моутон. В отечественной психологической психодиагностике используются различные модификации методики В.П. Захарова.

---

³¹ Более подробная характеристика дана, например, в [59].

Им была разработана методика определения стиля руководства трудовым коллективом (в качестве опрашиваемых выступают подчиненные) [48]. В данной методике приведены 27 производственных ситуаций и перечень вариантов поведения в них. В.П. Захаровым и А.Л. Журавлевым была предложена модификация опросника, состоящего из 16 групп утверждений, которые характеризуют управленческие особенности руководителя.

Согласно данному подходу, считается, что стиль управления складывается из трех основных компонентов.

1. *Директивный* компонент. Он предполагает доминирование ориентации на собственное мнение и оценки. Для него характерно стремление к власти, уверенность в себе, склонность к жесткой формальной дисциплине, большая дистанция с подчиненными, нежелание признавать свои ошибки, а также игнорирование инициативы подчиненных и их творческой активности, единоличное принятие решений и строгий контроль за действиями подчиненных.

2. *Попустительский* компонент (пассивное невмешательство). Его отличительные особенности состоят в следующем: снисходительность к работникам, отсутствие требовательности и строгой дисциплины, контроля, либеральности, панибратство с подчиненными, склонность перекладывать ответственность в принятии решений.

3. *Коллегиальный* компонент. Отличается требовательностью и контролем в сочетании с инициативным и творческим подходом к выполняемой работе и сознательным соблюдением дисциплины, а также стремлением делегировать полномочия и разделять ответственность, демократичностью в принятии решений.

Возможны варианты, когда один из компонентов стиля явно преобладает; однако наиболее часто диагностируется ситуационный стиль управления, т.е. в одних ситуациях руководитель ведет себя как «автократ», в других – как «демократ», а в третьих – как «либерал».

Одной из ключевых проблем при диагностике стилей управленческой деятельности является выборка и типологизация критериев. Определение базовых критериев оценки стилей деятельности составляет основу методики, направленной на изучение процессуальных особенностей деятельности руководителя. Для разработки

опросника исследовательского типа на основе анализа литературных данных нами были избраны два *базовых* и вполне *естественных*, но в то же время достаточно общеизвестных критерия: содержательный и оценочный. Так, традиционный «демократически-авторитарный континуум» соотносится преимущественно с *содержательным* критерием (концентрация или распределение власти). «Партисипативно-попустительский» континуум в существенно большей мере репрезентирует *оценочный* параметр стилей.

Данный подход к дифференциации и обоснованию выбора критериев оценки представляется достаточно новым. Дело в том, что одной из характерных особенностей данной методики является ее «неоднородность», позволяющая «выйти» на двухмерное «пространство» стилевых особенностей управленческой деятельности. Таким образом, разработанная методика базируется на сочетании двух практически ортогональных осей: одна ось имеет на полюсах демократический и авторитарный стили, другая образована партисипативным и попустительским стилем. В результате этого данная методика позволяет диагностировать *пять* возможных *сочетаний* стилей: партисипативно-демократический, демократически-попустительский, попустительски-авторитарный, автократически-партисипативный, ситуационный стиль, представляющий собой комбинацию четырех исходных стилей.

Опросник для определения процессуально-стилевых особенностей управленческой деятельности состоит из 24 вопросов. Он включает в себя 4 шкалы соответственно стилям деятельности. На каждую шкалу предлагается по 6 утверждений. Задача испытуемых – оценить каждое утверждение по *стобалльной* шкале в зависимости от степени согласия с содержанием утверждения³². Результаты выражаются в 4 значениях (по отдельным шкалам),

---

³² Такая «размерность» оценочной шкалы обусловлена в основном тем обстоятельством, что в качестве обследуемых выступили практические работники («производственники»), для которых она является удобной, поскольку они «привыкли мыслить в процентах», то есть фактически в 100-балльной шкале. Ранее нами подобная «размерность» уже неоднократно применялась именно по отношению к изучению профессиональной деятельности и ее субъектов, показывая свою конструктивность [59, 63 и др.].

которые могут варьировать от 0 до 600. Специально подчеркнем также, что разработанный нами опросник позволяет оценить не только выраженность *отдельных* стилей, но и их *сочетания*. Как уже отмечалось, в принципе возможны пять таких сочетаний стилей: партисипативно-демократический, демократически-попустительский, попустительски-авторитарный, авторитарически-партисипативный, ситуационный стиль, представляющий собой комбинацию четырех исходных стилей.

Текст опросника

Инструкция: «Данный опросник содержит 24 утверждения, характеризующих деловые качества руководителя. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое предложение и оцените, насколько Вы согласны с ним по 100-бальной шкале, где «0» означает «абсолютно не согласен», а «100» – «полностью согласен». Для этого отметьте крестиком соответствующий балл на шкале».

1. Одна из главных задач руководителя – создание комфортной и дружелюбной атмосферы в организации.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

2. Руководителю не следует предоставлять подчиненным полную свободу действий.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

3. Людей больше мотивирует поощрение, чем наказание.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

4. Обязательная характеристика хорошего руководителя – это требовательность к подчиненным.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

5. Строгая иерархия власти в организации – пережиток прошлого; руководитель и подчиненные – это равноправные партнеры.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

6. Руководителю крайне важно предоставлять своим подчиненным полное право самим принимать решения.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

7. Основная задача руководителя – всячески поощрять творческий подход к работе своих подчиненных.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

8. Команда руководителей более эффективна в управлении, чем он один.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

9. Многие проблемы могут разрешиться сами собой, поэтому не стоит вмешиваться в естественный ход событий.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

10. Руководитель не должен постоянно навязывать свою волю подчиненным.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

11. Руководителю необходимо постоянно контролировать работу своих подчиненных, чтобы добиться максимальной продуктивности.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

12. Если какой-то сотрудник не справляется со своей работой, то лучше обучить его, чем нанимать нового работника.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

13. Руководителю полезно обращаться к подчиненным за советом в трудной ситуации.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

14. Важным качеством руководителя является умение пойти на компромисс, уступчивость.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

15. Создание доверительных отношений с сотрудниками более важно, чем высокие темпы работы.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

16. Новые идеи и предложения должны исходить в основном от подчиненных, а не от руководителя организации.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

4.2. Процедура организации исследования и его методическое обеспечение

17. Требования отчетности, контрольные мероприятия, аттестация сотрудников – пустая трата времени и ресурсов.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

18. Чтобы заставить людей трудиться, необходимо активно использовать меры принуждения.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

19. Рядовые работники тоже должны быть вовлечены в разработку и принятие важных организационных решений.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

20. Умение делегировать полномочия – необходимая и сильная сторона руководителя.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

21. Руководителю следует соблюдать «дистанцию» в контактах с подчиненными.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

22. Все ключевые проблемы организации следует обязательно выносить на обсуждение в коллектив.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

23. Если руководитель приветствует инициативу среди подчиненных, то это подрывает его авторитет.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

24. Руководителю необходимо проводить регулярные совещания с подчиненными для совместного обсуждения планов деятельности предприятия.

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

Ключ к методике:

Авторитарный стиль: сумма ответов на вопросы № 2, 4, 11, 18, 21, 23.

Попустительский стиль: сумма ответов на вопросы № 1, 6, 9, 14, 16, 17.

Демократический стиль: сумма ответов на вопросы № 3, 7, 10, 12, 15, 22.

Партисипативный стиль: сумма ответов на вопросы № 5, 8, 13, 19, 20, 24.

Обработка результатов: для определения выраженности каждого стиля подсчитывается сумма баллов на вопросы в соответствии с ключом.

Для обработки результатов проведенного нами эмпирического исследования стилевых особенностей деятельности руководителей использовались математико-статистические методы: корреляционный анализ, статистический метод χ^2 , нахождение корреляционного отношения η^2 , метод «полярных групп», нахождение значимости различий по средним значениям, по критерию Фишера и по t-критерию Стьюдента, метод «матричного анализа», а также анализ обобщенных показателей – индекса когерентности структуры индивидуальных качеств, индекса дифференцированности и индекса организованности структуры, предложенный в наших работах и показавший свою конструктивность [67, 69, 70, 72]. Для обработки результатов эмпирического исследования применялись методы математической статистики (программа «STATISTICA 6.0»).

Характеристика выборки

Эмпирическое исследование влияния ЭИ на деятельность руководителя осуществлялось на базе ряда наиболее крупных предприятий и организаций г. Ярославля, в частности: Ярославский завод топливной аппаратуры (ЯЗТА), ОАО «ЯрЭнерго», администрация Ярославской области, нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), Ярославское ремонтно-техническое предприятие, органы МВД, а также на базе частных предприятий в сфере торговли и финансов. В нем приняли участие 128 испытуемых, а также 260 экспертов. Возраст испытуемых варьировал от 24 до 61 года (средний возраст испытуемых 42 года), из них 60 мужчин и 68 женщин. Выборку составили руководители всех звеньев управленческой иерархии (высшего, среднего и низового уровня). Стаж руководящей работы испытуемых составил в среднем 12,5 лет.

В качестве испытуемых во второй серии выступили 58 руководителей, ранее участвовавших в первой части исследования. Были использованы следующие результаты из первой серии: данные по методикам MSCEIT, BarOn EQ-i и эффективность управленческой деятельности. Эта группа испытуемых заполнила опросник для определения процессуально-стилевых особенностей деятельности.

4.3. Результаты исследования и их интерпретация

В проведенном исследовании были выделены два основных направления: анализ взаимосвязи ЭИ с результативными параметрами и процессуальными характеристиками управленческой деятельности. Дополнительным этапом исследования выступило изучение взаимосвязи ЭИ с предпочтением «стратегий преодоления» в управленческой деятельности.

4.3.1. Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров управленческой деятельности

В реализованном исследовании, на его первом этапе, было получено 22 показателя: численная выраженность 15 субшкал и суммарный балл опросника BarOn EQ-i, показатели по 4 ветвям и общий балл теста MSCEIT, итоговый балл по эффективности управления. Далее, нами был проведен статистический анализ полученных переменных и построена матрица интеркорреляций результатов.

Помимо этого был получен интегральный показатель ЭИ. Для этого были проранжированы суммарные баллы опросника BarOn EQ-i всех 128 испытуемых (при этом наименьшему баллу была присвоена единица, а максимальному – 128), а также проранжированы общие баллы теста MSCEIT. После этого «частные» ранги суммировались, а полученные в итоге *обобщенные* ранги подверглись вторичному ранжированию, где снова наименьшему баллу была присвоена единица, а максимальному оценка – 128. Полученный на основе этого интегральный показатель EQ был использован в дальнейших математических расчетах. Данный показатель коррелирует с результатами экспертной оценки эффективности деятельности. Значение коэффициента корреляции равно 0,23 ($\alpha=1\%$). Это позволяет сделать вывод о существовании *эмпирически доказанной* взаимосвязи позитивного плана между ЭИ и эффективностью управленче-

ской деятельности. Данная связь впервые подтверждена экспериментально.

В литературе по психологии управления неизменно подчеркивается, что деятельность руководителя насыщена эмоциогенными факторами, связанными с очень высокой стрессогенностью, ответственностью, что требует, естественно, эффективной эмоционально-волевой регуляции. Кроме того, эмоциогенные факторы связаны с межличностными отношениями. Указанные обстоятельства сочетаются с весьма трудными и зачастую противоречивыми условиями деятельности, с высокой ответственностью за результаты. Вместе с тем руководитель обязан достаточно эффективно контролировать свои эмоции для уменьшения их негативного (а в ряде случаев «блокирующего») влияния не только на собственную деятельность, но и на деятельность подчиненных.

Следовательно, руководителю необходима система профессионально-важных качеств, относящихся в том числе и к эмоциональной сфере. Неслучайно многие авторы включают в систему ПК руководителя эмоциональные свойства.

Так, в частности, Л.Д. Кудряшова включает в перечень личностных качеств, необходимых руководителю, способность заражать энергией и мобилизовать подчиненных словом и личным примером, эмоциональную сдержанность [85]. В работе А.М. Бандурки и др. одной из важных психологических характеристик личности руководителя является действенность – способность увлечь за собой людей, активизировать их деятельность, найти наилучшие средства эмоционально-волевых воздействий и правильно выбрать момент их применения. К действенности относится способность к эмоциональному воздействию [13]. Н.В. Кузьминой было предложено выделить коммуникативные управленческие способности, включающие способности управлять собственными эмоциями в общении [101]. Е.М. Борисова и ее коллеги в ходе эмпирического исследования выделили три основных блока профессионально важных качеств руководителя: интеллектуальный, личностный и динамический [19]. Среди личностных особенностей экспертами было выделено умение управлять своими эмоциями и поведени-

ем. Среди динамических особенностей психических процессов важной является эмоциональная уравновешенность, избегание импульсивных реакций. А.У. Хараш к профессионально-важным качествам руководителя относит готовность к содействию и сопереживанию. По мнению Е.С. Жарикова, важным для руководителя свойством является эмпатия. Руководитель должен иметь представление об эмоционально-интеллектуальном восприятии подчиненными требований и установок руководства [47].

Важнейшим требованием к руководителю, по нашим данным, является не только способность к эмоционально-волевой саморегуляции, но и к регуляции своего экспрессивного поведения. Эмоциональный фон в поведении руководителя обязателен, но он должен быть по возможности позитивным. Экспрессивный компонент, несущий достаточно надежную информацию, включает в себя три основных аспекта [51].

1. Субъективный контроль за экспрессивными проявлениями своих эмоциональных и волевых состояний, за своим поведением в целом.

2. Умение владеть средствами экспрессивного воздействия на подчиненных.

3. Умение использовать экспрессивные средства как канал информации о других – подчиненных. Это своего рода диагностическое умение руководителя, когда он по внешним и чаще всего по эмоционально-экспрессивным проявлениям получает важную информацию о подчиненных. Диагностические умения складываются из точности межличностной перцепции, экспрессивной сензитивности и психологической проницательности.

В работе Л.И. Уманского [95] выделен целый ряд качеств, связанных с эмоциональным контролем. Психологическая избирательность, входящая в структуру организаторских способностей проявляется в фактах быстрого, одновременного, «свернутого», часто невербализованного и неосознанного отражения психологических особенностей и состояний других людей; в сопереживании человеком того, что чувствуют другие люди. Одним из проявлений следующего качества – практически-психологического ума – является находчивость в применении психологического состояния, настроения людей к данным усло-

виям жизни и деятельности людей. Психологический такт составляют, в частности, чуткость, внимательность, участливость. Общественная энергичность и требовательность отражают способность воздействовать на других людей в области эмоционально-волевой сферы [143].

Итак, многие исследователи выделяют ряд необходимых для руководителя свойств, которые, по сути, являются составляющими ЭИ. Если попытаться сопоставить перечисленные качества со структурой ЭИ, скажем, по Майеру, то можно заключить, что в различных классификациях ПК руководителя отражены все четыре ветви ЭИ: восприятие, идентификация эмоций (собственных и других людей); фасилитация мышления (способность вызывать определенные эмоции), понимание эмоций; управление своими эмоциями и чувствами других людей.

В соответствующей литературе часто приводятся аргументы в пользу положительного влияния ЭИ на субъект-субъектные виды деятельности, а особенно на деятельность менеджера, однако не приводится никаких эмпирических доказательств данного факта. Полученные в этом исследовании данные подтверждают, что значимой связи между ними нет; однако следует отметить, что такие взаимоотношения являются весьма опосредствованными, а коэффициент корреляции между ними достаточно низкий. Однозначно судить о влиянии ЭИ на управленческую деятельность в силу этого представляется не вполне корректным.

В связи с изложенным возникают два основных вопроса: каков *механизм* взаимосвязи ЭИ и управленческой деятельности? и какую *конкретную* форму имеет данная связь?

При рассмотрении первого вопроса представляется целесообразным интерпретировать ЭИ как результативное проявление системы метапроцессуальных процессов личности³³. В свете

---

³³ Подчеркнем, что это полностью соответствует нашему общетеоретическому подходу к интерпретации базовых средств, лежащих в основе ЭИ, сформулированному во 2-й главе и обозначенному как *процессуально-операционный* подход. Он, в свою очередь, базируется на предложенных нами представлениях о *множественности* состава и

разрабатываемой одним из нас концепции метапроцессуальной регуляции деятельности и поведения, помимо основных, традиционно выделяемых процессов («первого порядка»), дифференцируются интегральные процессы регуляции деятельности и поведения (процессы «второго порядка»), выступающие в качестве объективно необходимого уровня процессуальной регуляции деятельности [70, 72, 73]³⁴.

Таким образом, представляется возможным рассматривать проблему ЭИ в рамках более общего направления метакогнитивизма в целом и метапроцессуального подхода в особенности. ЭИ является одновременно когнитивным (с точки зрения познания индивидом своих эмоций и чувств других людей) и регулятивным (позволяющим субъекту регулировать собственные эмоциональные процессы и контролировать эмоции окружающих).

В свете всех этих теоретических положений ЭИ представляет собой интегральное психическое образование, которое оказывает регулирующее воздействие на поведенческие параметры и имеет в своей основе метапроцессуальное обеспечение. В деятельности руководителя это воздействие проявляется особенно ярко в связи с ее специфическим характером: прежде всего, в связи с ее межличностным и иерархически организованным, то есть субъект-субъектным типом, а также с высокой степенью ответственности и соответственно с включенностью эмоционально-волевой регуляции (что было отмечено выше).

Для рассмотрения вопроса о конкретном характере связи между ЭИ и эффективностью управленческой деятельности необходимо вначале определить основные составляющие эффективного руководства. Данная проблема достаточно подробно освещена как в западной, так и в отечественной литературе. Не-

---

закономерной структурированности особого, качественно специфического класса психических процессов – метапроцессов в целом и *метаэмоциональных* процессов в частности.

³⁴ Показано также, что необходима дифференциация и, так сказать, «третичных» процессов. Наиболее известным и изученным среди них является процесс рефлексии, дифференцирующийся на систему операциональных средств ее реализации и базирующийся на синтезе «вторичных» процессов.

смотря на разнообразие подходов к пониманию эффективности лидерства, существуют некоторые общие характеристики в ее трактовке. К ним относятся, в частности: совместное целеполагание и общее понимание путей достижения целей, разделяемое коллективом; умение довести до сознания работников необходимые знания, а также и понимание важности работы и регулирования поведения в соответствии с этим; способность генерировать и поддерживать энтузиазм, уверенность и оптимизм в организации; гибкость в принятии решений и готовность к изменениям; установление и поддержание значимой для сотрудников организационной идентичности [185]. ЭИ способствует активному включению указанных характеристик в деятельность руководителя.

Благодаря достаточно высокому ЭИ, руководители могут сформировать цели и убедительное видение миссии и стратегии деятельности организации для своих подчиненных. Далее, эмоции фасилитируют процессы обработки информации при оценке возможностей, проблем, угроз, рисков в организации. Наконец, влияние ЭИ проявляется при принятии подчиненными целей и видения организации. Например, руководители с высоким EQ могут использовать следующий факт: подчиненные поддерживают цели и задачи тогда, когда руководитель выражает доверие и расположение сотрудникам [203].

Существенный аспект эффективности деятельности заключается в умении довести до работников необходимые знания и понимание важности работы, связан с необходимостью понимания эмоций подчиненных и оказания влияния на их чувства таким образом, чтобы они осознавали серьезность возникающих проблем и при этом стремились к их решению, сохраняя позитивный настрой. Руководители с высоким уровнем ЭИ обладают знанием о метарегуляции настроения, в частности о том, что положительные события лучше представлять в свете улучшений предшествующих условий [205].

Для того чтобы генерировать и поддерживать энтузиазм, уверенность и оптимизм работников (третий аспект эффективности), руководителю необходим такой компонент ЭИ как способность к мониторингу эмоций и знание об управлении эмо-

циями, а также компетентность в этом. Более того, необходимо умение отличать истинные чувства сотрудников от тех, которые они пытаются изобразить, а также понять, почему возникают эти ложные экспрессии. ЭИ с помощью «конструктивного мышления» (термин предложен С. Эпштейном), позволяет руководителям генерировать креативные подходы к разрешению конфликтов между подчиненными, решать проблемы при минимальном стрессе, устанавливая доверительные отношения и способствовать сотрудничеству и кооперации работников [235].

Влияние ЭИ на гибкость в принятии решений и готовность к изменениям (четвертый аспект эффективности) выражается в нескольких моментах [241].

Во-первых, эмоции являются для руководителя сигналами, позволяющими обратить внимание на требования и потребности в различных ситуациях и определить их приоритетность.

Во-вторых, эмоции несут в себе и определенную информацию о проблемах и возможностях. Благодаря ЭИ руководитель может осознавать, что эмоции, вызванные запросами с низкой приоритетностью, мешают обратиться к более важным требованиям, и принимать более эффективные решения. Когда руководители (лидеры) осознают свои эмоции и эффективно управляют ими, они могут при решении проблем учитывать, «взвешивать» разнообразные альтернативы, избегать ригидности, осознавать влияние настроения на рассмотрение возможных вариантов.

В-третьих, ЭИ способствует нахождению связей в потоке разрозненной информации и помогает адекватно распознать истинные взаимосвязи явлений и событий.

В-четвертых, ЭИ содействует способности руководителя к успешному воплощению организационных изменений. Если руководитель понимает эмоции подчиненных и умеет оказывать влияние на эти чувства, он сможет привести сотрудников к переоценке своих переживаний и способов выражения своих эмоций в тех случаях, когда предстоящие изменения в организации встречают сопротивление.

Установление и поддержание значимой для сотрудников организационной идентичности (пятый аспект эффективности) напрямую связано с организационной культурой [237]. Важными

аспектами организационной культуры являются, в частности: эмоционально насыщенные верования, ценности и нормы. Управление организационной культурой в определенной степени является управлением эмоциями. Нормы и ценности должны быть наполнены подкрепляющими их эмоциями в целях мотивирования сотрудников и придания смысла их деятельности, а также в создании и поддержке совместной «организационной принадлежности», идентичности и целостности. Культурные формы (символы, язык, истории, «неписанные» нормы и правила, ценности, обычаи и др.) помогают сотрудникам осознавать свою организационную идентичность, управлять своими эмоциями и выражать их. Эффективное применение руководителями культурных форм зависит от многих аспектов ЭИ – осознания чувств, знания причин их возникновения, способности к выражению эмоций, умения побуждать определенные чувства у других и понимания, как и почему эмоции связаны с культурными нормами.

Итак, проведенный на материале профессиографических и деятельностно-аналитических данных анализ показал, что ЭИ оказывает значительное и многоплановое воздействие на важные «составляющие» деятельности руководителя, являясь одним из факторов его успешного взаимодействия с подчиненными, а в конечном итоге и фактором эффективности деятельности организации в целом. Вместе с тем эта «связь» и это «воздействие» требуют собственно экспериментальной верификации.

Реализуя эту задачу, мы провели диагностику всей выборки по уровню развития ЭИ, затем осуществили ее «расслоение» по критерию значимых различий в этом показателе. В результате были дифференцированы четыре подгруппы испытуемых.

Далее, данные обрабатывались отдельно для каждой из экспериментальных подгрупп посредством «матричного анализа» тестовых показателей [66], а результаты представлялись в виде матриц интеркорреляций значимо коррелирующих между собой индивидуальных качеств (коррелограмм). Они представлены в таблицах 10 – 13. На основе этих материалов была рассмотрена функциональная роль каждого качества в общей структуре, определяемая числом и значимостью их связей с другими качествами.

При сравнении матриц интеркорреляций 4 групп, различающихся по степени выраженности EQ, не было выявлено существенных различий между ними по степени стандартных разработанных нами индексов (индекса *когерентности*, индекса *дивергентности* и индекса *общей организованности*). Следует отметить, что эти данные о структуре ЭИ впервые получены эмпирически, а не являются продуктами умозрительных заключений и предположений. Кроме того, выявленные закономерности подтверждают ограниченность *аналитического* подхода к изучаемому явлению, обосновывают необходимость перехода к иному способу (а одновременно и уровню) исследования – *структурному*, то есть к исследованию *целостных* комплексов детерминант (психических процессов, свойств, «субспособностей» и пр.), рассматриваемых во *взаимодействии* друг с другом и в связи с регулируемой ими деятельностью. Данные подтверждают представление об ЭИ как интегральном психическом свойстве, имеющем опосредованное влияние на результативную сторону деятельности.

Наряду с этим найденные матрицы были подвергнуты специальному анализу на предмет их «гомогенности – гетерогенности» по разработанному в наших исследованиях методу «экспресс-χ». Он был неоднократно реализован по отношению к задачам психологического изучения профессиональной деятельности (в том числе и управленческой); его подробная характеристика представлена, например, в [61, 63, 72 и мн. др.]. Он позволяет определить, являются ли структурограммы (коррелограммы) *принципиально сходными* (то есть гомогенными) и различаются лишь количественно, по мере их относительной развитости; либо они *принципиально различны* (гетерогенны). Реализация данного метода по отношению к структурограммам (коррелограммам) «составляющих» ЭИ в дифференцированных четырех группах, значимо различающихся по *общей* степени его развития, показала, что они являются гетерогенными, что непосредственно указывает на их *качественные различия*.

4.3. Результаты исследования и их интерпретация

4.3. Результаты исследования и их интерпретация

При анализе построенных на основе указанных матриц структурограмм (коррелограмм) был определен «вес» каждой из входящих в них характеристик в общей структуре. Для этого 99%-ым связям, как то и предписывается методом «матричного анализа», присваивался балл 3; 95%-м связям – балл 2, 90%-м – балл 1. Таким образом, каждая переменная имеет то или иное количество корреляционных связей, различающихся по их общему весу. Суммирование веса всех взаимосвязей, в которые включена каждая переменная, дает общий показатель веса данной характеристики в общей структуре.

Следующим этапом анализа данных явилось исследование матриц и коррелограмм по таким наиболее обобщенным показателям, как степень их организованности, когерентности (интегрированности) и дифференцированности. Индекс когерентности структуры (ИКС) определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости [71, 72]. Индекс дифференцированности структуры (ИДС) вычисляется как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре. Индекс организованности структуры (ИОС) является функцией общего количества положительных и отрицательных связей и их значимости. Результаты представлены на рис. 1.

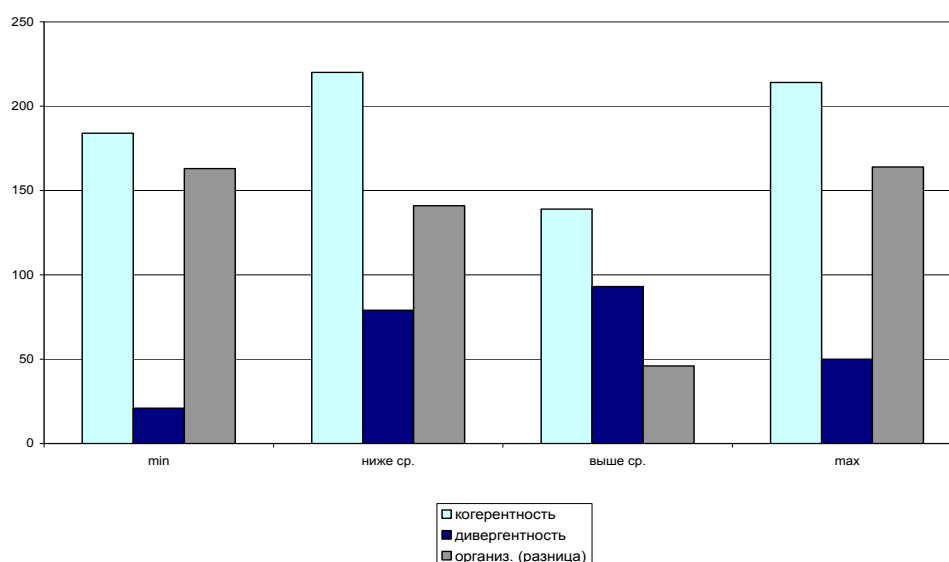

Рис. 1. Гистограмма ИКС, ИДС, ИОС в группах с разным уровнем ЭИ

Из данных, представленных на рис. 1, следует, что существуют *значительные* различия по степени организованности структур ЭИ в выделенных группах. Наибольшие значения ИОС обнаружены в группах с минимальным и максимальным EQ, а в группе с EQ выше среднего ИОС минимальный. Таким образом, зависимость организованности структуры ЭИ от уровня EQ принимает *инвертированный* вид по сравнению с кривой IQ. Такая инверсия отражает *качественные* различия структуры ЭИ и традиционного интеллекта, что в конечном итоге, возможно, объясняется принципиальными различиями процессов и механизмов когнитивной и эмоциональной подсистем психики (а на более «бытовом языке» – «противоположностью ума и чувств»).

При сравнении данных совокупности корреляций внутри групп и степени организованности структур в них видно, что структура ЭИ имеет синтетический, а не аналитический характер. Это указывает на то, что ЭИ представляет собой комплексное образование с организованной структурой. Выявленные закономерности подтверждают правомерность ограниченности аналитического подхода к изучаемому явлению; обосновывают необходимость целостного исследования психических процессов и свойств, рассматриваемых во взаимодействии друг с другом и в связи с регулируемой ими деятельностью, в том числе и в аспекте исследования ЭИ.

По отношению к данным, характеризующим эффективность деятельности руководителей использовался, как уже отмечалось, метод экспертной оценки. Эксперты должны были оценить эффективность руководителя по 3 параметрам: 1) «общая успешность деятельности», 2) «перспективы дальнейшего роста», 3) «степень финансовой самостоятельности», или «степень свободы в принятии решений». В качестве экспертов выступили: обязательно один вышестоящий руководитель (оценка «сверху»), один подчиненный (оценка «снизу») и один руководитель смежного подразделения того же уровня (оценка «равными»). При этом мы учитывали приводимые в литературе сведения относительно того, что эксперт должен быть не более чем на два ранга выше или ниже оцениваемого по управленческому рангу, иметь такой же стаж совместной работы с оцениваемым, чтобы хорошо

знать его. В бланке ответов указывалась только фамилия оцениваемого. Каждый испытуемый получил оценки как минимум 3 экспертов. В дальнейшем оценки всех экспертов каждого руководителя усреднялись отдельно по параметрам, а из полученных показателей был выведен средний балл, который использовался в математической обработке.

После этого данные подвергались обработке с учетом критерия эффективности деятельности. Для этого вновь был применен метод «полярных групп» (Д. Фланаган). Вся выборка была дифференцирована на 3 группы на основе величины балла (показателя) экспертной оценки деятельности: с минимальными показателями (группа неуспешных руководителей), а также со средними и максимальными значениями («промежуточная» группа и группа успешных руководителей). После этого были определены средние значения всех показателей ЭИ (то есть всех субшкал обеих методик на эмоциональный интеллект) и построены усредненные профили двух крайних групп – успешных и неуспешных руководителей. При наложении графиков друг на друга оказалось, что профили практически идентичны (см. рис. 2).

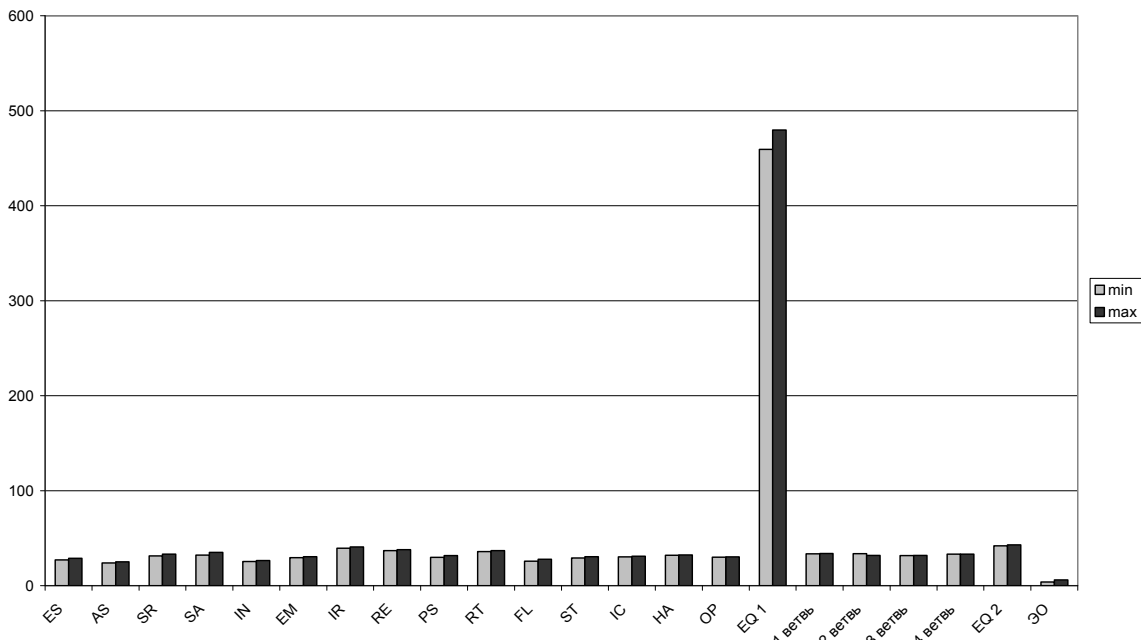

Рис. 2. Гистограмма средних значений баллов по методикам на ЭИ и в группах с разной эффективностью деятельности (профили группы успешных и неуспешных руководителей)

4.3. Результаты исследования и их интерпретация

Наконец, подсчет индексов организованности, когерентности (интегрированности) и дифференцированности показал, что в трех дифференцированных группах они практически равны (см. рис. 3). Это указывает на отсутствие структурных различий ЭИ в группах.

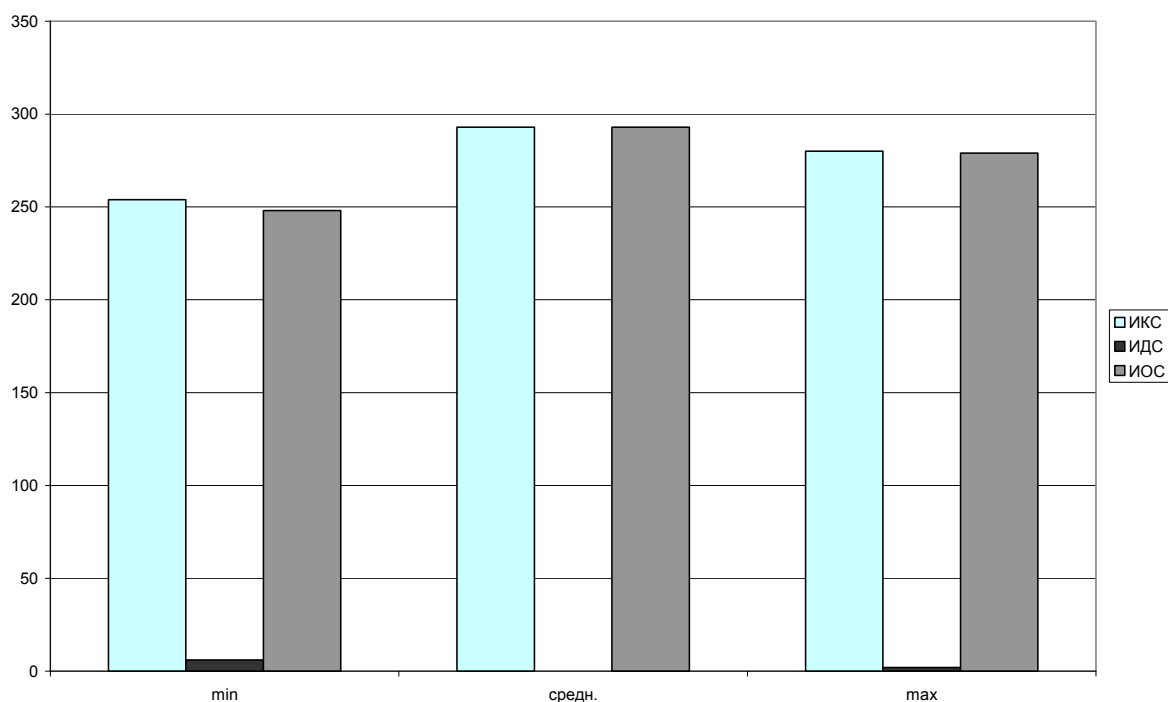

Рис. 3. Гистограмма ИКС, ИДС, ИОС в группах с разной эффективностью деятельности

Данный результат допускает следующую интерпретацию. ЭИ, являясь интегральным психическим свойством, в принципе не может характеризоваться какими-либо «простыми и однозначными» зависимостями с теми или иными переменными (как внутреннего, так и внешнего порядков). Системность его организации, а также интегративный характер тех процессуальных и операционных синтезов (паттернов), на котором он в конечном счете базируется, обуславливают существенно более сложный и опосредствованный тип его связи с любыми изучаемыми факторами. В частности, данное положение проявляется в том, что ЭИ влияет на эффективность деятельности руководителя опосредованно, через *способы* и методы, применяемые руководителями в своей деятельности. Это предположение подверглось экспериментальной проверке во второй части исследования.

4.3.2. Эмоциональный интеллект как детерминанта процессуальных характеристик управленческой деятельности

Итак, следующим этапом исследования явилось изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта с *процессуальными* характеристиками управленческой деятельности, то есть с ее стратегическим – стилевым – «измерением». В качестве такого показателя были, естественно, избраны стилевые особенности управленческой деятельности. При этом одной из основных задач данного этапа явилась разработка опросника исследовательского типа, который позволил бы определить выраженность четырех основных общеуправленческих стилей деятельности: авторитарного, демократического, партисипативного и попустительского.

Разработанный нами опросник для определения процессуально-стилевых особенностей управленческой деятельности состоит из 24 вопросов³⁵. Опросник включает в себя 4 шкалы соответственно стилям деятельности. На каждую шкалу предлагается 6 утверждений. Задача испытуемых – оценить каждое утверждение по стобалльной шкале в зависимости от степени согласия с содержанием утверждения. Результаты представляют собой 4 значения (по отдельным шкалам), которые могут варьировать от 0 до 600. Опросник позволяет оценить не только выраженность отдельных стилей, но и их сочетания.

Четыре шкалы опросника образуют 2 оси: одна ось имеет на полюсах демократический и авторитарный стили, другая образована партисипативным и попустительским стилем. Таким образом, демократически-авторитарный континуум отражает содержательную сторону стилей (концентрация или распределение власти), партисипативно-попустительский континуум представляет собой оценочный параметр («правильный» или «неправильный» стиль). Тогда возможно представление результатов в двумерном пространстве, где перпендикулярные друг другу оси образуют систему координат. Имеется пять возможных сочетаний

---

³⁵ Его краткая характеристика уже была представлена выше.

стилей: партисипативно-демократический, демократически-попустительский, попустительски-авторитарный, автократически-партисипативный, ситуационный стиль, представляющий собой комбинацию четырех исходных стилей.

В качестве испытуемых выступили 58 руководителей, ранее участвовавших в первой части исследования. Были использованы следующие результаты из первой серии: данные по методикам MSCEIT (общий балл), VarOn EQ-i (суммарный балл) и эффективность деятельности.

В дальнейшем были определены коэффициенты корреляции между отдельными шкалами опросника и показателями EQ (см. табл. 14). В результате этого была обнаружена отрицательная корреляция между EQ 2 (итоговым баллом теста MSCEIT) и попустительским стилем $r = -0,27$ ($\alpha = 1\%$). Это подтверждает гипотезу о наличии связи ЭИ и процессуального аспекта управленческой деятельности.

В пользу отрицательной связи эмоционального интеллекта с попустительскими чертами в стиле руководства свидетельствуют следующие характеристики попустительского стиля: пассивность руководителя в исполнении управленческих функций; стремление минимизировать свою личную ответственность; отсутствие тенденции к предвидению могущих возникнуть проблем; неинициативность как руководителя, так и подчиненных, которые при этом «предоставлены сами себе», отсутствие адекватной реакции на критику, неспособность справиться в критических ситуациях без помощи других. К тому же руководитель данного типа, как правило, не умеет приказывать, а преобладающими методами его руководства являются уговоры в отношении к подчиненным; он проявляет равнодушие и непостоянство, в общении его трудно понять.

Далее, для более детального анализа рассматриваемой проблемы был реализован метод, который, к сожалению, нечасто применяется в психологических исследованиях, хотя и является достаточно конструктивным – метод «корреляционного отношения» (η^2). Несколько схематизируя его, можно считать, что он позволяет в определенной мере установить (причем в количественной форме) *детерминационные* (то есть фактически причинно-

следственные) связи между изучаемыми переменными, а не только факт их «соотносимости» друг с другом, на что направлен метод вычисления простых корреляций. Руководствуясь этим, мы определили значения корреляционного отношения η^2 между EQ (по каждой методике и интегральному показателю) и каждому из 4 стилей η^2 . Результаты представлены в табл. 15.

Таблица 14

Матрица интеркорреляций результатов исследования взаимосвязи ЭИ и процессуальных аспектов управленческой деятельности (N=58)

	авторит.	попустит.	демократ.	партис.	EQ 1	EQ 2	интегр.
авторит.	1,00	0,15	-0,32	-0,09	-0,02	-0,13	-0,09
попустит.		1,00	0,50	0,43	-0,03	-0,27	-0,12
демократ.			1,00	0,52	-0,09	-0,10	-0,07
партис.				1,00	-0,10	-0,16	-0,21
EQ 1					1,00	0,30	0,70
EQ 2						1,00	0,68
интегр.							1,00

Статистически значимая корреляция (на уровне $p=0,05$) выделена жирным шрифтом.

Обозначения: «авторит.» – авторитарный стиль, «попустит.» – попустительский стиль, «демократ.» – демократичный стиль, «партис.» – партисипативный стиль руководства, «EQ 1» – суммарный балл опросника BarOn EQ-i, «EQ 2» – общий балл теста MSCEIT, «интегр.» – интегральный показатель эмоционального интеллекта.

Как можно видеть из представленных результатов, обнаруживается статистически значимое корреляционное отношение между EQ 2 (итоговым баллом теста MSCEIT) и попустительским стилем, равное 0,58, что указывает не только на их взаимосвязь, но и на влияние ЭИ на процессуальные аспекты управленческой деятельности. Однако это влияние имеет довольно специфический характер: ЭИ *минимизирует* тенденцию к выбору *наименее эффективного* стиля (попустительского), *не ограничивая* при этом свободу выбора какого-либо иного более конструктивного стиля (демократического, партисипативного или авторитарного).

Эти данные являются не вполне «обычными» с точки зрения корреляционного анализа и не столь простыми, к каковым он обычно приводит. Дело в том, что ЭИ (и в этом состоит специфичность обнаруженного результата) выступает как детерминанта *невыбора* наименее эффективного стиля, как бы «оберегает» руководителя от него, но не ограничивает свободу выбора иных стилей. В этом факте отчетливо проявляется специфика детерминационной роли эмоционально-интеллектуальных факторов по отношению к процессуальной регуляции и организации деятельности. В отличие от более определенного характера и более однозначных связей факторов когнитивного плана, эмоциональные факторы как бы «отсекают» негативный стиль, но предоставляют возможность свободы выбора иных более эффективных стилей.

Таблица 15

**Корреляционное отношение η^2 показателей EQ
и стилей деятельности**

Название стиля	EQ 1	EQ 2	интегр.
авторитарный	0,31	0,55	0,19
демократический	0,25	0,39	0,42
попустительский	0,26	0,58	0,40
партисипативный	0,41	0,50	0,26

Статистически значимое корреляционное отношение выделено жирным шрифтом.

Обозначения: «EQ 1» – суммарный балл опросника VarOn EQ-i, «EQ 2» – общий балл теста MSCEIT, «интегр.» – интегральный показатель эмоционального интеллекта.

Следующей задачей данного этапа исследования стало разделение выборки на 5 групп в соответствии с предпочитаемым стилем деятельности – партисипативно-демократическим (I группа), демократически-попустительским (II группа), попустительски-авторитарным (III), автократически-партисипативным (IV группа) и пятым стилем, сочетающим в себе четыре базовых стиля (V группа). Для этого была построена система координат, в которой одна ось имеет полюсы «авторитарный» и «демократиче-

ский», а вторая – «партиципативный» и «попустительский». Локализация каждого испытуемого в системе координат определялась 2 координатами одновременно. В качестве первой координаты выступала разница баллов между авторитарным и демократическим параметрами, а в качестве второй – разница баллов между партиципативным и попустительским параметрами. В пятую группу вошли испытуемые, чьи координаты попали в «круг» с центром в начале системы координат и радиусом в 100 единиц. Такой радиус был выбран как среднее значение диапазона координат от 0 до 200. Двое испытуемых были исключены из обработки, т.к. одна из координат у них равна нулю, и, следовательно, их нельзя отнести ни в одну группу.

При осуществленном таким образом «расслоении» выборки проявился феномен *селективного влияния профессии*, согласно которому наибольшее количество руководителей используют оптимальный стиль деятельности. Количество руководителей в других группах уменьшается по мере снижения эффективности стиля. Поскольку стаж руководящей работы испытуемых превышал в среднем пять лет, можно сделать предположение, что низкоэффективные руководители практически не вошли в выборку, отсеявшись в результате селективности профессии (то есть своего рода «естественный отбор руководителей»).

Далее были определены средние значения EQ по обоим методикам, средние интегрального показателя EQ, а также экспертных оценок для каждой группы. В результате установлено, что средние значения указанных выше показателей незначительно отличаются друг от друга. Это, по-видимому, объясняется причинами использованной в данном случае системы *инсативной* оценки для отнесения испытуемых в конкретные группы. Поэтому на следующем этапе исследования в дальнейшем было принято решение уменьшить радиус диапазона для центральной группы, а также выделить крайние (наиболее удаленные от центра) координаты внутри каждой группы. В итоге были сформированы 4 группы внутри существующих – первая группа с партиципативно-демократическим стилем (11 человек), третья группа с попустительски-авторитарным стилем (2 человека), четвертая группа с автократически-партиципативным стилем (5 человек), централь-

ная, пятая группа (7 человек). Во вторую группу с демократически-попустительским стилем не попал ни один испытуемый. Как и в первом случае были посчитаны средние для каждой группы по тем же параметрам значения EQ по обоим методикам, средние интегрального показателя EQ и экспертных оценок для каждой группы (см. табл. 16). При сравнении показателей выяснилось, что в центральной группе, сочетающей в себе характеристики всех стилей, обнаружилась самая высокая эффективность деятельности, при этом интегральный показатель EQ имеет средние значения по отношению к значениям других групп.

Таблица 16

Средние значения EQ и эффективности деятельности в группах с разными стилями деятельности

Название стиля	EQ 1	EQ 2	интегр.	ЭД
партициптивно-демократический	446,27	43,44	23,09	4,86
попустительски-авторитарный	498,00	43,94	44,25	4,28
автократически-партиципативный	477,60	43,58	31,40	4,87
комбинированный	447,43	37,00	30,14	5,21

Обозначения: «EQ 1» – суммарный балл опросника BarOn EQ-i, «EQ 2» – общий балл теста MSCEIT, «интегр.» – интегральный показатель эмоционального интеллекта, «ЭД» – эффективность управленческой деятельности.

Полученный результат целесообразно, на наш взгляд, сопоставить с известной и ставшей своего рода классической закономерностью, связывающей *общий* интеллект и эффективность управленческой деятельности, которая была обнаружена американским психологом Е. Гизелли [190]. Он выявил, что между ними существует не прямая, а криволинейная зависимость: наибольшей успешностью характеризуются руководители, имеющие *оптимальный* уровень выраженности интеллекта.

Таким образом, на основе этого случая можно говорить о расширении данного закона и на ЭИ. Оптимальные процессуальные и результативные показатели деятельности проявляются при

среднем уровне ЭИ. Низкий уровень ЭИ не позволяет руководителям эффективно осуществлять деятельность из-за недостаточной способности к правильной идентификации и регуляции эмоций. В свою очередь, и очень высокий EQ оказывает негативное влияние на деятельность в связи с гипертрофированной концентрацией на мире собственных эмоций и на чувствах других людей в ущерб рациональному контролю.

Расширение закона Е. Гизелли на проблематику ЭИ позволяет сделать достаточно важный, на наш взгляд, вывод: когнитивные механизмы являются ведущими в ЭИ. ЭИ по своей структуре представляет собой прежде всего именно интеллект, то есть образование с выраженной когнитивной «составляющей». Такое понимание ЭИ отражено в концепции эмоционального интеллекта Дж. Мейера, П. Сэловея, Д. Карузо. Согласно данной модели, эмоциональный интеллект – это группа *ментальных* способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих [212].

Ассимиляция эмоций в мышлении (использование эмоций для повышения качества мыслительной активности), понимание единства рационального и эмоционального подтверждается данными клинических экспериментов [196], согласно которым осуществление эффективного или удовлетворительного процесса принятия решения невозможно, если мысль лишена эмоционального подкрепления. Можно предположить наличие в структуре эмоционального интеллекта эмоций, мотивирующую когнитивную деятельность, которая связана с эмоциональной сферой, точнее, с распознаванием, выражением, пониманием эмоций.

Далее, в этом плане необходимо отметить и то, что были обнаружены положительные значимые корреляции между данными теста MSCEIT и тестами на IQ. Например, Дж. Пеллетерри выявил корреляцию $r=0,34$, (при $p=0,05$) между MSCEIT и шкалой В (IQ) опросника 16 PF Кеттелла [223]. IQ и EQ – два различных фактора жизненных и профессиональных достижений. ЭИ попадает под категорию интеллекта в понимании Д. Векслера, согласно которому «интеллект есть умение действовать целенаправленно, рационально и эффективно с целью достижения успеха в данных условиях» [44]. Таким образом, эмоциональный интеллект –

это также в значительной степени *ментальная* способность, при помощи которой, однако, осуществляется переработка особого типа информации – информации эмоциональной.

Следует отметить и еще один факт, свидетельствующий в пользу правомерности концепции ЭИ как способности. Коэффициент ЭИ, измеренный с помощью теста MSCEIT, имеет статистически значимую корреляцию с попустительским стилем и статистически значимо влияет на попустительский стиль руководства. В свою очередь общий балл опросника VarOn EQ-i не связан со стилевыми особенностями управленческой деятельности. Это указывает на то, что понимание ЭИ как когнитивной способности является более адекватным, чем представление об ЭИ как комплексе личностных свойств (самоактуализация, социальная ответственность, самоуважение и т.п.) в рамках смешанных моделей. Данные модели, как мы уже отмечали, подвергаются критике в основном из-за семантической и структурной неопределённости данного понятия. Они фактически сближают ЭИ с феноменом «популярной психологии», которая призывает не столько к его развитию (который с данной точки зрения остаётся неопределённым понятием), сколько к развитию различных личностных характеристик, якобы способствующих успеху.

Полученные же нами и охарактеризованные выше данные подтверждают *научную* обоснованность концепции ЭИ с позиций Дж. Мэйера, Д. Карузо и П. Сэловея, поэтому представляются перспективными дальнейшие эмпирические исследования на основе этой модели и с использованием теста MSCEIT.

Итак, в результате проведения эмпирического исследования впервые эмпирически обосновано детерминирующее воздействие ЭИ на *субъективное* предпочтение к реализации попустительского стиля управленческой деятельности. Наиболее существенным, однако, представляется в этой связи и то, что метакогнитивный (и шире – метапроцессуальный) контроль за данной тенденцией является мощным стимулом для включения *компенсаторных механизмов*, блокирующих указанную тенденцию как явно неэффективную в плане реализации управленческой деятельности. Не менее важным является также вопрос о существенном характере влияния ЭИ на другие характеристики процессуальной состав-

ляющей управленческой деятельности, в частности на выбираемые руководителями стратегии и модели преодоления в стрессовых ситуациях. Эта проблема представляет особенную актуальность в психологии менеджмента в связи с высокой степенью стрессогенности управленческой деятельности. В силу этого нами было проведено эмпирическое исследование взаимосвязи ЭИ и моделей преодоления руководителей, результаты которого описаны ниже.

4.3.3. Эмоциональный интеллект как детерминанта предпочитаемых стратегий преодоления в управленческой деятельности

Постановка проблемы

Проблема совладания является очень актуальной для управленческой деятельности, что обусловлено высокой степенью ее стрессогенности, повышенной ответственностью, интенсивными межличностными отношениями. В 4.3.2. нами было установлено влияние ЭИ на процессуально-стилевые характеристики управленческой деятельности (см. также [111]). Представляется логичным предположить, что влияние ЭИ распространяется и на другие аспекты процессуальных составляющих деятельности руководителя, в частности на предпочтение моделей и стратегий преодоления стрессогенных ситуаций.

Руководствуясь этим, мы провели исследование взаимосвязи уровня ЭИ и стратегий и моделей совладающего поведения. Прежде чем перейти к описанию самого исследования, представляется необходимым дать краткую характеристику самого понятия «совладание», а также характеристику некоторых основных подходов к пониманию моделей и стратегий преодоления.

Совладающее поведение – это, согласно традиционной точке зрения, осознанная стратегия действий, направленная на устранение угрозы, помехи, эффективнее адаптирующая человека к требованиям ситуации и помогающая преобразовывать её в соответствии со своими намерениями, либо выдержать, «вытерпеть» те обстоятельства, изменить которые человек не может. В стрессовых ситуациях нужно принимать неординарные решения, при-

лагать необычайные усилия, чтобы справиться с угрозой или вызовом, потерей или ущербом [27].

Совладание с жизненными трудностями, как утверждает Р. Лазарус и С. Фолкман, есть «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы». Задача совладания с негативными жизненными обстоятельствами состоит в том, чтобы либо преодолеть трудности, либо уменьшить их отрицательные последствия, либо избежать этих трудностей, либо вытерпеть их [11, 20].

Понятие «копинг» происходит от англ. «to cope» (справляться, приспособливаться). Копинг был определен Р. Лазарусом как сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса [134].

В русскоязычной литературе существует широкая дифференциация переведенного термина, даже путаница. Психологи и психотерапевты говорят о «защите» (Э.Г. Эйдемиллер), «купировании» (Л.А. Китаев-Смык), «совладании» (Л.И. Анцыферова, А. Либина, Т.Л. Крюкова) и «преодолении» (В.А. Бодров).

Большинство отечественных исследователей вслед за Л.И. Анцыферовой переводят «копинг» как совладание. Согласно словарю В.И. Даля, «совладание» происходит от старорусского «лад», «ладить» и означает «справиться, привести в порядок, подчинить себе».

В последние годы в связи с увеличением числа исследований в области психологии совладания российские психологи часто используют и термин «копинг», понимая его как адаптивное, совладающее поведение. Мы также будем использовать оба термина как синонимы. Обсуждаемый термин существует «на стыке» хорошо известных и широко представленных тенденций современной психологии личности, что объясняет, по мнению Л.И. Анцыферовой, его распространенность.

Одна из этих тенденций – это перенесение внимания с субъекта на ценности ситуации, в которой он действует. Именно ситуация во многом определяет логику поведения человека и меру ответственности за результат его поступка. Именно психологиче-

ская ситуация представляет собой единство внешних условий и их субъективных интерпретаций, ограниченное во времени и побуждающее человека к избирательной активности. Вторая тенденция связана с развитием идеографического подхода в психологии с присущим ему акцентом на «особенное и индивидуальное (конкретное)», присущее человеку в определенных условиях, а также с постулированием уникальности каждой личности [84].

Копинг есть индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [10, 84]. Становление полноценного и продуктивного стиля копинг-поведения не может произойти при пассивной позиции человека и включает не только (и не столько) приспособительную активность, но и активность, преобразующую окружающий мир (ситуацию), и себя, как субъекта этой активности [10].

На основе теории многоуровневой системы организации и множественной детерминации психического развития (Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский) вполне очевидно, что субъекта совладающего поведения определяет, прежде всего, способность к регуляции и самоорганизации [84]. Проблема психической регуляции поведения и деятельности является ключевой при реализации субъектного подхода в психологическом исследовании. Личность есть особая регуляторная инстанция, которая обеспечивает овладение индивидом своего поведения и развития. С усложнением активности усложняются и уровни регуляции: появляется осознанная произвольная регуляция, саморегуляция произвольной активности.

Среди теоретических моделей психической регуляции и саморегуляции видное место принадлежит концепции осознанной психической регуляции, разработанной с позиций структурно-функционального подхода (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий и др.). Она в наибольшей мере адекватна исследованиям в данной области; в значительной мере объясняет, каким образом личность в целом включена в процесс саморегуляции деятельности, поведения, общения. Раскрытие психологических закономерностей личностно-опосредствованной, осознанной са-

морегуляция является исследовательской задачей первостепенного значения [84].

Следует также учитывать и тот важный факт, что система осознанной саморегуляции органично «вплетена» в общий процесс жизнедеятельности личности, реализующейся в социокультурном и социопсихологическом контекстах [84].

Стратегии и модели совладающего поведения

Психологическое предназначение совладающего поведения состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации путем овладения, ослабления или смягчения этих требований, тем самым редуцируется стрессовое воздействие ситуации [20]. Как указывает С.К. Нартова-Бочавер, «понятие преодоления охватывает широкий спектр человеческой активности, включая в общем виде все формы взаимодействия субъекта с внутренними и внешними задачами, при этом большое значение имеют дополнительные (характеризующие задачу и психологические особенности субъекта) условия» (по [84]).

В зарубежной и отечественной психологии можно выделить 3 основные подхода к проблеме преодоления. *Первый* подход рассматривает преодоление с точки зрения динамики «эго» как способы психологической защиты, ослабляющие психическое напряжение. *Второй* подход рассматривает преодоление в терминах черт личности как предрасположенность отвечать на стрессовые события определенным образом. В *третьем*, наиболее распространенном, подходе преодоление понимается как динамический процесс, специфика которого определяется не только ситуацией, но и степенью активности личности, направленной на решение возникших проблем при столкновении ее со стрессовым событием (цит. по [84]).

Вместе с тем в настоящее время не существует общепринятой классификации типов преодоления. Однако большинство из них концентрируется вокруг двух предложенных Р. Лазарусом и С. Фолкманом стратегий психологического преодоления:

- 1) проблемно-ориентированный копинг (усилия направляются на решение возникшей проблемы);
- 2) эмоционально-ориентированный копинг (изменение собственных установок в отношении ситуации).

В качестве альтернативного подхода С. Хобфолл (1994) предложил многоосевую модель «поведения преодоления» и опросник SACS, построенный на ее основе. В отличие от предыдущих моделей преодолевающее поведение рассматривается как стратегии (тенденции) поведения, а не как отдельные типы поведения.

Предложенная модель имеет две основные оси: просоциальная – асоциальная, активная – пассивная и одну дополнительную ось: прямая – непрямая. Данные оси представляют собой измерения общих стратегий преодоления. Введение просоциальной и асоциальной оси основывается на том, что:

А) многие жизненные стрессоры являются межличностными или имеют межличностный компонент;

Б) даже индивидуальные усилия по преодолению имеют потенциальные социальные последствия;

В) действие преодоления часто требует взаимодействия с другими людьми.

К тому же обращение к индивидуальному и социальному контексту преодоления дает возможность более сбалансированного сравнения между мужчинами и женщинами.

В зарубежной психологии преодолевающего поведения обнаружено, что мужчины чаще направляют свои усилия по преодолению непосредственно на проблему, вызвавшую стресс (проблемно-ориентированное «поведение преодоления»), в то время как женщины с большей вероятностью направляют свои усилия на управление своими эмоциональными реакциями на стресс (эмоционально-ориентированное «поведение преодоления») или используют стратегию избегания. Можно предположить, что эмоционально-сфокусированное преодоление является менее эффективным и чаще связано с психологическим дистрессом, чем проблемно-сфокусированное. Однако выбор мужчинами решения проблем может быть результатом проблемно-ориентированных требований, с которыми они сталкиваются, в противоположность эмоционально-ориентированным требованиям, с которыми встречаются женщины. То есть гендерные различия в преодолении могут в большей степени быть продуктом окружения, в котором находятся мужчины и женщины, чем функцией гендера.

Традиционно считается, что мужчины справляются со стрессом активно, но активный подход может в некоторых случаях быть асоциальным, а проблемно-ориентированный – пассивным (например, пассивно-агрессивным). И наоборот, считается, что женщины справляются с трудностями более пассивно, чем мужчины. Однако поиск социальной поддержки и оказание такой поддержки другим являются активными и просоциальными формами преодоления, и женщины используют их чаще, чем мужчины. К тому же если не брать в расчет асоциальные формы активного преодоления, то женщины и мужчины не будут сильно отличаться.

Прямая – непрямая ось преодолевающего поведения, предложенная С. Хобфоллом, увеличивает межкультурную применимость опросника SACS. Данная ось позволяет дифференцировать копинг (преодоление) с точки зрения поведенческих стратегий как проблемно-ориентированных усилий (прямых или манипулятивных).

Можно видеть, таким образом, что поведенческие стратегии преодоления являются более детальными, а также снимают некоторые ограничения, которые накладывают проблемно- и эмоционально-ориентированное «поведение преодоления» и гендер. Поведенческий подход позволяет более дифференцированно подойти к различиям в феномене преодоления. Кроме этого, он позволяет вносить коррекцию на уровне поведения и, следовательно, является перспективным с точки зрения возможности психологического вмешательства в процесс преодоления негативных последствий профессиональных стрессов.

Стресс угрожает благополучию и эмоциональному комфорту индивида и порождает автоматические, упорные попытки снять напряжение: нередки случаи, когда в определении стратегий копинга господствующую роль играют факторы внутреннего порядка, такие как система координат индивида, мотивы, компетенции или толерантность к стрессу. Например, человек, успешно преодолевавший неприятности в прошлом, может быть лучше подготовлен к решению аналогичных проблем в будущем. В других случаях важнейшую роль играют условия окружающей сре-

ды, например социальные требования и экспектации (цит. по [84]).

Обзор общих принципов борьбы со стрессом позволяет выделить три уровня взаимодействия личности с «внешней средой»:

1) биологический, в котором присутствуют механизмы иммунной защиты и механизмы восстановления от повреждений;

2) психологический и интерперсональный, включающий в себя выученные паттерны копинга, защиту Я и поддержку со стороны семьи и друзей;

3) социокультурный, предполагающий групповые ресурсы, такие как профсоюзы, религиозные организации и правоохранительные органы.

Несостоятельность копинга на любом из этих уровней может серьезно повысить уязвимость человека на других уровнях.

В процессе борьбы со стрессом человек сталкивается с двумя проблемами:

- он должен удовлетворить требования стрессора;
- он должен защитить себя от психологического ущерба и дезинтеграции.

В тех случаях, когда человек ощущает себя в силах справиться со стрессовой ситуацией, типичной оказывается реакция, ориентированная на решение задачи: поведение направлено в первую очередь на удовлетворение требований стрессора. Как правило, такая реакция означает, что человек объективно оценивает ситуацию, вырабатывает альтернативные решения, выбирает подходящую стратегию, предпринимает конкретные шаги и оценивает обратную связь. Эти этапы реакции, ориентированной на выполнение задачи независимо от эффективности или неэффективности предпринятых действий, в целом достаточно гибки, чтобы позволить индивиду изменить курс.

Когда стрессор всерьез угрожает ощущению адекватности, начинает преобладать в первую очередь реакция, ориентированная на защиту: поведение направлено, скорее, на защиту Я от ущерба и дезинтеграции, чем на разрешение ситуации. Как правило, человек, прибегающий к ориентированным на защиту реакциям, жертвует более продуктивными, направленными на решение задачи действиями в пользу всепоглощающей заботы о под-

держании целостности своего Я, какой бы опрометчивой и ошибочной она ни была.

В управленческой деятельности число стрессоров очень велико, а по своему содержанию они достаточно разнообразны и специфичны. К основным стрессорам управленческой деятельности необходимо отнести следующие факторы:

– фактор информационной нагрузки (объем информации, требования к ее переработке входят в противоречие с психическими возможностями субъекта);

– фактор информационной неопределенности (с одной стороны, информации чрезмерно много, но с другой – нужной и наиболее важной для данной конкретной ситуации информации часто не хватает);

– фактор ответственности (не только «ответственность за результат» и «ответственность за себя», но и «ответственность за других»);

– фактор дефицита времени (обилие задач и функций, которые необходимо осуществлять в жестких временных рамках);

– фактор межличностных конфликтов;

– фактор внутриличностных (ролевых) конфликтов (из-за необходимости выполнения одним и тем же человеком двух и более функциональных ролей одновременно);

– фактор полифокусности управленческой деятельности (необходимость одновременного решения многих задач, выполнения многих функций и обязанностей);

– система внешнесредовых факторов (факторы конкуренции, влияние криминальной среды, факторы нестабильности макросоциальной и макроэкономической динамики) (цит. по [84]).

Высокая стрессогенность управленческой деятельности приводит к необходимости выработки эффективных стратегий совладания. Полученные в предыдущих разделах результаты позволяют предположить, что закономерности влияния ЭИ распространяются и на такой процессуальный аспект управленческой деятельности, как копинг-стратегии.

Методическое обеспечение исследования

Для определения уровня ЭИ был использован опросник Бар-Она BarOn EQ-i. Данная методика наилучшим образом подходит

для этого исследования, потому что согласно концепции Р. Бар-Она, автора опросника, ЭИ представляет собой «набор некогнитивных способностей и навыков, влияющих на способность совладания с требованиями и давлением окружения». Итак, в данной концепции заложено понимание ЭИ как фактора влияния на успешное копинг-поведение. В третьей главе этой работы дано подробное описание методики и ее основных психометрических свойств.

Для выявления предпочитаемой модели копинг-поведения была использована методика SACS (автор С. Хобфолл; «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»). Опросник SACS построен на основе многоосевой модели «поведения преодоления» С. Хобфолла.

Предложенная модель имеет две основные оси: просоциальная – асоциальная, активная – пассивная и одну дополнительную ось: прямая – непрямая. Данные оси представляют собой измерения общих стратегий преодоления. Введение просоциальной и асоциальной оси основывается на том, что:

А) многие жизненные стрессоры являются межличностными или имеют межличностный компонент;

Б) даже индивидуальные усилия по преодолению имеют потенциальные социальные последствия;

В) действие преодоления часто требует взаимодействия с другими людьми.

Прямая – непрямая ось преодолевающего поведения, предложенная С. Хобфоллом, увеличивает межкультурную применимость опросника SACS. Данная ось позволяет дифференцировать копинг с точки зрения поведенческих стратегий как проблемно-ориентированных усилий (прямых или манипулятивных). В данном опроснике выделяется 9 субшкал, где подсчитывается общий балл по каждой шкале в отдельности. Опросник состоит из 54 утверждений; имеет пятибалльную шкалу ответов.

Опросник содержит девять моделей преодолевающего поведения:

- 1) ассертивные действия (активная стратегия преодоления);
- 2) вступление в социальный контакт (просоциальная стратегия преодоления);

- 3) поиск социальной поддержки (просоциальная стратегия преодоления);
- 4) осторожные действия (пассивная стратегия преодоления);
- 5) импульсивные действия (прямая стратегия преодоления);
- 6) избегание (пассивная стратегия преодоления);
- 7) манипулятивные действия (непрямая стратегия преодоления);
- 8) асоциальные действия (асоциальная стратегия преодоления);
- 9) агрессивные действия (асоциальная стратегия преодоления).

В соответствии с ключом подсчитывается сумма баллов по каждой шкале, которая отражает степень предпочтения той или иной модели в сложной (стрессогенной) ситуации.

Результаты исследования и их обсуждение

Для обработки результатов был проведен статистический анализ полученных переменных, а также осуществлен метод «матричного анализа». В результате было установлено, что общий балл опросника VarOn EQ-i (EQ) отрицательно коррелирует с «агрессивными действиями» ($r=-0,51$; $p=0,01$); и положительно коррелирует с «избеганием» ($r=0,38$, $p=0,05$).

Ниже перечислены статистически значимые корреляции между отдельными субшкалами опросника VarOn EQ-i и моделями преодоления.

На основе представленных данных, а также их интерпретации были выявлены следующие закономерности:

1) «ассертивные действия» (активная стратегия преодоления) положительно коррелируют с «эмпатией» ($r=0,43$; $p=0,01$), отрицательно коррелируют с «самоуважением» ($r=-0,48$; $p=0,01$), «независимостью» ($r=-0,34$; $p=0,05$), «гибкостью» ($r=-0,43$; $p=0,01$);

2) «осторожные действия» (пассивная стратегия) отрицательно коррелируют с «эмоциональным осознанием» ($r=-0,48$; $p=0,01$), «независимостью» ($r=-0,47$ $p=0,01$), «межличностными отношениями» ($r=-0,34$ $p=0,05$) и «гибкостью» ($r=-0,63$; $p=0,01$);

3) «избегание» положительно коррелирует с «самоуважением» ($r=0,58$; $p=0,01$), «независимостью» ($r=0,35$; $p=0,05$), «самоактуализацией» ($r=0,41$; $p=0,01$), «ассертивностью» ($r=0,58$; $p=0,01$), со «способностью к решению проблем» ($r=0,42$; $p=0,01$);

4) «импульсивность» отрицательно коррелирует с гибкостью ($r=-0,53$; $p=0,01$) и положительно – с «ассертивностью» ($r=0,48$; $p=0,01$);

5) «манипулятивные действия» (непрямая копинг-стратегия) положительно коррелируют с самоуважением ($r=0,38$, $p=0,05$), однако прослеживается отрицательная корреляция с межличностными отношениями ($r=-0,42$; $p=0,01$);

6) «асоциальные действия» отрицательно коррелируют с «эмоциональным осознанием» ($r=-0,41$; $p=0,01$), «эмпатией» ($r=-0,35$ $p=0,05$), «межличностными отношениями» ($r=-0,49$; $p=0,01$); положительно коррелируют с «ассертивностью» ($r=0,39$; $p=0,05$);

7) «агрессивные действия» отрицательно коррелируют с «эмоциональным осознанием» ($r=-0,50$; $p=0,01$), «независимостью» ($r=-0,37$; $p=0,05$), «межличностными отношениями» ($r=-0,56$; $p=0,01$), «гибкостью» ($r=-0,34$; $p=0,05$), «реалистичностью» ($r=-0,37$; $p=0,05$), «стрессоустойчивостью» ($r=-0,59$; $p=0,01$), «контролем импульсов» ($r=-0,47$; $p=0,01$).

Следует отметить также, что отсутствуют корреляции EQ с просоциальными стратегиями. Наибольшее количество взаимосвязей имеется между отдельными субшкалами опросника на эмоциональный интеллект и копинг-моделями «избегание» (положительные корреляции) и «агрессивность» (отрицательные корреляции). Именно эти модели коррелируют с общим баллом опросника VarOn EQ-i. Характерно, что количество корреляций отдельных шкал опросника на ЭИ с деструктивными моделями совладания (асоциальные, манипулятивные, агрессивные действия) больше, чем с конструктивными моделями (просоциальные стратегии, ассертивные действия).

Статистический анализ (посредством расчета комплекса корреляций) подтвердил гипотезу о существовании взаимосвязи между ЭИ и предпочитаемыми моделями поведения руководителей. В исследовании взаимосвязи ЭИ и процессуально-стилевых осо-

бенностей управленческой деятельности, описанном выше, было показано, что влияние ЭИ на предпочтение общеуправленческих стилей носит специфический характер. ЭИ минимизирует возможность выбора наименее эффективного стиля (попустительского), при этом не ограничивая выбор оптимального стиля на данный момент (демократического, партисипативного или авторитарного). ЭИ выступает, таким образом, в данном случае детерминантой *невыбора* – он как бы «оберегает» от выбора неэффективных стилей, но не запрещает свободу выбора других стилей³⁶. Это обусловлено прежде всего достаточно явно представленным генерализованным характером эмоционального отношения к действительности. В этом же проявляется и специфика *эмоционально-интеллектуальных* факторов по отношению к *когнитивным*. В отличие от вполне строгой обусловленности и непосредственных, а часто однозначных связей когнитивных факторов с «внешними критериями», эмоции отсекают непригодные, но дают возможность выбора пригодных стилей, обеспечивая гибкость управленческой деятельности.

Влияние ЭИ на стратегии преодоления имеет аналогичный характер. Негативные корреляции EQ с агрессивными действиями указывают на то, что испытуемые с высоким уровнем ЭИ предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии, однако они не ограничены в выборе активных, про-социальных стратегий совладания. Наличие положительной корреляции EQ с избеганием (пассивной стратегией) на первый взгляд противоречит сформулированной гипотезе. Однако избегание может играть двоякую роль в совладании. С одной стороны, оно иногда принимает деструктивный характер (в случае «ухода», инфантильности, отрыва от реальности). С другой стороны, избегание может оказаться конструктивным средст-

---

³⁶ Отметим в данной связи, что этот вывод по своему смыслу практически идентичен тому, который был сделан по итогам изучения взаимосвязи ЭИ с общеуправленческими стилями. И это, по всей вероятности совершенно закономерно: в таком сходстве, по-видимому, проявляется общность глубинных регуляторных воздействий ЭИ на различные аспекты активности личности.

4.3. Результаты исследования и их интерпретация

вом в совладании со стрессом, когда оно является следствием антиципации угрозы.

Для дальнейшего анализа результатов был использован метод «полярных групп», позволяющий изучать структуры индивидуальных качеств субъектов, значимо различающихся по внешнему критерию. Однако в данном случае в качестве критерия использовался внутренний показатель – уровень EQ как свойство личности руководителя. Вся выборка испытуемых была поделена на три равных группы в соответствии со значимыми различиями в уровне ЭИ: с низким уровнем ЭИ (393 – 446 баллов), со средним уровнем ЭИ (448 – 462 балла) и с высоким уровнем ЭИ (463 – 492 балла).

Далее была подсчитана значимость различий в результатах опросника SACS между группами с высоким и низким EQ с помощью t-критерия Стьюдента для малых выборок. Результаты представлены в табл. 18.

Таблица 18

Значимость различий в группах с высоким и низким EQ по предпочитаемым моделям преодоления

	М гр. с низк. EQ	М гр. с высок. EQ	Значение t-критерия
1. Ассертивные действия	22,25	19,75	1,746
2. Вступление в социальный контакт	23,67	24,08	-0,374
3. Поиск социальной поддержки	24,41	25,17	-0,656
4. Осторожные действия	22,67	22,17	0,300
5. Импульсивные действия	18,59	20,67	0,070
6. Избегание	16,50	21,25	-3,686*
7. Манипулятивные действия	20,75	20,42	0,209
8. Асоциальные действия	16,50	15,75	0,379
9. Агрессивные действия	21,00	15,67	2,635*

*Статистически значимые различия на уровне $\alpha=0,01$.

Как можно видеть из результатов, представленных табл. 18, значения двух моделей совладания «избегание» и «агрессивные действия» имеют значимые различия в группах с низким и высоким EQ, что подтверждает данные корреляционного анализа.

У испытуемых в каждой из групп (с низким, средним и высоким уровнем ЭИ) были проанализированы преобладающие модели поведения. Для этого было определено количество высоких, средних и низких значений по каждой модели совладания всех испытуемых в соответствии с ключом, предложенным автором методики SACS. Далее просуммировали количество испытуемых, набравших высокие баллы по каждой модели, отдельно для трех групп. На основании этого была построена гистограмма, отражающая взаимосвязь уровня ЭИ и предпочитаемых моделей копинг-поведения у обследуемых из трех групп соответственно (см. рис. 4).

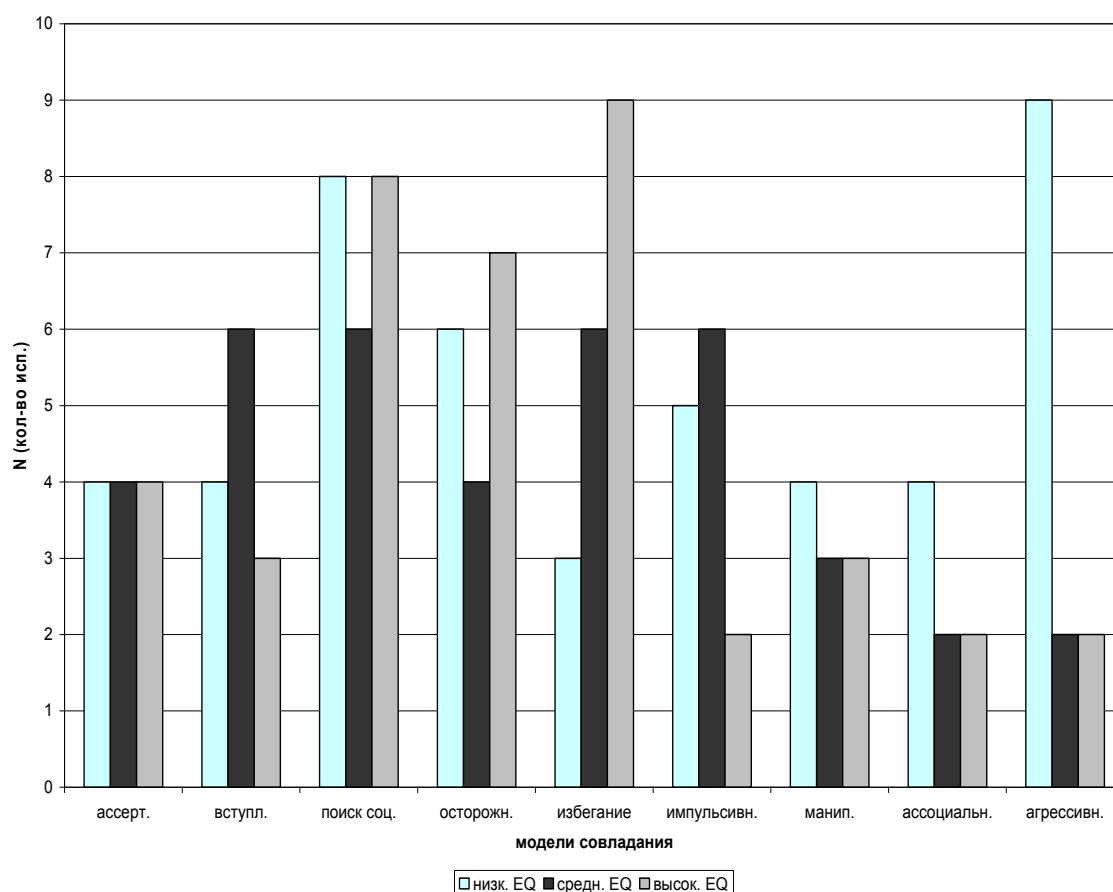

Рис. 4. Гистограмма предпочитаемых моделей совладания в группах с разным уровнем ЭИ

В результате не было обнаружено существенных различий в предпочтении конструктивных копинг-моделей («ассертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социаль-

ной поддержки», «осторожные действия») в группах с разным уровнем ЭИ. Наибольшие различия между группами проявляются в выборе непродуктивных моделей совладания: испытуемые со средним и высоким уровнем ЭИ менее склонны выбирать «манипулятивные», «асоциальные» и «агрессивные действия». Максимальный разрыв наблюдается в случае с последней моделью – «агрессивными действиями».

Таким образом, подтверждается закономерность, обнаруженная ранее на материале исследования процессуально-стилевых особенностей. Чем выше уровень развития ЭИ, тем более продуктивные модели совладания выбирает руководитель. Это позволяет эмоционально-интеллектуальным руководителям более эффективно преодолевать стрессовые ситуации.

На заключительном этапе обработки результатов был проведен анализ взаимосвязи уровня ЭИ и стратегий преодоления. Опросник SACS позволяет определить 6 основных стратегий преодоления: активная-пассивная, просоциальная-асоциальная, прямая-непрямая. Было подсчитано количество испытуемых, набравших высокие баллы по каждой стратегии в трех группах, и построена соответствующая гистограмма (см. рис. 5).

Как можно видеть из представленных выше результатов, основные различия между группами руководителей с разным уровнем ЭИ проявляются в предпочтении непродуктивных стратегий преодоления. Испытуемые со средним и высоким уровнем ЭИ не склонны выбирать асоциальные стратегии в отличие от руководителей с низким EQ. Однако практически отсутствуют различия в группах в предпочтении просоциальных и активных стратегий. Это указывает на то, что ЭИ является детерминантой невыбора непродуктивных стратегий совладания, при этом не ограничивает свободу выбора продуктивных стратегий.

Чем выше ЭИ человека, тем богаче его поведенческий репертуар и тем менее он зависим от импульсивных действий. Следовательно, данный человек оказывается в состоянии преодолевать стрессовые ситуации с помощью социально приемлемых и одобряемых действий и соответственно избегать использования асоциальных, агрессивных моделей копинг-поведения. Высокий ЭИ,

таким образом, создает важные предпосылки конструктивных, продуктивных («позитивных») моделей поведения в ситуации стресса. Вследствие недостаточно развитого ЭИ человек, как правило, не способен адекватно оценивать, понимать и управлять своими и чужими эмоциями, результатом чего является предпочтение более примитивных и деструктивных копинг-стратегий.

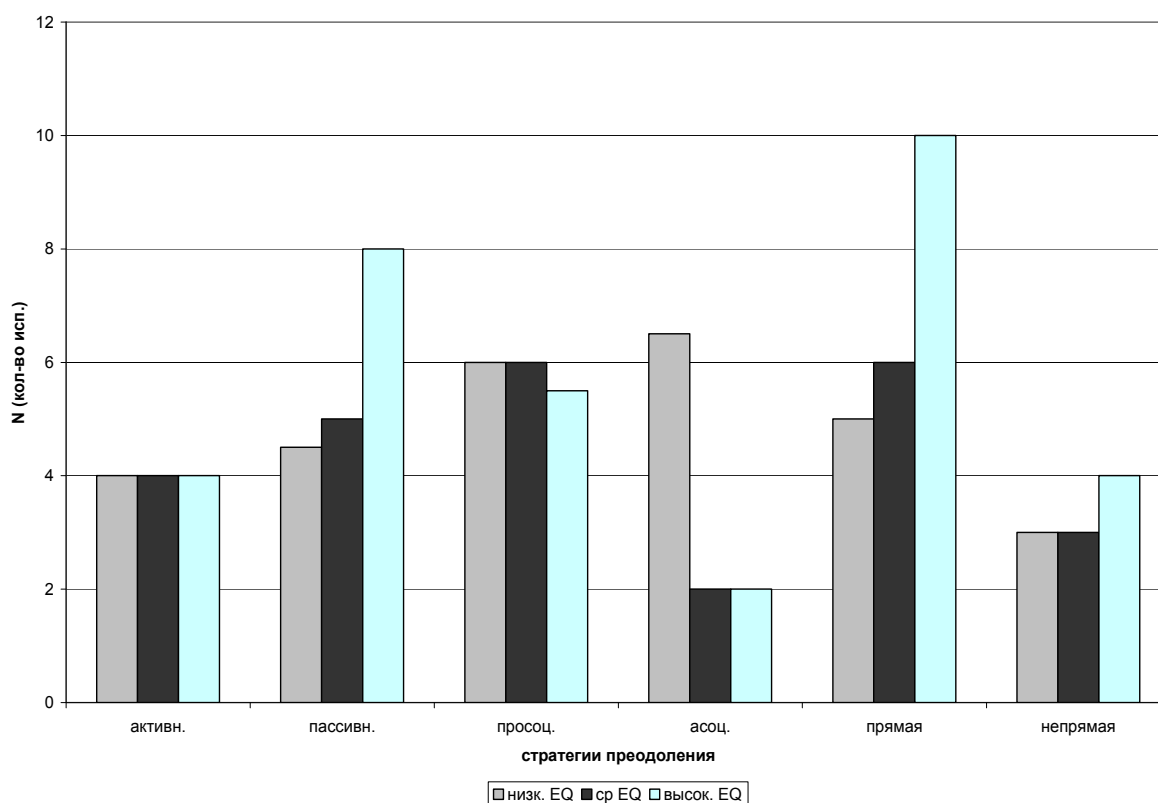

Рис. 5. Гистограмма предпочитаемых стратегий преодоления в группах с разным уровнем ЭИ

Подводя итоги данного цикла исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Обнаружена и экспериментально подтверждена взаимосвязь ЭИ и моделей совладающего поведения руководителей. Существует статистически значимые корреляции между отдельными субшкалами опросника на определение уровня ЭИ и моделями совладания, а также корреляции между коэффициентом EQ и такими моделями совладания как «избегание» ($r=0,38$, $p=0,05$) и «агрессивные действия» ($r=-0,51$; $p=0,01$).

2. Не обнаружено существенных различий в предпочтении конструктивных копинг-моделей (ассертивные действия, вступ-

ление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия) в группах с разным уровнем ЭИ. Основные различия между группами руководителей с разным уровнем ЭИ проявляются в выборе непродуктивных моделей совладания: испытуемые со средним и высоким уровнем ЭИ менее склонны выбирать манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия.

3. Испытуемые с высоким уровнем ЭИ предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии, однако они не ограничены в выборе активных, просоциальных стратегий совладания. Это указывает на специфический характер влияния ЭИ на модели совладания: ЭИ является детерминантой невыбора непродуктивных стратегий и моделей преодолевающего поведения.

Таким образом, данные, представленные в литературе и эмпирически обоснованные в данной главе, свидетельствуют об ЭИ как необходимой и важной детерминанте эффективности управленческой деятельности. Обобщая полученные и проанализированные выше результаты эмпирического исследования влияния ЭИ на результативные параметры и процессуальные характеристики управленческой деятельности, их целесообразно резюмировать в следующих основных положениях.

1. Впервые установлена и экспериментально подтверждена закономерная (стабильная и достаточно значимая) связь между индивидуальной мерой выраженности ЭИ и результативными параметрами управленческой деятельности. Она представлена в положительном коэффициенте корреляции между коэффициентом эмоционального интеллекта и степенью эффективности управленческой деятельности, что указывает на позитивный в целом характер их отношений. Подчеркнем, что в плане конкретно-эмпирического исследования (а не в плане общих и декларативных суждений, о которых уже говорилось в 1-ой главе) это осуществлено в данной работе впервые. Однако это же имеет как свои позитивные, так и негативные стороны. Позитив состоит, естественно, в *самом факте* установления новой в научном отношении закономерности и что не менее значимо – в ее эмпирической верификации в экологических условиях реальной профессиональной деятельности управленческого типа. Негатив же заключается в том, что установленная закономерность именно

потому, что она *только что* установлена, нуждается, естественно, в дальнейшей детализации и конкретизации. В частности, не исключено, например, что степень ее выраженности (а не исключено, что даже и сама ее форма) будет диверсифицированной, то есть *деятельностно-относительной* в этом плане – в плане различий в самих *видах* и *типах* деятельности. Это, кстати говоря, вполне соответствовало бы реальной сложности самого феномена ЭИ, а также тому теоретическому подходу к его исследованию, который был развит во 2-ой главе.

2. Установлена и экспериментально подтверждена стабильная связь между индивидуальной мерой выраженности эмоционального интеллекта и процессуальными характеристиками управленческой деятельности, которая выражается в аспекте стилевых предпочтений. Вместе с тем данная связь весьма специфична и представляет определенный интерес в собственно теоретическом отношении: она не носит характера, так сказать, «поточечного» соответствия, а имеет принципиально иной характер, который можно было бы обозначить как *селективирующий*, «отсекающий». Конкретно это проявляется в том, что ЭИ минимизирует вероятность выбора попустительского стиля как наименее эффективного, при этом обеспечивая выбор оптимального управленческого стиля.

3. Обнаружено и эмпирически доказано детерминирующее воздействие ЭИ на *субъективную* тенденцию к предпочтению попустительского стиля управленческой деятельности, которое выражается в корреляционном отношении между коэффициентом эмоционального интеллекта и попустительским стилем. Однако это именно *субъективная* тенденция, которая, будучи осознана индивидом, является мощным стимулом для активизации комплекса компенсаторных механизмов, блокирующих ее.

4. Специфика связи ЭИ со стилевыми предпочтениями управленческой деятельности в общем виде заключается в следующем. Субъекты с ситуативным стилем управленческой деятельности имеют средний коэффициент ЭИ и максимальные показатели эффективности деятельности, что указывает на наличие нелинейной связи *типа оптимума* между ЭИ и эффективностью деятельностью руководителя. Данный результат позволяет обоб-

щить известный закон Е. Гизелли и на ЭИ, правда (что очень характерно и показательно в плане кардинальных различий когнитивной и эмоциональной сфер), в его *инвертированном* виде.

5. Обнаружена и доказана еще одна новая в теоретическом отношении закономерность, согласно которой степень структурной организованности «парциальных компонентов» ЭИ в группах со значимо различной мерой его выраженности также значимо различна. Зависимость степени организованности структуры ЭИ от его общего уровня также является инвертированной по сравнению с аналогичной зависимостью стандартного IQ.

6. Наконец, обнаружена и эмпирически подтверждена связь между уровнем развития ЭИ и предпочтением моделей и стратегий совладания руководителей. Она заключается в том, что руководители со средним и высоким уровнем ЭИ менее склонны выбирать манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия в качестве моделей преодоления. Руководители с высоким уровнем эмоционального интеллекта предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии, однако они не ограничены в выборе активных, просоциальных стратегий совладания.

Таким образом, наиболее общим итогом результатов исследований, представленных в данной главе, является *конкретно-эмпирическое* и *деятельностно-аналитическое* доказательство значимой связи ЭИ как с процессуальными характеристиками, так и с результативными параметрами деятельности, осуществленное на материале одного из наиболее сложных и важных ее типов – управленческой деятельности.

Заключение

Подводя итоги данного исследования, считаем целесообразным обобщить его основные результаты и сформулировать выводы, к которым оно привело. Основным предметом анализа явилось изучение детерминационной роли ЭИ в организации и регуляции управленческой деятельности.

Теоретический анализ проблемы ЭИ в целом и проблемы «ЭИ и деятельность» в частности показал, что обе они являются важными исследовательскими направлениями, как в общей психологии, так и в психологии менеджмента. Ее актуальность связана с важностью роли, которую ЭИ играет в поведении, в частности в структуре деятельности управленческого типа. Специфика современного состояния проблемы исследования ЭИ обусловлена отсутствием единой психологической теории в данной области; необходимостью разработки валидных и надежных методов диагностики ЭИ; отсутствием эмпирических исследований, которые могли бы подтвердить или опровергнуть описанные в литературе теоретические предположения; поиском наиболее адекватных способов практического применения данного конструкта. Кроме того, до настоящего времени весьма ощутимо доминирование абстрактно-декларативного (а нередко научно-популярного) подхода к его исследованию над конкретно-научным, собственно психологическим подходом.

В первой главе были определены основные понятия, раскрыты методологические основы исследования, история и современное состояние проблемы, описана специфика подходов к изучению ЭИ, дана подробная характеристика конструкта «эмоциональный интеллект», представлены существующие методы диагностики ЭИ и осуществлен их критический анализ; приведено описание практического применения эмоционального интеллекта в организационной психологии.

Научный статус понятия ЭИ все еще остается пока недостаточно определенным. Это проявляется, в частности, в том, что

существуют две альтернативные модели, на которых основывается его измерение. *Смешанные модели* включают когнитивные, личностные и мотивационные черты, благодаря чему они оказываются тесно связанными с адаптацией к реальной жизни и процессами совладания [161, 209]. Эти модели предполагают измерение ЭП с помощью опросников, основанных на самоотчете, подобных традиционным личностным опросникам. *Модели способностей* определяют ЭИ как совокупность способностей, измеряемых с помощью тестов, состоящих из заданий, имеющих правильные и ошибочные ответы [213, 215].

Анализ имеющихся данных по теме позволил также сделать вывод о том, что современное состояние сферы исследований ЭИ в психологии не дает возможности для единой трактовки этого конструкта, не позволяет в полной мере использовать его в прикладных отраслях, несмотря на практическую значимость проблематики.

В результате проведенного анализа обоснована необходимость систематизации и обобщения имеющихся данных, а также формирования конструктивного и психометрического подходов к изучению проблемы эмоционального интеллекта в управленческой деятельности в связи с ее высокой теоретической и практической значимостью. Поэтому данная проблема выступила предметом специального изучения в следующих главах.

Далее, во второй главе был сформулирован и развит новый теоретический подход к исследованию проблемы ЭИ, базирующийся на функционально-генетической парадигме разработки проблемы способностей. Данный подход обозначен как *процессуально-операционный*, поскольку он в конечном итоге ориентирован на установление и исследование тех процессуальных механизмов и операционных средств, которые, собственно говоря, и составляют онтологическую основу ЭИ (как их итогового эффекта, результативного проявления). В этих целях понадобилось, однако, включить данную проблему в достаточно общий теоретический метаконтекст, связанный с фундаментальной проблемой структурно-уровневой организации системы психических процессов в целом и с проблемой метапроцессов (особенно с одним из ее классов – метаэмоциональных) в особенности. Кроме того, в

этой же главе проблема ЭИ проанализирована в общем плане и в аспекте ее включенности в еще один (необходимый с точки зрения задач данной работы) метаконтекст – собственно деятельностный. В итоге удалось выявить некоторые закономерности и феномены детерминации деятельности и ее основных компонентов со стороны ЭИ.

В третьей главе охарактеризована процедура полной психометрической верификации и адаптации двух основных методик, направленных на измерение ЭИ (теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-i). Они относятся к разным моделям ЭИ: первый – к модели способностей, а второй – к смешанной модели. В основе теста MSCEIT заложено представление об ЭИ как интеллектуальной способности, и соответственно сам тест создан по образу традиционного теста на интеллект. Концепция Р. Бар-Она, в рамках которой появился одноименный опросник BarOn EQ-i, предполагает использование самоотчета для изучения ЭИ, понимаемого как свойство личности. В связи с тем, что тест MSCEIT направлен на выявление объективного коэффициента эмоционального интеллекта (EQ), а опросник измеряет субъективное отношение испытуемого, их необходимо рассматривать как дополняющие друг друга методические психодиагностические средства.

Поскольку ранее не проводилось адаптации этих методик на российской выборке, то на данном этапе исследования со всей остротой возникла задача психометрической проверки и разработки тестовых норм. В результате проведенной нами верификации удалось показать, что обе они отвечают требованиям надежности и конструктивной и критериальной валидности. В этой же главе приводится описание опросника BarOn EQ-i и теста MSCEIT. Разработаны нормы коэффициентов EQ для теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-i специально для российской выборки. Благодаря проведенной психометрической процедуре возможно применение модифицированных версий методик MSCEIT и BarOn EQ-i для широкой психологической общественности в исследовательских, психодиагностических и коррекционных целях.

Четвертая глава состоит из трех основных разделов. Так, в первом из них анализируется задача исследования ЭИ в плане его функциональной роли в осуществлении управленческой деятель-

ности. Такой подход позволил сформулировать постановку нескольких исследовательских задач: проведение эмпирического исследования взаимосвязи ЭИ с результативными параметрами управленческой деятельности; создание опросника, позволяющего определить основные общеуправленческие стили деятельности; проведение эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с процессуальной стороной управленческой деятельности (стилями управления).

Второй раздел этой главы посвящен описанию процедуры организации исследования и его методического обеспечения. Помимо охарактеризованных ранее методик диагностики ЭИ (теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-i) был использован метод экспертного оценивания для изучения эффективности управленческой деятельности; дано описание разработанного нами опросника для определения процессуально-стилевых особенностей управленческой деятельности.

При разработке опросника исследовательского типа для определения процессуально-стилевых особенностей управленческой деятельности нами были избраны два базовых критерия: содержательный и оценочный. Демократически-авторитарный континуум отражает содержательный критерий (концентрация или распределение власти), партисипативно-попустительский континуум представляет собой оценочный параметр («правильный» или «неправильный» стиль). Данный подход к выбору критериев оценки представляется принципиально новым. Характерной особенностью этой методики является отказ от так называемой одномерной классификации и реальный переход на двумерное «пространство» классифицируемых стилей.

В третьем разделе представлены результаты исследования влияния ЭИ на результативные параметры и процессуальные характеристики управленческой деятельности.

Доказано наличие значимой связи между эффективностью выполнения управленческой деятельности и уровнем ЭИ. Выявлена закономерная связь ЭИ со стилем руководства, то есть с процессуальной стороной деятельности. Доказано, что влияние ЭИ на процессуальные компоненты деятельности носит специфический, генерализованный, характер: эмоциональный интел-

лект минимизирует возможность выбора неэффективного стиля, при этом обеспечивая свободу выбора других, приемлемых управленческих стилей.

Получены данные и о структурной организации ЭИ. В целом результаты эмпирического исследования позволяют утверждать, что ЭИ является именно когнитивной способностью, что соответствует модели Дж. Мэйера, Д. Карузо и П. Сэловея. Согласно названным авторам, ЭИ – это группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих. К структурным компонентам эмоционального интеллекта относятся: осознанная регуляция эмоций; понимание (осмысление) эмоций; ассимиляция эмоций в мышлении; различение и выражение эмоций.

Ряд закономерностей, обнаруженных в ходе нашего исследования, указывает на значительную роль когнитивных механизмов в функционировании ЭИ, в частности, это наличие нелинейной связи типа оптимума между эмоциональным интеллектом и деятельностью руководителя. Обнаружены факты, указывающие на специфику ЭИ по отношению к традиционному ЭИ. Например, степень организованности его структуры имеет инвертированный характер, а влияние ЭИ на выбор управленческого стиля носит генерализованный характер; в данном случае ЭИ выступает как детерминанта невыбора неэффективного стиля руководства.

В исследовании взаимосвязи ЭИ и выбора моделей совладания руководителей было обнаружено, что основные различия между группами руководителей с разным уровнем ЭИ проявляются в выборе непродуктивных моделей совладания: испытуемые со средним и высоким уровнем ЭИ менее склонны выбирать манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия. Испытуемые с высоким уровнем ЭИ предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии, однако они не ограничены в выборе активных, просоциальных стратегий совладания. Это указывает на специфический характер влияния ЭИ на модели совладания: ЭИ является детерминантой невыбора непродуктивных стратегий и моделей преодолевающего поведения.

Таким образом, вся совокупность полученных в работе результатов позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Осуществлен анализ существующих в настоящее время взглядов по проблеме взаимосвязи эмоций и интеллекта начиная от философского этапа развития психологии до современного состояния психологии. В активно развивающемся в русле когнитивной психологии направлении – в метакогнитивизме – очевиден процесс трансформации от аналитического подхода, для которого характерно выделение когнитивных, эмоциональных, волевых и мотивационных процессов, как относительно независимо и автономно функционирующих систем, к синтетическим установкам на изучение процессов, являющихся одновременно и когнитивными и регулятивными. Формирование концепции ЭИ, в рамках которого эмоции и интеллект выступают как составляющие интегральных психических процессов, отражает гносеологическую логику развития психологической науки.

2. Всесторонне проанализирован не в полной мере определенный в концептуальном плане конструкт «эмоциональный интеллект». Для многих авторов характерным являются парциальные определения понятия ЭИ, которые, скорее, являются не столько альтернативными, сколько взаимодополняющими друг друга. Общей чертой существующих подходов ЭИ является понимание данного конструкта как способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими; имеются в виду как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей.

3. Проведен анализ существующих концепций эмоционального интеллекта и дан краткий обзор основных проблем измерения и практического применения ЭИ. Специфика современного состояния проблемы исследования ЭИ обусловлена отсутствием единой и достаточно непротиворечивой психологической теории эмоционального интеллекта; необходимостью разработки валидных и надежных методов диагностики ЭИ; отсутствием эмпирических исследований, которые могли бы подтвердить или опровергнуть описанные в литературе теоретические предположения; поиском наиболее адекватных способов практического применения данного конструкта.

4. Сформулирован и развит новый теоретический подход к исследованию психологической сущности ЭИ, базирующийся на наиболее перспективной среди существующих в настоящее время

функционально-генетической парадигме. Он обозначен как процессуально-операционный подход, поскольку его конечной целью является обнаружение и изучение тех собственно процессуальных средств и операционных механизмов, итоговыми эффектами и результативными проявлениями которых выступают как парциальные составляющие ЭИ, так и его общий уровень. Немаловажной и, как мы надеемся, позитивной чертой данного подхода является то, что он позволяет органично включить проблематику ЭИ в наиболее традиционные общетеоретические метаконтексты – процессуально-психологический и деятельностный. Кроме того, данный подход синтезирует проблему ЭИ с очень важным направлением современной когнитивной психологии – метакогнитивизмом, а также с развитыми нами представлениями о специфической категории психических процессов – с метапроцессами.

5. В результате проведенного исследования обоснована необходимость систематизации, обобщения имеющихся данных, а также формирование конструктивного и психометрического подходов к изучению проблемы эмоционального интеллекта в управленческой деятельности в связи с ее высокой теоретической и практической значимостью.

6. Осуществлена адаптация и полная психометрическая верификация двух основных методик, направленных на диагностику ЭИ – теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-i. Разработанные модифицированные варианты этих методик отвечают всем требованиям: надежности и конструктивной и критериальной валидности. Разработаны нормы коэффициентов EQ для теста MSCEIT и опросника BarOn EQ-I специально для российской выборки. Благодаря проведенной психометрической процедуре возможно применение модифицированных версий MSCEIT и BarOn EQ-i в исследовательских, психодиагностических и коррекционных практико-ориентированных целях.

7. Разработана методика опросного типа, позволяющая диагностировать степень выраженности четырех основных стилей управленческой деятельности: авторитарного, демократического, партисипативного и попустительского, а также определять пять основных сочетания стилей в деятельности руководителя – парти-

сипативно-демократический, демократически-попустительский, попустительски-авторитарный, автократически-партиципативный, ситуационный стиль, представляющий собой комбинацию четырех исходных стилей.

8. Установлена и экспериментально подтверждена закономерная связь между индивидуальной мерой выраженности ЭИ и результативными параметрами управленческой деятельности. Данная связь является в целом позитивной и выражена в положительном коэффициенте корреляции между коэффициентом ЭИ и степенью эффективности управленческой деятельности.

9. Установлена и эмпирически подтверждена стабильная связь между индивидуальной мерой индивидуальной выраженности ЭИ и процессуальными характеристиками управленческой деятельности, которая проявляется в стилевых предпочтениях. ЭИ минимизирует возможность выбора попустительского стиля как наименее эффективного, опосредствованно обеспечивая тем самым возможность выбора оптимального управленческого стиля.

10. Специфика взаимосвязи ЭИ и стилевых предпочтений управленческой деятельности заключается в следующем. Испытуемые с ситуативным стилем управленческой деятельности имеют средний коэффициент эмоционального интеллекта и максимальные показатели эффективности деятельности, что указывает на наличие нелинейной связи типа оптимума между эмоциональным интеллектом и деятельностью руководителя. Данный результат позволяет обобщить широко известный закон Е. Гизелли и на ЭИ.

11. Обнаружена закономерность, согласно которой степень структурной организованности эмоционального интеллекта в группах с различной мерой выраженности эмоционального интеллекта значимо различна. Зависимость организованности структуры эмоционального интеллекта является противоположной по сравнению с зависимостью стандартного IQ.

12. Эмпирически выявлена и подтверждена связь между уровнем развития ЭИ и предпочтением моделей и стратегий совладания руководителей. Она заключается в том, что руководители со средним и высоким уровнем ЭИ менее склонны выбирать манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия в качест-

ве моделей преодоления. Испытуемые с высоким уровнем ЭИ предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии, однако они не ограничены в выборе активных, просоциальных стратегий совладания.

Завершая обобщение результатов проведенного исследования, необходимо отметить перспективы изучения проблемы ЭИ. Дальнейшее направление работы возможно как в теоретическом, так и в практическом направлениях.

Анализ проблемы показал, что в настоящее время назрела необходимость не только систематизации уже выделенных и описанных феноменов и закономерностей эмоционально-интеллектуальной регуляции деятельности, но и создания единого *теоретико-методологического* подхода, позволяющего синтезировать разнообразные концепции ЭИ. В связи с тем, что в настоящее время остаются практически не разработанными конкретно-научные проблемы ЭИ, представляется перспективной дальнейшая работа в этой области. Результаты исследования намечают необходимость изучения ЭИ в качестве интегрального психического свойства и в определенной мере служат предпосылкой ее реализации. *Практико-ориентированные* исследования механизмов регуляционного влияния ЭИ на деятельность должны быть нацелены на оптимизацию профессиональной деятельности. Перспективным для изучения является разработка методов обучения навыкам ЭИ, а также его целенаправленного развития.

Литература

1. Авдейчев, А.А. Особенности личности руководителя и эффективность его профессиональной деятельности / А.А. Авдейчев, Ю.С. Резинкина // Прикладная психология. – 2000. – № 6. – С. 94–96.
2. Айзенк, Г.Ю. Интеллект: новый взгляд / Г.Ю. Айзенк // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 15–21.
3. Алексеев, А. Деловое администрирование на практике: инструментарий руководителя / А. Алексеев, В. Пигалов. – М., 1994.
4. Алексеев, П.В. Философия: учебник. / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: ПБОЮЛ Грачев С.М., 2000. – 608 с.
5. Аллахвердов, В.М. Сознание как парадокс / В.М. Аллахвердов. – СПб., 2000. – 518 с.
6. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1978. – 380 с.
7. Анастаси, А. Психологическое тестирование: в 2 кн. / А. Анастаси ; пер. с англ. – М.: Педагогика, 1982. – Кн. 1. – 318 с.; Кн. 2. – 295 с.
8. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 376 с.
9. Андреева, И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Междунар. научно-практ. конф. 26–27 ноября 2004 г. Смоленск. В 2 ч. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 22–26.
10. Асеев, В.Г. Мотивация поведения и формирование личности / В.Г. Асеев. – М., Наука, 1976. – 158 с.
11. Бабаева, Ю.Д. Эмоции и проблемы классификации видов мышления / Ю.Д. Бабаева и др. // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. – 1999. – № 2. – С. 91–96.

12. Базаров, Т.Ю. Управление персоналом: учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений / Т.Ю. Базаров. – М.: Мастерство, 2002. – 224 с.
13. Бандурка, А.М. Психология управления / А.М. Бандурка, С.П. Бочарова, Е.В. Землянская. – Харьков, 1998. – 464 с.
14. Барабанщиков, В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса / В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006. – 240 с.
15. Барабанщиков, В.А. Системная организация и развитие психики / В.А. Барабанщиков // Психол. журн. – 2003. – Т. 24, № 1. – С. 29–46.
16. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – СПб., 1914.
17. Берталанфи, Л. фон. История и статус общей теории систем / Л. фон Берталанфи // Системные исследования, 1973. – М.: Наука, 1974.
18. Бодалев, А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодалев, В.В. Столин. – СПб.: Речь, 2002. – 439 с.
19. Борисова, Е.А. Оценка и аттестация персонала / Е.А. Борисова. – СПб.: Питер, 2003. – 288 с.
20. Борисова, Е.А. Диагностика управленческих способностей / Е.А. Борисова // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 112–130.
21. Бродский, А. Вы мудрее, чем вы думаете / А. Бродский, С. Эпштейн ; пер. с англ. – Минск: ООО «Попурри», 2000. – 342 с.
22. Брушлинский, А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский. – СПб, Алетейя, 2003. – 269 с.
23. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – Изд. 2-е. – СПб: Питер, 1998. – 222 с.
24. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1972.
25. Вайсбах, Х. Эмоциональный интеллект / Х. Вайсбах, У. Дакс. – М.: Лик Пресс, 1998. – 247 с.

26. Васильев, И.А. Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 192 с.

27. Васильев, И.А. К вопросу о личностных детерминантах мыслительной деятельности / И.А. Васильев, Н.Р. Хусаинова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1989. – № 3. – С. 36–42.

28. Веккер, Л.М. Психические процессы / Л.М. Веккер. – Л.: ЛГУ, 1974. – Т. 1. – 332 с; 1976. – Т. 2. – 323 с.; 1981. – Т. 3 – 340 с.

29. Венгер, Л.А. Диагностика умственного развития дошкольников / Л.А. Венгер. – М.: Педагогика, 1978.

30. Величковский, Б.М. Современная когнитивная психология / Б.М. Величковский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 336 с.

31. Волков, И.П. Руководителю о человеческом факторе. Социально-психологический практикум / И.П. Волков. – Л.: Лен-издат, 1989. – 221 с.

32. Вудкок, М. Раскрепощенный менеджер / М. Вудкок, Д. Френсис. – М.: Дело, 1991. – 320 с.

33. Гайда, В.К. Психологическое тестирование: учебное пособие / В.К. Гайда, В.П. Захаров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 143 с.

34. Гиту, Орме. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха / Орме Гиту. – М.: «КСП+», 2003. – 272 с.

35. Генов, Ф. Психология управления / Ф. Генов. – М.: Прогресс, 1982. – 422 с.

36. Гласс, Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Дж. Гласс, Дж. Стенли. – М.: Прогресс, 1976. – 495 с.

37. Горшкова, Л. Оценка управленческого персонала: параметры и методы / Л. Горшкова // Человек и труд. – 2003. – № 3. – С. 23–37.

38. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э Макки ; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.

39. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т. / Р. Декарт – М.: Мысль, 1989.

40. Диев, В.С. Управление, интуиция и неорационализм / В.С. Диев // Эко, 2002. – С. 151–157.
41. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // За-
рубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Трактаты,
статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 108–135.
42. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.,
Наука, 1976. – 270 с.
43. Донцов, А.И. Психология коллектива: Методические
проблемы исследования / А.И. Донцов. – М.: МГУ, 1984. – 208 с.
44. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей
/ В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2000. – 302 с. (Серия «Мастера
психологии»).
45. Дружинин, В.Н. Предисловие к книге М.А. Холодной
«Психология интеллекта: парадоксы исследования» / В.Н. Дру-
жинин. – М.; Томск, 1997. – С. 6–8.
46. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология: учеб-
ное пособие / В.Н. Дружинин. – М.: ИНФРА – М, 1997. – 230 с.
47. Жариков, Е.С. Социальная психология и хозяйственный
руководитель / Е.С. Жариков. – М., 1979. – 64 с.
48. Журавлев, А.Л. Стиль руководства для управления
/ А.Л. Журавлев // Социально-психологический климат коллекти-
ва: Теория и методы изучения. – М.: Наука, 1979. – 176 с.
49. Завадская, Е.В. Культура Востока в современном запад-
ном мире / Е.В. Завадская. – М.: Главная редакция восточной ли-
тературы издательства «Наука», 1977. – 166 с.
50. Завалишина, Д.Н. Практическое мышление / Д.Н. Зава-
лишина. – М.: ИП РАН, 2005. – 374 с.
51. Задачи и методы профессиональной психодиагностики
психологической службы на предприятиях. – Киев: НИИ Психоло-
гии УССР, 1981. – 188 с.
52. Запад и Восток. Традиции и современность: курс лекций
для негуманитарных специальностей. – М.: Об-во «Знание» Рос-
сийской Федерации, 1993. – 122 с.
53. Зинченко, В.П. Аффект и интеллект в образовании
/ В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1995. – 288 с.

54. Зинченко, В.П. Человек развивающийся: Очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.В. Моргунов. – М.: Тривола, 1994. – 331 с.
55. Зинченко, В.П. Методологические проблемы психологического анализа деятельности / В.П. Зинченко, В.М. Гордон // Системные исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 82–127
56. Изучение практического мышления: итоги и перспективы: Сб. статей / Под. ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: ЯрГУ, 1999. – 135 с.
57. Ильин, Е.П. Проблема способностей: два подхода к ее решению / Е.П. Ильин // Психологический журнал. – 1987. – № 2. – С. 23–31.
58. Ильиченко, В. Какой интеллект формирует наша школа? / В. Ильиченко // Народное образование. – 2000. – №3. – С. 37–41.
59. Карпов, А.В. Психология менеджмента / А.В. Карпов. – М.: Гардарики, 2000. – 584 с.
60. Карпов, А.В. Психология принятия управленческих решений / А.В. Карпов. – М.: Гардарики, 1996. – 437 с.
61. Карпов, А.В. Психологический анализ процессов принятия решения в деятельности / А.В. Карпов. – Ярославль, 1985. – 80 с.
62. Карпов, А.В. Психология принятия управленческих решений / А.В. Карпов ; под ред. В.Д. Шадрикова. – М.: Юристъ, 1998. – 435 с.
63. Карпов, А.В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 1991. – 180 с.
64. Карпов, А.В. Структурно-функциональная организация процессов принятия решения в трудовой деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 1992. – 48 с.
65. Карпов, А.В. Компьютерные модели управленческих решений / А.В. Карпов // Проблемы прикладной психологии. – Ярославль, 1996. – С. 3–21.
66. Карпов, А.В. Общая психология субъективного выбора / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2000. – 358 с.

67. Карпов, А.В. Метасистемная организация уровней структур психики / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 504 с.

68. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психол. журн. – 2003. – № 5. – С 45–57.

69. Карпов, А.В. Предпосылки и перспективы развития обобщающей психологической теории деятельности / А.В. Карпов // Проблемы субъекта профессиональной деятельности ; под ред. А.В. Брушлинского, А.В. Карпова. – М.: ИП РАН, 2001. – С. 23–54.

70. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 411 с.

71. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов управления / А.В. Карпов. В.В. Пономарева. – М.: ИП РАН, 2000. – 424 с.

72. Карпов, А.В. Психология метакогнитивных процессов личности / А.В. Карпов, И.М. Скитяева. – М.: ИП РАН, 2005. – 352 с.

73. Карпов, А.В. Психология рефлексии / А.В. Карпов, И.М. Скитяева. – М.; Ярославль: ИП РАН, 2002. – 352 с.

74. Карпова, Е.В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности / Е.В. Карпова. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 542 с.

75. Кепалайте, А. Знак эмоциональности и особенности интеллекта / А. Кепалайте // Психол. журнал. – 1982. – Т 3, № 2. – С. 120–126.

76. Кетс де Вриес, М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / М. Кетс де Вриес ; пер. с англ. – М.: Альпина Букс, 2004. – 311 с.

77. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Введение в психометрическое проектирование / П. Клайн; пер. с англ. – Киев: Ника-центр Лтд. 1994. – 282 с.

78. Клименченко, О.Н. Когнитивные и личностные детерминанты успешности мыслительной деятельности (на примере решения малых творческих задач): Автореф. дис. ...канд. психол. наук / О.Н. Клименченко. – М., 2001. – 24 с.

79. Ковалев, А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А.Г. Ковалев. – М., 1978. – 280 с.
80. Колобова, Е.Ф. Личностные детерминанты когнитивно-аффективных отношений: Автореф. дис. ...канд. психол. наук / Е.Ф. Колобова. – М., 1992. – 25 с.
81. Когнитивная психология: Учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
82. Красовский, Ю.Д. Если я – руководитель / Ю.Д. Красовский. – М.: Прогресс, 1983. – 191 с.
83. Кричевский, Р.Л. Если Вы – руководитель...: Элементы психологии менеджмента в повседневной работе / Р.Л. Кричевский. – М.: Дело, 1993. – 348 с.
84. Крюкова, Т.Б. Психология совладающего поведения / Т.Б. Крюкова. – М., 1993.
85. Кудряшова, Л.Д. Каким быть руководителю / Л.Д. Кудряшова. – Л.: Лениздат, 1986. – 160 с.
86. Кунц, Г. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. В 2 т. / Г. Кунц, С. О'Доннел ; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 302 с.
87. Лебедев, В.И. Психология и управление / В.И. Лебедев. – М.: Агропромиздат, 1990. – 176 с.
88. Леонтьев, А.Н. Проблема развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Высшая школа, 1972. – 274 с.
89. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 334 с.
90. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 443 с.
91. Лук, А.Н. Эмоции и личность / А.Н. Лук. – М.: Наука, 1982. – 216 с.
92. Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: ИП РАН, 2004. – С. 29–36.
93. Макаренко, Ю.А. Система организации эмоционального поведения / Ю.А. Макаренко. – М.: Наука, 1980. – 372 с.

94. Мамонова, М.А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления / М.А. Мамонова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 120 с.
95. Мангутов, И.С. Организатор и организаторская деятельность / И.С. Мангутов, Л.И. Уманский. – Л.: Лениздат, 1974. – 310 с.
96. Маслов, Е.В. Управление персоналом предприятия: Учебное пособие / Е.В. Маслов ; под ред. П.Е. Шеметова. – М.: Инфра-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 2000. – 312 с.
97. Маслоу, А. Маслоу о менеджменте / А. Маслоу. – СПб, Питер, 2003. – 413 с.
98. Месарович, М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М.: Мир, 1973. – 334 с.
99. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; пер. с англ. – М.: «Дело», 1992. – 702 с.
100. Методики социально-психологической диагностики личности и группы. – М.: АН СССР, Ин-т психологии, 1990. – 219 с.
101. Мехтиханова, Н.Н. Психология оценивания: теория и практика: учебное пособие / Н.Н. Мехтиханова. – Ярославль, 2000. – 86 с.
102. Мнения по поводу эмоционального интеллекта (Harvard Business Review, 1, 2003) // Справочник по управлению персоналом. – 2004. – № 10. – С. 116–118.
103. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
104. Мунье, Э. Персонализм: Структура личностного универсума / Э. Мунье. – М.: Мысль, 1992. – 405 с.
105. Мышление практика и практическое мышление: хрестоматия / под. ред. А.В. Карпова. – М.; Ярославль: Медиум пресс, 2001. – 229 с.
106. Ойзерман, Т.И. Рациональное и иррациональное / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1977. – С. 82–95.
107. Оськин, В. Каждый HR желает знать... / В. Оськин // Управление персоналом. – 2004. – № 15. – С. 44–48.

108. Оськин, В. На пороге эмоциональной революции / В. Оськин // Управление персоналом. – 2004. – № 16. – С. 49–53.

109. Оценка работников управления / под ред. Г.Х. Попова. – М.: Просвещение, 1976. – 178 с.

110. Панюшина, Е.А. Технология проведения комплексной оценки персонала при формировании резерва руководителей / Е.А. Панюшина, Е.Н. Крючкова // Справочник по управлению персоналом. – 2002. – № 2. – С. 65–74.

111. Петровская, А.С. Эмоциональный интелеклект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности: Дис. ... канд. психол. наук / А.С. Петровская. – Ярославль, 2007. – 225 с.

112. Петровская, А.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и управленческой деятельности / А.С. Петровская // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – № 2. – С. 209–213.

113. Петухов, В.В. Психология мышления: учеб.-метод. пособие для студентов фак. психологии гос. ун-тов / В.В. Петухов. – М.: МГУ, 1987. – 123 с.

114. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды. – СПб.: Питер, 2004. – 192 с.

115. Питерс, Т. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний) / Т. Питерс, Р. Уотермен ; пер. с англ. – М.: Дело, 1998. – 800 с.

116. Пономарев, Я.А. Психика и интуиция / Я.А. Пономарев. – М.: Политиздат, 1967. – 372 с.

117. Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

118. Психологические исследования интеллектуальной деятельности / под. ред. О.К. Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 236 с.

119. Психология управления: учебное пособие / под ред. А.В. Федотова. – Л.: ЛГТУ, 1991. – 320 с.

120. Работа с кадрами на предприятии: психологический аспект: Сборник. – М.: Знание, 1984. – 64 с.

121. Радугин, А.А. Философия: курс лекций / А.А. Радугин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр, 2000. – 272 с.

122. Рапопорт, В.Ш. Диагностика управления: практический опыт и рекомендации / В.Ш. Рапопорт. – М.: Политиздат, 1988. – 254 с.

123. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский ; пер. с польск. – М.: Просвещение, 1979. – 463 с.

124. Рибо, Т. Логика чувств: в 2 ч. / Т. Рибо ; пер. с фр. – Киев; Одесса; Петербург: Южно-русс. кн. изд-во, 1912.

125. Робертс, Р.Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике / Р.Д. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д.В. Люсин // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1, № 4. – С. 28–35.

126. Роговин, М.С. Введение в психологию / М.С. Роговин. – М.: Высшая школа, 1969. – 382 с.

127. Роговин, М.С. Структурно-уровневые теории в психологии / М.С. Роговин. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.

128. Рубахин, В.Ф. Психологические аспекты управления / В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов. – М.: Знание, 1973. – 164 с.

129. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.

130. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Учпедгиз, 1946. – 712 с.

131. Свенцицкий, А.Л. Социальная психология управления / А.Л. Свенцицкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 175 с.

132. Сергиенко, Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд / Е.А. Сергиенко. – М.: ИП РАН, 2006. – 462 с.

133. Сергиенко, Е.А. Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT V2.0), русскоязычная адаптация / Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова // Социальный интеллект / под ред. Д.В. Ушакова. – М.: ИП РАН, 2008.

134. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1983. – 378 с.

135. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо ; пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.

136. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. – М., 1957.

137. Станкин, М.И. Эмоциональный самоконтроль позволяет менеджеру достойно выглядеть в радости и беде / М.И. Станкин // Психология в бизнесе. – 1998. – № 1. – С. 11–15.

138. Стернберг, Р. Интеллект, приносящий успех / Р. Стернберг ; пер. с англ. С.И. Ананина. – Минск: ООО «Попурри», 2000. – 250 с.

139. Талызина, Н.Ф. Педагогическая психология: психодиагностика интеллекта / Н.Ф. Талызина, Ю.В. Карпов. – М.: МГУ, 1987.

140. Тихомиров, О.К. Структура мыслительной деятельности человека / О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 188 с.

141. Тихомиров, О.К. Эмоции в функции эвристик / О.К. Тихомиров, Ю.В. Виноградов // Психологические исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 170 с.

142. Тхостов, А.Ш. Феноменология эмоциональных явлений / А.Ш. Тхостов, И.Г. Колымба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1999. – № 2. – С. 3–14.

143. Уманский, Л.И. Психология организаторской деятельности / Л.И. Уманский. – М.: Наука, 1980. – 230 с.

144. Ушаков, Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория / Д.В. Ушаков. – М.: ИП РАН, 2003. – 312 с.

145. Философия: Учебник / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2004. – 828 с.

146. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн ; пер. с англ. – 4-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2000. – 302 с.

147. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – М., Педагогика, 1986. – Т. 1. – 406 с.

148. Холодная, М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная. – Томск: Изд-во Том. ун-та; М.: Барс, 1997. – 264 с.

149. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004. – 380 с.

150. Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова // Статья о ра-

боте Майера «Эмоциональное мышление». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 400 с.

151. Шадриков, В.Д. Способности и деятельность / В.Д. Шадриков. – М., 1995. – 405 с.

152. Шадриков, В.Д. Проблема системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982. – 183 с.

153. Шадриков, В.Д. К понятию эмоционального интеллекта / В.Д. Шадриков // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы 3-й Всерос. науч. конф. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – С. 12–13.

154. Шепель, В.М. Управленческая психология / В.М. Шепель. – М., 1984. – 246 с.

155. Эллис, А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход / А. Эллис ; пер. с англ. – СПб., М.: ЭКСМО – Пресс, 2002. – 345 с.

156. Юркевич, В. Проблема эмоционального интеллекта / В. Юркевич // Вестник практической психологии образования. – 2005. – № 3 (4). – С. 4–10.

157. Яковлева, Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития / Е.Л. Яковлева // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 20–27.

158. Atkinson, J.W. Motivation and achievement / J.W. Atkinson, J.O. Raynor. – Washington, 1974. – 480 p.

159. Aronson, E. Nobody left to hate: Teaching compassion after Columbine / E. Aronson. – New York: A. Worth Publishers, 2000.

160. Aronson, E. Gain and loss of esteem as determinants of interpersonal attractiveness / E. Aronson, D. Linder // Journal of Experimental Social Psychology. – 1965. – 1. – 156–171.

161. Bar-On, R. BarOn Emotional Quotient Inventory (EQ-i): A Measure of Emotional Intelligence. Technical Manual / R. Bar-On. – Toronto, Canada: Multi-Health Systems, 2004.

162. Bar-On, R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory / R. Bar-On // R. Bar-On, J.D.A. Parker. Handbook of emotional intelligence. – San Francisco: Jossey-Bass, 2000. – P. 363–388.

163. Bartel, C. The Collective Construction of Work Group Models / C. Bartel, R. Saavedra // *Administrative Science Quarterly*. – 2000. – V. 45. – P. 187–231.

164. Perkins, R. Metacognitive and Control Strategies Revised / R. Perkins, B. Salomon // *Social Psychology Journal*. – 1987. – V. 3. – P. 13–18.

165. Brackett, M.A. Emotional Intelligence and its relation to everyday behavior / M.A. Brackett, J.D. Mayer, R.M. Warner // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – V. 36. – P. 1387–1402.

166. Brown, A.L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms / A.L. Brown. // *Metacognition, motivation, and understanding* / Eds. F.E. Weinert, R.H. Kluwe. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. – P. 65–116.

167. Carrol, S. *Organizational Behavior* / S. Carrol, H. Tosi. – Chicago, 1977. – 450 p.

168. Cattell, R.B. *Personality and Motivation: Structure and Measurement* / R.B. Cattell. – Yonkers, N. Y., 1957.

169. Catrambon, R. Learning subgoals and methods for solving probability problems / R. Catrambon, K. Hobjoak // *Met. And Cognit.* – 1990. – 18, № 6. – P. 593–603.

170. Cavanaugh, J.C. Personality and metamemory correlates of memory performance in younger and older adults / J.C. Cavanaugh, N.Z. Murphy // *Educational Gerontology*. – 1986. – № 12. – P. 385–394.

171. Cavanaugh, J.C. Metamemory: A critical examination / J.C. Cavanaugh, M. Perlmutter // *Child Development*. – 1982. – № 53. – P. 11–28.

172. Cherniss, C. Emotional intelligence and organizational effectiveness / C. Cherniss // *The emotionally intelligent workplace* / eds. C. Cherniss, D. Goleman. – San Francisco: Josse-Bass. – 2001. – P. 3–12.

173. Conger, J.A. Charismatic leadership in organizations / J.A. Conger, R.N. Kanungo. – N.Y.: Sage, 1998.

174. Davis, S.N. Personality and empathic accuracy / S.N. Davis, L.A. Kraus // *Empathic accuracy* / eds. W. Ickes, W. John et al. – N.Y.: Guilford Press. – 1997. – P. 144–166.

175. Derksen, J. Does a self-report measure for emotional intelligence assess something different than general intelligence? / J. Derksen, L. Kramer S. Katzko // *Personality and Individual Differences*. – 2002. – 32. – P. 37–48.

176. Deci, E.L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior / E.L. Deci. – N. Y., 2001. – 221 p.

177. Easterbrook, J.A. The effects of emotion on cue utilization and the organization of behavior / J.A. Easterbrook // *Psychological Review*. – 1959. – V. 66. – P. 183–200.

178. Epstein, S. Constructive thinking: A broad coping variable with specific components / S. Epstein, P. Meier // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – V. 57. – P. 332–350.

179. Flavell, J.H. Cognitive monitoring / J.H. Flavell // *Children's oral communication skills*. – N.Y.: Academic Press, 1981. – P. 35–60.

180. Flavell, J.H. Metacognitive aspects of problemsolving // *The nature of intelligence*. – N.Y., 1976. – P. 231–235.

181. Flavell, J.H. *Cognitive Development*. Third edition / J.H. Flavell, P.H. Miller, S.A. Miller. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993.

182. Friedman, H. Effect of Individual Differences in Nonverbal Behavior / H. Friedman, R. Riggio. – 1981. – V. 6. – P. 32–58.

183. Gardner, H. *Multiple intelligence* / H. Gardner. – N.Y., 1993.

184. Gardner, W.L. The charismatic relationship: A dramaturgical perspective / W.L. Gardner, B.J. Avolio // *Academy of Management Review*. – 1998. – 23. – P. 32–58.

185. George, J.M. Emotions and leadership: The role of emotional intelligence, *Human Relations*, August 2000 v53 i8. – P. 1027.

186. Goleman, D. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ?* / D. Goleman. – N.Y.: Bantam Books, 1995.

187. Goleman, D. *Primal leadership* / D. Goleman, R.E. Boytzis, A. McKee. – Boston MA: Harvard Business School Press, 2002.

188. Greenberg, R. Enhancing school-based prevention and youth development through coordinated social, emotional, and academic learning / R. Greenberg, R.P. Weissberg, M.I. O'Brien, J.E. Zins, et al. // *American Psychologist*. – 2003. – V. 58. – P. 466–474.

189. Guilford, J.P. *The nature of human intelligence* / J.P. Guilford. – N.Y.: MC Gray Hill, 1967.

190. Ghiselli, E.E. Intelligence and managerial success / E.E. Ghiselli // *Psychology Report*. – 1963. – V. 121.
191. Haack, V. Programmieren als Schematisches Problemlösen / V. Haack, K. Halm, K.-V. Wagner // *Z. Psychol.* – 1989. – 197, № 3. – S. 217–262.
192. Humphreys, L.G. Critique of Cattell's theory of fluid and crystallized intelligence: A critical experiment / L.G. Humphreys // *J. of Educational Psychology*. – V. 58 (3). – P. 194–227.
193. Jarman, R.F. Metacognitive and frontal lobe processes: at the interface of cognitive psychology and neuropsychology / R.F. Jarman, J. Vavrik, P.D. Walton // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. – 1995. – V. 121. – P. 153–210.
194. Jagger, A.O. Intelligenzstrukturforschung: Konkurrirende Modelle neue Entwicklungen, Perspektiven. Psychologie Rundschau / A.O. Jagger. – V. 35 (1). – S. 21–35
195. Kegan, R. *The evolving self* / R. Kegan. – Harvard University Press, 1993. – 318 p.
196. Kelly, J.R. Models and Emotions in Small Groups and Work Teams / J.R. Kelly, S. Barsade. – Working paper. – New Haven, 2001. – P. 77–85.
197. Kluwe, R. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition / R. Kluwe // *Animal mind-human mind*; ed. D.R. Griffin. – N.Y.: Springer-Verlag, 1982. – P. 201–204.
198. Kolb, S.K. *Metacognition Metaphors* / S.K. Kolb. – N.Y., 1995. – 185 p.
199. LeDoux, J. *The Emotional Brain* / J. LeDoux. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
200. Lefebvre-Pinard, M. Understanding and auto-control of cognitive functions / M. Lefebvre-Pinard // *International journal of behavioral development*. – 1983. – V. 6. – P. 15–35.
201. Lenz, B. *The emotional Brain* / B. Lenz, E. Ellis, R. Scanlon. – N. Y., 1996. – 427 p.
202. Lewis, Th. *A General Theory of Love* / Th. Lewis, F. Amini, R. Lannon. – N. Y.: Random House, 2000.
203. Locke, E.A. *The essence of leadership* / E.A. Locke. – N.Y.: Lexington Books, 1991.

204. Lopes, P.M. Emotional intelligence, personality, and the perceived quality of social relationships / P.M. Lopes, P. Salovey, R. Strauss // *Personality and Individual Differences*. – 2003. – V. 35. – P. 641–658.

205. MacCall, M.W. Whatever it takes: Decision makers at work / M.W. MacCall, R.E. Kaplan. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1985.

206. MacCann, C. Psychological assessment of emotional intelligence: A review of self-report and performance-based testing / C. MacCann, G. Matthews, L. Zeidner, R.D. Roberts // *International Journal of Organizational Assessment*. – 2003. – V. 11. – P. 247–274.

207. Maccoby, M. Narcissistic Leaders: The Incredible Pros, the Inevitable Cons / M. Maccoby // *Harvard Business Review*, Jan. – Feb. 2000. – P. 69–75.

208. Maustakas, G. Theory and Method of Phenomenological Research / G. Maustakas. – N.Y.: Press, 1998. – 241 p.

209. Matthews, G. Measuring emotional intelligence: Promises, pitfalls, solutions / G. Matthews, S. Zeidner, R.D. Roberts // *Handbook of methods in positive psychology* ; eds. A.D. Ong, M. Van Dulmen. – Oxford: Oxford University Press (in press), 1995.

210. Mayer, J.D. Human Abilities: Emotional intelligence / J.D. Mayer, R.D. Roberts, S.G. Barsade // *The Annual Review of Psychology*. – 2008. – P. 507–536.

211. Mayer, J.D. What Is Emotional intelligence? / J.D. Mayer, P. Salovey // *Emotional development and emotional intelligence: Implications for education* ; eds. P. Salovey, D. Sluyter – N.Y., 1997.

212. Mayer, J.D. The intelligence of emotional intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey // *Intelligence*. – 1993. – V. 17.

213. Mayer, J. Competing models of emotional intelligence / J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // *Handbook of human intelligence* ; Ed. R.J. Sternberg. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

214. Mayer, J. Emotional Intelligence: Theory, Findings and Implications / J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // *Psychological Inquiry*, 2004. – V. 15, № 3. – P. 197–215.

215. Mayer, J. Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test MSCEIT. User's Manual / J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso. – Toronto, Canada: Multi-Health Systems, 2002.

216. McDermott, D. Planning and acting / D. McDermott // *Cognit. Sci.* – 1978. – V. 2. – P. 71–110.

217. *Metacognition: Cognitive and Social Dimensions* / Ed. By V. Yzerbyt et al. – SAGE Publications. – 2002. – 253 p.

218. *Metacognition: Knowing about Knowing* / Eds. J. Metcalfe, A.P. Shimamura. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

219. *Metacognition: Core Readings* / Ed. T.O. Nelson. – Boston: Allyn and Bacon, 1992.

220. Nelson, T.O. *Metamemory: a theoretical framework and new findings* / T.O. Nelson, L. Narens // *The Psychology of Learning and Motivation*; ed. G. Bower. – N.Y.: Academic Press, 1990. – V. 26. – P. 125–141.

221. *Organizational psychology* (Ed. by D.A. Kolb et al.). Prentice Hall, Englewood Cliffs. – N. Y., 1984. – 639 p.

222. Paulhus, D.L. Self-report measures of intelligence: Are they useful proxies as IQ tests? / D.L. Paulhus, D.C. Lysy, S.L. Yuik // *Journal of Personality*. – 1998. – V. 66. – P. 525–554.

223. Pelletteri, J. The relationship between emotional intelligence, cognitive reasoning, and defense mechanisms. *Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering* / J. Pelletteri. – 1999. – V. 60. – P. 403.

224. Saarni, C. Emotional Competence and self-regulation in childhood / C. Saarni // *Emotional development and emotional intelligence*; Eds. P. Salovey, D.J. Sluyter. – N.Y.: BasicBooks, 1997.

225. Sala, F. *ECI Technical Manual* / F. Sala. – Boston: Hay Group, 2001.

226. Schneider, W. *Memory Development between 2 and 20* / W. Schneider, M. Pressley. – N.Y.: Springer-Verlag, 1989.

227. *Interactions among Aptitudes, Strategies, and Knowledge in Cognitive Performance*; Eds. Schneider W. & Weinert F.E. – N.Y.: Springer-Verlag, 1990.

228. Schraw, G. Metacognitive theories / G. Schraw, D. Moshman // *Educational Psychology Review*. – 1995. – V. 7. – P. 351–371.

229. Schwarz, N. Happy and mindless, but sad and smart? The impact of affective states on analytic reasoning / N. Schwarz, H. Bless

// Emotion and social judgements ; Ed. J.P. Forgas. – Elmsford, N.Y.: Pergamon Press, 1991. – P. 55–71.

230. Simon, H.A. Administrative behavior / H.A. Simon. – N.Y., 1947. – 236 p.

231. Slaski, S. Health, performance and emotional intelligence: An exploratory study of retail managers / S. Slaski, S. Cartwright // Stress and Health. – 2002. – P. 63–68.

232. Sternberg, R.J. Insight in the gifted / R.J. Sternberg, J.E. Davidson // Educational Psychology. – 1983. – V. 18. – P. 51–57.

233. Sternberg, R.J. Beyond IQ / R.J. Sternberg. – Cambridge, England: CUP, 1985. – 222 p.

234. Theresen, C.E. Behavioral self-control / C.E. Theresen, H.J. Mahoney. – N. Y., 1974. – 242 p.

235. Totterdell, P. Evidence of Mood Linkage in Work Groups / P. Totterdell, et al. // Journal of Personality and Social Psychology 1998. – 74. – P. 1504–1515.

236. Totterdell, P. Catching Moods and Hitting Runs: Mood Linkage and Subjective Performance in Professional Sport Teams / P. Totterdell // Journal of Applied Psychology. – 2000. – № 6. – P. 848–859.

237. Trice, H.M. The cultures of work organizations / H.M. Trice, J.M. Beyer. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993.

238. Vernon, P.E. The structure of human abilities / P.E. Vernon. – N. Y.: Wiley, 1965.

239. Wasielewski, P.L. The emotional basis of charisma / P.L. Wasielewski // Symbolic Interactionism. – 1985. – V. 8. – P. 207–222.

240. Wellman, H.M. Metamemory revised / H.M. Wellman // Contributions to human development. – 1983. – V. 9. – P. 31–51.

241. Yukl, G. Leadership in organizations (4th ed.) / G. Yukl. – Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1998.

242. Yukl, G. Theory and research on leadership in organizations / G. Yukl, D.D. Van Fleet // Handbook of Industrial and Organizational Psychology; Eds. M.D. Dunnette, L.M. Hough. – Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press. – 1992. – V. 3. – P. 147–197.

243. <http://www.hok.no/marias/memetics/>

244. <http://www.essex.univ.psy.com>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Эмоциональный интеллект как предмет психологического исследования	8
1.1. Развитие проблемы взаимосвязи интеллекта и эмоций	9
1.2. История и современное состояние проблемы взаимосвязи интеллекта и эмоций.....	19
1.3. Понятие эмоционального интеллекта как теоретический конструкт общей и когнитивной психологии.....	43
1.3.1. Теоретические аспекты понятия «эмоциональный интеллект»	45
1.3.2. Прикладное значение эмоционального интеллекта	56
Глава 2. Эмоциональный интеллект и структура метапроцессуальной регуляции деятельности	72
2.1. Эмоциональный интеллект в контексте современных исследований системы психических процессов	72
2.1.1. Базовая парадигма исследования эмоционального интеллекта.....	75
2.1.2. Структурно-уровневая организация системы психических процессов.....	84
2.1.3. Субсистемный уровень организации психических процессов.....	101
2.1.4. Метакогнитивные процессы как предмет психологического исследования.....	108
2.1.5. Метарегулятивные и интегральные процессы в психической регуляции деятельности и поведения.....	120
2.1.6. Метамотивационные процессы: постановка проблемы изучения ...	139
2.1.7. Характеристика метаэмоциональных процессов.....	148
2.1.8. Состав и структура «вторичных» психических процессов (метапроцессов).....	160
2.2. Проблема эмоционального интеллекта в контексте психологической теории деятельности	187
2.2.1. Теоретические основы исследования проблемы эмоционального интеллекта в структуре деятельности	188
2.2.2. Функциональная роль эмоционального интеллекта в организации профессиональной деятельности	197
Глава 3. Основные психодиагностические методики исследования ЭИ и процедура их адаптации	224
3.1. Процедура адаптации и психометрической проверки теста MSCEIT	227

3.2. Процедура адаптации и психометрической проверки опросника Bar-On EQ-i	239
Глава 4. Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности.....	251
4.1. Постановка проблемы исследования.....	251
4.2. Процедура организации исследования и его методическое обеспечение	255
4.3. Результаты исследования и их интерпретация	271
4.3.1. Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров управленческой деятельности.....	271
4.3.2. Эмоциональный интеллект как детерминанта процессуальных характеристик управленческой деятельности	288
4.3.3. Эмоциональный интеллект как детерминанта предпочитаемых стратегий преодоления в управленческой деятельности	296
Заключение.....	316
Литература.....	325

Научное издание

Карпов Анатолий Викторович
Петровская Анастасия Сергевна

**Психология эмоционального интеллекта:
теория, диагностика, практика**

Редактор, корректор М.В. Никулина
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 09.10.2008. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 17,06. Тираж 100 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ЯрГУ
Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.

Таблица 10

Матрица интеркорреляций для группы с минимальными значениями EQ

	ES	AS	SR	SA	IN	EM	IR	RE	PS	RT	FL	ST	IC	HA	OP	EQ1	1 в.	2 в.	3 в.	4 в.	EQ2	ЭД
ES	1,00	0,24	0,08	0,23	0,18	0,35	0,41	0,44	0,47	0,18	0,12	-0,26	0,08	0,14	0,18	0,53	0,22	0,19	0,20	0,27	0,33	0,31
AS		1,00	0,63	0,35	0,60	-0,04	0,23	-0,22	0,28	0,19	0,38	0,18	-0,26	0,27	0,49	0,54	-0,33	-0,31	0,16	-0,32	-0,10	0,15
SR			1,00	0,60	0,60	-0,07	0,04	-0,21	0,35	0,18	0,46	0,46	-0,06	0,39	0,38	0,63	-0,35	-0,32	0,00	-0,33	-0,11	0,10
SA				1,00	0,36	-0,10	0,24	-0,12	0,26	0,07	0,34	0,47	0,27	0,36	0,21	0,64	-0,12	-0,06	0,17	-0,17	-0,20	0,45
IN					1,00	-0,29	-0,06	-0,19	0,35	0,24	0,53	0,26	0,02	0,28	0,33	0,53	-0,11	-0,09	-0,07	-0,05	0,16	0,15
EM						1,00	0,41	0,82	0,32	-0,28	-0,22	-0,33	-0,23	-0,11	0,35	0,22	0,25	0,22	0,14	0,20	0,16	-0,12
IR							1,00	0,42	0,32	-0,19	0,11	0,05	0,04	0,56	0,42	0,60	0,19	0,09	0,28	0,15	0,12	-0,10
RE								1,00	0,40	-0,18	-0,17	-0,44	-0,04	0,03	0,27	0,27	0,52	0,45	-0,02	0,51	0,47	-0,08
PS									1,00	0,07	0,23	0,00	0,09	0,20	0,28	0,62	0,10	0,15	0,11	0,12	0,37	-0,01
RT										1,00	0,07	0,12	0,20	-0,10	-0,24	0,16	0,24	0,21	-0,10	0,31	0,29	0,35
FL											1,00	0,26	0,10	0,44	0,33	0,54	-0,20	-0,19	0,18	-0,18	-0,03	0,02
ST												1,00	0,21	0,36	0,33	0,38	-0,31	-0,22	0,14	-0,34	-0,09	-0,04
IC													1,00	0,18	-0,33	0,25	0,25	0,31	0,17	0,26	0,28	0,10
HA														1,00	0,47	0,65	-0,05	-0,09	0,17	-0,04	0,11	-0,09
OP															1,00	0,59	-0,16	-0,12	0,13	-0,17	0,13	-0,17
EQ1																1,00	0,05	0,06	0,25	0,06	0,27	0,13
1 в.																	1,00	0,93	0,11	0,97	0,65	0,09
2 в.																		1,00	0,34	0,91	0,67	0,05
3 в.																			1,00	0,04	0,16	-0,20
4 в.																				1,00	0,72	0,09
EQ2																					1,00	-0,09
ЭД																						1,00

Курсивом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 10%. Жирным шрифтом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 5%. В ячейках, выделенных серым цветом, располагаются коэффициенты корреляции, значимые на уровне 1%

Обозначения: субшкалы модифицированной версии опросника VarOn EQ-I «эмоциональное самосознание» – ES, «асертивность» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA; EQ 1 – коэффициент эмоционального интеллекта по опроснику VarOn EQ-I; ветви модифицированной версии теста MSCEIT: 1 в. «Восприятие эмоций»; 2 в. «Фасилитация мышления»; 3 в. «Идентификация эмоций»; 4 в. «Регуляция эмоций»; EQ 2 – коэффициент эмоционального интеллекта по тесту MSCEIT; ЭД – эффективность управленческой деятельности

Таблица 11

Матрица интеркорреляций для группы со значениями EQ ниже среднего

	ES	AS	SR	SA	IN	EM	IR	RE	PS	RT	FL	ST	IC	HA	OP	EQ1	1 в.	2 в.	3 в.	4 в.	EQ2	ЭД
ES	1,00	0,35	<i>0,33</i>	0,37	0,39	0,09	<i>0,74</i>	0,01	0,39	<i>0,61</i>	0,36	<i>0,28</i>	0,05	<i>0,44</i>	<i>0,32</i>	0,62	<i>-0,28</i>	<i>-0,32</i>	0,08	-0,36	-0,42	<i>0,25</i>
AS		1,00	<i>0,71</i>	<i>0,50</i>	<i>0,60</i>	-0,11	0,41	-0,18	<i>0,43</i>	<i>0,30</i>	<i>0,55</i>	<i>0,58</i>	0,10	0,41	<i>0,67</i>	0,70	-0,10	-0,08	-0,13	-0,05	-0,58	0,23
SR			1,00	<i>0,64</i>	<i>0,63</i>	-0,10	0,39	-0,06	0,35	0,40	<i>0,69</i>	<i>0,70</i>	0,36	<i>0,64</i>	<i>0,70</i>	0,84	-0,22	-0,21	-0,09	-0,18	-0,71	0,12
SA				1,00	<i>0,31</i>	0,14	<i>0,44</i>	0,01	<i>0,27</i>	<i>0,29</i>	<i>0,43</i>	<i>0,44</i>	<i>0,28</i>	<i>0,72</i>	<i>0,55</i>	0,71	-0,09	-0,10	-0,12	-0,11	-0,66	0,01
IN					1,00	0,06	<i>0,26</i>	-0,07	<i>0,51</i>	<i>0,31</i>	0,35	<i>0,54</i>	-0,02	<i>0,31</i>	<i>0,58</i>	0,61	-0,39	-0,41	-0,17	-0,42	-0,41	0,23
EM						1,00	0,07	<i>0,47</i>	<i>0,50</i>	0,19	-0,38	-0,14	-0,25	-0,21	0,14	0,06	<i>-0,26</i>	<i>-0,25</i>	-0,12	-0,23	-0,07	0,12
IR							1,00	-0,04	0,18	<i>0,32</i>	0,36	0,23	-0,08	<i>0,45</i>	<i>0,43</i>	0,55	<i>-0,26</i>	<i>-0,24</i>	0,04	-0,22	-0,49	0,24
RE								1,00	<i>0,26</i>	0,35	-0,07	-0,03	0,01	-0,02	<i>0,28</i>	0,15	-0,03	-0,05	-0,09	-0,08	-0,08	-0,29
PS									1,00	<i>0,54</i>	0,12	<i>0,48</i>	0,04	0,17	<i>0,47</i>	0,57	-0,43	-0,41	-0,08	-0,39	-0,43	0,22
RT										1,00	0,41	0,40	<i>0,28</i>	0,40	0,37	0,66	-0,09	-0,13	0,04	-0,19	-0,47	0,12
FL											1,00	<i>0,67</i>	<i>0,45</i>	<i>0,62</i>	<i>0,54</i>	0,73	-0,10	-0,10	-0,02	-0,10	-0,63	0,06
ST												1,00	<i>0,51</i>	<i>0,60</i>	<i>0,70</i>	0,80	<i>-0,30</i>	<i>-0,27</i>	<i>-0,25</i>	-0,24	-0,63	0,08
IC													1,00	0,42	0,22	0,46	0,12	0,10	-0,09	0,08	-0,48	-0,37
HA														1,00	<i>0,45</i>	<i>0,74</i>	-0,04	-0,06	-0,11	-0,08	-0,60	-0,04
OP															1,00	<i>0,80</i>	<i>-0,33</i>	<i>-0,31</i>	-0,16	-0,28	-0,64	0,07
EQ1																1,00	<i>-0,27</i>	<i>-0,28</i>	-0,13	-0,28	-0,83	0,08
1 в.																	1,00	<i>0,99</i>	-0,01	0,96	0,33	-0,19
2 в.																		1,00	-0,03	<i>0,99</i>	0,31	-0,15
3 в.																			1,00	-0,06	0,26	0,04
4 в.																				1,00	0,29	-0,10
EQ2																					1,00	0,07
ЭД																						1,00

Курсивом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 10%

Жирным шрифтом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 5%

В ячейках, выделенных серым цветом, располагаются коэффициенты корреляции, значимые на уровне 1%.

Обозначения: субшкалы модифицированной версии опросника BarOn EQ-i «эмоциональное самосознание» – ES, «ассертивность» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA; EQ 1 – коэффициент эмоционального интеллекта по опроснику BarOn EQ-I; ветви модифицированной версии теста MSCEIT: 1 в. «Восприятие эмоций»; 2 в. «Фасилитация мышления»; 3 в. «Идентификация эмоций»; 4 в. «Регуляция эмоций» EQ 2 – коэффициент эмоционального интеллекта по тесту MSCEIT; ЭД – эффективность управленческой деятельности

Таблица 12

Матрица интеркорреляций для группы со значениями EQ выше среднего

	ES	AS	SR	SA	IN	EM	IR	RE	PS	RT	FL	ST	IC	HA	OP	EQ1	1 в.	2 в.	3 в.	4 в.	EQ2	ЭД
ES	1,00	0,23	0,04	0,22	0,21	0,21	-0,17	-0,21	0,32	0,55	0,28	0,36	0,28	0,03	0,28	0,46	-0,25	-0,26	-0,14	-0,27	-0,49	0,13
AS		1,00	0,33	0,39	0,48	-0,19	-0,04	-0,11	0,50	0,29	0,12	0,41	-0,13	0,08	0,65	0,56	-0,19	-0,20	-0,38	-0,20	-0,52	-0,03
SR			1,00	0,26	0,35	-0,11	0,48	-0,11	0,22	0,21	0,20	0,49	-0,08	0,72	0,62	0,68	-0,37	-0,42	-0,12	-0,46	-0,61	-0,06
SA				1,00	0,12	0,12	0,36	0,20	0,38	0,10	0,32	0,21	-0,51	0,11	0,43	0,49	-0,38	-0,39	-0,22	-0,39	-0,44	0,24
IN					1,00	-0,06	-0,21	0,11	0,12	0,09	0,02	0,28	-0,23	0,12	0,55	0,35	-0,21	-0,25	-0,19	-0,29	-0,32	-0,18
EM						1,00	0,04	0,68	0,42	0,10	0,18	-0,13	0,12	-0,03	-0,13	0,29	-0,22	-0,21	-0,08	-0,20	-0,15	0,14
IR							1,00	0,23	0,08	0,19	0,18	-0,05	-0,23	0,28	0,13	0,26	0,06	0,04	-0,10	0,01	-0,17	0,20
RE								1,00	0,24	0,05	0,04	-0,22	-0,09	-0,09	-0,21	0,17	-0,21	-0,16	-0,11	-0,10	-0,02	0,28
PS									1,00	0,28	0,25	0,36	-0,01	0,18	0,34	0,66	-0,26	-0,27	-0,33	-0,27	-0,56	0,10
RT										1,00	0,01	0,41	0,18	0,25	0,37	0,52	-0,25	-0,26	-0,05	-0,26	-0,57	-0,24
FL											1,00	0,19	0,20	0,13	0,19	0,47	-0,23	-0,29	-0,01	-0,34	-0,48	0,55
ST												1,00	0,24	0,33	0,62	0,68	-0,39	-0,42	-0,16	-0,44	-0,67	-0,08
IC													1,00	-0,06	-0,22	0,13	-0,07	-0,06	-0,05	-0,05	-0,12	-0,01
HA														1,00	0,44	0,52	-0,18	-0,22	-0,11	-0,25	-0,51	-0,19
OP															1,00	0,71	-0,27	-0,32	-0,42	-0,37	-0,71	-0,24
EQ1																1,00	-0,50	-0,53	-0,35	-0,56	-0,92	0,07
1 в.																	1,00	0,99	0,02	0,95	0,49	-0,23
2 в.																		1,00	-0,01	0,98	0,53	-0,21
3 в.																			1,00	-0,04	0,36	0,27
4 в.																				1,00	0,57	-0,18
EQ2																					1,00	0,02
ЭД																						1,00

Курсивом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 10%

Жирным шрифтом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 5%

В ячейках, выделенных серым цветом, располагаются коэффициенты корреляции, значимые на уровне 1%

Обозначения: субшкалы модифицированной версии опросника VarOn EQ-i «эмоциональное самосознание» – ES, «ассертивность» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA; EQ 1 – коэффициент эмоционального интеллекта по опроснику VarOn EQ-I; ветви модифицированной версии теста MSCEIT: 1 в. «Восприятие эмоций»; 2 в. «Фасилитация мышления»; 3 в. «Идентификация эмоций»; 4 в. «Регуляция эмоций» EQ 2 – коэффициент эмоционального интеллекта по тесту MSCEIT; ЭД – эффективность управленческой деятельности

Таблица 13

Матрица интеркорреляций для группы с максимальными значениями EQ

	ES	AS	SR	SA	IN	EM	IR	RE	PS	RT	FL	ST	IC	HA	OP	EQ1	1 в.	2 в.	3 в.	4 в.	EQ2	ЭД
ES	1,00	0,17	0,56	0,28	0,23	0,01	0,54	-0,14	0,07	0,21	0,04	0,35	0,25	0,40	0,20	0,53	-0,16	-0,12	-0,08	-0,20	-0,50	-0,29
AS		1,00	0,44	0,40	0,55	-0,42	0,40	-0,03	0,09	0,33	0,40	0,59	-0,29	0,37	0,49	0,50	-0,29	-0,13	0,31	-0,35	-0,28	0,10
SR			1,00	0,59	0,37	0,04	0,49	0,15	0,36	0,42	0,07	0,57	0,35	0,59	0,41	0,80	-0,15	0,03	0,33	-0,19	-0,43	0,14
SA				1,00	0,38	0,03	0,44	0,09	0,39	0,51	0,30	0,34	0,14	0,52	0,43	0,70	-0,16	0,00	0,32	-0,18	-0,36	0,23
IN					1,00	-0,07	0,53	0,16	0,11	0,52	0,30	0,43	-0,08	0,11	0,73	0,58	-0,11	0,04	0,32	-0,18	-0,30	-0,01
EM						1,00	-0,10	0,68	0,05	0,13	0,00	0,18	0,51	-0,10	-0,21	0,19	0,28	0,30	-0,03	0,30	-0,11	0,20
IR							1,00	-0,04	0,09	0,12	0,37	0,19	-0,14	0,45	0,43	0,55	-0,04	0,02	0,18	-0,16	-0,51	-0,09
RE								1,00	0,05	0,35	0,08	0,00	0,45	0,08	0,08	0,38	0,03	0,24	0,34	0,03	-0,22	-0,01
PS									1,00	0,39	0,04	0,39	0,35	0,11	0,32	0,43	-0,08	0,00	0,13	-0,11	-0,03	0,26
RT										1,00	0,13	0,39	0,37	0,30	0,55	0,68	-0,14	0,09	0,28	-0,10	-0,25	0,00
FL											1,00	0,23	-0,17	0,21	0,36	0,34	-0,16	0,00	0,27	-0,24	-0,33	0,08
ST												1,00	0,19	0,44	0,62	0,67	-0,39	-0,16	0,57	-0,45	-0,30	0,13
IC													1,00	0,16	-0,04	0,45	0,05	0,21	0,18	0,08	-0,07	0,19
HA														1,00	0,34	0,65	-0,37	-0,18	0,44	-0,32	-0,35	0,06
OP															1,00	0,65	-0,38	-0,12	0,52	-0,47	-0,44	-0,11
EQ1																1,00	-0,25	0,04	0,51	-0,30	-0,54	0,12
1 в.																	1,00	0,87	-0,12	0,94	0,48	0,30
2 в.																		1,00	0,24	0,83	0,30	0,26
3 в.																			1,00	-0,19	-0,19	0,16
4 в.																				1,00	0,49	0,25
EQ2																					1,00	0,24
ЭД																						1,00

Курсивом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 10%

Жирным шрифтом обозначены коэффициенты корреляции, значимые на уровне 5%

В ячейках, выделенных серым цветом, располагаются коэффициенты корреляции, значимые на уровне 1%

Обозначения: субшкалы модифицированной версии опросника VarOn EQ-1 «эмоциональное самосознание» – ES, «ассертивность» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA; EQ 1 – коэффициент эмоционального интеллекта по опроснику VarOn EQ-1; ветви модифицированной версии теста MSCEIT: 1 в. «Восприятие эмоций»; 2 в. «Фасилитация мышления»; 3 в. «Идентификация эмоций»; 4 в. «Регуляция эмоций» EQ 2 – коэффициент эмоционального интеллекта по тесту MSCEIT; ЭД – эффективность управленческой деятельности

Таблица 17

**Матрица интеркорреляций результатов исследования взаимосвязи ЭИ
и стратегий совладания управленческой деятельности**

	ES	AS	SR	SA	IN	EM	IR	RE	PS	RT	FL	ST	IC	EQ1	1 C	2 C	3 C	4 C	5 C	6 C	7 C	8 C	9 C
ES	1,00	0,02	0,37	0,22	0,68	0,28	0,55	0,34	0,08	0,14	0,33	0,14	0,10	0,52	-0,22	-0,02	0,27	-0,47	-0,19	0,04	-0,15	-0,41	-0,50
AS		1,00	0,46	0,19	0,36	-0,09	0,18	0,01	0,39	0,24	-0,10	0,40	0,15	0,33	-0,22	-0,25	-0,07	0,30	0,48	0,52	0,32	0,39	0,22
SR			1,00	0,52	0,61	-0,23	0,44	0,16	0,34	0,19	0,41	0,50	0,22	0,58	-0,47	0,02	-0,22	-0,15	0,01	0,58	0,38	0,30	-0,19
SA				1,00	0,57	0,21	0,67	0,36	0,21	0,07	0,49	0,40	0,30	0,74	0,02	0,29	0,20	-0,15	-0,01	0,41	0,09	0,02	-0,13
IN					1,00	0,12	0,69	0,25	0,21	0,13	0,56	0,45	0,04	0,71	-0,34	-0,03	0,23	-0,48	-0,18	0,35	0,11	-0,09	-0,37
EM						1,00	0,27	0,32	0,21	0,07	-0,11	-0,26	0,09	0,23	0,43	-0,12	0,26	-0,10	-0,07	0,03	-0,28	-0,35	0,10
IR							1,00	0,37	0,28	0,13	0,39	0,47	0,21	0,79	0,10	0,21	0,15	-0,34	-0,02	0,20	-0,42	-0,49	-0,56
RE								1,00	0,06	0,19	0,43	-0,11	0,14	0,45	-0,03	-0,20	0,01	-0,06	-0,04	0,24	-0,09	-0,20	-0,04
PS									1,00	0,06	-0,14	0,14	0,02	0,39	0,01	0,12	-0,13	0,09	0,11	0,42	0,05	0,12	0,04
RT										1,00	-0,08	0,59	0,51	0,33	-0,21	0,16	-0,10	0,02	0,27	-0,03	0,02	0,22	-0,39
FL											1,00	0,26	0,10	0,48	-0,43	0,07	0,06	-0,63	-0,53	-0,04	0,07	-0,13	-0,34
ST												1,00	0,40	0,65	-0,31	0,13	-0,22	-0,01	0,25	0,26	0,05	0,08	-0,59
IC													1,00	0,49	-0,02	0,26	-0,23	0,03	0,10	0,09	0,05	0,04	-0,47
HA														0,54	0,08	-0,24	-0,20	0,21	0,25	0,20	-0,31	-0,27	-0,27
EQ1														1,00	-0,19	0,07	-0,02	-0,23	0,04	0,38	-0,03	-0,14	-0,51
1 C															1,00	0,37	0,28	0,11	0,04	-0,23	-0,36	-0,38	0,12
2 C																1,00	0,32	-0,21	-0,06	-0,21	-0,16	-0,09	-0,24
3 C																	1,00	-0,19	0,03	-0,06	-0,09	-0,24	0,18
4 C.																		1,00	0,81	0,47	0,22	0,40	0,48
5 C																			1,00	0,53	0,05	0,25	0,19
6 C																				1,00	0,46	0,45	0,27
7 C																					1,00	0,82	0,49
8 C.																						1,00	0,54
9 C																							1,00

Обозначения: субшкалы модифицированной версии опросника BarOn EQ-i «эмоциональное самосознание» – ES, «асертивность» – AS, «самоуважение» – SR, «независимость» – IN, «самоактуализация» – SA, «эмпатия» – EM, «социальная ответственность» – RE, «межличностные отношения» – IR, «реалистичность» – RT, «гибкость» – FL, «решение проблем» – PS, «стрессоустойчивость» – ST, «контроль импульсивности» – IC, «оптимизм» – OP, «счастье» – HA; EQ 1 – коэффициент эмоционального интеллекта по опроснику BarOn EQ-I; модели преодолевающего поведения по опроснику SACS “Стратегии преодоления стрессовых ситуаций”: 1C – «асертивные действия»; 2 C – «вступление в социальный контакт»; 3 C – «поиск социальной поддержки»; 4 C – «осторожные действия»; 5 C – «импульсивные действия»; 6 C – «избегание»; 7 C – «манипулятивные действия»; 8 C – «асоциальные действия»; 9 C – «агрессивные действия»